

Портретъ г. А. Брестова въ Троицкѣ

А. М. Орловъ

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ.
Томъ XI, выпускъ 7.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ

ЧЛЕНА-ОСНОВАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА

А. П. ФЕДЧЕНКО,

СОВЕРШЕННОЕ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

ПО ПОРУЧЕНІЮ

Туркестанскаго Генераль-Губернатора К. П. фонъ-Кауфмана.

Изданіе, предпринятое на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ 7.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ II.

ВЪ КОКАНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. МОСКВА.

1875.

(121)

Печатается по Высочайшему повелѣнію и къ печати одобрено постановленіемъ Совѣта Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Извѣстія Императорскаго Общества
Любителей Естествознанія.

Путешествіе въ Туркестанъ
А. П. Федченко.

ВЪ КОКАНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

А Л Е К С Ѣ Я Ф Е Д Ч Е Н К О .

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЕГО, КАРТАМИ И РИСУНКАМИ).

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ И КАРТЪ.

(отмѣченные * войдутъ во вторую тетрадь).

1. Портретъ Алексѣя Павловича Федченко.	Стран.
2. Алай и Заалайскія горы (<i>олеография</i>)	140
3. Ледникъ Щуровскаго и истоки р. Исфары (<i>литография</i>).	77
4. Шахмарданъ (<i>литография</i>)	100
5. Озеро Кутбанъ-куль близъ Шахмардана (<i>литография</i>)	107
6. Видъ Заалайскихъ горъ съ перевала Исфайрамъ (<i>литография</i>)	137
* Терекъ даванъ съ перевала Торпа.	
* Гробница Султана Иллигмози въ Узгентѣ.	

П О Л И Т И П А Ж И :

7. <i>Stenolemus Bogdanowi</i>	41
8. Приблизительный планъ ханскаго дворца въ Коканѣ	45
9. Тугъ на могилѣ святаго Ходжа Чибурганъ	69
10. Приблизительный планъ ледника Щуровскаго	83
11. Рѣка Сохъ	93
12. <i>Trigonocerphalus halys</i>	108
13. Сурки	118
14. <i>Ibidorhynchus Struthersii</i>	119
15. Молодая форель	143
* Видъ Оша съ перевала Кульнартъ.	
* Тахти Сулейманъ въ Ошѣ.	
* Каракуртъ.	
* Горная Куропатка.	
* Минареть въ Узгентѣ.	

К А Р Т Ы :

16. Маршрутъ отъ Кокана къ леднику Щуровскаго и Караказуку	60
17. Маршрутъ отъ Учъ-куртана чрезъ Алай и Ошъ въ Гульшу	131
18. Общая карта, съ нанесеніемъ всего пути, пройденнаго А. П. Федченко въ Туркестанѣ.	160
* Маршрутъ въ Узгентъ и Андижанъ.	

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ГЛАВА I.

Приготовленія къ путешествію.

Цѣль путешествія. — Средства экспедиціи: матеріальныя и нравственныя. — Переводчики, ихъ характеристика. — Наши спутники. — Подарки, деньги, письмо къ хану; кокапскій посланникъ. — Наши отношенія къ Кокапу. — Послѣдствія событія. — Состояніе свѣдѣній о Кокапскомъ ханствѣ. — Путешественники, бывшіе въ Кокапѣ до меня. — Карты. — Географическій очеркъ ханства. — Задачи путешествія . 1

ГЛАВА II.

Городъ Кокапъ.

Перевѣздъ въ Ходжентъ. — Переправа черезъ Чирчикъ. — Состояніе дорогъ. — Арба. — Мугуль-тау. — Переправа черезъ Сырь-дарью. — Шелководство въ Ходжентѣ. — Болѣзнь шелковичнаго червя. — Вліяніе гренерной спекуляціи. — Отѣздъ въ Кокапъ. — Дороги въ Кокапъ. — Туземный садъ. — Границы съ Коканомъ. — Махрамъ. — Горы Афтообъ и Мазаръ тау. — Каменистая степь. — Летучіе пески. — Мгла. — Горячій вѣтеръ. — Бпшъ-арыкъ. — Пріѣздъ въ г. Кокапъ. — Взлѣтъ мехтеру. — Затыжки. — Представленіе хану. — Новый дворець. — Свѣдѣнія о ханѣ. — Поѣздки по городу. — Достопримѣчательности Кокана: новый базаръ, медресе и мечети, мосты, писчебумажная фабрика. — Взлѣтъ Султана Мурадъ-беку. — Русскіе купцы. — Уличныя сцены. — Послѣдніе сборы. — Ипаатъ нама 20

ГЛАВА III.

Въ Исфару и къ леднику Щуровскаго.

Первый день пути. — Способы путешествія. — Составленіе маршрута. — Ночлегъ. — Неприятный случай; оригинальный ухоть за лошадыми. — Видъ на Фергану. — Лякковъ дагана. — Исфара. — Воспоминаніе о Коволли. — Древніе курганы. — Чарку. — Ворухъ. — Лживость таджиковъ. — Встрѣча съ Хасаномъ ляджабаши. — Ходжа Чибурганъ. — Граница лчменя. — Чичикъ айлау. — Первое знакомство съ киргизами. — Подарки. — Переваль Джинтыкъ. — Верхняя и нижняя границы арчи. — Біи Катта-Магометъ. — Лѣтовка. — Дорога къ леднику. — Альпійскія растенія. — Каменная жилища. — Посѣщеніе ледника. — Описаніе его. — Кехъ. — Тѣнниа Караколь. — Кара булакъ. — Masaridae. — Характеръ киргизскаго селенія. — Сохская рѣка. — Сохъ. — Верховья Сохской рѣки. — Дорога въ Каратегинъ. — Киргизское возстаніе. — Ключъ. — Дорога въ Охну. — Р. Шахмардапъ 58

ГЛАВА IV.

Къ Караказуку и въ Учъ-курганъ.

Шахмарданъ. — Великій святой. — Богомольцы. — Улыщанія жителей; янсымо къ мехтеру. — Рыбы горныхъ рѣчекъ. — Озеро Кутбанъ-куль. — Поѣздка къ Караказуку; освѣщая почва; встрѣча съ Тасъ-Магомедомъ. — Равать въ Караказукъ. — Поѣздка къ перевалу. — Лиственный лѣсъ; его верхняя граница. — Переездъ въ Учъ-курганъ. — Свиданіе съ Музафаръ-ша. — Исторія сверженія его. — Приѣздъ Нуръ-Магометъ-мирахура. — Отѣздъ въ Алай. 101

ГЛАВА V.

Въ Алай.

Цвѣтъ воды въ рѣкѣ. — Исфайрамское ущелье. — Граница кустарниковъ. — Буря. — Ужасная дорога. — Лавгаръ. — Чортова дорога. — Осыпи. — Чатъ. — Равать. — Тенгизъ-бай. — Переваль. — Видъ на Заалайскія горы. — Спускъ. — Приѣздъ на Сурхабъ. — Изманъ токсаба. — Поѣздки по Алаю. — Форель; чій. — Характеръ Алая. — Окружающія его горы. — Заалайскія горы. — Истоки Кизиль-су; р. Сурхабъ; отношенія ея къ другому истоку Аму-дарьи — р. Пявджъ. — Населеніе Алая. — Земледѣліе въ Алаѣ. — Флора и фауна Алая. — Водораздѣлъ не составляетъ границы. — Замѣчанія объ естественныхъ границахъ въ Средней Азіи. — Замѣчанія о неизслѣдованной странѣ въ верховьяхъ Аму-дарьи. — Орографическія замѣчанія. — Нагорная Азія. — Фауна нагорной Азіи; распространеніе тьяншанскихъ формъ до Гималаевъ. — Отѣздъ изъ Алая. 131

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ.

Цѣль путешествія.— Средства экспедиціи: матеріальныя и нравственныя.— Переводчики, ихъ характеристика.— Наши спутники.— Подарки, деньги, письмо къ хану; коканскій посланникъ.— Наши отношенія въ Кокану.— Последнія событія.— Состояніе свѣдѣній о Коканскомъ ханствѣ.— Путешественники, бывшіе въ Коканѣ до меня.— Карты.— Географическій очеркъ ханства.— Задачи путешествія.

Рядъ моихъ путешествій по Туркестану закончился посѣщеніемъ Коканскаго ханства. Работы въ Заравшанской долинѣ, въ окрестностяхъ Ташкента и въ разныхъ пунктахъ Сырдарьинской области необходимо требовали для своей законченности распространенія изслѣдованій въ восточномъ направленіи, въ глубь среднеазіатскаго нагорья. Заравшанская долина была пройдена въ 1870 году насколько это возможно; долина Аму пока была недоступна для изслѣдованія; долина Сыра напротивъ допускала возможность путешествія съ цѣлями, которыя я преслѣдовалъ при своихъ работахъ, и обѣщала дать многое для дополненія прежде собранныхъ матеріаловъ.

На востокъ я надѣялся связать свои работы въ западномъ Тяньшанѣ съ работами изслѣдователей въ среднемъ Тяньшанѣ или такъ называемомъ Нарынскомъ краѣ; на югъ надѣялся найти точки соприкосновенія своихъ работъ по флорѣ и фаунѣ туркестанскихъ горъ съ тѣмъ, что было наблюдаемо въ Гималайской горной системѣ. На югъ отъ Оша я долженъ былъ встрѣтить горы, которыя соединяютъ Тяньшанское нагорье съ Гималайскимъ и съ Гиндукушемъ и являются на нашихъ картахъ въ видѣ меридіональнаго хребта или въ видѣ меридіональнаго же высокаго плато. Всякая мѣстность, посѣщенная въ горахъ, составляющихъ южную окраину Коканскаго ханства, обѣщала дать много интереснаго, какъ для фаунистическихъ обобщеній, такъ и для выясненія строенія той части Азіи, которую еще недавно, по ея неизвѣстности, ставили въ одинъ рядъ съ полюсами. Мысль о посѣщеніи этого пространства—такъ называемаго Памира, преслѣдовала меня съ самаго пріѣзда въ Туркестанъ въ 1869 году; по мѣрѣ ознакомленія съ условіями страны, строеніемъ среднеазіатскихъ нагорій, для меня уяснялось ея практическое осуществленіе. Путешествіе въ Коканское ханство обѣщало значительно приблизить къ разрѣшенію и этой задаче.

Зиму 1870—71 г., проведенную въ Ташкентѣ, я употребилъ на подготовленіе къ этому путешествію, на осуществленіе котораго мнѣ далъ надежду г. туркестанскій генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Ознакомленіе съ литературой не взяло много времени—ея почти

не существуетъ относительно Коканскаго ханства; разспросы коканцевъ тоже не принесли многого. Выяснилось одно: если имѣть въ виду главнымъ образомъ результаты зоологическіе и ботаническіе, т. е. продолжать дѣлать то, что преслѣдовалось преимущественно въ предыдущіе годы, нужно было ѣхать въ горы. Работы въ оазисахъ, въ равнинной части ханства, общались въ общемъ повтореніе того, что я наблюдалъ уже въ другихъ оазисахъ Туркестана. Поэтому я рѣшился ѣхать позже, въ пору наибольшаго развитія животной и растительной жизни въ горахъ, когда дороги, вообще находящіяся въ первобытномъ состояніи, сдѣлаются проходими со спадомъ водъ и будутъ хоть сколько нибудь исправлены перекочевывающими на лѣто въ горы киргизами, а перевалы очистятся отъ снѣга. Раннюю же весну, майское время среднеазиатскихъ степей, я рѣшился употребить на посѣщеніе самой ужасной части Средней Азіи—песковъ Кизиль-кумъ. Вернувшись изъ Кизиль-кума въ концѣ мая, я приступилъ уже къ послѣднимъ приготовленіямъ къ путешествію; въ нѣсколько дней все было кончено и 2-го іюня мы выѣхали изъ Ташкента по ходжентской почтовой дорогѣ.

При этихъ сборахъ, какъ и всегда, наибольшія затрудненія представило дополненіе постоянного состава экспедиціи временными спутниками, необходимыми для даннаго путешествія. Не смотря на всѣ старанія, выборъ ихъ бывалъ по большей части такъ неудаченъ, что брать въ слѣдующее путешествіе тѣхъ, кто участвовалъ въ предыдущемъ, уже не было охоты. Постоянный же составъ экспедиціи былъ весьма ограниченный: изъ наемныхъ людей при мнѣ былъ только препараторъ, но къ великому сожалѣнію не тотъ, съ которымъ я работалъ въ первую мою поѣзду въ Туркестанъ. Н. Н. Скорнякова, такъ много и съ такимъ знаніемъ дѣла помогавшаго мнѣ въ первый годъ путешествія, въ 1869 г., не было уже въ Туркестанскомъ краѣ: болѣзнь задержала его на родинѣ въ Оренбургѣ и я не могу не высказать здѣсь своихъ сожалѣній по поводу того, сколько неудобствъ пришлось мнѣ испытывать вслѣдствіе этого въ оба послѣдующіе года. Въ немъ я имѣлъ отличнаго помощника относительно всевозможныхъ наблюденій, собирателя точнаго и усерднаго, искуснаго препаратора стрѣлка безъ промаха. Надѣюсь мнѣ извинять это невольное отступленіе, вызванное желаніемъ высказать, насколько изученіе Туркестана обязано трудамъ простаго оренбургскаго казака ¹⁾, тѣмъ болѣе, что—повторяю—лицо, замѣнившее его при мнѣ, заставляло, при сравненіи, такъ часто и съ такимъ невольнымъ сожалѣніемъ вспоминать Ивана Ивановича.

Теперь, отправляясь въ путешествіе по Коканскому ханству, по странѣ, изъ которой не было извѣстно ни одного животнаго, необходимо было, въ помощь состоявшему при экспедиціи препаратору г. Савельеву, пригласить хорошаго стрѣлка. Такого рекомендовали мнѣ изъ числа безсрочно-отпускныхъ солдатъ.

Другая еще болѣе важная задача была найти переводчика. Какъ ни странно можетъ показаться это, но переводчики, находящіеся въ Туркестанскомъ краѣ, составляютъ такое бѣдствіе для всякаго изслѣдователя, для всякаго изученія, что я считаю нужнымъ остановиться на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что многое, что мнѣ хотѣлось разъяснить и изслѣдовать, такъ и не удалось, благодаря этому своеобразному типу людей. Выучиться языку вполнѣ, при постоянныхъ моихъ спеціальныхъ занятіяхъ, у меня не было времени и потому по волю при путешествіяхъ приходилось прибѣгать къ помощи переводчиковъ. Этихъ послѣднихъ,

¹⁾ Въ настоящее время Н. Н. Скорняковъ уже произведенъ въ офицеры и командуетъ казачьей сотней. Ред.

по сколько они имѣютъ отношеніе къ занятіямъ, подобнымъ моимъ, я раздѣлилъ бы на два разряда: одни, такъ сказать—простые, а другіе—ученые. Простые—это оренбургскіе и уральскіе казаки изъ татаръ или изъ станицъ, близкихъ къ киргизамъ, разные татары, киргизы, знающіе русскій языкъ чаще всего на столько же, на сколько и тотъ, на которомъ говорятъ туземцы въ Туркестанѣ,—люди безъ всякаго образованія, которые не затруднятся вопросомъ, предложеннымъ о лошади, отнести къ ослу и т. п.; часто, не уяснивъ себѣ вопроса, они переводятъ такую ерунду, что туземецъ конечно не въ состояніи ее понимать, отвѣтъ его опять перевираютъ и въ концѣ концовъ подносятъ такую дичь, которая приводитъ въ отчаяніе и отнимаетъ всякую охоту продолжать разговоръ. Между учеными переводчиками большинство составляютъ разные инородцы (преимущественно изъ мусульманъ), кончившіе курсъ въ казенныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ Оренбурга и Западной Сибири и получившіе за ученые военные чины. Это ученые и эти военные чины почему то особенно своеобразно повліяли на взгляды такихъ лицъ, выработавши въ нихъ убѣжденіе, что познанія, вынесенныя ими изъ пройденнаго курса, дѣлаютъ ихъ учеными специалистами, а ихъ военный мундиръ ставитъ на недосыгаемую высоту, сравнительно съ тѣми, кто не носитъ его.

И вотъ штатскій ученый, когда судьба сводитъ его съ такими военными учеными, долженъ претерпѣвать тысячу неудобствъ, фальшивыхъ столкновеній, вытекающихъ изъ того только основанія, что онъ штатскій и потому не можетъ пользоваться услугами военного, хотя и назначеннаго въ его распоряженіе. И при всемъ томъ, къ сожалѣнію, мнѣ извѣстны случаи, гдѣ такіе переводчики, не смотря на полученное ими образованіе, не умѣли отнестись критически къ смыслу и правдивости тѣхъ отвѣтовъ, которые они получали отъ туземцевъ и повидному вполне вѣрили тому, что имъ говорили, хотя несообразность показаній должна была сразу бросаться въ глаза всякому. Между тѣмъ критическое отношеніе къ отвѣтамъ туземцевъ необходимо уже потому, что на самый лаконическій и несложный вопросъ они даютъ обыкновенно отвѣтъ очень длинный, приправленный множествомъ не идущихъ къ дѣлу отступленийъ или фразъ. Вѣрная ориентировка въ этихъ словоизверженіяхъ дѣло чрезвычайно трудное, а при отсутствіи критической инициативы переводчика, часто даже невозможное. Но всего хуже когда попадешь на туземца, который говоритъ неправду. Какъ ни осязательно вранье, переводчикъ настаиваетъ на вѣрности, смѣшивая вѣрность своего перевода съ правдивостью отвѣтовъ и обыкновенно, вмѣсто того, чтобы спутать туземца и показать ему его лживость, начинаетъ самъ защищать справедливость сообщеннаго. Много разъ приходилось мнѣ во время путешествій страдать отъ такихъ отвѣтовъ и только послѣ, когда сообщенныя свѣдѣнія не подтверждались или даже опровергались, мнѣ оставалось посмѣяться надъ наивною довѣрчивостью переводившаго съ такой бойкой увѣренностью ученаго.

Легко судить, съ какимъ чувствомъ подыскивалъ я переводчика для предстоявшаго путешествія въ Коканъ. Я сознавалъ, что успѣхъ во время этого путешествія въ огромной степени будетъ зависѣть отъ удачнаго выбора этого необходимаго члена экспедиціи: намъ предстояло странствовать вдали отъ русскихъ владѣній, въ странѣ, совершенно неизвѣстной, нужно было вести сношенія съ коканскимъ правительствомъ, подъ покровительствомъ и при содѣйствіи котораго должно было совершиться путешествіе. — Переводчикомъ побѣхалъ со мной прапорщикъ Нурекинъ.

Затѣмъ нужно было подыскать нѣсколько человекъ надежныхъ джигитовъ. Такъ называютъ въ Туркестанѣ конную прислугу, состоящую для посылокъ и исполненія разныхъ мелкихъ по-

ручений, для наблюденія за лошадьми и обозомъ во время путешествій. Это учрежденіе перешло къ русскимъ отъ туземцевъ, у которыхъ всякое сколько нибудь власть имѣющее лицо держитъ обыкновенно множество такихъ джигитовъ. У русскихъ джигиты есть и у купцовъ, и у всѣхъ начальниковъ надъ населеніемъ. Идутъ въ эту должность и предпочтительно берутся русскими киргизы, какъ народъ конный по преимуществу, болѣе подвижный и рѣшительный. Зная трусость сартовъ и особенно ихъ страхъ передъ горами, я рѣшился нанять себѣ прислугу также изъ числа киргизъ; но дѣло это было не легкое, такъ какъ въ это время года большинство киргизъ изъ стеней близъ Ташкента уходитъ далеко въ свои лѣтнія кочевки въ горахъ. По долинамъ рѣкъ Келеса, Чирчика и Ангрена остается чрезвычайно немного такъ называемыхъ и генчей—землевладѣльцевъ и остается потому, что нѣтъ скота для перекочевки; на нихъ слѣдовательно рассчитывать было нельзя. Оставались киргизы, уже поселившіеся нѣсколько осѣдло въ Ташкентѣ и кураминцы. Курамой, какъ извѣстно, называется большинство осѣдлаго населенія окрестностей Ташкента, преимущественно долины рѣки Ангрена. Я остановился на ташкентскихъ киргизахъ; кураминцы были гораздо дальше, да кромѣ того, тутъ примѣшивался еще небольшой куръезъ, на который въ данномъ случаѣ нельзя было не обратить вниманія: извѣстно, что слово курама значить сбродъ, сволочь, потому что мѣстность, ими завимаемая, заселилась разными выходцами, людьми отставшими отъ своихъ родовъ и т. п. Хотя конечно теперь большинство населенія Кураминскаго уѣзда люди и честные, и трудолюбивые, но имя курама не разъ могло бы служить богатой темой для остроумъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось бы на вопросы туземцевъ отвѣчать, что путешествуешь со сволочью. Ташкентскіе киргизы были ближе, можно было лучше сдѣлать выборъ; осѣдность и семьи, оставшіяся въ Ташкентѣ, служили нѣкоторымъ залогомъ ихъ вѣрности и надежности. Въ выборѣ джигитовъ принялъ личное участіе начальникъ города г. Мѣдинскій и наканунѣ отъѣзда мнѣ представилось восемь человѣкъ джигитовъ. Не блестящая свита была передо мной: все это были оборванцы, съ типично-уродскими лицами, въ грязнѣйшихъ ситцевыхъ халатахъ. Одинъ изъ нихъ, данный начальникомъ изъ числа служившихъ долго при управленіи, былъ вооруженъ саблей, конечно ржавой и никуда негодной. Но сабля джигита — это весьма большой знакъ его джигитскаго ¹⁾ достоинства, доказательство, что онъ давно находится въ этомъ званіи и притомъ все у людей чиновныхъ, знатныхъ. Осмотръ лошадей показалъ, что мои спутники будутъ люди далеко не пряткіе: у нихъ были все клячи киргизской породы. Но уже зная, впрочемъ, удивительную выносливость киргизскихъ лошадей и то, что путешествія, подобныя настоящему, дѣлаются шагомъ, я не смутился этимъ обстоятельствомъ.

За исключеніемъ Байгурсуна, джигита съ саблей, почти всѣ остальные были киргизы изъ рода Аргынъ, къ которому принадлежитъ большинство поселившихся въ Ташкентѣ киргизъ. Такъ какъ джигиты пожелали получить весьма крупное вознагражденіе (30 р. въ мѣсяцъ), то я рѣшился ограничиться только шестью и двухъ отослалъ обратно ²⁾. При этомъ выказалась вся сдержанность и самообладаніе азіатской натуры: не зная ни одного изъ кандидатовъ, я конечно долженъ былъ выбирать себѣ шестерыхъ спутниковъ, такъ сказать на удачу; остальные двое пошли со двора, ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не обна-

¹⁾ Слово джигитъ на киргизскомъ языкѣ означаетъ молодецъ, ловкаго, лихаго.

²⁾ Такъ какъ въ теченіи разсказа мнѣ придется упоминать о каждомъ почти джигитѣ, то вотъ ихъ имена: Байгурсунъ, Галпбекъ, Буванъ-бай, Арсланъ, Бякъ-бау и Садыкъ.

руживъ неудовольствія, что имъ не удалось попасть въ число избранныхъ. А причины быть неудовольными для нихъ были, и весьма ощутительныя, такъ какъ, хотя они и указывали на предстоящія трудности, расходы, отдаленность путешествія и прочія неудобства, но, конечно, всякій изъ нихъ зналъ, что въ этомъ путешествіи онъ и лошадь, по крайпей мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, будутъ кормиться даромъ, въ изобиліи, неслыханномъ дома — въ силу установившихся обычаемъ закоповъ азіатскаго гостепріимства. Последнее предполагалъ и я, но не могъ же настаивать на пониженіи жалованья въ расчетѣ на гостепріимство кокандцевъ. Поэтому я требовалъ только, что они должны безъ всякихъ возраженій ѣхать за мною всюду, имѣя всегда нужные запасы для продовольствія себя и лошадей. Нанять ихъ, что называется, на своихъ харчахъ, т. е. съ обязательствами, что они и лошади будутъ сыты, я ни за что не рѣшился: нетребовательные до крайности. когда удовлетвореніе ихъ потребностей зависить отъ ихъ же кармана, киргизы и сарты сейчасъ же предъявляютъ совсѣмъ другія требованія, когда довольствуются натурой. Я это узналъ при снаряженіи экспедиціи въ Кизиль-кумъ: назначенный для сопровожденія насъ Мадали-ходжа представилъ расчетъ, по которому выходило, что для него съ двумя джигитами необходимо въ день по барану и что ипаче никакъ сдѣлаться нельзя. Выходило, что такъ какъ пески въ это время безлюдны, то намъ нужно гнать съ собою цѣлое стадо, для чего нужны опять особые люди, а для нихъ бараны и т. д. Когда же я назначилъ ему на содержаніе сумму, почти равную требовавшейся на покупку барановъ, то онъ едвали не все время путешествія питался киргизскимъ сыромъ и тому подобной дрянью.

Въ данномъ случаѣ мнѣ было не до заботъ о продовольствіи джигитовъ; я былъ въ затрудненіи, какъ устроить собственное.

Кухня (т. е. составъ кушаній) киргизъ и сартовъ весьма тяжела и приспособлена исключительно къ ихъ потребностямъ и образу жизни: она, какъ извѣстно, держится введенія въ желудокъ разомъ такого огромнаго количества пищи, послѣ котораго требуется продолжительный промежутокъ времени совершеннаго бездѣйствія, какъ физическаго, такъ и умственнаго, пока не явится состояніе, называемое «впроголодь». Да наконецъ и не всякій желудокъ въ состояніи имѣть дѣло съ тѣми объемистыми порціями отвратительно жирной пищи, которыя потребовались бы для возмѣщенія всѣхъ тратъ организма при продолжительныхъ и тяжелыхъ путешествіяхъ верхомъ и усиленныхъ занятіяхъ.

Всѣ прежнія путешествія продолжались много если мѣс цѣ; на такой срокъ и при скудномъ питаніи доставало запасовъ, сдѣланныхъ во время жизни въ городѣ. Теперь же предстояло озаботиться о томъ, чтобы поддерживать свое существованіе въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ. Запасить хорошими, свѣжими консервами въ Ташкентѣ было невозможно, собственныхъ позпаній въ кухонномъ дѣлѣ не было, да и тратить на него время, нужное для изслѣдованій, было бы не производительно, и потому я за огромную цѣну нанялъ въ Ташкентѣ русскаго слугу, съ громкимъ именемъ повара-Василья. Но видно не судьба намъ была путешествовать съ такимъ комфортомъ, какъ поваръ-Василій, и вскорѣ — увы — мы вмѣсто знаменитаго Коч'а остались безъ всякаго слуги и скромно занялись сами приготовленіемъ кушаній: жена — изъ муки, а я — изъ мяса, по большей же части пробавлялись чаемъ, а въ селеніяхъ плодами.

Необходимо было еще озаботиться большимъ запасомъ подарковъ. Такъ какъ большими средствами для этой цѣли располагать было нельзя, то было рѣшено самому хану подарковъ не подносить: ничтожныя подарки ничего бы не прибавили къ письму генераль-губернатора, въ

которомъ онъ просилъ объ оказаніи покровительства экспедиціи, а на болѣе значительные нужно было затратить нѣсколько сотъ рублей. Поэтому я озаботился о подаркахъ его приближеннымъ и, главное, разнымъ мелкимъ мѣстнымъ начальникамъ, отъ которыхъ въ концѣ концовъ болѣе всего, конечно, долженъ былъ завистѣть успѣхъ посѣщенія разныхъ мѣстностей; наконецъ, нужна была цѣлая масса различной мелочи для вознагражденія за угощеніе, показываніе дорогъ, рассказы и тому подобныя мелкія услуги. Для всего этого была выдана генераль-губернаторомъ особая сумма, на которую въ Ташкентѣ и приобрѣтены разныя ткани, часы, женскія украшенія, (при помощи которыхъ жена моя надѣялась проникнуть въ женскую половину населенія), а болѣе всего разныя бездѣлушки. При этомъ оказалось, что не смотря на постоянную потребность въ такихъ вещахъ, ташкентскіе магазины имѣютъ самый плохой выборъ товаровъ этого сорта и притомъ рѣдко можно встрѣтить мелочи замысловатыя и полезныя, которыя могли бы произвести на азіатца впечатлѣніе въ пользу нашей изобрѣтательности. Главнымъ фондомъ для подарковъ должны были впрочемъ служить халаты,—этотъ универсальный подарочный матеріалъ въ Средней Азій; но ихъ я рѣшился приобрести въ городѣ Коканѣ, гдѣ, какъ мнѣ говорили, они дешевле и выборъ ихъ гораздо богаче.

Деньги для дорожныхъ расходовъ представили тоже не мало затрудненій. Бумажки наши уже въ городѣ Коканѣ ходятъ значительно ниже ихъ номинальной цѣнности¹⁾, а въ селеніяхъ и въ горахъ ихъ, конечно, никто не возьметъ. Общепринятая и болѣе распространенная монета до сихъ поръ, какъ въ независимыхъ частяхъ Туркестана, такъ и въ русскихъ, коканъ. Такъ называются небольшіе серебряные кружки (около 13 мм. въ діаметрѣ), изготовляемые въ Коканѣ и Бухарѣ. На этихъ монетахъ, изготовляемыхъ въ г. Коканѣ, на одной сторонѣ выбито: «Зарабъ Хукандъ Лятивъ», что значитъ «выбито въ Коканѣ прекрасномъ», на другой: «Мохаммедъ Худайяръ Сеидъ Ханъ»; на бухарскихъ изображено, что онѣ приготовлены въ «благородной Бухарѣ—Бухара ель шерифъ». Цѣнность ихъ приравнена 20 русскимъ копейкамъ, но на какихъ основаніяхъ и какое ихъ дѣйствительное отношеніе по цѣнности къ русскому рублю, не извѣстно, хотя изъ существованія лажа нужно думать, что въ нихъ серебра больше, чѣмъ въ двугривенномъ.

Затѣмъ въ обращеніи находятся золотыя и мѣдныя деньги. Золотыя—тилля, опять бухарскія и коканскія (бухарская тилля стоитъ 4 р., коканская 3 р. 60 к.); мѣдныя — чеки, которыхъ въ Коканѣ даютъ двѣ на копейку, а въ Бухарѣ три. Золотыми было неудобно запасаться, такъ какъ ихъ не вездѣ можно размѣнять и всегда въ маленькихъ городкахъ можно было разсчитывать на потерю при размѣнѣ; отъ мѣдной монеты я предпочелъ вовсе отказаться, такъ какъ тяжесть ея громадна. Уже необходимый запасъ кокановъ (двадцатикопѣечниковъ) представляетъ большія затрудненія для перевозки и храненія ихъ. Масса металла пуда въ три весьма неудобна во время путешествій, да еще съ выюками. А этой массой нужно было запасаться въ Ташкентѣ, такъ какъ до сихъ поръ еще не организовалось такой простой вещи, какъ переводъ денегъ на Коканъ. Обмѣнъ на серебро въ Ташкентѣ не представилъ никакихъ затрудненій, благодаря лишь распоряженію генераль-губернатора, чтобы всѣ деньги, слѣдующія на путешествіе, были выданы мнѣ казначействомъ изъ казеннаго запаса кокановъ.

¹⁾ Въ послѣднее время русскія бумажки въ Коканѣ поднялись въ цѣнѣ и ходятъ даже выше номинальной цѣнности; въ декабрѣ 1873 года на 100 р. бумажками давали уже 101 р. серебра.

Отъ генераль-губернатора К. П. фонъ Кауфмана, которому принадлежит собственно вся честь осуществленія совершеннаго путешествія, я получилъ письмо къ коканскому хану Худаяру, или точнѣе Худай-яру. Такъ какъ этотъ документъ знакомитъ съ характеромъ установившихся нынѣ сношеній между русскими властями и сосѣдними владѣтелями и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на размѣры путешествія, которые признаны были своевременными со стороны русской администраціи, то я привожу это письмо въ подлинникѣ.

„Высокостепенный Ханъ!

Миръ и искреннее пожеланіе Вашему Высокостепенству всякаго благополучія.

Кромѣ желанія привѣтствовать Васъ, я обращаюсь къ Вамъ по дѣлу, заключающему въ себѣ всеобщій интересъ.

Неоднократно бывшіе въ мудроуправляемыхъ Вами земляхъ русскіе люди, всегда съ особенной похвалою рассказываютъ о Вашемъ ласковомъ приѣмѣ, добромъ содѣйствіи и помощи, которые Вы оказывали имъ во время ихъ путешествій.

Вполнѣ увѣренный, что Ваше Высокостепенство, какъ добрый сосѣдъ, и теперь не откажете мнѣ въ своемъ высокомъ вниманіи къ благому дѣлу,— я отправляю къ Вамъ состоящаго при мнѣ ученаго человѣка г. Федченко, цѣль путешествія котораго самая мирная и полезная: онъ изучаетъ жизнь и характеръ всѣхъ тварей и растений, созданныхъ Всемогущимъ Богомъ и пользу, которую они приносятъ людямъ. Надѣясь на позволеніе Ваше, я поручилъ г. Федченко изслѣдовать слѣдующія мѣста: 1) изъ Кокана направиться на Исфару и изъ нея къ Заравшанскому леднику, черезъ Ворухъ; 2) Вадиль и Учъ-курганъ и оттуда на перевалы въ Каратегинъ; 3) Ошъ и находящіяся къ Югу отъ него горы въ предѣлахъ коканскихъ владѣній; 4) Переваль Терекъ-Даванъ и затѣмъ перейти въ долину Арпы черезъ какой либо переваль. Если-бы оказалось по обстоятельствамъ невозможнымъ быть г-ну Федченко нынѣ же во всѣхъ этихъ мѣстахъ, то можно отложить эту поѣздку въ такое мѣсто и до будущаго времени. При г. Федченко, для помощи въ его ученыхъ работахъ, безотлучно находятся: его жена, одинъ помощникъ, слѣга и восемь человѣкъ джигитовъ.

Почему обращаюсь къ Вашему Высокостепенству съ моей просьбой оказать г. Федченко высокое покровительство и содѣйствіе Ваше, какъ для благополучнаго путешествія съ его людьми, такъ и при ученыхъ занятіяхъ. Я вполнѣ расчитываю на Вашъ ласковый приѣмъ г. Федченко и благосклонное сочувствіе къ его труду, тѣмъ болѣе, что результаты его научныхъ изслѣдованій, для которыхъ онъ отправляется, проливая свѣтъ знанія и увеличивая благоденствіе человѣка, составляютъ драгоцѣнное достояніе всѣхъ народовъ.

Молясь за здоровье Вашего Высокостепенства и преуспѣяніе Вашего народа, прошу твердо вѣрить моей неизмѣнной къ Вамъ дружбѣ.

Туркестанскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й.

Кромѣ этого письма я получилъ еще письмо къ мехтеру, главному гражданскому чиновнику, состоящему при ханѣ. Письмо это было отъ Мирзы-хакима, коканскаго посланника или точнѣе уполномоченнаго ханомъ для личныхъ сношеній съ генераль-губернаторомъ въ Ташкентѣ. Мирза-хакимъ снабдилъ меня и разными свѣдѣніями, которыя должны были помочь мнѣ въ сношеніяхъ съ коканскими чиновниками и вообще облегчить достиженіе предположенныхъ цѣлей. Мирза-хакимъ живетъ въ должности посланника въ Ташкентѣ со времени учрежденія туркестанскаго генераль-губернаторства и въ дѣлѣ установленія настоящихъ сношеній съ Коканомъ оказалъ большія услуги. Ознакомившись, при своихъ частыхъ путешествіяхъ по торговымъ дѣламъ на русскія ярмарки, съ силой и богатствомъ Россіи, — онъ много содѣйствовалъ установленію дружественныхъ сношеній, которыя съ такой замѣча-

тельной, можно сказать, легкостью возникли и держатся съ такимъ постоянствомъ съ тѣхъ поръ, какъ на престолѣ коканскій взомель въ третій разъ теперешній ханъ Худаяръ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ отношеніяхъ, такъ какъ они играли весьма важную роль при осуществленіи предпринятаго путешествія. Я уже однажды ¹⁾ имѣлъ случай указать, что съ давнихъ поръ въ Коканскомъ ханствѣ существуютъ двѣ партіи, стремленіе которыхъ къ господству было источникомъ весьма частыхъ междоусобныхъ войнъ, сопровождавшихся безконечными убійствами и страшной рѣзней. Ханъ нынѣшней династіи, вышедшіе изъ среды партіи кочевниковъ-тюрковъ, съ теченіемъ времени, по своимъ взглядамъ и стремленіямъ, стали принадлежать скорѣе къ осѣдлой партіи сартовъ. Отсюда рядъ попытокъ со стороны вожаковъ-кочевниковъ смѣстить такихъ правителей, чтобы, посадивъ на мѣсто ихъ малолѣтнихъ членовъ ханскаго дома, самимъ управлять государствомъ въ качествѣ регентовъ. Такая борьба стремившихся къ регентству съ законными правителями и затѣмъ приверженцевъ низложенныхъ хановъ съ узурнаторами была особенно сильна въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ; во время путешествія намъ часто приходилось слышать рассказы о различныхъ эпизодахъ изъ этой борьбы и видѣть разныя мѣста, гдѣ происходили вооруженныя столкновенія, склонявшія побѣду то на ту, то на другую сторону. Кочевая партія достигла апогея своего могущества при Мусульманъ-кулѣ и затѣмъ при Алимъ-кулѣ; въ то же время коканское государство достигло наибольшаго распространенія въ сѣверномъ и сѣверозападномъ направленіяхъ, увеличивъ составъ своей массой кочевниковъ по сѣверному склону Тяньшаня и по Сыръ-дарьѣ,—но именно это увеличеніе и было источникомъ гибели кочевой партіи. Коканъ этими кочевниками былъ вовлеченъ въ столкновенія а позже и въ борьбу съ Россіей, — борьбу, которая кончилась тѣмъ, что Коканъ потерялъ почти всѣхъ своихъ кочевниковъ и такіе обширные оазисы, какъ Чимкентъ, Ташкентъ и Ходжентъ.

Пораженіе Коканскаго царства кочевниковъ было, такъ сказать, источникомъ возрожденія Коканскаго ханства осѣдлой партіи. Россія отрѣзала почти ⁹/₁₀ коканской территоріи, но при этомъ отрѣзала и самыхъ безпокойныхъ членовъ ея, всегда ослаблявшихъ своими смутами крѣпость и единство Коканскаго ханства. Избавленный отъ смутъ со стороны кочевниковъ, собственно Коканъ, ядро государства, теперь съ полной безопасностью могъ приняться за преслѣдованіе своихъ мирныхъ цѣлей—развитіе земледѣлія и торговли. Безъ борьбы, по крайней мѣрѣ явной, вступилъ на коканскій престолъ въ третій разъ любимецъ сартовъ Худаяръ-ханъ и безъ особыхъ насилій управляетъ вотъ уже восемь лѣтъ Коканскимъ ханствомъ съ видимыми заботами о благосостояніи своихъ подданныхъ ²⁾. При такихъ условіяхъ, конечно, большинство населенія Коканскаго ханства, если и было недовольно исходомъ борьбы съ русскими, то не видѣло и особыхъ поводовъ къ новой борьбѣ, лишь бы русскіе не затрогивали земель собственнаго ханства. Какъ извѣстно, русскіе ограничились тогда занятіемъ Ходжента, пункта, уже часто переходившаго къ бухарцамъ, востоянно враждовавшимъ съ Коканомъ. Итакъ, миръ былъ заключенъ, и на сторонѣ его въ Коканѣ оказалось много приверженцевъ, сознавшихъ, что своимъ господствомъ они обязаны Россіи, столь жестоко поразившей ихъ

¹⁾ Чтеніе въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ; см. Извѣстія Р. Г. Общ. 1872 г., № 1.

²⁾ Послѣднія событія, повидному, противорѣчатъ высказанному замѣчанію; они свидѣтельствуютъ, что многочисленная и сильная партія кочевниковъ и до сихъ поръ не отказалась еще отъ борьбы за свое политическое первенство въ ханствѣ, — а недавнія кровавыя казни въ Коканѣ характеризуютъ далеко не миролюбивыя отношенія Худаяра къ людямъ этой партіи своихъ подданныхъ.

исконныхъ враговъ—кочевниковъ. Я сказалъ, что къ Россіи отошли значительныя оазисы, каковы ташкентскій и чимкентскій; но не нужно забывать, какъ ничтожна существующая связь между отдѣльными бекствами и ханами или эмирами въ Средней Азій. Владѣнія, лежащія на окраинахъ, всегда находились въ ничтожномъ подчиненіи къ центральной власти, часто дѣлались самостоятельными и центральныя правители довольствовались лишь полученіемъ съ нихъ ежегодныхъ подарковъ да извѣстнымъ контингентомъ войска при военныхъ предпріятіяхъ. Ташкентъ еще недавно, при бекѣ, поставленномъ коканскимъ ханомъ (Ляшкаръ бекляръ-бекъ), имѣлъ право чеканить монету. При такихъ отношеніяхъ потеря полусамостоятельныхъ владѣній на окраинахъ не можетъ быть чувствительна, особенно при столь маломъ развитіи въ Средней Азій чувства народности. Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ заключать, что къ послѣднимъ событіямъ въ Средней Азій всѣ туземцы отнеслись съ полной симпатіей. Я хочу сказать только, что эти событія вызвали положеніе дѣлъ, при которомъ можно было установить дружественныя сношенія и что почва благоприятна для дальнѣйшихъ дѣйствій въ томъ же направленіи.

Я не имѣлъ случая наблюдать настроеніе народа въ Бухарѣ, но слышалъ, что тамъ отношеніе къ послѣднимъ событіямъ другое, что именно приписываютъ вліянію духовенства. Не знаю, можетъ быть въ Бухарѣ и такъ, но въ Коканѣ мнѣ не удалось наблюдать рѣзкихъ проявленій фанатизма даже и въ средѣ духовенства; въ теченіи путешествія я не разъ буду говорить о совершенно мирномъ приѣмѣ со стороны мѣстныхъ муллъ и познакомлю съ характеромъ тѣхъ напутствій, какими провожали насъ монахи въ Шахимарданѣ, считающемся самымъ святымъ мѣстомъ ханства. Читатель правда замѣтитъ, что нѣсколько разъ я буду жаловаться на неполученіе содѣйствія въ данномъ случаѣ со стороны властей или населенія, что многого мнѣ не удалось достигнуть, и пожалуй, мѣрзя на евронейскую мѣрку, онъ увидитъ въ этомъ враждебныя отношенія. Но такое заключеніе будетъ ошибочно. Почти всѣ эти дѣйствія гораздо проще и естественнѣе объясняются непониманіемъ моихъ цѣлей, лѣнью, страхомъ, а въ трехъ единственныхъ случаяхъ угрозъ (преслѣдованіе на Акъ-бурѣ, брань стрѣлка на Купланъ-кулѣ и угрозы джигита въ Наманганѣ) онѣ очевидно были вызваны посторонними обстоятельствами. Въ мусульманскихъ владѣніяхъ Азій получаемое вниманіе и содѣйствіе нужно измѣрять другимъ масштабомъ, нужно помнить, что самымъ почетнымъ приѣмомъ, которымъ еще такъ недавно хвалились англійскіе путешественники въ Кашгарѣ, было содержаніе ихъ въ четырехъ стѣнахъ съ запрещеніемъ выхода, не иначе какъ при обстановкѣ, самая сложность которой дѣлаетъ невозможнымъ частое пользованіе ею.

Въ числѣ замѣтокъ о сборахъ въ путешествіе я считаю необходимымъ указать еще на одно, какъ на совершенно необходимое для будущихъ путешественниковъ. Если имѣть въ виду посѣщеніе мѣстностей, удаленныхъ отъ осѣдлаго населенія, занятыхъ кочевниками, которые, по сознанію самихъ коканцевъ, держатъ себя спокойно главнымъ образомъ потому только, что имъ приходится проводить зиму близъ сартовскихъ городовъ и селеній, — то необходимо имѣть вооруженіе настолько внушительное, чтобы оно позволяло дѣлать такія экскурсіи, отъ которыхъ мѣстные спутники обикновенно отказываются и по крайней мѣрѣ останавливало бы дерзкихъ на почтительномъ разстояніи. Туземцы по своей трусости способны только произвести смятеніе и, какъ показываетъ случай на Акъ-бурѣ, даже сами вызвать недовольство. При нашемъ путешествіи эта сторона дѣла была оставлена вовсе безъ вниманія и потому, въ случаѣ самаго пустаго нападенія, чьей-нибудь отдѣльной

сумасбродной выходки, мы не могли бы ничего сдѣлать: два охотничьихъ ружья съ зарядами дробин для птицъ у препаратора и стрѣлка, два револьвера у меня и у жены,—вотъ въ чемъ состоялъ весь нашъ запасъ оружія. Я увѣренъ, что онъ былъ бы недостаточенъ при горномъ путешествіи во всякой другой не европейской странѣ: новое доказательство крайне мирнаго характера коканскаго населенія.

При чтеніи письма къ хану всякаго поразить вѣроятно крайняя неопредѣленность, а теперь, послѣ путешествія, даже неточность выраженій, въ которыхъ указывались мѣста, долженствовавшія бытъ посѣщенными экспедиціей. Причина заключается въ недостаточности свѣдѣній, можно сказать даже въ полномъ отсутствіи всякихъ указаній, которыми можно было бы руководствоваться при составленіи маршрута экспедиціи и при сношеніяхъ съ коканскимъ правительствомъ. Оставалось, такъ сказать, запрашивать какъ можно больше, съ тѣмъ чтобы помниться на томъ, что дѣйствительно можно будетъ посѣтить. Этой системы запрашиваній я и держался все время путешествія. Отъ многого конечно приходилось отказываться; въ нѣкоторыхъ случаяхъ я очевидно просилъ слишкомъ мало,—могъ бы получить и достигнуть большаго. Но таковы уже невыгоды этой системы. Получить хоть сколько нибудь опредѣленные данныя о мѣстностяхъ къ югу отъ долины Сыра я не могъ, не смотря на всѣ усилія. Очевидно, что при такихъ условіяхъ оставалось одно—запрашивать на „авось“. Это-то непмѣніе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, поѣздки на авось, часто и были причиною разныхъ неудобствъ, приводили къ непріятнымъ сюрпризамъ. Та же причина имѣла самыя печальныя послѣдствія во время поѣздки въ Алай: намъ приходилось, напримѣръ, останавливаться на почлегѣ въ мѣстахъ неудобныхъ, нужно было сократить пребываніе на Кизиль-су, а при обратномъ пути испытать даже и весьма чувствительный голодь. Теперь, послѣ путешествія, обстоятельства измѣнились: читатель можетъ руководствоваться при чтеніи картой посѣщенной страны, слѣдить путь экспедиціи по приложеннымъ маршрутамъ. Но тогда, на мѣстѣ приходилось до многого добираться ошущью.

Чтобы облегчить читателю возможность слѣдить за ходомъ разсказа о путешествіи, за ссылками на разныя мѣстности и т. п., необходимо сдѣлать общій географическій очеркъ ханства въ его настоящемъ объемѣ.

Прежде однако считаю нужнымъ указать на прежнихъ путешественниковъ, посѣтившихъ коканское ханство и сообщившихъ о немъ какія-либо свѣдѣнія.

Самыя древнія свѣдѣнія мы находимъ въ извѣстныхъ запискахъ султана Бабера, который, будучи одно время правителемъ Ферганы, имѣлъ конечно случай хорошо ее узнать. Мнѣ удалось познакомиться съ тѣмъ, что пишетъ Баберъ, благодаря П. И. Лерху, сообщившему мнѣ извлеченіе изъ дѣлаемаго имъ перевода записокъ Бабера на русскій языкъ, а позже я ознакомился съ записками и воишѣ по французскому переводу Паве-де-Куртейля, издашному въ Парижѣ въ 1871 г. Свѣдѣній у Бабера я нашелъ впрочемъ немного; пребываніе его въ Коканѣ совпало съ началомъ его политической дѣятельности, которую онъ скоро перенесъ въ Заравшанскую долину, а потомъ далѣе на югъ. Другіе мусульманскіе и вообще азіатскіе источники мнѣ не извѣстны и потому далѣе я буду говорить объ однихъ европейцахъ или сочиненіяхъ, издашныхъ на европейскіхъ языкахъ.

Въ 1812—13 годахъ странствовалъ по Средней Азій Миръ-Иззетъ-Улла, посланный извѣстнымъ англійскимъ изслѣдователемъ Муркрофтомъ. Его маршруты недавно издапы

вполнѣ въ Калькуттѣ. Всѣ свѣдѣнія ¹⁾ о Коканѣ ограничиваются сообщеніемъ маршрутовъ изъ Кашгара въ Коканъ и изъ Кокана въ Самаркандъ, при чемъ дѣлаются незначительныя замѣчанія о характерѣ мѣстностей, чрезъ которыя проходитъ дорога (I. с. pp. 48—53) ²⁾. Около того же времени посѣтилъ Коканское ханство Ф. Назаровъ ³⁾ Благодаря нѣкоторымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, Назарову удалось проѣхать по большой дорогѣ кругомъ всей долины и потому его отчетъ содержитъ, кромѣ весьма любопытныхъ подробностей о приѣмѣ со стороны властей и народа, еще разныя географическія свѣдѣнія, весьма интересныя и для того времени составлявшія положительное приобрѣтеніе для географіи.

Затѣмъ за весь періодъ времени до послѣднихъ завоеваній (съ 1814 по 1868 г.) мнѣ не извѣстно ни одного разсказа образованнаго европейца ⁴⁾ путешественника, посѣтившаго долину Ферганы. За это время были опубликованы коротенькія свѣдѣнія татарина Муртасы о дорогѣ изъ Кашгара въ Коканъ, въ запискахъ Генса (въ изданіяхъ Русскаго Географ. Общества, года, къ сожалѣнію, не помню) и была помѣщена въ запискахъ Географическаго Общества компилятивная статья о Коканскомъ ханствѣ (Обозрѣніе Коканскаго ханства 1841; Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. 1849, № 3). Статья эта представляетъ сводъ уже извѣстныхъ свѣдѣній и при томъ часто только по разсказамъ туземцевъ.

Въ изданіяхъ же Географ. Общества г. Поталпнымъ напечатаны: Записки о Коканскомъ ханствѣ въ 1830 г., и показаніе сибирскаго казака Максимова о коканскомъ владѣніи (Вѣстникъ 1856. № 6 и 1860. № 3).

По исторіи ханства за это время была опубликована очень хорошая работа академикомъ Вельямновымъ-Зерновымъ.

Въ концѣ 1860 и началѣ 1861 г. посѣтилъ Коканъ Мулла Абдуль Меджидъ, посланный остъ-индскимъ правительствомъ съ подарками и письмомъ къ тогдашнему коканскому хану Малля-хану. Я сообщу выдержки изъ его мало извѣстнаго отчета, говоря о Памирѣ и Алаѣ. Напечатанъ онъ въ Selections from the Records of the governm. of India in the foreign department. № XXXIX. 1863. Calcutta.

Заключеніе мирнаго договора съ коканскимъ правительствомъ въ 1868 году было причиною посѣщенія Кокана русскимъ посольствомъ, двое членовъ котораго описали свою поездку ⁵⁾. Свѣдѣнія, сообщаемыя ими, касаются главнымъ образомъ приѣма, сношеній съ властями и т. п.

Греперная горячка, привлекая въ край столькихъ предпринимателей, была причиною посѣщенія Кокана нѣсколькими европейцами. Двое изъ нихъ—князь Друцкой и г. Адамолли—описали свое посѣщеніе, ограничившееся городомъ Коканомъ и ближайшими окрестностями.

¹⁾ Travels in Central Asia by Meer Izzut Oollah in the years 1812 — 13, transl. by capt. Henderson. Calcutta 1872.

²⁾ Маршруты Миръ Иззета были сообщены уже у Риттера и Гумбольдта; тамъ же помѣщенъ еще дорожникъ „русскаго купца“, сообщенный графомъ Канкриннымъ Гумбольдту и дающій названія станцій и разстоянія по дорогѣ изъ Кашгара въ Коканъ

³⁾ Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи Флпнина Назарова, Отд. Сибирск. Корпуса переводчика, посланнаго въ Коканъ въ 1813 и 1814 годахъ. Сиб. 1821.

⁴⁾ Единственный образованный европеецъ, бывшій за это время (въ 1840 г.) въ Коканѣ — Коноланъ, но онъ былъ умерщвленъ въ Бухарѣ и записки его погибли.

⁵⁾ Записки о Коканѣ А. П. Хорошхина. Русскій Искандеръ 1869. №№ 75 и 76. Статья другаго члена была помѣщена въ Военномъ Сборникѣ.

Въ тоже время русскіе купцы, озабоченные устройствомъ прямыхъ торговыхъ сношеній съ ханствомъ, посѣтили его главные города, провикали далеко по дорогѣ въ Кашгаръ (одинъ прошелъ даже весь путь отъ Кашгара до Кокапа), но къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не почелъ нужнымъ познакомить печатно съ видѣнными имъ мѣстами. Я знаю только одно исключеніе: г. Ивановъ, пріѣхавшій изъ Кокапскаго ханства въ Нарынскій край и обратно, описалъ свой путь и доставилъ описаніе въ редакцію Туркестанскихъ Вѣдомостей. Благодаря любезности г. редактора, я въ состояніи воспользоваться свѣдѣніями г. Иванова (которыя кажутся еще не напечатаны). Чтобы оцѣнить ихъ значеніе достаточно сказать, что въ нихъ мы имѣемъ единственный маршрутъ, связывающій съемки въ Коканѣ съ нарынскими.

Затѣмъ г. провизоръ Краузе, прожившій цѣлое лѣто на нефтяныхъ источникахъ въ 25 верстахъ отъ Намангана и собравшій разныя свѣдѣнія, а также хорошій гербарій, напечаталъ въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ описаніе посѣщенныхъ имъ источниковъ и доставилъ записку о нихъ въ Общество Любителей Естествознанія.

Г. художникъ Верещагинъ, сколько мнѣ извѣстно, посѣтилъ г. Коканъ, но никакихъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи въ литературѣ я не нашелъ. Поѣздка съ дипломатическою цѣлью, совершенная осенью 1870 года К. В. Струве, сопровождалась географическими результатами первостепенной важности. К. В. Струве посѣтилъ главнѣйшіе города ханства и астрономически опредѣлилъ ихъ долготу и широту. При этомъ оказалось, какъ спльно ошибались въ положеніи даже такихъ близкихъ къ русской границѣ городовъ, какъ Коканъ и въ первый разъ выяснилось съ точностью относительное положеніе разныхъ пунктовъ кокапскаго оазиса. Кромѣ опредѣленій г. Струве были вывезены и свѣдѣнія о распространеніи населенія въ ханствѣ, о горахъ, рѣкахъ и т. д. На основаніи этихъ свѣдѣній г. Струве была составлена карта Кокапскаго ханства и въ засѣданіи Отдѣла Общества Любителей Естествознанія въ Ташкентѣ прочитана записка о ханствѣ. Въ печати впрочемъ не явилось ни записки этой, ни карты. ¹⁾

При сообщеніи здѣсь литературныхъ источниковъ я конечно ограничиваюсь тѣмъ, что было опубликовано до моего путешествія; съ того же времени явилось еще нѣсколько статей и замѣтокъ, но, впрочемъ, почти все мелкихъ.

Между посѣтившими ханство, какъ видно, не было ни одного натуралиста и въ этомъ отношеніи я не нашелъ въ печати почти никакихъ указаній. Отдѣльныхъ картъ ханства, сколько нибудь удовлетворительныхъ, не было опубликовано; единственная, основанная на точныхъ данныхъ карта г. Струве, была рукописная. Двѣ другія карты, напечатанныя въ изданіяхъ Географическаго Общества ²⁾, были совершенно элементарныя. На общихъ картахъ средней Азіи или Туркестана ханство являлось изображеннымъ весьма недостаточно. Астрономическіе пункты, данныя католическими миссіонерами, были слишкомъ ошибочны, чтобы дать хоть сколько нибудь вѣрное очертаніе странъ. Прогрессъ въ отношеніи картографіи Кокапскаго ханства въ послѣднее время заключался въ томъ, что на мѣстѣ его стали рисовать только весьма слабыя контуры вѣроятнаго направленія горъ и дѣлали надписи пунктовъ, несомнѣнно существующихъ, по положенію которыхъ было весьма неопредѣленно (карта изданія Ильина).

¹⁾ Свѣдѣнія о посольствѣ К. В. Струве напечатаны въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ 1870 г. № 16.

²⁾ Карта при обзорѣ ханства (Записки 1849. № 3) и карта Кокапскаго ханства (съ пояснительной замѣткой) М. И. Венюкова (Записки 1861. № 1).

Карта Коканскаго ханства К. В. Струве, какъ сказано, не опубликована. Благодаря внимательной любезности Карла Васильевича, я могъ снять съ нея копию, которая и оказала мнѣ большія услуги при путешествіи. Нужно сказать впрочемъ, что на этой картѣ поставлены вѣрно и съ большою подробностью только пункты между главными городами, расположенные на большихъ дорогахъ, по которымъ проѣхалъ К. В. Струве; мѣстности же отдаленныя, особенно горы на южной окраинѣ ханства и вся восточная треть ханства, изображены весьма недостаточно. Напримѣръ, на востокъ отъ Андиждана всѣ разстоянія увеличены почти вдвое; такъ Узгентъ показанъ въ 120 верстахъ, тогда какъ до него только 63 версты, переваль Терекъ-даванъ въ 200 верстахъ, вмѣсто 100—110. Поэтому значеніе этой карты главнымъ образомъ только ограничивается изображеніемъ культурной полосы.

Въ 1872 г. мною была представлена въ Русское Географическое Общество карта ханства, которая знакомила со всѣми посѣщенными мною мѣстностями и давала понятіе о территоріи Коканскаго ханства. Въ объяснительной запискѣ, напечатанной въ Извѣстіяхъ Общества, указаны источники карты и руководившія при составленіи ея начала. Случайныя обстоятельства замедлили выходъ этой карты¹⁾. Къ настоящему описанію путешествій вновь составлена извѣстнымъ картографомъ д-ромъ Петерманомъ въ Готѣ карта ханства и окружающіхъ его мѣстностей. Она вмѣстѣ съ нимъ обнимаетъ весь районъ моихъ путешествій.

Было бы конечно въ высшей степени полезно при путешествіяхъ съ естественно-историческою цѣлью имѣть возможность пользоваться и тѣми изслѣдованіями, которыя были произведены въ сосѣднихъ къ данному району странахъ. Всего ближе къ Коканскому ханству работали въ этомъ направленіи гг. Кукашевичъ въ Ходжентѣ, Н. А. Сѣверцовъ, баронъ Ф. Р. Остенъ-Сакенъ и баронъ Каульбарсъ въ Нарынскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, результаты изслѣдованій этихъ натуралистовъ (кроме барона Остенъ-Сакена; см. его *Sertum Tianschanicum*, изданный въ сообществѣ съ ак. Рупрехтомъ) ко времени моего путешествія, да по большей части и по настоящее время, не опубликованы.

Перехожу теперь къ краткому очерку ханства, который я считаю нужнымъ предпослать разсказу о путешествіи для того, чтобы читатель легче могъ ориентироваться при чтеніи.

Коканское ханство лежитъ между 70° и $74\frac{1}{2}^{\circ}$ в. д. отъ Гринвича и на этомъ протяженіи занимаетъ почти весь 40° с. ш., значительную часть 41° и наконецъ около трети 39° с. ш. Занимаетъ оно обширную долину въ среднеазиатскомъ нагорьи, съиздавна извѣстную подъ именемъ Ферганы. Широкая горная масса на сѣверѣ отдѣляетъ эту долину отъ долины р. Таласа; другая, еще болѣе трудно доступная—отъ бассейна Аму-дарьи. Въ состав ханства входитъ главная долина, по которой протекаетъ Сыръ-дарья, долины и ущелья рѣчекъ, текущихъ къ этой рѣкѣ и горы вплоть до водораздѣловъ съ Ангреномъ, Чирчиномъ (Чаткаломъ), Таласомъ, съ рѣчками текущими въ Нарынъ, Тарпмъ и Аму-дарью и съ Заравшаномъ. Такимъ образомъ Коканское ханство занимаетъ территорію съ вполне естественными границами; только на юго-востокѣ оно переходитъ черезъ водораздѣлъ въ бассейнъ Аму-дарьи, гдѣ ему принадлежатъ верховья Кизиль-су (Сурхаба)—мѣстность, извѣстная подъ именемъ Алая.

Я разумѣю только территорію теперь подвластную коканскому хану. Какъ извѣстно, еще сравнительно недавно, владѣнія, или непосредственно принадлежавшія коканскому хану или признававшія его верховную власть, были значительно,—едва-ли ошибусь если скажу въ десять

¹⁾ Карта эта приложена къ вышедшему уже послѣ смерти А. П. Федченка № 8 IX т. Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ. Англійское изданіе ея же см. *Ocean Highways* № 5. 1873.

разъ—больше того, что входитъ нынѣ въ составъ ханства ¹⁾). Степи и горы на сѣверъ и на востокъ отъ долины Ферганы, а также степи и оазисы на западѣ отошли къ Россіи и нынѣ образуютъ часть Туркестанскаго генераль-губернаторства; земли къ югу отъ водораздѣла и Аму—Каратегиня и Дарвазъ— бывшія еще недавно вассалами коканскаго эмира, перестали признавать его власть и приняли покровительство бухарскаго эмира; наконецъ, часть киргизъ по ту сторону Терекъ-давана стала данниками Кашгара. Границы ханства такимъ образомъ новыя и это очень затрудняетъ ихъ обозначеніе, къ тому же и свѣдѣній о нихъ очень мало. До нашего путешествія въ Алай не было извѣстно и не предполагалось, чтобы коканскій ханъ владѣлъ какими-либо землями въ бассейнѣ Аму-дарьи. Я затрудняюсь опредѣлительно указать даже на границу ханства съ русскими владѣніями ²⁾). Я не могу назвать на этомъ протяженіи никакихъ урочищъ, никакихъ пограничныхъ знаковъ. Могу только сказать, что граница идетъ по водораздѣлу между рѣчками, текущими въ Ангренъ и Чаткаль и стекающими въ Фергану. Далѣе вершинъ Чирчика, около $72\frac{1}{2}^{\circ}$ в. д., границею служатъ горы по правому берегу р. Узунъ-ахмата (притока Нарына), послѣ чего граница переходитъ на лѣвый берегъ Нарына. Въ этомъ мѣстѣ находится мало доступная горная масса Кетмень-тюбе, черезъ которую Нарынь прорывается непроходимую щелью. Далѣе граница идетъ въ юго-восточномъ направленіи, по окраинѣ нарынскаго подпятія, именно по водораздѣлу между рѣчками, стекающими въ притоки Нарына и въ Фергану по направленію къ Малой Сыръ-дарьѣ, черезъ перевалы Кукартъ, Яссы, Читты. Нѣсколько южиѣ параллели озера Чатыркуля, по гораздо западнѣе его, граница съ русскими владѣніями кончается и начинаются владѣнія кашгарскія. Граница съ ними идетъ по водораздѣлу, почти по параллели, до $73\frac{1}{2}^{\circ}$ в. д., именно до перевала Терекъ-даванъ. Отъ него она спускается круто на югъ, охватываетъ нѣкоторыя земли въ бассейнѣ Аму-дарьи и потомъ опять выходитъ на водораздѣлъ между Сыромъ и Аму. Какія земли въ бассейнѣ Аму входятъ въ составъ Коканскаго ханства съ достовѣрностью и опредѣлительностью сказать не рѣшаюсь, затрудняясь именно точно указать какой въ этомъ направленіи самый южный пунктъ владѣній коканцевъ; мы слишкомъ еще мало знаемъ о лежащихъ къ югу отъ Алая земляхъ, чтобы можно было съ нѣкоторой вѣроятностью предполагать даже гдѣ проходитъ эта граница. Полагаю впрочемъ, что сосѣдомъ коканцевъ является здѣсь владѣніе Шугнапъ, или по крайней мѣрѣ кочевники, платящіе дань Шугнану. Алай весь во всякомъ случаѣ принадлежитъ ханству, равно какъ по видимому и все теченіе рѣки Кокъ-су; по крайней мѣрѣ на Кизиль-су пограничный пунктъ лежитъ ниже устья Кокъ-су, между большимъ и малымъ Карамукомъ.

Отъ верховьевъ Кокъ-су до 70° в. д. граница идетъ по водораздѣлу Сыръ-дарьи, сначала съ Аму-дарьей, потомъ съ Заравшаномъ. При этомъ сосѣдами коканцевъ являются сначала каратегинцы, а потомъ бывшее Мачинское владѣніе, нынѣ принадлежащее Россіи.

Около 70° в. д. граница принимаетъ меридіональное направленіе, ханство граничитъ

1) Пространство уѣздовъ Туркестанскаго генераль-губернаторства, входившихъ прежде въ составъ Коканскаго ханства, составляетъ около 8000 кв. м. (см. Русскій Туркестанъ, т. I. Стр. 120); пространство Каратегина и Дарваза едва ли менѣе 100 кв. миль.

2) Изображеніе границы Россіи и ханства на картѣ, недавно изданной въ Ташкентѣ Военно-топографическимъ Офисомъ Туркестанскаго военнаго округа, въ нѣкоторыхъ частяхъ положительно не вѣрно: линія границы пересѣкаетъ долину Ангрена немного восточнѣе сел. Аблякъ; сколько мнѣ извѣстно, вся долина Ангрена принадлежитъ Россіи. Изъ Ташкента въ верховья Ангрена ѣдла экспедиція для изслѣдованія находящагося тамъ минеральнаго источника; для военно-топографическаго описанія мѣстности путешествовалъ тамъ полковникъ А. Р. Дениеть.

съ русскими владѣніями и я опять затрудняюсь назвать пограничныя урочища. Въ этой мѣстности течетъ съ юга на сѣверъ рѣка Ходжа-бакарганъ и мнѣ извѣстно только, что верхняя часть ея теченія, до Андархапской щели, съ городкомъ Лайлякъ, принадлежитъ ханству, а нижнее Россіи.

Сохраняя болѣе или менѣе меридіональное направленіе, пограничная линія выходитъ на р. Сыръ-дарью между русскимъ селеніемъ Костакозъ и коканскимъ Кара-чихумъ, нѣсколько верстъ идетъ вверхъ по рѣкѣ и переходитъ на правый берегъ Сыръ-дарьи, гдѣ опять въ меридіональномъ направленіи идетъ до водораздѣла съ Ангреномъ, до такъ называемыхъ горъ Кендырь-тау ¹⁾ и затѣмъ, слѣдуя водораздѣлу, поворачиваетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи.

При такой малой опредѣленности весьма затруднительно дать сколько-нибудь точное опредѣленіе пространства коканскихъ владѣній. Приблизительно же его можно опредѣлить въ 50000 кв. верстъ или 1000 кв. миль.

Выше я сказалъ уже, что ханство занимаетъ обширную долину и окружающія ее горы. Долина эта представляетъ ровное степное пространство, имѣющее впрочемъ нѣсколько возвышеній, которыя, по сравненію съ окружающими долину горами, пельзя назвать иначе, какъ холмами. Равнинная часть ханства лежитъ главнымъ образомъ къ югу отъ прорѣзывающей его рѣки Сыръ-дарьи. Наибольшая ширина равниннаго пространства, на меридіанѣ Намангана, развѣ немного болѣе 100 верстъ; наибольшая длина его, отъ могилы Ходжи-Юнуса на востокъ, до русской границы на западъ около 240 верстъ; площадь его занимаетъ около 275 кв. миль, т. е. около четвертой части всего ханства. Только на западѣ это ровное пространство узкою, не болѣе 10 верстъ ширины полосой соединяется съ общею степью; на сѣверо-востокъ и югъ оно замкнуто горами. Горы, окружающія ханство, стоятъ въ непосредственной связи съ обширнымъ среднеазиатскимъ нагорьемъ, для котораго принято названіе Тяньшаня; отъ широкаго нагорья, разстилающагося къ югу отъ Песыкъ-куля, отдѣляется широкая горная масса, которая и идетъ по сѣверной окраинѣ ханства. Другая горная масса, лежащая на южной окраинѣ, примыкаетъ къ Нарынскому нагорью недалеко отъ озера Чатыркуля и тянется далѣе въ русскіе предѣлы; переднія гряды горъ на сѣверной и южной окраинѣ равнины очень низки, но затѣмъ на сѣверѣ и на югѣ мы видимъ весьма быстрое увеличеніе высоты, такъ что главныя водораздѣльныя гряды являются увѣчанными снѣговыми пиками. Особенно южная водораздѣльная (съ Аму-дарьей) гряда представляетъ сильное развитіе: на ней извѣстенъ цѣлый рядъ вершинъ, далеко превышающихъ снѣговую линію; пики въ 18—19000 футовъ весьма многочисленны. Даже многія горы, лежащія сѣвернѣе водораздѣла, достигаютъ снѣговой линіи и я могу указать на массивныя горы Алаудинъ, къ югу отъ Соха, и на горы Гезартъ и Агартъ, какъ на имѣющія высоту свыше 16—17000 футовъ.

Эти южныя горы въ одномъ только мѣстѣ представляютъ значительное пониженіе, такъ что гребень ихъ по большей части не достигаетъ снѣговой линіи (т. е. 13—14000) и только немногіе отдѣльные пики покрыты вѣчными снѣгами. Это пониженіе наблюдается въ части хребта, гдѣ находится извѣстный, ведущій въ Камгаръ, переваль Терекъ-даванъ. На сѣверѣ гряды далеко не достигаютъ той мощности, какъ на южной окраинѣ ханства. Я не видалъ въ

¹⁾ Кендырь называется собственно только одинъ переваль.

этой части ни одной снѣговой вершины, но судя по свѣдѣніямъ другихъ путешественниковъ, на меридіанѣ Намангана, въ верховьяхъ Чаткала, находятся вершины, достигающія большой высоты и покрытыя снѣгомъ; во всякомъ случаѣ мало вѣроятно, чтобы снѣговья вершины на пограничномъ хребтѣ шли западнѣе 71° в. д. Начиная отъ этого меридіана, границу составляетъ кряжъ, идущій по правому берегу р. Ангрена. Высоту его я не полагаю болѣе 9—10000 въ восточной части и 7000' въ западной.

Горы, образующія восточную окраину ханства, повидному тоже не достигаютъ снѣговой линіи. Только въ одномъ направленіи, изъ Оша почти прямо на сѣверъ, я видѣлъ большую горную массу со смѣлыми пиками, которую мнѣ назвали горами Кетмень-тюбе (Кетмень-тюбе называется собственно урочище, лежащее на Нарынѣ за этими горами), мѣстами на этихъ пикахъ видны были пятна снѣга. На остальномъ протяженіи водораздѣльный кряжъ прикрытъ предгорьями и не былъ виденъ. По моему мнѣнію, здѣсь впрочемъ нѣтъ кряжа, хребта, который бы пересѣкалъ горную массу наискось, а это только окраина нарынскаго нагорья, которое при своемъ поднятіи подняло и восточную часть ханства. Тогда какъ восточный склонъ этого края повидному крутъ и обрывистъ, западный спускается весьма постепенно и пологими холмами доходить до р. Малой Сырь-дарьи. Направленіе ущелій и долинъ въ этой восточной горной окраинѣ въ общемъ восточно-западное.

Кромѣ этихъ горъ я долженъ указать еще массивный хребетъ, который тянется по южной окраинѣ Алая; онъ, по крайней мѣрѣ сѣвернымъ склономъ своимъ, тоже входитъ въ составъ ханства. Это весьма высокій кряжъ, имѣющій среднюю высоту гребня болѣе 17000' и несущій пики, высота которыхъ далеко превосходитъ 20000 футовъ. Хребетъ этотъ, названный мною пока Заалайскимъ, по своему мощному развитію превосходитъ всѣ другія части среднеазіатскаго нагорья.

Горы на югѣ и на сѣверѣ ханства, какъ я уже говорилъ, состоятъ изъ цѣлаго ряда грядъ, болѣе или менѣе ясныхъ и длинныхъ. Между этими грядами тянутся продольныя долины, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ значительной длины и ширины. Особенно поражаетъ своими размѣрами долина верхняго теченія Кизиль-су, извѣстная подъ именемъ Алая. При длинѣ около 60 верстъ она имѣетъ слишкомъ 20 верстъ ширины и представляется скорѣе обширною степью, ограничленною съ боковъ высокими горами.

Кромѣ этихъ продольныхъ долинъ мы видимъ еще множество поперечныхъ трещинъ, очевидно образовавшихся при поднятіи горной массы. Трещины эти почти всегда идутъ въ поперечномъ направленіи къ грядамъ и прорѣзываютъ горы до самаго водораздѣльнаго хребта. По этимъ трещинамъ съ горъ стекаетъ нѣсколько рѣчекъ, направляющихся къ Сырь-дарьѣ.

Сырь-дарья единственная большая рѣка, протекающая чрезъ ханство. Она прорѣзываетъ его нѣсколько косо въ СВВ — ЮЮЗ направленіи, входя близъ Учъ-куртана и оставляя его нѣсколько восточнѣе Кара-чихума. Все ея теченіе въ предѣлахъ ханства составляетъ 250 верстъ, т. е. около $\frac{1}{7}$ всего ея теченія.

Сырь-дарья входитъ въ ханство еще подъ именемъ Нарына и получаетъ названіе Сырь-дарьи по соединеніи съ Малой Сырь-дарьей, близъ Намангана. Рѣку Малый Сырь туземцы считаютъ за начало Сырь-дарьи, съ чѣмъ однако, по ея меньшей величинѣ сравнительно съ Нарыномъ, согласиться нельзя. Дѣйствительные истоки Сырь-дарьи лежатъ гораздо восточнѣе, въ предѣлахъ такъ называемаго Нарынскаго края, принадлежащаго Россіи. Тамъ, около 79° , изъ обширнаго ледника вытекаетъ р. Большой Нарынъ, которая затѣмъ принимаетъ значительное

число горныхъ рѣчекъ и оставляетъ Нарынскій край, пробиваясь чрезъ недоступную для прохода тѣснину. Вступивъ въ ханство, Нарынъ имѣетъ размѣры большой рѣки, немного только меньшіе тѣхъ, какіе рѣка имѣетъ у Ходжепта. Малая Сыръ-дарья безъ сомнѣнія обогащаетъ его водами, но вѣроятно не болѣе, какъ одною пятою частью того количества, которое имѣетъ Нарынъ, входя въ ханство.

Кромѣ Малой Сыръ-дарьи ни одна рѣчка, по крайней мѣрѣ надземнымъ теченіемъ, не доходитъ до р. Сыръ-дарьи: всѣ онѣ разбираются на орошеніе и частью вѣроятно всасываются подъ землю.

Число этихъ рѣчекъ довольно значительно, особенно стекающихъ съ южныхъ горъ. Рѣчки эти слѣдующія: Исфара, Сохъ, Шахмарданъ, Исфайрамъ, Наукатъ и Акъ-бура. Всѣ онѣ, за исключеніемъ Науката, берутъ начало въ хребтѣ, водораздѣльномъ съ Аму, и образуются изъ многихъ ручьевъ; только немногія вытекаютъ изъ ледниковъ. Для рѣки Исфары это положительно вырѣшено мною; затѣмъ, по рассказамъ туземцевъ, я предполагаю, что и р. Сохъ выходитъ изъ ледника. Про остальные рѣчки мнѣ говорили и отчасти я видѣлъ самъ, что онѣ выходятъ изъ земли (джирданъ), т. е. изъ ключей. Наукатская рѣка беретъ начало въ грядѣ, лежащей сѣвернѣе водораздѣльной и въ ея образованіи должны принимать участіе ледники горной массы Агартъ и Гезартъ.

Текущая изъ южныхъ горъ рѣка Малая Сыръ-дарья имѣетъ истоки въ не изслѣдованномъ еще юго-восточномъ углу ханства, изъ котораго вытекаютъ двѣ рѣки: Таръ и Каракульджа, соединяющіяся верстахъ въ 15 выше Узгента; ниже Узгента въ образовавшуюся такимъ образомъ рѣку вливаются еще р. Яссы и р. Куршабъ. Затѣмъ Малая Сыръ-дарья выходитъ изъ горъ и течетъ въ направленіи съ востока на западъ, т. е. въ томъ же, какое потомъ имѣетъ и р. Сыръ-дарья. Отъ этого, вѣроятно, туземцы и считаютъ р. Малый Сыръ за начало Сыръ-дарьи. Съ сѣверныхъ горъ текутъ небольшія рѣчки, которыя скорѣе можно назвать ручьями; онѣ служатъ для орошенія полей и садовъ небольшого числа поселеній, находящихся на правомъ берегу Сыръ-дарьи. Наибольшіе размѣры имѣетъ повидимому самая восточная изъ этихъ рѣчекъ, называемая Аксу; далѣе слѣдуютъ рѣчки, протекающія чрезъ города Кассанъ и Тусъ. Съ горъ Кендыръ-тау стекаютъ только самыя ничтожныя ручьи.

Теперь нѣсколько словъ о характерѣ мѣстности, занятой ханствомъ. Равнинная часть собственно долины Ферганы носитъ на себѣ на значительномъ протяженіи степной характеръ. Орошеніе (при посредствѣ каналовъ изъ горныхъ рѣчекъ и рѣкъ Нарына и Малой Сыръ-дарьи) дало возможность превратить эту степную мѣстность въ богатый оазисъ, впрочемъ далеко не сплошной; такъ по лѣвому берегу Сыръ-дарьи разстилается и теперь еще нетронутая культурой степь—мѣсто зимней кочевки киргизъ. Полоса оазисовъ начинается южнѣе, тамъ гдѣ горныя рѣчки выходятъ изъ горъ; тутъ по окраинѣ горъ тянется почти сплошная, непрерывная масса садовъ и полей на протяженіи около 250 верстъ отъ Карачшума до Ханавата. Ширина этой полосы измѣняется отъ 15 и менѣе верстъ до 40 (на меридианѣ Андиждана).

На сѣверномъ, правомъ берегу Сыръ-дарьи оазисы являются въ отдѣльныхъ пунктахъ, не образуя сплошной полосы, потому что рѣки слишкомъ малы, да и самая почва здѣсь бесплодна. Воздѣланныя пространства встрѣчаются и въ горахъ,—въ продольныхъ долинахъ, ближайшихъ къ главной,—и въ нижнихъ частяхъ поперечныхъ долинъ; наибольшая высота,

до которой доходятъ осѣдлыя поселенія въ горахъ, около 4500' (сел. Ворухъ); пашни (ячменя) идутъ впрочемъ выше до 8500'. Горные склоны и высоты только въ немногихъ мѣстахъ покрыты пашнями; по большей части они слишкомъ скалисты и круты, покрыты кустарниками или рѣдкой лѣсной растительностью, преимущественно можжевельникомъ. Эта скалиность и крутизна дѣлаютъ ихъ мало удобными и для скотоводства. Напротивъ верхнія части долины представляютъ богатая пастбища, такъ называемыя яйлау, куда на лѣто уходятъ киргизы со своими стадами.

Такимъ образомъ мы видимъ въ составѣ ханства: степь, обработанныя пространства, горы съ кустарной и древесной растительностью, альпійскіе луга и пространства, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, т. е. всѣ главные пояса, которые могутъ существовать въ данной широтѣ и внутри такого обширнаго континента, какъ Азія.

Ознакомивъ читателя съ существовавшими о Коканскомъ ханствѣ свѣдѣніями, характеромъ страны и условіями, при которыхъ должно было совершиться путешествіе, мнѣ не много нужно будетъ сказать о задачахъ, которыя я имѣлъ въ виду преслѣдовать при этой поѣздкѣ. Было ясно, что мнѣ предстоитъ посѣтить страну, относительно которой почти все будетъ ново. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что, избравъ мѣстомъ своей дѣятельности горные округа на южной окраинѣ ханства, я получу возможно болѣе новаго по животнымъ и растеніямъ, такъ какъ эти мѣстности болѣе всего удалены отъ тѣхъ, гдѣ мнѣ приходилось до сихъ поръ работать, или гдѣ путешествовали другіе. Тамъ же можно было падѣяться получить и возможно больше данныхъ для уясненія отношеній между тьяншанской фауной и гималайской. Въ виду этого былъ составленъ слѣдующій планъ работъ и онѣ распределены между отправляющимися въ путешествіе такимъ образомъ:

Я взялъ на себя наблюденія географическія (орографія, гидрографія, гипсометрія, вообще наблюденія по физической географіи страны), веденіе маршрута; горизонтальное и вертикальное распространеніе животныхъ и растеній, составъ фауны въ разныхъ мѣстностяхъ, наблюденія надъ причинами, обуславливающими различіе въ составѣ и измѣненіяхъ формъ; собраніе свѣдѣній о сосѣднихъ странахъ; собраніе животныхъ, преимущественно безпозвоночныхъ; вообще наблюденія, могущія уяснить характеръ страны, ея физическія условія, этнографическія особенности. Затѣмъ на мнѣ же лежало общее руководство экспедиціей, сношенія съ коканскимъ правительствомъ, заботы объ осуществленіи экскурсій и т. п.

Ольга Александровна Федченко взяла на себя собраніе и препарированіе растеній; рисованіе видовъ мѣстностей, характерныхъ по своему строенію и другимъ особенностямъ, древнихъ памятниковъ и т. п. Кромѣ того Ольга Александровна находила время помогать мнѣ и въ производствѣ наблюденій, лежавшихъ собственно на мнѣ.

Препараторъ Я. С. Савельевъ—собраніе животныхъ (птиць, ящериць и рыбъ, пасѣкомыхъ, пауковъ и другихъ безпозвоночныхъ): препарированіе птицъ, приготовленіе и помѣщеніе другихъ животныхъ въ коллекцію. Постоянное отыскваніе глистовъ у препарируемыхъ птицъ.

Стрѣлокъ—добываніе птицъ.

Переводчикъ Г. Нуреквинъ—переводъ при разговорахъ съ туземцами касательно дѣлъ и надобностей экспедиціи (для нуждъ, касающихся лично меня, я долженъ былъ довольствоваться своими познаніями): переводъ писемъ къ коканскимъ властямъ и ихъ отвѣтовъ.

Джигиты тоже получили опредѣленное назначеніе сопровождать каждаго изъ членовъ экспедиціи, везя нужныя для наблюдений и собиранія инструменты, (которыхъ по сложности программы, какъ напр. у меня, набралось множество); одинъ слѣдовать при выюкахъ.

Байтурсуну, какъ самому развитому и надежному, былъ ввѣренъ самый нѣжный инструментъ — барометръ; Галибекъ ѣхалъ со мной, Арсланъ при Ольгѣ Александровѣ, Буканбай съ препараторомъ, Бикъ-Бау при переводчикѣ, Садыкъ при выюкахъ. Какъ въ дѣйствительности работала вся эта на первый взглядъ сложная машина, мы увидимъ во время разсказа о путешествіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГОРОДЪ КОКАНЪ.

Переѣздъ въ Ходжентъ.—Переправа черезъ Чирчикъ.—Состояніе дорогъ.—Арба.—Мугуль-тау.—Переправа чрезъ Сырдарью.—Шелководство въ Ходжентъ.—Болезнь шелковичнаго червя.—Вліяніе гренарной спекуляціи.—Отѣздъ въ Коканъ.—Дороги въ Коканъ.—Туземный садъ.—Границы съ Коканомъ.—Махрамъ.—Горы Афтообъ и Мазаръ тау.—Каменная стена.—Легучіе пески.—Мгла.—Горячій вѣтеръ.—Вивъ-арыкъ.—Пріѣздъ въ г. Коканъ.—Визитъ мехтеру.—Затяжки.—Представленіе хану.—Новый дворецъ.—Свѣдѣнія о ханѣ.—Поѣздки по городу.—Достопримѣчательности Кокана: новый базаръ, медресе и мечети, мосты, писчебумажная фабрика.—Визитъ Султана Мурадъ-беку.—Русскіе кушцы.—Уличныя сцены.—Послѣдніе сборы.—Инаатъ нама.

Изъ Ташкента въ городъ Коканъ ведутъ двѣ дороги: одна колесная чрезъ Ходжентъ, другая—вьючная черезъ переваль Кендырь. Послѣдняя гораздо ближе, но перевезти значительные запасы экспедиціи на вьюкахъ стоило бы большихъ издержекъ и хлопотъ, поэтому я и избралъ дорогу чрезъ Ходжентъ. Къ тому же до Ходжента я могъ доѣхать на почтовыхъ, довольно скоро; разница во времени не была очень значительна въ пользу горной дороги. Окончивъ главное снаряженіе, я отправилъ тяжелыя вещи на арбахъ (мѣстный двухколесный экипажъ на очень высокихъ колесахъ), въ Ходжентъ и съ ними верховыхъ лошадей и джигитовъ, а самъ остался еще на день въ Ташкентѣ, чтобы кончить послѣднія приготовленія. Прощаясь съ ташкентскими знакомыми, я выслушалъ самые разнообразныя отзывы о предпринимаемомъ путешествіи: одни искренно сочувствовали моему рѣшенію, другіе прямо осуждали мое безрассудство ѣхать съ женой въ рискованное путешествіе, въ страну, не подчиненную прямо русской власти и т. п. Для успокоенія всѣхъ и для скорѣйшаго ознакомленія съ ходомъ путешествія я тогда же озаботился, чтобы письма мои въ Ташкентъ къ генералъ-губернатору были передаваемы въ редакцію Туркестанскихъ Вѣдомостей, гдѣ они и печатались еще во время самаго путешествія.

О дорогѣ до Ходжента я не буду много говорить—она извѣстна многимъ, была описана уже нѣсколько разъ. Самые интересныя пункты дороги: переправа черезъ Чирчикъ и переѣздъ чрезъ приподнятую плоскость, соединяющую лежащія противъ Ташкента горы Мугуль-тау съ проходящими восточнѣе. Переправа черезъ Чирчикъ представляетъ особый типъ въ ряду приспособленій, которыми пользуются здѣсь для перехода черезъ рѣки. Чирчикъ это горный потокъ, глубокій и быстрый до невѣроятности въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ и весьма мирная, хотя и быстрая рѣчка въ концѣ лѣта и осенью. Возвращаясь въ августѣ изъ путешествія и переѣхавъ близъ Куйлюка на глубокую рѣчку, я ждалъ еще другой,

полагая, что пробхаль только небольшой рукавъ Чирчика. Но оказалось, что я не узналъ того мѣста, гдѣ весной переправлялся съ такими трудностями. Впрочемъ въ весеннее время переправа производится нѣсколько ниже (въ полуверстѣ), гдѣ Чирчикъ разливается гораздо шире, вслѣдствіе чего онъ мельче и не такъ быстръ. Пробѣжающимъ въ тарантасѣ эта переправа чистое бѣдствіе: всѣ вещи изъ тарантаса перекладываются на арбу, а если вода очень велика, то на высокую и безъ того площадку арбы кладутъ еще рѣшотку. Путешественники помѣщаются поверхъ груды ящиковъ и другой поклажи и ихъ приглашаютъ держаться за веревки, которыми притянута кладь, чтобы не упасть, если закружится голова при взглядѣ на быстро несущіяся воды. Чтобы теченіемъ не опрокинуло тарантасъ, его поддерживаютъ съ помощью веревокъ ѣдущіе выше по рѣкѣ туземцы, которые обыкновенно въ такихъ случаяхъ являются на переправу изъ лежащей на берегу деревни. Хотя назначеніе этихъ туземцевъ, кромѣ удержанія экипажа, главнымъ образомъ состоитъ въ подаваніи нужной помощи въ случаѣ какого либо несчастія и они обыкновенно ѣдутъ по сторонамъ переправляющейся арбы, но я сомнѣваюсь, чтобы они дѣйствительно могли въ чемъ нибудь оказать серьезную помощь при этой ужасной быстринѣ теченія весенняго Чирчика.

Какъ бы то ни было, мы стали приготовляться къ переѣзду на ту сторону. Переложили вещи, залѣзли на самый верхъ арбы и двинулись въ путь вслѣдъ за жожакомъ, знавшимъ хорошо направленіе отмелей.

Такая переправа представляетъ очень своеобразную картину, за всѣми мелочами которой переѣзжающіе слѣдятъ съ невольнымъ любопытствомъ. Бушующая масса воды, разливающаяся въ хорошую полую воду почти на версту, сначала довольно мелка и съ шумомъ разбивается о спицы саженныхъ колесъ арбы. Но вотъ арба сильно наклонилась впередъ и нѣсколько на бокъ — значитъ съѣзжаютъ въ глубь. Вода доходитъ уже до ступицъ, плещетъ черезъ площадку. Вскорѣ опять мельче, даже попалося осохшее мѣсто. Вдругъ арба погружается такъ, что вода несется черезъ площадку, подъ рѣшоткой, отъ лошади виднѣются только голова и хвостъ, и путешественники вздыхаютъ легко тогда только, когда арба начнетъ подниматься на противоположный берегъ. Привозятъ тарантасъ, въ него залила вода, изъ него течетъ: давъ стечь водѣ, въ тарантасъ съ мокрой обивкой начинаютъ укладывать вещи, которыя тоже обмокли, и затѣмъ пускаются въ путь. При тамошнихъ жарахъ ѣхать въ такомъ намокшемъ тарантасѣ очень непріятно: атмосфера наполняется горячими парами; отсырѣвшая поклажа согрѣвается и поднимаетъ еще выше температуру. Тотъ кто выстроилъ бы мостъ на Чирчикѣ, а не представилъ бы только проектъ, какъ это слышно было до сихъ поръ, оказалъ бы огромную услугу не только пробѣжающимъ, но и краю, такъ какъ главный производительный районъ лежитъ за Чирчикомъ, Ташкентъ же есть для всей этой мѣстности главный и необходимый рынокъ. Пробѣжающіе въ тарантасахъ и другихъ европейскихъ экипажахъ вообще часто испытываютъ затрудненія на тамошнихъ дорогахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мѣстная арба ѣдетъ безъ малѣйшаго затрудненія. Такимъ образомъ критерій исправнаго состоянія дороги для туземца и для русскаго различенъ и содержаніе дорогъ въ такомъ видѣ, чтобы онѣ были пробѣжаемы для русскихъ, составляетъ для мѣстной администраціи больше заботъ, чѣмъ въ Россіи. Дорога до Ходжента принадлежитъ къ числу лучшихъ въ краѣ. На этой дорогѣ мы видимъ искусственное сооруженіе—шоссе въ 30 верстъ, проведенное чрезъ болотистую низменную мѣстность, которая тянется вдоль Чирчика. Однако и на этой дорогѣ намъ, бывшимъ въ тарантасахъ, представилось затрудненіе, котораго туземецъ и не ощутилъ бы. Мы ѣхали

по прекрасному шоссе, проложенному между Ташкентомъ и Тойтубе; дорога не требовала никакого вниманія отъ ямщика, какъ вдругъ одна изъ пристяжныхъ свалилась куда то, оборвала постромки, а другія лошади остановились. Дѣло было темной ночью; осмотрѣвшись, мы увидѣли, что препятствіе для насъ составилъ мостъ съ развалившейся настилкой; кое какъ втащили лошадь изъ глубокаго арыка на высокое полотно дороги и принялись соображать, что дѣлать. Ямщикъ совѣтовалъ ждать утра, когда поѣдутъ въ Ташкентъ вошки на арбахъ, объясняя, что у нихъ всегда можно достать или инструментъ, чтобы поправить дорогу, или бревно, чтобы можно было переѣхать чрезъ арыкъ. ъхать не хотѣлось. Смѣривъ оставшійся кусокъ моста и ширину хода тарантаса, мы рѣшили рискнуть — передвинуть потихоньку тарантасъ, что и удалось; хотя одно изъ заднихъ колесъ и пачало было скатываться въ арыкъ, да успѣли выдернуть. Другаго рода затрудненія, тоже не представляющія никакихъ неудобствъ для туземной арбы—ямы и рывины на дорогѣ: огромное колесо арбы и не погрузится до два ямы тамъ, гдѣ тарантасъ застрянетъ, да такъ прочно, что вытаскивать его приходится уже рычагами; къ тому же тамошнія заморенныя лошади, почти всегда со сбитыми плечами отъ дурной упряжи, до того худо обвѣзжены, что начинается великая возня каждый разъ, чуть только встрѣтится маленькое препятствіе. Дружно брать онѣ не приучены,—ну и случается частенько что пристяжныя дернуть, вытащить экипажъ изъ ямы, но онѣ опять откатится назадъ, такъ какъ коренная стоитъ, упершись всеми силами. Начинается возня, перепряжка, посыланіе за свѣжими лошадьми, словомъ то, на что уходитъ при ѣздѣ по туркеставскимъ дорогамъ столько же времени, сколько нужно на переѣздъ изъ одного пункта въ другой. Особенно памяты мнѣ ямы всего въ 15-ти верстахъ отъ Ташкента по дорогѣ въ Чимкентъ. Въ оба раза, какъ я уѣзжалъ въ Россію, мнѣ приходилось сидѣть по нѣскольکو часовъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и видѣть какъ арбы, не останавливаясь, проѣзжали чрезъ это злополучное мѣсто. Тутъ были впрочемъ даже не простыя ямы, а воронки ключей очень обильныхъ водою, по крайней мѣрѣ при дождливой погодѣ.

Замѣнить же европейскіе экипажи мѣстной арбой, покрайней мѣрѣ для скорыхъ переѣздовъ невозможно. Мнѣ пришлось разъ проѣхать на арбѣ только двѣ станціи между Самаркандомъ и Джизахомъ, но я ее не забуду никогда. При помѣщеніи площадки арбы непосредственно на оси, толщиной вершковъ въ шесть, тряска при быстрой ѣздѣ становится до того мучительной, что сравнивать такіе переѣзды съ ѣздой у насъ въ почтовой тележкѣ совершенно невозможно: послѣдняя пожалуй показалась бы ужъ очель покойна. При ѣздѣ шагомъ конечно и арба покойна.

Я уже упоминалъ, какъ о мѣстѣ достойномъ вниманія, о плоской возвышенности, которую переѣзжаютъ на послѣдней станціи передъ Ходжентомъ. Горы почти отъ самаго Ангрена сопровождаютъ дорогу слѣва; не высокія, голыя, онѣ составляютъ отроги небольшой возвышенности, которая служитъ въ этомъ мѣстѣ нашей границей съ Коканомъ. Дорога постепенно приближается къ горамъ и передъ послѣдней станціей онѣ появляются и на правой сторонѣ дороги. Это отроги Мугуль-тау. Послѣдняя станція Мурза-арабатъ лежитъ уже какъ бы въ обширной ложницѣ, слегка покатой къ сѣверу. Подъемъ отъ станціи ничтожный и скоро дорога выходитъ на самое высокое мѣсто, откуда открывается панорама, подобной которой я не видалъ въ Средней Азіи: ввиду течетъ большая рѣка; за ней на слегка подымающейся къ югу плоскости лежатъ деревни, кажущіяся издали, отъ сплошной зелени садовъ, большими темными пятнами на зеленомъ или желтомъ фонѣ степи (смотря по времени года). Къ Сыръ-

дарьѣ подходятъ круто приподнятая гряда, составляющая первый уступъ; за ней идутъ параллельно другія гряды, все выше и выше и наконецъ тянется огромной высоты кряжъ съ зазубреннымъ гребнемъ и отдѣльно торчащими болѣе высокими пиками. Пики эти достигаютъ выше 18,000', а гора Абдувайшеръ даже до 20,000'; этотъ кряжъ составляетъ продолженіе тѣхъ самыхъ горъ, которыя я предположилъ изслѣдовать въ Кокапскомъ ханствѣ. Онѣ къ югу отъ Ходжента такъ высоки, что въ ясные дни (особенно весной, когда воздухъ еще не наполненъ нилью) ихъ хорошо можно видѣть изъ Ташкента, съ небольшихъ возвышенностей, которыя поднимаютъ зрителя болѣе какъ сажень на 7 надъ ровной степью, тогда какъ разстояніе между Ташкентомъ и этими горами по прямой линіи 190 верстъ.

Ходжентъ лежитъ немного западнѣе того мѣста, гдѣ дорога выходитъ на упомянутую озвышенную точку, начиная съ которой дорога поворачиваетъ почти прямо на западъ и, слѣдуя весьма пологой покатостью, спускается къ Сырь-дарьѣ. Мугуль-тау остаются не вдалекѣ направо.

Ходжентъ лежитъ на лѣвомъ берегу Сырь-дарьи, поэтому ѣдущимъ изъ Ташкента предстоитъ переправа черезъ рѣку, которая имѣетъ въ этомъ мѣстѣ значительную ширину и главное весьма быстра. Переправа производится на лодкахъ мѣстнаго издѣлія (къ удивленію моему я видѣлъ даже строящуюся лодку въ Ходжентѣ). Лодки эти, или какъ ихъ зовутъ — паромы, весьма первобытной конструкціи и чрезвычайно неудобны для переправы. Онѣ плоскодонны, борта возвышаются перпендикулярно и равномерно загибаются къ носу и кормѣ. Въ ходжентскомъ паромѣ есть то улучшеніе, что существуетъ настилка, а на переправахъ, находящихся въ рукахъ туземцевъ (я видѣлъ ихъ въ Байракумѣ, въ Чардарѣ и близъ Намангана на Нарынѣ) дно парома не имѣетъ настилки, слѣдовательно грузъ и животныя должны перейти черезъ барьеръ около аршина высотой, что при отсутствіи всякихъ приспособленій весьма затруднительно. Ходжентскій паромъ имѣлъ еще и другое улучшеніе: были заведены весла, (обыкновенно же въ Средней Азій для переправы употребляются лошади, привязанныя хвостами къ парому и направляемыя къ противоположному берегу: онѣ, плывя, влекутъ за собою паромъ), но при неумѣнн обращаться съ ними весла скоро сломали и теперь просто гребутъ толстыми палками. Замѣчательно, что такая же замѣна веселъ палками произошла и на переправахъ, гдѣ туземцамъ отданы въ арендное содержаніе казенные желѣзные баркасы (напр. въ Чпназѣ). Весла скоро поломались и туземцы нашли удобнѣе употреблять не обтесанные палки; мнѣ кажется эта замѣна произошла отъ хрупкости употребляемаго перевозчиками дерева для веселъ (тополь) и неумѣнн соразмѣрять силу гребли съ сопротивленіемъ: когда же у нихъ въ рукахъ простая палка, они устанавливаютъ равновѣсіе между сопротивленіемъ и крѣпостью инструмента. Любопытный примѣръ регрессивнаго метаморфоза, хотя конечно весьма не утѣшительный.

Не нужно говорить, что при такихъ приспособленіяхъ переправа черезъ Сырь дѣло весьма скучное и понятно, что многихъ увлекала мысль о постройкѣ черезъ Сырь-дарью у Ходжента постоянного моста, мысль прекрасная, но оставшаяся не осуществленною и только помѣшавшая радикальному улучшенію паромной переправы¹⁾. А между тѣмъ какъ легко было бы устроить переправу по способу такъ называемыхъ самолетовъ, для чего

¹⁾ Въ настоящее время строится уже постоянный мостъ черезъ Сырь-дарью, который долженъ быть готовъ по условію съ подрядчикомъ. лѣтомъ 1874 г.

быстрая рѣка представляетъ всѣ данныя. Для этого въ началѣ не нужно было бы даже строить новыхъ плотовъ: якорь, крѣпкій канатъ, нѣсколько бревень (въ смыслѣ понлавковъ) и переправа совершалась бы въ пять минутъ, безъ всякихъ задержекъ и затрудненій.

По приѣздѣ въ Ходжентъ я, благодаря любезности уѣзднаго начальника, нашелъ помещеніе въ его квартирѣ и былъ ему за это весьма благодаренъ. Вообще при путешествіяхъ чрезъ занятые русскими города остановки въ нихъ весьма непріятны. Путешествуя верхомъ, обыкновенно везешь съ собой все нужное для существованія и конечно всегда удовольствуешься, если найдешь мѣсто разбить палатки и устроить самый скромный обѣдъ или закуску. Приѣзжая же въ уѣздный городъ, весьма естественно желать большаго, надѣяться искупить, такъ сказать, непріятности и неудобства дороги, — словомъ, хочется отдохнуть не при такой печальной обстановкѣ... Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ приходится разочаровываться въ такого рода мечтаніяхъ. Во многихъ городахъ существуютъ правда гостиницы, но то, что получаешь въ этихъ гостиницахъ по части помещенія и пици, весьма не привлекательно. Ходжентъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ даже и такой гостиницы; въ этомъ случаѣ, если не имѣешь въ городѣ знакомыхъ, приходится останавливаться просто на почтовой станціи, что однажды я и испыталъ въ томъ же Ходжентѣ (при проѣздѣ въ Пскендеръ-кульскую экспедицію).

Пребываніе мое въ Ходжентѣ было впрочемъ непродолжительно: на другой же день мы побѣжали дальше.

Такъ какъ джигиты съ вещами и лошадьми приѣхали раньше, то въ Ходжентѣ знали уже, что въ Коканѣ ѣдетъ какой то тюръ (господинъ; впрочемъ слово это употребляется вообще для обозначенія важныхъ лицъ, напр. старшаго сына Бухарскаго эмира звали Катта-тюря; туземцы зовутъ тюря всѣхъ русскихъ офицеровъ, служащихъ и т. п.) и ѣдетъ при обстановкѣ не совсѣмъ обычной. Пошли объ этомъ толки и скоро ко мнѣ явились разныя должностныя лица изъ туземцевъ. Оказалось, что у нихъ составилось уже предположеніе, что я ѣду въ Коканъ для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ о границѣ съ ханствомъ. Въ то время относительно нѣсколькихъ мѣстностей было еще недоумѣніе, кому онѣ должны платить подати, а главное затрудненіе возбуждали кочевые киргизы, которые на зиму спускались въ наши предѣлы, а на лѣто уходили въ горы, считавшіяся коканскими. Нужно замѣтить, что русскіе по завоеваніи Ходжента ограничили присоединеніемъ только ближайшихъ окрестностей его, между тѣмъ прѣжнее ходженское бекство простиралось гораздо далѣе на востокъ; такимъ образомъ русскіе не заняли территоріи съ установленными границами, а пришлось эти границы проводить снова. Такъ какъ повое коканское правительство стало держать себя въ отношеніи Россіи весьма дружественно, то рѣшили ограничиться только самымъ необходимымъ и въ общихъ чертахъ намѣтили разграничительную линію.

Понятно, я разуверилъ всѣхъ въ официальной характерѣ моей поѣздки и для большаго убѣжденія въ этомъ завелъ разговоръ о занятіяхъ жителей въ Ходжентѣ и о мѣстной производительности. Меня особенно интересовало въ Ходжентѣ шелководство, которое въ этомъ городѣ и его районѣ развито очень сильно, чуть ли не болѣе чѣмъ во всякой другой мѣстности, занятой русскими. Поэтому то здѣсь я и надѣялся дополнить мои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ; нужно сказать, что, при всей важности этого вопроса, я не могъ заняться имъ систематично и въ подробностяхъ: развитіе шелковичнаго червя, совершается во второй половинѣ апрѣля и въ теченіи мая, т. е. какъ разъ въ то время, когда животная жизнь является въ Туркестанѣ въ

наибольшемъ развитіи, когда массы различныхъ животныхъ появляются въ такихъ мѣстностяхъ, которыя позже кажутся совершенно мертвыми. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, мнѣ предстояло или ограничиться изслѣдованіемъ только одного шелковичнаго червя, или воспользоваться благопріятнымъ временемъ и собирать матеріалъ для изученія фауны Туркестана. Для первой цѣли я долженъ былъ бы поселиться на одномъ мѣстѣ, для второй — путешествовать и притомъ по степямъ, далеко отъ мѣстъ, гдѣ выкармливаютъ шелковичнаго червя. Я выбралъ послѣднее, такъ какъ задачей моего путешествія было прежде всего общее изученіе фауны Туркестана. Такимъ образомъ въ 1869 г. періодъ червекормленія я провелъ въ путешествіи по Заравшанской долинѣ, а въ 1871 — въ песчаной степи Кизиль-кумъ. Однако я старался пользоваться всѣми представлявшимися случаями и для изученія шелководства и мѣстныхъ особенностей его, но конечно при такихъ условіяхъ знакомство получилось общее, а относительно частныхъ вопросовъ отрывочное. Больше всего поучительными оказались наблюденія надъ болѣзною шелковичнаго червя ¹⁾, заставившія принять рѣшительныя и серьезныя мѣры къ улучшенію мѣстныхъ пріемовъ по червекормленію и къ устраненію причинъ, могущихъ содѣйствовать усиленному эпидемическому развитію болѣзни ²⁾.

Въ Ташкентѣ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Ходжентъ, я имѣлъ случай наблюдать весьма сильно развитую болѣзнь червей у одного шелковода. Черви въ послѣдней стадіи умирали массами. При вскрытіи оказалось, что черви заключали огромное количество тѣлецъ Корналы. Въ шелкоотдѣлительныхъ железкахъ мѣстами ихъ было такъ много, что это было замѣтно уже снаружи въ видѣ бѣлыхъ пятенъ. Подъ микроскопомъ въ такихъ мѣстахъ оказывались громадныя скопленія тѣлецъ Корналы. Впрочемъ это былъ одиночный случай такого сильнаго развитія болѣзни червя и у другихъ хозяевъ въ Ташкентѣ особой смертности червей не наблюдалось.

Получить свѣдѣнія о шелководствѣ въ Ходжентѣ мнѣ было тѣмъ интереснѣе, что предыдущій годъ отличался лихорадочной дѣятельностью по заготовкѣ яичекъ, заказанныхъ прибывшими изъ Італіи агентами, съ цѣлью снабженія ими итальянскихъ червоводовъ, какъ безболѣзненными. Яичекъ было заготовлено такое множество, что агенты не нашли выгоднымъ купить и увезти все это количество. Большая часть осталась на рукахъ продавцовъ. Чтобы не пропало оставшееся добро, въ 1871 г. все количество яичекъ пустили на выкормку. Послѣдствія очевидны: не хватило на всѣхъ тутоваго листа и въ результатѣ получили коконовъ гораздо меньше (безъ преувелченія можно сказать, разъ въ пять), чѣмъ если бы пустили на выводку такое количество, какое допускало имѣющееся количество туты. Весь тутъ, съѣденный червями, которыхъ нечѣмъ было докормить, пропалъ безъ всякой пользы. Усиленная выводка червей вызвала два явленія: выносъ живыхъ червей для продажи на базары и страшное повышеніе цѣны на тутъ. Выносъ червей на базары, въ жаркую, удушливую атмосферу, конечно вліялъ весьма губительно, и въ этомъ пріемѣ нельзя не видѣть одного изъ сильныхъ моментовъ для развитія болѣзненности и особенно для распространенія между червями такихъ заразительныхъ

¹⁾ Наблюденія эти и выводы, къ которымъ я пришелъ, большею частью изложены въ отчетѣ объ экспедиціи за 1869—70 г. (Изв. И. Общ. Л. Е. Т. IX.)

²⁾ Въ числѣ главныхъ мѣръ нужно упомянуть объ учрежденіи въ Ташкентѣ школы шелководства съ лабораторіей для наблюденій надъ шелковичнымъ червемъ и о важной отрицательной мѣрѣ — воспрещенія вывоза яичекъ шелковичнаго червя. Взамѣнъ вывоза яичекъ обращено вниманіе на усиленіе размотки шелка по европейскому способу, для чего учредилась обширная компанія.

болѣзней, какова небрина; поэтому желательнo, чтобы черви даже не могли появляться на базарахъ. Какъ вздорожалъ кормъ, т. е. тутовый листъ, могутъ показатъ слѣдующіе примѣры: одинъ ишакъ (5 споновъ) прежде стоилъ 60 к., а въ 1871 г. цѣна дошла до 2 р.; листъ съ 300 деревьевъ шелковицы былъ проданъ однимъ хозяиномъ въ Ходжентѣ за 80 р., а другимъ хозяиномъ листъ съ 140 трехлѣтнихъ деревцовъ былъ проданъ за 47 р.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ все таки въ 1871 г. въ Ходжентѣ было получено, какъ мнѣ говорили, коконовъ вдвое больше противъ 1870 г. Правда, при этомъ и коконы подшевели вдвое и даже прошлогодней размотки шелкъ продавался по недорогой цѣнѣ—160 р. за самый лучшій сортъ туземной размотки (чилля). Къ удивленію я долженъ сообщить при этомъ, что существовавшій въ то время въ Ташкентѣ шелкомотальни русскихъ не воспользовались столь значительнымъ пониженіемъ цѣны на коконы: какъ главное лицо, скупившее коконы, мнѣ назвали пѣскоого Арзамать-ходжу, который приобрѣлъ и увезъ въ Бухару коконовъ на 2000 тиллей (до 8000 р.); а позже я узналъ, что одна изъ ташкентскихъ шелкомоталенъ занимала въ долгъ по нуду коконовъ. Въ своемъ стремленіи къ барышнямъ шелкоразмотчицы не отстали отъ лицъ, набросившихся на выкормку червей: какъ послѣдніе не разочли количества тутъ, такъ первые не сообразили какъ велики имѣвшіеся въ ихъ рукахъ денежные средства. Вообще первые шаги удешевленныхъ шелкомоталенъ въ Туркестанѣ не были удачны, какъ въ отношеніи достоинства шелка, такъ и выгоды операций. Нужно надѣяться, что послѣдующія предпріятія въ этомъ направленіи будутъ счастливѣе. По крайней мѣрѣ неудачи предыдущихъ зависѣли отъ незнанія и разныхъ другихъ обстоятельствъ, къ сущности дѣла не относящихся.

Что касается до болѣзни червей въ Ходжентѣ въ 1871 г., то я могъ узнать только, что черви болѣли и умирали, но была ли причиной тому небрина осталось не разясненнымъ. Извѣстно, что шелковичный червь подверженъ многимъ болѣзнямъ и даже туземцы различаютъ ихъ нѣсколько. Такъ мнѣ сказали, что въ стадіяхъ чумали и машп-гурунчъ¹⁾, черви подвержены болѣзнямъ зира, причемъ они чернѣютъ и умираютъ; въ третьей стадіи, дагаи-хуртъ, черви желтѣютъ и умираютъ отъ болѣзни зарда; затѣмъ въ четвертой стадіи, дагаи-калянъ, черви раздуваются и умираютъ отъ болѣзни харакъ. Затѣмъ въ послѣдней же стадіи они умираютъ отъ болѣзней букъ-казартъ и карасанъ, причемъ при первой желтѣютъ, а при второй чернѣютъ. Конечно сообщенные признаки не много говорятъ о томъ, какія это болѣзни, а также какія измѣненія въ органахъ или отправленияхъ влекутъ за собой смерть червя, но я сообщаю эти свѣдѣнія въ надеждѣ, что они могутъ пригодиться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, которые безъ сомнѣнія будутъ произведены, такъ какъ знаніе мѣстныхъ болѣзней червя и условій ихъ вызывающихъ и способствующихъ развитію, дѣло первой важности для обезпеченія тамошняго шелководства отъ случайностей. Въ 1871 г. мнѣ называли болѣзни букъ-казартъ и карасанъ, какъ причинившія значительную смертность между червями.

¹⁾ Туземцы различаютъ четыре стадіи и называютъ ихъ:

1 Чумали	(тадж.),	Кумурска	(узбекск.)
2 Машп-гурунчъ	"	Кумурска	"
3 Дагаи-хуртъ	"	Кичикъ-дага	"
4 Дагаи-калянъ	"	Катта-дага	"

Вообще червь называется кермакъ, коконъ—чилля (слабо развитой болѣзненнымъ червемъ—сарлисакъ), бабочка—шаполакъ, причемъ самецъ зовется по узбекски иркекъ, по таджикски наръ, самка—ургачи (у.) и мода (т.). Въ Ходжентѣ населеніе говоритъ по таджикски, но всякій знаетъ по узбекски, т. е. наблюдается какъ разъ то же, что и въ Самаркандѣ.

Отзывовъ туземцевъ въ Ходжентѣ о прекращеніи вывоза янчекъ изъ Туркестанскаго края мнѣ не привелось слышать, но въ Кокапѣ я слышалъ на этотъ счетъ отзывы, самые недвусмысленныя: мнѣ ярко описывали вредное вліяніе греперства на шелководаніе и вообще на шелководство, радовались, что греперство прекратилось и приписывали это тому, будто бы ханъ просилъ генераль-губернатора запретить вывозъ янчекъ!

Урывками, между разспросами, шли послѣднія приготовленія къ отъѣзду. Мнѣ хотѣлось уѣхать въ тотъ же день дальше. Какъ ни интересенъ самый городъ, какъ ни богаты его окрестности, но пришлось бы прожить тутъ долго, чтобы достигнуть новыхъ результатовъ: въ Ходжентѣ занимались уже естественно-историческими изслѣдованіями гг. Сѣверцовъ и Кушакевичъ; послѣдній жилъ даже нѣсколько лѣтъ и, будучи пачальникомъ уѣзда, былъ поставленъ очень выгодно для изслѣдованій (за исключеніемъ развѣ этнографическихъ); мнѣ, чело-вѣку пріѣзжему, трудно было бы въ нѣсколько дней достигнуть чего нибудь и во всякомъ случаѣ пришлось бы эти нѣсколько дней отнять отъ мѣстностей, гдѣ еще никто не былъ. Одно меня чрезвычайно интересовало: г. Кушакевичъ, а съ его словъ и г. Сѣверцовъ говорятъ о нахожденіи въ горахъ къ югу отъ Ходжента, кромѣ можжевельныхъ лѣсовъ, еще сауровыхъ, т. е. *Tuja (Biota) orientalis*. Фактъ этотъ былъ бы въ высшей степени интересенъ, но я склоненъ думать, что тутъ вкралась ошибка: *Tuja orientalis* растетъ въ Туркестанскомъ краѣ саженая и при томъ всегда на кладбищахъ или на отдѣльныхъ мазарахъ; мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что имя сауръ, какъ называютъ туземцы такія деревья, ошибочно перепесено на какой нибудь видъ можжевельника, а въ туркестанскихъ горахъ можжевельника встрѣчается нѣсколько видовъ. По крайней мѣрѣ я въ своихъ экскурсіяхъ не встрѣчалъ дико растущей *Tuja orientalis* ни въ сосѣдней долинѣ Исфары, ни въ южнѣе лежащей долинѣ Заравшана.

Въ Ходжентѣ мнѣ хотѣлось прослѣдить еще, въ чемъ и какъ отразилось на городѣ вліяніе Сыръ-дарьи. Какъ извѣстно, Ходжентъ — единственный городъ во всемъ Туркестанѣ, стоящій непосредственно на берегу большой рѣки; всѣ другіе города если и стоятъ вблизи значительныхъ рѣкъ, то все-таки, получая воду для населенія и садовъ изъ каналовъ, отъ протекающей рѣки не имѣютъ для себя никакихъ особенныхъ выгодъ; тоже самое мнѣ пришлось увидѣть и здѣсь, гдѣ всего двѣ-три сажени отдѣляли городъ отъ такой значительной рѣки, каковъ Сыръ подъ Ходжентомъ. Даже болѣе: насколько мнѣ удалось замѣтить, рѣка до сихъ поръ приноситъ одни неудобства, заставляя, напримѣръ, содержать переправу. Нельзя конечно сомнѣваться въ томъ, что рѣка могла бы давать значительныя выгоды во многихъ отношеніяхъ и можно надѣяться, что онѣ и будутъ, но когда? До сихъ поръ развѣ одни только купальни представляютъ намекъ на нѣкоторый прогрессъ въ этомъ смыслѣ. Туземцы, какъ извѣстно, пользуются водой лишь для орошенія полей и садовъ, да для работъ на мельницахъ. Ни для того, ни для другаго большая рѣка не удобна (это и причина почему въ Средней Азіи не строятъ городовъ на большихъ рѣкахъ, а жмутся больше къ маленькимъ рѣчкамъ, дающимъ возможность при небольшихъ средствахъ отводить изъ нихъ воду куда пужно и двигать туземныя микроскопическія мельницы) и тотъ же Ходжентъ довольствуется водою изъ рѣчки Ходжабакарганъ, истощенной выше лежащими селеніями, и часто терпитъ крайнюю нужду въ водѣ, хотя возлѣ него и пробѣгаетъ рѣка, большіхъ размѣровъ, чѣмъ Рейнъ. Значеніе рѣки, какъ двигателя, какъ средства сообщенія и не затронуто. Рыболовствомъ почти не занимаются.

(Я видѣлъ въ Ташкентѣ исподискихъ сомовъ, привезенныхъ изъ Ходжента, поэтому сомнительно, чтобы Бигаватскіе пороги составляли такую преграду для рыбы, какъ это предполагаютъ; да если это и такъ, то можно было бы многія породы рыбы пересадить выше пороговъ). А рыбы въ Сыръ-дарьѣ обиліе. Ловить только печѣмъ да и некому.

Въ Ходжентѣ я долженъ былъ получить казачій конвой до коканской границы. Опасности никакой не предвидѣлось, по конвой былъ нуженъ, чтобы коканцы сразу увидѣли, что къ нимъ ѣдетъ лицо, пользующееся извѣстнымъ вниманіемъ. Извѣстно, что въ Средней Азій значеніе измѣряется вѣшностью и чѣмъ больше значеніе, тѣмъ больше должна быть и свита. Такъ какъ успѣхъ моего путешествія зависѣлъ отъ пріема, который мнѣ сдѣлаютъ, то въ этомъ отношеніи первое впечатлѣніе было въ извѣстной степени важно. Затѣмъ, по тамошнему этикету, я долженъ былъ получить столько же спутниковъ, со сколькими пріѣхалъ на границу, а для меня расчетъ былъ получить больше: съ малымъ числомъ во многія мѣста нечего было бы и думать ѣхать. Вообще зловѣщія предсказанія мнѣ не прекратились и въ Ходжентѣ, гдѣ повидимому должны бы были лучше знать положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ въ сосѣдней странѣ. Дѣло въ томъ, что весной, незадолго до моего отъѣзда, были получены свѣдѣнія о возстаніи кокавскихъ киргизъ близъ границъ Каратегина. Я позже расскажу эту исторію подробно, такъ какъ имѣлъ случай узнать ее, находясь въ непосредственной близости отъ самаго мѣста происшествія. Передъ отъѣздомъ въ Ташкентъ получены были свѣдѣнія о прекращеніи волненій. Въ Ходжентѣ это подтвердилось и были извѣстія о казни послѣдняго изъ 12 человекъ, сочтенныхъ зачинщиками,—казни, совершенной съ рѣдкою жестокостью: осужденному были отрѣзаны послѣдовательно носъ, руки и наконецъ голова. Такого рода непріятный разговоръ пришлось мнѣ записать при самомъ отъѣздѣ въ Кокань.

Наконецъ конвой мой былъ готовъ: оказалось возможнымъ дать всего четырехъ казаковъ; находящаяся въ Ходжентѣ сотня стояла лагеремъ на придарынскихъ лугахъ довольно далеко отъ города и усиленія конвоя пришлось бы ожидать очень долго, а мы и безъ того со сборами провозились далеко за полдень.

Въ Коканское ханство со стороны Ходжента ведутъ двѣ дороги. Находясь въ Ходжентѣ, мы впрочемъ уже не могли дѣлать выбора: дорога, идущая по правому берегу рѣки, гораздо дальше и пролегаетъ по мѣстамъ, менѣе населеннымъ. Ею пользуются арбы, ѣдущія изъ Ходжента прямо въ Кокань или обратно; эта дорога отдѣляется отъ идущей въ Ходжентъ въ томъ мѣстѣ, откуда раньше я любовался великолѣпнымъ видомъ на заходжентскую цѣпь горъ. Обѣ дороги арбяныя и идущая по лѣвому берегу такъ хороша, что въ таранасѣ свободно можно доѣхать до г. Кокапа (К. В. Струве такъ и сдѣлалъ; и далѣе при переѣздахъ между большими городами онъ пользовался таранасомъ); намъ впрочемъ нечего было и помышлять объ этомъ способѣ: почтовыхъ станцій здѣсь еще не существуетъ, а объ экстренной выставкѣ лошадей я не сталъ и думать. За самое лучшее я призналъ съ Ходжента же начать путешествіе верхомъ.

Выѣхавъ поздно, мы не могли рассчитывать проѣхать далеко и только торопились догнать наши арбы, ушедшія впередъ, раньше. Какъ ни старались, но скоро стемнѣло, поднялся сильный вѣтеръ и мы рѣшили остановиться въ лежащей на дорогѣ деревнѣ (или какъ тамъ зовутъ кишлакѣ) Костакозъ, верстахъ въ 20 отъ Ходжента. Тутъ мы узнали, что арбы чрезъ Костакозъ не проходили: онѣ выбрали другую дорогу чрезъ Цеписаръ и Катагапъ и намъ пришлось провести ночь безъ самыхъ необходимыхъ вещей, уѣхавшихъ съ арбами.

Для почлега намъ отвели садъ. Мнѣ часто придется повторять эту фразу и потому я лучше теперь же опишу туземный садъ, мѣсто нашихъ пріютовъ въ теченіи столькихъ ночей.

Сады въ Туркестанѣ имѣютъ приблизительно одинаковое устройство и садъ въ Костакозѣ представляетъ всѣ особенности типическаго сада. Большихъ или меньшихъ размѣровъ кусокъ земли обносится глиняной стѣнкой; затѣмъ обработанная земля занята подъ посѣвы люцерны (*Medicago sativa*), разныхъ огородныхъ растеній; на нѣсколькихъ грядкахъ сажаются еще садовыя растенія, особенно столь любимая за душистость базилика, рейханъ (*Ocimum Basilica*). Нѣсколько дерерьевъ, преимущественно плодовыхъ (изъ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ абрикосамъ, урюкъ), но можно встрѣтить еще ясень, тополи, иву и почти всегда шелковицу, тутъ, служащую главнымъ образомъ для выкормки червей. Необходимую принадлежность такой плантаціи составляютъ оросительныя каналы, арыки. Обыкновенно одинъ такой арыкъ входитъ въ садъ изъ проходящей по близости большей оросительной вѣтви или изъ сосѣдняго сада. Почти всегда арыкъ идетъ сначала къ находящемуся въ саду пруду. Прудъ, хоузъ, составляетъ самую лучшую принадлежность сада. Кругомъ его или съ одной стороны идетъ возвышенная площадка, турпакъ, изъ земли, вынутой при копаніи пруда. У внутренней и наружной стороны площадки сажаются деревья, чаще всего вязы, такъ называемые кайрагачи. Они являются въ двухъ породахъ: сада и бюджетимъ, весьма различныхъ по своей фізіономіи. Сада несетъ крону въ видѣ круглой шапки огромныхъ размѣровъ, бюджетимъ тянется вверхъ и его шапку скорѣе можно сравнить съ конусомъ, обращеннымъ вершиной внизъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ крона представляетъ такое густое скопленіе листьевъ, что солнечные лучи не могутъ пробиться сквозь нее и у пруда въ теченіи всего дня можно найти прохладу. Особенно густа крона кайрагачъ-сада, достигающая иногда въ діаметрѣ размѣра нѣсколькихъ саженъ. Такую крону и сильный дождь не въ состояніи пробить, подъ ней въ ливень остается сухо. Вообще, кайрагачи—это краса и предметъ всеобщаго восхищенія въ тамошнихъ садахъ. Къ тому же и древесина ихъ чрезвычайно пригодна на разныя по дѣлцу, требующія особой прочности или упругости, напр. на оси или ободья къ колесамъ арбъ. Поэтому нельзя не удивляться, что кайрагача разводится такъ мало: онъ встрѣчается почти исключительно близъ прудовъ въ садахъ или около могилъ святыхъ.

Если такой садъ служить и для жилища семьи сарга,—а лѣтомъ почти всѣ семейства изъ городовъ перебираются на житье въ окрестные сады,—то въ немъ еще устраивается курганчи; такъ называются лѣтнія помѣщенія въ садахъ, туземныя дачи, устройство которыхъ главнымъ образомъ характеризуется тѣмъ, что онѣ обнесены глиняной стѣной чрезвычайной вышины. Толщина стѣны, зубцы на верху, по угламъ утолщенія, напоминающія бастіоны, дѣлаютъ курганчи очень похожимъ на небольшую крѣпость, что собственно и означаетъ самое названіе: курганчи—значитъ крѣпостца. Вѣроятно такія сооруженія относятся еще къ тому времени, когда всякій самъ заботился о своей безопасности и о своемъ добрѣ и, не имѣя оружія, кромѣ развѣ палки, старался затруднить доступъ къ себѣ оградой.

Въ костакозскомъ саду, гдѣ мы остановились, была близъ пруда еще небольшая постройка изъ глины. Мы впрочемъ не воспользовались ею для почлега: солнце такъ сильно прожариваетъ въ теченіи дня подобныя легкія постройки, что въ нихъ и ночью дышать нельзя. Поэтому мы всегда, даже въ городахъ, ночевали въ палаткѣ, которая всюду возилась съ нами. И въ Костакозѣ, хотя мы и остались безъ палатки, вслѣдствіе того, что арбы съ поклажей съ нами развѣхались,

мы все-таки предпочли улечься на открытомъ воздухѣ, а не въ душной комнатѣ. Постройка послужила намъ только нѣкоторой защитой отъ вѣтра. Туземцы принесли намъ нѣсколько кошмъ, одѣяль и такимъ образомъ ночь прошла спосно. Кстати замѣчу, что мнѣ вообще и въ прежнихъ моихъ путешествіяхъ рѣдко приходилось почевать безъ палатки и теплаго платья,—сколько помню только четыре раза. Притомъ ночлегъ въ Костакозѣ былъ самый легкій: мы были не высоко, могли кое-чѣмъ позаимствоваться и у жителей. Другіе случаи дурныхъ почлеговъ были при несравненно худшихъ условіяхъ: такъ мы почевали безъ выюковъ въ Лангарѣ и раньше во время Заравшапской экспедиціи въ 1870 г. въ сел. Пети, когда выюки были задержаны страшно трудной переспавленной дорогой въ Фанской тѣснинѣ; тамъ было очень плохо: хотя высота Пети и не особенно значительна, но ночью лучеспусканіе было такъ сильно, что я въ своей легкой блузѣ старался укрыться подъ снопами свѣжей люцерны. Пришлось померзнуть и на Куликаланѣ, когда, послѣ сраженія, отрядъ провелъ всю ночь, ежеминутно готовясь къ выступленію или печальному нападенію. Тутъ на высотѣ 9500' безъ прикрытій было весьма трудно. Я упоминаю объ исключительно дурныхъ почлегахъ, когда приходилось проводить ночь въ томъ же костюмѣ, въ какомъ ѣхалъ днемъ, въ жарѣ. Но не легки и тѣ почлеги, когда мы укрывались лучше, но температура падала ниже нуля и палатка покрывалась инеемъ. Было бы конечно гораздо лучше употреблять въ горныхъ путешествіяхъ войлочную джуламейку, да ее очень трудно таскать по горнымъ дорогамъ, гдѣ верблюды не могутъ проходить, и поэтому я съ самаго начала исключилъ и мысль о кибиткахъ.

На другой день рано утромъ мы двинулись дальше. Тогда какъ наканунѣ мы ѣхали мѣстностью сравнительно обработанной и только близъ самаго Ходжента перерѣзали Рухакскую конгломератовую гряду, теперь отъ Костакоза дорога весьма недолго шла полями, за которыми началась голая степь, сначала глинистая, затѣмъ глина исчезла и обнажился лежащій подъ ней конгломератъ. Мѣстность представляла замѣтный, хотя совершенно постепенный подъемъ. Эта широкая безплодная полоса, лежащая между крайнимъ коканскимъ селеніемъ Карачшумъ и нашимъ Костакозомъ и Катаганомъ, собственно и служитъ границей между русскими владѣніями и независимымъ Коканомъ. Пограничная черта проходитъ черезъ ее средину. Мнѣ сказали, что она начинается на Сыръ-дарьѣ у небольшого разрушеннаго кургана Абъ-хура ¹⁾. Кромѣ него близъ дороги на мысу стоятъ еще развалины Чимъ-кургана, нѣкогда построеннаго бухарцами на границѣ ихъ владѣній съ Коканомъ. Никакихъ сооруженій на границѣ, бывающихъ въ Европѣ, тутъ не оказалось: всѣ формальности въ Средней Азіи выполняются въ ближайшемъ городѣ и близъ границы много что стоитъ небольшой пикетъ, наблюдающій, чтобы торговые караваны направлялись по дорогамъ, ведущимъ въ мѣста, гдѣ есть закятчи, т. е. таможенный сборщикъ.

Упомянутая выше ровная конгломератовая плоскость, такъ называемый Сибистанъ ²⁾, разстилась до невысокихъ грядъ, которыя тянулись по южной окраинѣ. Восточную границу Сибистана мнѣ обозначили у Неманы. За ближайшею на югъ невысокою горою лежитъ, какъ

¹⁾ Г. Кушакевичъ говоритъ, что граница начинается у мѣста называемаго Эки-юзъ-курганъ, въ 10 верстахъ отъ Костакоза; урочище Абъ-хура на его картѣ стоитъ гораздо восточнѣе (Записки Геогр. Общ. Т. IV. р. 175).

²⁾ Мнѣ сказали, что всѣ предгорья составляющія южную часть ходженческаго уѣзда называются Сибистанъ; сибъ значитъ яблоко, станъ—страна; весьма возможно, что въ прежнее время она и была покрыта рощами яблоней, какъ это сохранилось до сихъ поръ въ болѣе сѣверныхъ частяхъ края; теперь же въ ходженскомъ уѣздѣ яблони, кромѣ садовъ, вѣроятно можно встрѣтить только въ немногихъ горныхъ ущельяхъ.

миѣ сказали, Бишъ-кентъ—пять селеній (Тогать, Тозакъ, Авдархапъ, Кайрагачъ и Чурбекъ), принадлежащихъ еще русскимъ. Южнѣ Сибистана, въ болѣе высокихъ горахъ, находится страна Авагать, называемая такъ по имени кочующихъ тамъ киргизъ, признающихъ себя коканскими подданными, тѣхъ самыхъ, съ которыми въ предыдущемъ году у полковника Деннета было столкновеніе. Можно было опасаться, зная это, не вздумаютъ ли они на насъ выместить причипенныя имъ деплетовскимъ отрядомъ непріятности, но оказалось, что до долины Нефары они не доходятъ.

Скоро мы спустились съ конгломератовой степи, откуда окрестности къ югу видны были, какъ на ладони. Мы были почти у самаго русла Сыръ-дарьи. Конгломераты здѣсь отходятъ вправо и оставляютъ удобную для посѣвовъ низину. На обоихъ берегахъ убирали хлѣбъ (было 6 іюня). Правый берегъ еще принадлежалъ русскимъ, а мы были уже въ коканскихъ предѣлахъ. Показались кромѣ полей и другіе признаки осѣлости: — это былъ первый изъ нѣсколькихъ раскиданныхъ на извѣстныхъ разстояніяхъ въ этой мѣстности пустыхъ дворовъ, обнесенныхъ высокими, глиняными стѣнами. Эти дворы служили чѣмъ то въ родѣ этаповъ для защиты отъ зимнихъ мятежей. Они выстроены при Малляханѣ, послѣ какой-то весьма печальной катастрофы съ однимъ изъ его отрядовъ, сильно страдавшихъ отъ снѣговъ во время войны съ бухарцами. Такъ какъ мы уже выѣхали изъ полосы пустыхъ мѣсть, (поля лежатъ хотя и на берегу Сыръ-дарьи, но поливаются изъ горныхъ ручьевъ), то я ожидалъ, что насъ скоро должны встрѣтить посланные намъ на встрѣчу коканскіе джигиты. Такъ всегда дѣлается при въѣздѣ ожидаемаго лица въ независимую территорію въ Туркестанѣ, а о моемъ пріѣздѣ коканцы должны были уже знать: Мирза-хакимъ изъ Ташкента отправилъ джанара (нарочнаго) ближайшей дорогой чрезъ Кендырь, да и уѣздный начальникъ, изъ Ходжента, послалъ въ Махрамъ предувѣдомленіе о нашемъ выѣздѣ. Дѣйствительно, вскорѣ показались три джигита, изъ которыхъ одинъ былъ на великолѣпномъ скакувѣ. Это былъ пянджабаши (пятидесятникъ) съ двумя джигитами, пріѣхавшій привѣтствовать насъ отъ имени бека Махрамской области, лежащей на границѣ съ нашими владѣніями. При встрѣчѣ посланные продѣлали всю серію обычныхъ среднеазиатскихъ церемоній: соскочили съ лошадей, пожали наши руки, т. е. легко коснулись ихъ ладонями обѣихъ рукъ, затѣмъ отвѣсили глубокіе поклоны, оригинально подхвативши животы руками, не выпрямляясь сдѣлали нѣсколько шаговъ назадъ и освѣдомились о здоровьи. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе я спросилъ здоровъ ли ихъ бекъ, почелъ любезнымъ спросить и о здоровьи хана, а затѣмъ, едвали не съ большимъ еще интересомъ, спросилъ о нашихъ арбахъ. Оказалось, что онѣ еще съ разсвѣтомъ пріѣхали въ Махрамъ, не останавливаясь ни гдѣ и не думая вовсе насъ поджидать, какъ было условлено. Арбакеши рѣшили воспользоваться почной прохладой, чтобы сдѣлать цѣлую стацию. Въ Средней Азій во время жаровъ такъ обыкновенно и дѣлаютъ, чтобы избѣгнуть зноя; ханъ, напримѣръ, всегда ѣздитъ ночью.

Съ новыми спутниками мы отправились далѣе и очень скоро пріѣхали въ первое коканское селеніе—Карачшумъ. Здѣсь намъ любезно предложили остановиться отдохнуть и сказали, что приготовлень завтракъ. Такъ какъ мы имѣли намѣреніе наверстать въ этотъ день то, что потеряли наканунѣ (обыкновенно изъ Ходжента въ Коканъ пріѣзжаютъ на третій день, разстояніе равно 120 верстамъ), то такой ранній завтракъ былъ мало для насъ удобенъ, и лишь потому, что отказаться было бы неприлично, мы согласились на угощеніе, попросивши, чтобы остановка была не продолжительна. Насъ провели на обширный дворъ пикета, заня-

тый огромнымъ прудомъ съ деревьями, и усадили на разостланные ковры; здѣсь насъ встрѣтилъ начальникъ карачихумскаго пикета Халь-Магометъ джюзъ-баши (сотникъ). Завтракъ заключался въ чаѣ, плодахъ и пловѣ. Покончивъ закуску такъ скоро, какъ только позволялъ азіатскій этикетъ, главное условіе котораго медлительность, мы двинулись въ путь. Выѣзжая изъ воротъ пикета нельзя было не обратить вниманія на украшенія наружной стѣны зданія: она была увѣшана ружьями, саблями и еще какими то военными принадлежностями. Глядя на это старье и пикуда негодные бранные доспѣхи мы едва удержались, чтобы не улыбнуться и тѣмъ не оскорбить хлѣбосольныхъ хозяевъ, очевидно разсчитывавшихъ поразить насъ великолѣпнѣемъ сооруженной ими артиллеріи.

Съ тѣмъ же пяджабаши мы доѣхали до Махрама. Дорога шла обработанными мѣстами. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ поля становились богаче и богаче, вслѣдствіе бѣльшаго количества проведенной сюда воды. Большинство коканскихъ селеній на лѣвомъ берегу получаетъ воду изъ горныхъ рѣчекъ, текущихъ изъ южныхъ горъ. Какъ только эти рѣчки выходятъ на открытое пространство, отъ нихъ отводятъ большіе рукава, въ свою очередь развѣтвляющіеся на болѣе мелкіе арыки. Такое вѣтвленіе идетъ дальше; арыки дробятся все болѣе и болѣе, проникая на поля, въ сады, въ огороды, на улицы и являясь въ концѣ концовъ въ видѣ маленькихъ канавокъ, вода которыхъ разбирается уже вся на приращію. Въ общемъ фигура этихъ вѣтвленій очень напоминаетъ вѣеръ или дельту съ множествомъ рукавовъ, какъ бы выпадающихъ въ орошаемое ими пространство ¹⁾. Вѣрообразный конецъ Исфаринской рѣки, откуда получаетъ воду Махрамъ и его округъ, особенно обширенъ: между крайними арыками, отъ Карачихума до Бишъ-арыка, будетъ верстъ 45. Карачихуму, какъ стоящему на окраинѣ оросительнаго района, достается воды уже немного.

Съ приближеніемъ къ Махраму все чаще и чаще стали попадаться военные. Подъ большинствомъ изъ нихъ были отличныя лошади, составлявшія, какъ видно было изъ разговоровъ, предметъ гордости и особой заботливости этихъ вонповъ. У джюзъ-баши, на примѣръ, лошадь стоила не менѣе 200 рублей ²⁾. Изъ всѣхъ встрѣченныхъ болѣе всего заинтересовала насъ очень странная фигура одѣтая въ красную рубаху, халатъ и черную барашью шапочку и съ привязанными за сѣдломъ мѣдными тарелками; едвали бы мы догадались сами, что это былъ кавалерійскій барабаникъ.

Уже передъ самымъ городомъ, въ виду крѣпости, дорога вдругъ поворачиваетъ направо, хотя прежде она, какъ видно еще, шла прямо, возлѣ самыхъ стѣнъ крѣпости. Это новое направленіе даль дорогъ махрамскій бекъ въ самое послѣднее время, отвѣдя мѣсто, гдѣ шла прежняя дорога, подъ покровъ риса, очевидно съ цѣлью увеличить оборонительныя средства своей крѣпости, и какъ бы въ шикъ всѣмъ европейскимъ тактикамъ, старающимся проводить дорогу какъ можно ближе къ крѣпости или даже черезъ нее. Далекъ обогнувъ такимъ образомъ крѣпость, мы въѣхали въ городъ и вскорѣ остановились у отведеннаго намъ дома, передъ которымъ стояли уже наши арбы, привлечшія цѣлыя толпы народа. На крышахъ, изъ за заборовъ всюду торчали головы любопытныхъ. У воротъ насъ встрѣтилъ ка-

¹⁾ Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что вся эта сложная и трудная система приращіи, заставляющая такъ часто, и въ особенности въ горахъ, удивляться искусству туземцевъ, создавалась и практикуется и понынѣ при помощи такого нехитраго самодѣльнаго инструмента, какъ трубка изъ нѣсколькихъ камышинъ, вставленныхъ одна въ другую и налитыхъ водой.

²⁾ Такая цифра, при дешевизнѣ въ Туркестанѣ лошадей, составляетъ очень высокую цѣну.

кой-то чиновникъ въ красной курткѣ, остроконечной шапкѣ и съ палкой, которую онъ держалъ въ родѣ того, какъ держать грудныхъ дѣтей; это былъ Мирза-кабиль, приставленный къ намъ отъ бека для пріема насъ и должнаго угощенія; въ рукахъ у него былъ шишпаръ—палка въ аршинъ длиною, раскрашенная, на одномъ концѣ съ мѣдной головкой, на другомъ съ петелькою для вѣшанія. Въ саду мы нашли обширную кибитку, устланную чистыми кошами. Сейчасъ же конечно началось угощеніе. Начались и кой-какіе разговоры, но толковаго изъ нихъ извлекъ я пемпого. По поводу подапной соли я завелъ было рѣчь о соляныхъ источникахъ, которые, какъ мнѣ было извѣстно, находятся на другой сторонѣ дарьи противъ Махрама, по яснаго описанія ихъ добиться не могъ; изъ всѣхъ разсказовъ я только и понималъ, что соляные ключи выходятъ изъ земли, разливаются и, послѣ испаренія, образуется соляная корка, которую и ломаютъ приставленные отъ хана люди. На мѣстѣ верблюды (т. е. грузъ въ 16 пудовъ) соли стоитъ 80 коп., слѣдовательно иудъ соли и притомъ купленной у хана, т. е. оплаченной пошлиной, обходится въ 5 к., а въ Махрамѣ тѣ же 16 пудовъ стоятъ 1 р.—1 р. 10 к.,

Другой продуктъ, о которомъ я разспрашивалъ—нефть. Мнѣ было извѣстно, что Хаджиюсовымъ, проживающимъ въ Ташкентѣ, были заявлены въ горахъ близъ Махрама нефтяные источники и испрошено у хана право ихъ разработки. Разработка впрочемъ не была начата, такъ какъ вскорѣ потомъ сдѣлались извѣстны болѣе богатые источники къ востоку отъ Намагана. Разспросы мои про нефть поняли и объяснили, что она пазывается джандръ-джагы; но привезти образчикъ отказались, ссылаясь, что безъ разрѣшенія хана этого сдѣлать нельзя. «Вотъ увидите хана, тогда можно будетъ все собирать и узнавать» заключили они свою рѣчь, какъ будто желая этимъ дать мнѣ понять, что для меня открыта только одна дорога—въ г. Коканъ, гдѣ я могу высказывать свои намѣренія и желанія. Подъ вечеръ мы были удивлены барабаннымъ боемъ: въ близъ лежащей крѣпости производили ученье солдатамъ. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ не утериѣли и пошли посмотрѣть, но только и видѣли, что появлявшихся по временамъ на стѣнѣ сарбазовъ. На завтра мы хотѣли утромъ сдѣлать визитъ беку, поблагодарить его за оказанное вниманіе (кромѣ угощенія онъ намъ прислалъ и халаты) но бекъ не счелъ почему-то удобнымъ насъ принять, пока мы не представлялись хану. Опять указаніе, что ханъ и его вниманіе высоко поднимутъ насъ въ глазахъ мѣстныхъ властей.

При выѣздѣ изъ Махрама представилась слѣдующая картина: передъ нами былъ главный фасъ крѣпости, или по мѣстному кургала. Этотъ четырехугольникъ, обнесенный не очень высокими стѣнами съ бастіонами, сѣверной стороною примыкалъ къ Сыръ-дарьѣ и имѣлъ къ пей спуски. У берега подъ стѣной росло нѣсколько деревьевъ, видны были привязанныя лодочки. Надъ дарьей точно лента тянулась полоса пыли (чангъ), строго слѣдуя за всѣми изгибами рѣки. Далѣе за дарьей возвышалась отдѣльная гора Афтообъ; хотя послѣдняя и не отличалась особой высотой (не болѣе 9500'), но туземцы сочли долгомъ обратить на нее наше вниманіе, такъ какъ на ней остановился Ноевъ ковчегъ. Про претензіи ташкентцевъ, что ковчегъ остановился на Казыкуртѣ, они конечно знали и объясняли это невѣжествомъ. О томъ же, что и ихъ гора не болѣе, какъ одинъ изъ многихъ претендентовъ на то же значеніе, они очевидно и не подозреваютъ.

Вправо отъ дороги разстилалось ровное пространство до горы Мазаръ-тау, которую мы видѣли уже пакаунѣ. Тянется она въ видѣ хребта, не болѣе 6000' высоты, ограничивая

степь съ южной стороны. Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ степенное пространство дѣлается шире. Самое узкое мѣсто степи приходится около Махрама: тутъ рѣшительно менѣе десяти верстъ степеннаго пространства соединяютъ долину Ферганы съ ходженскимъ уѣздомъ. На правомъ берегу горы у Махрама подходятъ вилоть къ рѣкѣ и кончаются неприступными обрывами, но горы эти ничтожной высоты. Дорога лѣваго берега обходитъ ихъ съ сѣверной стороны. Изъ этого видно, какъ естественно ограничено Коканское ханство съ запада.

Мазаръ-тау называется такъ потому, что тамъ находится могила уважаемаго святаго. На восточной части горы можно было рассмотретьъ свѣтлую полосу: это дорога въ г. Исфару, доступная и для верблюдовъ, но съ трудомъ. Далѣе Мазаръ-тау возвышалась западнѣе Исфары группа болѣе высокихъ горъ, а лѣвѣе, очень далеко, видны были снѣговья горы—Кхаръ-тау, какъ намъ называли ихъ туземцы. Кхаръ значитъ снѣгъ, и имя Кхаръ-тау туземцы придають безразлично всякимъ снѣговымъ горамъ.

Скоро рѣка отошла далеко влѣво. Мы ѣхали по глиняному пространству съ разбросанными по немъ буграми. Правѣе, ближе къ горамъ, виднѣлись кромѣ полей и сады. Тутъ находятся маленькія поселенія Башыръ-курганъ и Нязъ-бекъ. Впереди раскинулась обширная группа садовъ Кани-бадама, извѣстнаго своимъ прекраснымъ миндалемъ, который служить предметомъ вывоза. Намъ не пришлось быть въ самомъ Кани-бадамѣ, такъ какъ главная часть этого селенія лежитъ значительно правѣе дороги, которой мы ѣхали. Мы остановились для маленькаго отдыха въ придорожномъ сараѣ, т. е. постояломъ дворѣ для арбакешей; при немъ нашлась лавочка — дуканъ, съ громаднымъ самоваромъ, которымъ мы конечно и воспользовались.

Вторая половина пути до ночлега, предполагаемаго въ Бишъ-арыкѣ, далеко не была такъ приятна: путь пролегалъ черезъ каменистую конгломератовую степь, начинающуюся у Патара. Мѣстность была пренепечальная: всюду одинъ обнаженный конгломератъ, да изрѣдка торчатъ кусты янтака (*Alhagi camelorum*), который только верблюдъ ѣстъ съ удовольствіемъ, не смотря на огромныя колючки. Говорятъ, что весной здѣсь еще бываетъ что то похожее на жизнь: попадаетъ кое-какая травка, пасутся овцы. Но въ то время, когда мы проѣзжали, весенняя растительность уже выгорѣла и все было совершенно голо. Степь эта, безъ малѣйшихъ неровностей простирающаяся верстъ на 10 до Мазаръ-тау, прорѣзана значительнымъ числомъ арыковъ, отведенныхъ отъ р. Исфары у мѣста выхода ея изъ горъ у Ходжа-такъ-равата и текущихъ въ направленіи съ юга на сѣверъ. Арыки значительны и судя потому, что при переѣздѣ одного изъ нихъ намъ попалась порядочная вѣтвь горнаго тополя — катаранга, очевидно принесеннаго изъ горъ, — имѣютъ сильное теченіе; изъ этого нужно заключить, что конгломераты лежатъ не горизонтально, а замѣтно подняты на югѣ. Хотя на первый взглядъ степь эта и можетъ показаться удобной для сохраненія арыковъ, такъ какъ берега ихъ не подмываются и они не засариваются, но на самомъ дѣлѣ въ конгломератѣ теряется, всасываясь, огромная масса воды и потому нисколько не удивительно, что при такихъ условіяхъ вода большой рѣки Исфары хватаетъ только на орошеніе не широкой прибрежной полосы между Чильмахрамомъ и Бишъ-арыкомъ.

На этомъ переѣздѣ я имѣлъ еще случай видѣть летучіе, перепосыщяіеся съ мѣста на мѣсто пески, холмы которыхъ виднѣлись мѣстами на каменистой степи. Происхожденіе этихъ песковъ мнѣ объясняли различно: одни указывали что песокъ выдѣляется изъ конгломератовъ, другіе что приносится съ дари, съ осыхающихъ лѣтомъ несчапыхъ отмелей. Собственно проис-

хождение этихъ песковъ заслуживало бы болѣе точнаго опредѣленія, да и образовавшіеся уже пески не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія, такъ какъ они начали уже свою разрушительную дѣятельность. Такъ противъ Кара-куйлюка мы видѣли Гумбасъ и кладбище, печально помѣстившіеся на возвышеніи и прежде вѣроятно окруженное полями. Далѣе видѣлся брошенный курганъ, вокругъ котораго когда нибудь было селеніе. Затѣмъ наконецъ передъ нашими глазами совершался самый процессъ отгѣсненія культуры пескомъ, эта борьба между жизнью и смертью: въ одномъ изъ кишлаковъ, до котораго уже достигъ разрушитель, многіе сады были на половину засыпаны пескомъ и только одинокія, полузасохшія деревья, торчавшія на погребенной почвѣ, свидѣтельствовали о печальной участи окружавшей ихъ педавно растительности. Стѣна ближайшихъ садовъ служила еще пѣкоторой оградой дальнѣйшему распространенію песчанаго потока, но скоро уже песокъ и тутъ доберется до края и станетъ заносить садъ, потомъ второй, третій и т. д.

При поднявшемся сильномъ вѣтрѣ воздухъ наполнился мглой, горы сдѣлались неясны и песокъ сталъ переноситься съ одного холма на другой. Холмы эти съ одной стороны пологи, съ другой оканчиваются круто; пологость обыкновенно является на той сторонѣ откуда дуетъ вѣтеръ. Притомъ, такъ какъ холмы невелики, то концы ихъ загнуты такъ, что основаніе холма подковообразно. При вѣтрѣ песокъ начинаетъ двигаться по склону вверхъ и пересыпаться на другую сторону, увеличивая ее крутизну. Когда крутизна сдѣлается значительна, песокъ не останавливаясь несется дальше и ложится въ подковообразной выемкѣ холма, гдѣ укрытый отъ вѣтра онъ накопляется въ видѣ кучи. Мало-по-малу бѣльшая часть первоначальнаго холма пересыплется на новообразованную кучу и затѣмъ, при пониженіи стараго, вповь образовавшійся будетъ доступенъ дѣйствию вѣтра, который начнетъ ему придавать указанную своеобразную форму, а старый будетъ снесенъ до основанія. Такъ медленно, но постоянно движется песокъ и притомъ въ направленіи съ запада на востокъ, вслѣдствіе того, что сильные вѣтра въ Ферганѣ преобладаютъ западные, — но крайней мѣрѣ лѣтомъ. Причина этихъ вѣтровъ та, что чрезъ узкое мѣсто близъ Махрама, какъ черезъ трубу, входитъ съ запада воздухъ для поддержанія равновѣсія въ коканской долинѣ, подверженной лѣтомъ значительному нагруванію, отчего должны образовываться сильные восходящіе токи. Существованіе этихъ токовъ доказывается тѣмъ, что лѣтомъ воздухъ въ долинѣ наполненъ, какъ говорится, мглой. Видѣвшій съ восточныхъ переваловъ коканскую долину г. Каульбарсъ говорилъ мнѣ, что причиной мглы ему называли горѣніе камышей по Сырь-дарьѣ. Я проѣхалъ вдоль этихъ камышей; они не горѣли и не носили слѣдовъ пожара, однако мгла была. Поэтому естественнѣе объяснить это явленіе поднятой вверхъ пылью. Эта тончайшая, проникающая въ малѣйшія щели пыль, поднимается съ осохшихъ пловатыхъ мѣстъ; пль, измельченный до нельзя при движеніи ледниковъ и принесенный внизъ горными рѣчками, я и считаю именно причиной мглы. Стоитъ только подняться плу въ атмосферу, чтобы онъ, по своей легкости, держался при самомъ небольшомъ токъ воздуха снизу. При такомъ объясненіи происхожденія мглы будетъ понятно, почему надъ Сырь-дарьей тянется такая рѣзко очерченная полоса болѣе сильной мглы: пль скопляется больше всего въ рѣкѣ и ея разливахъ, а слѣдовательно и на осохшихъ берегахъ и поемныхъ мѣстахъ.

Всасывающее дѣйствіе ферганской котловины такъ значительно, что она часто притягиваетъ къ себѣ потоки горячаго, сухаго воздуха, образующіеся лѣтомъ надъ песчаными пространствами Средней Азіи. Тогда въ Ходжентѣ и Кокаѣ дуетъ такъ называемый гармъ-салъ,

жаркій вѣтеръ, (на Аму-дарьѣ, въ Хивѣ и Хиссарѣ горячій вѣтеръ называється теббадь) который такъ губителенъ для шелковичнаго червя.

Дѣйствіе указанной мною тяги на востокъ простирается до меридіана города Кокана. Тамъ, какъ говорятъ, лѣтомъ почти каждый день бываютъ сильныя западныя вѣтра, приносящіе мглу.

Настрадавшись на этомъ убійственномъ вѣтру, который въ продолженіи полудня запылялъ насъ песочной пылью, пабивавшейся въ ротъ, въ глаза, и ужасно ссаднившей лицо, мы съ ветерпѣніемъ подъѣзжали къ показавшимся впереди на дорогѣ садамъ (до сихъ поръ у насъ всѣ деревни оставались влѣво), ожидая Бишь-арыка и удивляясь, что такъ долго не можемъ доѣхать до него, хотя его положеніе на $\frac{2}{3}$ дороги между Ходжентомъ и Коканомъ было уже нанесено на точную карту. Дѣло объяснилось очень просто, когда оказалось, что Бишь-арыкъ всего въ 28 верстахъ отъ Кокана, а средняя треть дороги не менѣе 45 верстъ. Последняя часть пути до Бишь-арыка проходитъ по садамъ и мы незамѣтно доѣхали накопецъ до большаго селенія съ базаромъ, который такъ значителенъ, что на него ѣздятъ даже изъ г. Кокана. Для ночлега намъ предложили очень тѣсный дворъ, гдѣ должны были помѣститься и мы всѣ и весь нашъ обозъ съ лошадьми. Когда я спросилъ, нельзя ли устроиться поудобнѣе, т. е. отдѣлнить насъ отъ лошадей, заставившихъ цѣлый дворъ, то туземцы пренаивно вытаращили глаза и отказались рѣшительно понять мое желаніе. По ихъ взглядамъ, самое лучшее помѣщеніе то, гдѣ хозяинъ можетъ видѣть все время своихъ лошадей,—и мои длинныя объясненія по этому поводу, хотя и достигли желанной цѣли, но едвали убѣдили кого изъ нихъ. Насъ перевели на постоялый дворъ, достаточно обширный, чтобы вмѣстить нашъ обозъ и лошадей; сами же мы помѣстились въ лавочкѣ и бывшемъ рядомъ небольшомъ дворикѣ съ саклей. Такъ какъ лавочка выходила на улицу, то передъ ней пароду набралось видимо не видимо. Толпа впрочемъ стояла въ почтительномъ разстояніи и только съ любопытствомъ разглядывала насъ, интересуясь всякой мелочью нашей обстановки и костюмовъ, и съ великимъ недоумѣніемъ вглядываясь въ то, что мы дѣлали съ какими-то непонятными для нихъ машинами, какъ напр. сѣтки съ гербаріемъ, барометръ и т. п. Болѣе смѣлые пробирались впередъ, мальчишки лѣзли на заборъ, чтобы сверху посмотреть, что у насъ творится. Всюду слышались разговоры, замѣчанія, догадки,—но грубости ни одной.

Страшнымъ образомъ въ Бишь-арыкѣ не было получено свѣдѣній о нашемъ проѣздѣ и потому мы не нашли ни помѣщенія, ни груды яствъ, какъ это дѣлалось обыкновенно. Дѣло въ томъ, что Бишь-арыкъ принадлежитъ уже къ округу города Кокана, находящемуся въ непосредственномъ вѣдѣніи хапа и потому провожавшій насъ чиновникъ махрамскаго бека не могъ распорядиться, а въ Коканѣ полагали кажется, что мы проѣдемъ прямо до города не останавливаясь тутъ. На завтра впрочемъ такое упущеніе въ гостепримствѣ было восполнено самымъ внимательнымъ образомъ.

Остававшійся путь до Кокана шелъ по большей части обработанными мѣстами, орошаемыми уже изъ Сохской рѣки. На половинѣ пути встрѣтился кишлакъ Сульфа. Вслѣдъ за нимъ мы проѣхали деревни Хапавать, Биговать и Хишъ-купрюкъ (последній всего въ одномъ таиѣ отъ Кокана). День былъ плохой: страшный вѣтеръ поднималъ пыльную пыль и непроглядная мгла наполняла воздухъ.

Только что мы тронулись изъ Хишъ-купрюка, въ которомъ останавливались, какъ встрѣтили джигита, посланнаго намъ на встрѣчу мехтеромъ; такъ называється высшій гражданскій

чиновникъ въ ханствѣ и ближайшій совѣтникъ хана. Послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьи, посланный пригласилъ насъ остановиться и принять завтракъ, приготовленный для насъ немного пе доѣзжая города. Около какого-то придорожнаго сарая насъ встрѣтили высланные мехтеромъ чиновники и попросили во дворъ, гдѣ подъ навѣсомъ уже были выставлены приготовленные яства. Послѣ фруктовъ, сластей и чая, намъ подали обѣдъ, состоявшій изъ шурпы—супа, вареной курицы и палау, какъ туземцы называютъ плавъ—вареный рисъ съ наръзанной бараниной, каймака — нѣсколько скисшихся сливокъ и катыка — кислаго питья изъ молока. Явился откуда-то кокапецъ съ обезьяной и, ко всеобщему восторгу туземцевъ, заставилъ ее выдѣлывать разные фокусы. Завтракъ длился долго. Вообще подобныя угощенія отнимали у насъ весьма много времени, не вознаграждая особыми результатами. Отказываться отъ этой массы приглашеній было неучтиво; да кромѣ того это значило бы идти въ разрѣзъ привычкамъ и интересамъ моихъ спутниковъ. По обычаю гостепримства все, что остается отъ предложеннаго угощенія, принадлежитъ угощаемому и—если онъ не желаетъ самъ пользоваться—его людямъ. Многое съ тѣмъ и приносится, чтобы было взято съ собой, какъ напр. головка сахару, рядомъ съ которой подается само по себѣ сахаръ, пужный для питья чая. Такимъ образомъ, мнѣ волей не волей приходилось довольно часто доставлять ѣхавшимъ со мной переводчику и джигитамъ удовольствіе дѣлить между собой все оставшееся отъ такихъ угощеній, — какъ бы въ вознагражденіе за тѣ скучные дни, когда они, хотя и двигались за мной по новымъ, полнымъ интереса мѣстностямъ, но сильно тосковали, находясь на строгомъ походномъ иждивеніи. Джигиты уже иначе и не ѣздили на такія приглашенія, какъ запаслись огромнымъ мѣшкомъ, куда, какъ только я уѣзжалъ, сваливалось все, что оставалось отъ поданнаго: лепешки, куски мяса, сахаръ, плоды, конфекты и т. п. Неудобство этого я почувствовалъ на обратномъ пути: изъ набранныхъ такимъ образомъ лепешекъ нѣкоторые джигиты насушили мѣшки сухарей, весьма серьезно затруднившіе нагрузку ящиковъ экспедиціи на арбы.

Проѣхавъ немного садамъ, мы приблизились къ городской стѣнѣ уже хорошо намъ знакомаго вида—прямой, невысокой, съ зубцами наверху; передъ крытыми воротами (дживахана) еще небольшая стѣнка; вдоль стѣны ровъ. Въѣхавъ въ ворота, мы попали на довольно прямую, широкую улицу, которая мнѣ живо напомнила улицу въ Самаркандѣ, ведущую отъ воротъ Шахъ-зинды въ городъ, къ базару. Та же архитектура, тѣ же аксессуары, только меньше лавокъ. По дорогѣ мы проѣхали мимо нѣсколькихъ скромнаго вида медресе, захватили часть базара, опять попали въ улицы и наконецъ свернули въ слѣпой переулокъ, который и замыкался воротами отведеннаго намъ дома.

Черезъ дворъ, гдѣ должны были помѣститься джигиты и лошади, мы прошли въ приготовленный для насъ садъ. Галерея дома, выходившаго въ садъ и турпакъ—площадка, были устланы коврами и бѣлыми кошмами, что имѣло весьма красивый видъ. Только что мы усѣлись, конечно на полу, какъ явился особенно торжественный дастарханъ отъ имени мехтера. Такъ называется угощеніе, подаваемое передъ обѣдомъ. Такъ какъ дастарханъ играетъ въ тамошнемъ гостепримствѣ одну изъ первыхъ ролей, то я позволяю себѣ привести здѣсь списокъ того, что было принесено намъ.

Девять человѣкъ на 13 подносахъ тащили:

1. Фисташки.
2. Урюкъ свѣжій (абрикосы).

3. Огурцы, обыкновенные и тарря, китайскіе.
4. Кагасъ-кандъ, русскія карамельки со стихами, и русту.
- 5 и 6. Руста, хальван-гяшмакъ, курси-пичакъ, любзь и кандалать — разные конфекты.
7. Кандъ и наватъ, леденець.
8. Кандакъ, сахарный урюкъ.
9. Малзе, изюмъ.
10. Замбуча или хандалать, самый ранній сортъ дынь изъ канталупъ, весьма вкусный но мелкій, не болѣе 2¹/₂ вершковъ въ діаметрѣ.
11. Алма (квизиль-алма и ишакъ-алма), яблоки.
12. Нанъ, хлѣбъ въ видѣ лепешекъ.
13. Кульча, хлѣбъ въ видѣ булочекъ, съ вдавленной поверхностью, смазанный масломъ и потому крайне противный.

Къ вечеру были представлены мнѣ 10 человекъ сарбазовъ (солдатъ), присланныхъ отъ хава для держанія караула ночью и для сопровожденія насъ при поѣздкахъ по городу. Одѣты они были въ синяго и сѣраго цвѣта какіе-то суконные кафтаны со свѣтлыми пуговицами разнокалиберной формы и рисунка ¹⁾. Каждый имѣлъ ружье и палку, тоненькую, жиденькую, но весьма крѣпкую и гибкую. Эти палочки меня живо заинтересовали и я освѣдомился для чего онѣ служатъ, но въ отвѣтъ получилъ только солидное «нужно». Послѣ уже увидалъ я, что ею разгоняють пазойливыхъ любопытныхъ, для которыхъ тяжеловѣснаго ружья съ примкнутымъ штыкомъ очевидно слишкомъ много. Эти же самыя палки, говорятъ, служатъ также и для воодушевленія идущихъ въ бой войскъ. Намъ объяснили, что назначенные въ намъ сарбазы составляютъ, во первыхъ, личную стражу хава, а во вторыхъ, при войнѣ посылаются къ войскамъ — не затѣмъ однако, чтобы подавать примѣръ образцоваго порядка и храбрости, а чтобы, слѣдуя въ разсыпную за войскомъ, подгонять нерѣшительныхъ и напоминать бѣгущимъ о долгѣ. Такого рода спеціальныя арьергарды употреблялись коканцами и при столкновеніяхъ съ русскими.

На ночь разставили караулы. Я заявилъ, что достаточно одного поста, много двухъ. Но мнѣ доложили, что приказано караулить всѣмъ. И вотъ чуть не подъ каждымъ деревомъ стало по сарбазу и съ ружьемъ, и съ палочкой. Конечно, имъ скоро надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ и они начали переходить другъ къ другу и садиться; мальчишка сталъ обносить ихъ кальяномъ. На разсвѣтѣ я нарочно полюбопытствовалъ, что дѣлаетъ карауль. Наши охранители всѣ спали крѣпкимъ спомъ. Въ послѣдствіи они еще менѣе стѣснялись приказаніемъ караулить всѣмъ и очень быстро засыпали съ своими палочками, заранѣе запасаясь цыновками изъ камыша.

На другой день утромъ отъ мехтера прибылъ посланный узнать о нашемъ здоровьи. Я освѣдомился когда въ этотъ день могу его посѣтить. Къ назначенному часу мы отправились черезъ городъ на базаръ. Сарбазы, слѣдуя частію впереди, частію позади насъ составляли панъ почетный конвой. Они были верхами и ѣхали, имѣя въ лѣвой рукѣ ружье, а въ правой палку. Ружье съ примкнутымъ штыкомъ держалось передъ собой вертикально, что весьма

¹⁾ На одномъ и томъ же мундирѣ можно было встрѣтить цѣлую коллекцію гербовъ разныхъ нашихъ губерній, плоскихъ и выпуклыхъ, нашихъ орловъ, золоченыхъ и серебряныхъ, пушекъ, якорей, словомъ всевозможныхъ сортовъ знакомыхъ пуговиць, старихъ и новыхъ.

естественно составляло немалыя затрудненія при ѣздѣ на лошади. Тяжесть ружья, управленіе лошадыю и неизбѣжной палочкой, которая должна была сохранять внушительный видъ, все это вмѣстѣ до того стѣсняло ихъ, что было даже не безопасно для самихъ воиновъ, которымъ приходилось патыкаться на свое же оружіе, въ чемъ я черезъ нѣсколько дней имѣлъ случай убѣдиться на самомъ начальникѣ почетнаго конвоя, оцарапавшемъ себѣ весьма чувствительно штыкомъ носъ.

Мехтеръ (или какъ произносятъ туземцы мета аръ) принялъ насъ въ казенномъ, т. е. ханскомъ закятномъ сараѣ; это — мѣсто гдѣ онъ отправляетъ свои министерскія обязанности, такъ какъ онъ между прочимъ завѣдуетъ сборами закята и всѣми дѣлами, касающимися торговли. Нужно замѣтить, что только торгoвые сборы взимаются во всѣхъ среднеазиатскихъ государствахъ непосредственно агентами хана, эмира или вообще главы государства, всѣ же другіе мѣстными начальниками, которые уже отъ себя отсылаютъ хану известное количество денегъ и вещей. Такимъ образомъ государственное единство въ Средней Азии выражается въ торговомъ сборѣ, въ другихъ же отношеніяхъ въ значительной степени господствуетъ децентрализація. Въ послѣднее время впрочемъ, кромѣ закятчи, разсѣяны по ханству еще серкеры; они находятся при каждомъ начальникѣ, даже при аксакалахъ большихъ селеній, и обязаны слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями, главнымъ образомъ наблюдая, чтобы платимое хану составляло известный, опредѣленный процентъ съ того, что собирается. Значеніе ихъ и боязнь передъ ихъ интригами и наговорами такъ велики, что даже высокопоставленные серкерда, управители большихъ округовъ, которыхъ мы привыкли называть беками, не дѣлаютъ ничего безъ вѣдома и согласія серкеровъ. А чтобы серкеръ не стakнулся съ начальникомъ, не сталъ бы самъ наживать, за нимъ слѣдить еще кто нибудь. Система шпионства доведена до утонченности.

Вѣхавъ въ закеть-сарай, мы были приглашены войти на площадку, надъ которой проходила галерея. Тутъ насъ встрѣтилъ мехтеръ, по имени Мулла-Миръ-Камиль, по чину мирахуръ. Это былъ старикъ лѣтъ 60, съ сѣдыми волосами и съ грубыми, сухими, непріятными чертами лица. На площадкѣ былъ приготовленъ чай. Мы сѣли. Я представилъ мехтеру привезенные подарки, впрочемъ весьма скромные. Послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьи, начался разговоръ, который я вообще старался держать на разсужденіяхъ о пользѣ путешествій и взаимныхъ выгодахъ, простирающихся отъ посѣщенія сосѣднихъ странъ, также о значеніи установившейся дружбы для учащенія такихъ посѣщеній. При этомъ мехтеръ вспомнилъ, что давно уже у нихъ былъ русскій, который объѣхалъ почти все ханство. Очевидно онъ разумѣлъ Назарова (былъ въ 1813 и 1814 гг.) «Все дикихъ кабановъ (чунка) стрѣлялъ», прибавилъ онъ. Я сказалъ, что Назаровъ въ своемъ описаніи говоритъ о множествѣ встрѣченной имъ дичи, и что мнѣ тоже хотѣлось бы посѣтить такія мѣста, чтобы набрать образцовъ въ коллекцію. Но оказалось, что отъ болотъ, на которыхъ охотился Назаровъ, нѣтъ уже и слѣда. «Коканское ханство съ тѣхъ поръ сильно измѣнилось и поля раскинулись тамъ, гдѣ прежде были болота,» пояснилъ мнѣ мехтеръ и въ этомъ онъ ни мало не прихвастнулъ. Я указалъ затѣмъ что мнѣ, въ отличіе отъ прежде пріѣзжавшихъ путешественниковъ, для выполненія возложенныхъ на меня порученій, нужно будетъ посѣтить и другія мѣста и притомъ преимущественно горныя. Отвѣтомъ на это было заявленіе, что все доложится хану. Тогда я сообщилъ, что имѣю письмо отъ генераль-губернатора къ хану и долженъ передать его лично, для чего просилъ увѣдомить меня о днѣ, который ханъ назначитъ для пріема. При этомъ я просилъ мирахура доложить и о желаніи Ольги Александ-

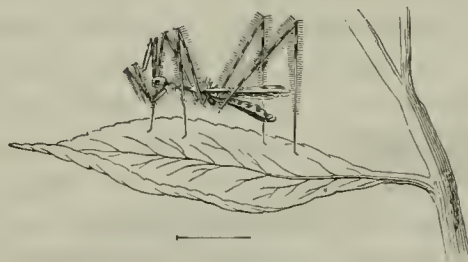
ровны принять участіе въ представленіи и получить разрѣшеніе на посѣщеніе жень хана и поднесеніе имъ подарковъ; онъ отвѣчалъ, что какъ гостямъ вѣроятно и это будетъ можно.

Хотя передо мной былъ и государственный человѣкъ, но разговоръ вращался, какъ видно, на самыхъ общихъ мѣстахъ и поучительнаго ничего не представлялъ. Не пужно забывать, впрочемъ, что государственные люди въ среднеазиатскихъ государствахъ по развитію, да и по способностямъ, не стоятъ выше массы и обязаны своимъ возвышеніемъ случайностямъ, чаще волѣ хана, иногда интригамъ и разнымъ нечистымъ дѣлникамъ. Блестательное исключеніе составляли въ Коканѣ представители кочевой партіи—Мусульманъ-куль и Алимъ-куль, достигшіе значенія полновластныхъ регентовъ; про нихъ даже ихъ враги говорятъ съ полнымъ уваженіемъ. Что касается мехтера, то онъ, какъ мнѣ разсказывали, былъ простымъ мирзой т. е. писаремъ при бекѣ въ Чипазѣ; какъ сартъ, онъ считалъ Худаяра законнымъ правителемъ, укрывъ его на какой-то мельницѣ отъ серьезной опасности, и въ благодарность за такую услугу былъ потомъ, по измѣненіи обстоятельствъ, возведенъ ханомъ въ довольно высокой чинъ мирахура и получилъ должность зякетчи. Должность эту онъ исправляетъ съ замѣчательнымъ усердіемъ: самъ присутствуетъ при перевѣскѣ и оцѣнкѣ товаровъ, разбираетъ торговые споры, сидитъ въ зякетъ-сараѣ съ ранняго утра до полудня, и затѣмъ отправляется съ докладомъ къ хану. Очень хвалили мнѣ его русскіе купцы въ Коканѣ за то, что они всегда находили у него вниманіе къ просьбамъ и защиту ихъ интересовъ.

Выѣхать обратно изъ караваль-сарая было дѣло не легкое: толпа любопытныхъ стиснулась въ воротахъ и затрудила улицу. Вотъ тутъ-то я понялъ значеніе магической палочки сарбазовъ. Впрочемъ удары достались весьма не многимъ: одно помахиваніе оказалось достаточнымъ, чтобы очистить дорогу. Черезъ базаръ, той же дорогой, какой мы ѣхали вчера, вернулись мы въ наше помѣщеніе и стали ожидать приглашенія къ хану. Какъ ни указывалъ я мехтеру необходимость скорѣйшаго отправленія въ дальнѣйшее путешествіе, какъ ни приставалъ къ его людямъ, бывшимъ при насъ, но дѣло тянулось и, зная азіатскіе порядки, я и не рассчитывалъ, чтобы рѣшеніе было скорое. Главное пужно было впрочемъ добиться свиданія съ ханомъ, потому что только въ случаѣ благопріятнаго отвѣта намъ стоило жариться въ городѣ Коканѣ. Наше помѣщеніе, которое, по объясненію путниковъ, певрилично было оставлять, пока еще ханъ насъ не принялъ, давало мало матеріала для полезнаго препровожденія времени. Мы останавливались въ домѣ Османа-байбачи (байбача, сынъ богача), гостепріимство котораго, какъ оказалось, было певольное: мехтеръ за что то былъ золъ на него и приказалъ помѣстить насъ у этого опальнаго боярина, для чего самъ онъ со всѣмъ семействомъ долженъ былъ перебраться въ другой садъ. Такимъ путемъ и мы оказались на положеніи прибѣгающихъ къ реквизиціи! Домъ Байбачи былъ устроенъ на широкую погу: большія крытыя ворота вели въ обширный дворъ, отдѣлявшійся постройками отъ огромнаго сада. Ворота, согласно тамошнимъ правиламъ, были устроены такъ, что выходъ на дворъ приходился не противъ входа, а сбоку, чтобы съ улицы не было видно, что дѣлается во дворѣ. Такое приспособленіе можно встрѣтить во всѣхъ даже самыхъ бѣдныхъ дворахъ. Постройка у воротъ—такъ называемая дарваза-хана—напоминающая что-то въ родѣ проходнаго сарая, была отведена для поста сарбазъ, учредившихъ здѣсь какъ бы свою гауптвахту: увѣдали стѣны оружіемъ и размѣстились сами на имѣвшихся завалинкахъ. Ворота помѣщеній, занятыхъ беками и вообще важными лицами, всегда имѣютъ такой видъ и стражу. Не смотря на пребывавшій безотлучно въ воротахъ караулъ, пани ворота все-таки

были постоянно заперты и открывались только для впуска и выпуска постоянных жильцов. Обыкновенно толпы около ворот не собиралось, но какъ только мы выѣзжали или возвращались, крыши окрестныхъ домовъ покрывались любопытными, особенно дѣтьми и женщинами. Дворъ съ двухъ сторонъ имѣлъ навѣсы для лошадей; кромѣ того посреди двора были набиты колья для привязи лошадей; въ сторонѣ сада возвышалась постройка съ кладовыми и жилой комнатою, остальные стороны были заняты галереями, яйванъ, обмазанными алебастромъ, съ множествомъ пиизъ въ стѣнахъ. Тутъ сложили наши ящики и помѣстились джигиты, чтобы быть ближе къ лошадямъ.

Садъ былъ обширный, но очевидно молодой, такъ что давалъ очень мало тѣни. Кайрагачей да и самага пруда къ удивленію не было, хотя въ занятой русскими части Туркестана они бывають почти во всякомъ саду. Кажется обиліе воды въ Коканѣ не заставляетъ такъ заботиться о прудахъ, которые собственно только запасный резервуаръ. Поэтому въ Коканскомъ ханствѣ намъ чаще приходилось находить въ саду одну только турпакъ. Несмотря на отсутствіе пруда воды въ саду было много; нѣсколько арыковъ протекавшихъ черезъ него были настолько глубоки, что въ нихъ можно было купаться, хотя вязкій илистый грунтъ былъ къ тому большой помѣхой. Въ саду росли только плодовые деревья и посѣвы джепуники; поэтому за время пребыванія нашего здѣсь весь сборъ ограничивался только насекомыми; много прилетало на цвѣты разныхъ пчелъ, попадались и представители другихъ отрядовъ, но конечно по большей части уже встрѣченные на прежнихъ экскурсіяхъ въ культурномъ поясѣ. Два приобрѣтенія были впрочемъ интересны: разъ вечеромъ былъ пойманъ клопъ, *Stenolemus Bogdanowii* Osch., который былъ мною полученъ уже прежде въ Самаркандѣ. Клопъ этотъ довольно большой, но тонкій и до крайности нѣжный, густо покрытый тончайшими волосками, напоминаетъ попадающихся иногда у насъ въ купальняхъ плеарій, но сильно отличается отъ нихъ и удивительнымъ образомъ представляетъ сродство только съ двумя формами, изъ которыхъ одна извѣстна изъ Мексики, а другая немного поближе къ Туркестану, съ острова Целебеса. Сродство такъ велико, что онъ принадлежитъ къ тому же роду *Stenolemus*, — фактъ, который пока не объяснимъ вполне или лучше объяснимъ только самымъ общимъ образомъ. Другая форма былъ особый тараканъ, получившій названіе *Periplaneta tartara* Sauss. Прусака въ Туркестанѣ нѣтъ и вообще въ домахъ я никогда не видалъ тамъ таракановъ; встрѣченные же мною черные тараканы, *Periplaneta orientalis*, были найдены въ горахъ и притомъ всего разъ. Очевидно имъ ввиду слишкомъ жарко и тамъ является другая форма рода *Periplaneta*, своимъ рыжимъ цвѣтомъ напоминающая китайскаго таракана, хотя гораздо меньшей величины; но эта форма всего разъ и была только встрѣчена. Заменяетъ же нашихъ таракановъ въ Туркестанѣ *Polyphaga* или *Heterogamia aegyptiaca*, житель болѣе жаркихъ странъ, какъ показываетъ ея названіе. Самка безкрыла, представляетъ видъ округлаго щига, самецъ крылатъ и болѣе похожъ на нашего черного таракана. Отсутствіе нашихъ таракановъ въ жилищахъ, фактъ чрезвычайно любопытный и совершенно

Stenolemus Bogdanowii Osch.

самымъ общимъ образомъ. Другая форма былъ особый тараканъ, получившій названіе *Periplaneta tartara* Sauss. Прусака въ Туркестанѣ нѣтъ и вообще въ домахъ я никогда не видалъ тамъ таракановъ; встрѣченные же мною черные тараканы, *Periplaneta orientalis*, были найдены въ горахъ и притомъ всего разъ. Очевидно имъ ввиду слишкомъ жарко и тамъ является другая форма рода *Periplaneta*, своимъ рыжимъ цвѣтомъ напоминающая китайскаго таракана, хотя гораздо меньшей величины; но эта форма всего разъ и была только встрѣчена. Заменяетъ же нашихъ таракановъ въ Туркестанѣ *Polyphaga* или *Heterogamia aegyptiaca*, житель болѣе жаркихъ странъ, какъ показываетъ ея названіе. Самка безкрыла, представляетъ видъ округлаго щига, самецъ крылатъ и болѣе похожъ на нашего черного таракана. Отсутствіе нашихъ таракановъ въ жилищахъ, фактъ чрезвычайно любопытный и совершенно

опровергаетъ разсужденія Риттера (Вост. Турк. пер. Григорьева вып. 1, стр. 188—192), который силится доказать, что черный тараканъ распространился въ Европѣ чрезъ Сибирь изъ Туркестана. Но, какъ я уже говорилъ, *Perglaneta orientalis* попадается очень рѣдко въ горахъ, а *Blatta germanica* вовсе нѣтъ. Трудно предположить, чтобы они вѣ своего отечества сдѣлались обитателями зданій и еще труднѣе думать, что черные тараканы эмигрировали изъ отечества почти всѣ, а красные безъ остатка. Кромѣ того и ссылка Риттера на Лаксмана не можетъ быть вѣрна, потому что и въ Забайкальи черныхъ таракановъ нѣтъ. Рѣзкой границей служить рѣка Обь. На первой же станціи на лѣвомъ берегу Оби встрѣчается масса черныхъ таракановъ—этой гадости, которая считается однако въ народѣ божіимъ благословіемъ. Въ Сибири были даже попытки нарочно перевезти черныхъ таракановъ въ Иркутскъ. Тосковали западно-сибирцы по своимъ пріятелямъ, но попытки не удавались. «Только Обь переѣдутъ и помрутъ», говорили мнѣ съ тоской въ Сибири. За то прусаки въ огромнѣйшемъ количествѣ распространены до крайнихъ предѣловъ Сибири.

Точно также несостоятельно и мнѣніе Риттера (I. с. стр. 190), что отечество постельнаго клопа Туркестанъ. До прихода русскихъ тамъ не было вовсе постельнаго клопа, да и теперь въ Ташкентѣ онъ составляетъ рѣдкость. Вообще указаніе на Туркестанъ, какъ на родину разныхъ домашнихъ культурныхъ или сопутствующихъ чловѣку животныхъ и растений, было прежде въ большомъ ходу; при неизвѣстности страны удобно было указывать на Среднюю Азію, какъ на ихъ колыбель. Результатомъ нашего путешествія является совершенно обратный выводъ: Туркестанъ почти все животное и растительное населеніе получилъ изъ сосѣднихъ странъ, причемъ иммигрировавшія формы, конечно, видоизмѣнились при новыхъ условіяхъ, а также и вслѣдствіе возникшей между ними борьбы за существованіе, которая должна была быть тѣмъ сильнѣе, что здѣсь столкнулись пришельцы изъ разныхъ странъ. Но объ этомъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Основаніемъ для сужденій Риттера послужило толкованіе его, что ба-чжа-чжуна, упоминаемый у китайскаго писателя Си-юй-вынь-цзянь-лу, есть тараканъ. На ошибочность этого толкованія указалъ уже переводчикъ Риттера, проф. Григорьевъ (I. с. стр. 462 прим. CDVI), объясняя что подъ этимъ названіемъ разумѣется тарантуль. Мнѣ же кажется, что болѣе вѣроятно признать ба-чжа-чжуна за фалангу: описаніе «рыльце бурое, съ четырьмя щитками», весьма характерно для сидящей напередѣ пары клешней фаланги, дѣйствительно тотчасъ же бросающихся въ глаза, тогда какъ двѣ челюсти тарантула требуютъ разсматриванія вблизи, да и то очень внимательнаго. «Ужигить на свѣтъ, какъ моль летитъ на огонь» опять характернѣйшая особенность фаланги. Тарантуль ведетъ ночной образъ жизни и отъ свѣта прячется, а фаланги приобѣгаютъ на огонь, [какъ это мы видѣли въ Кизиль-кумахъ], въ огромномъ количествѣ, чтобы ловить летящихъ на свѣтъ насекомыхъ. Кстати замѣчу, что относительно укушенія фаланги я имѣю наблюденіе сильно заставляющее сомнѣваться въ справедливости общераспространеннаго мнѣнія, что это укушеніе ядовито или даже смертельно, какъ говоритъ китайскій писатель. Извѣстно, что клешни фаланги не имѣютъ отверстій, черезъ которыя могъ бы выливаться ядъ, да и вообще ядоотдѣлительнаго органа у нея не найдено. Поэтому я довольно спокойно чувствовалъ себя въ Кизиль-кумахъ въ обществѣ фалангъ и только разъ былъ встревоженъ, когда жепу укусила огромная фаланга. Но все ограничилось небольшою болью отъ укола, безъ всякихъ послѣдствій. Правда, она укусила черезъ платье и мо-

жетъ быть это помѣшало ей влить предполагаемый ядъ чрезъ язычекъ. Такимъ образомъ, повторяю, вопросъ объ ядовитости фаланги такъ и остался для меня подъ сомнѣніемъ ¹.

Кстати о другихъ ядовитыхъ и кусающихся животныхъ въ Туркестанѣ. Фалангъ въ садахъ не водится и съ этой стороны намъ въ Кокапѣ печего было безпокоиться; тарантулы и большія сколопендры ядовиты, но они встрѣчаются только на пустыряхъ. Каракуртъ, котораго ужаленіе, говорятъ, валить верблюда, встрѣчается только въ непогихъ мѣстахъ, въ травянистыхъ предгорьяхъ. Скорпіонъ напротивъ преимущественный житель домовъ. Подъ камнями онъ встрѣчается и въ горахъ, но тамъ онъ скрывается. Въ домахъ же, при его бродячемъ образѣ жизни, особенно по вечерамъ и ночью, очень легко можетъ случиться, что онъ заберется въ платье и ужалитъ. Обыкновенно, это вызываетъ крики, испугъ, у слабонервныхъ дѣлаются судороги отъ страха, что сейчасъ придется помереть. Въ сущности же дѣйствительная, не осложненная испугомъ боль отъ укушенія—что испытала жена въ Самаркандѣ—не особенно велика и, при помазываніи деревяннымъ масломъ, проходитъ скоро и безъ всякихъ послѣдствій.

Гораздо непріятнѣе фалангъ, скорпіоновъ и тарантуловъ мелкія, едва замѣтныя вслѣдствіе ихъ пѣжности и желтоватаго цвѣта, мошки. Онѣ нападаютъ по вечерамъ и ночью на спящихъ въ комнатахъ людей, чтобы насосаться крови. Уколы ихъ сильно чешутся и, при пѣжкой кожѣ, лице и руки покрываются прыщами, чувствуется невыносимый зудъ. Мошки эти составляютъ также мѣку въ Италіи, гдѣ онѣ извѣстны подъ именемъ папатази, а также встрѣчаются и за Кавказомъ. Въ Туркестанѣ ихъ не менѣе четырехъ видовъ и онѣ распространены по всемъ оазисамъ, довольно высоко заходя въ горы; такъ я встрѣтилъ ихъ въ крѣпости Сарвада на Фанѣ (6300'). Впрочемъ, можетъ быть онѣ были завезены туда солдатами туземнаго гарнизона, такъ какъ я нигдѣ кромѣ домовъ ихъ не встрѣчалъ. Принадлежатъ эти мошки къ роду *Phlebotomus*; другія сродныя имъ формы встрѣчаются и у насъ (психоды), но совершенно безвредны, у нихъ даже нѣтъ и длиннаго хобота, находящагося у *Phlebotomus*'овъ, у которыхъ онъ, относительно величины тѣла, почти длиннѣе чѣмъ у комара.

Но вернемся къ разсказу. Не смотря на изящество и уютность комнаты, мы предпочли помѣститься въ саду и разбили подъ деревьями нашу палатку. Духота воздуха при отсутствіи вентиляціи въ такихъ комнатахъ невыносимая; собственно обмѣнъ воздуха есть, но онъ такъ ничтоженъ, что когда снаружки вечерняя прохлада, въ комнатѣ невыносимая духота. Къ тому же глиняныя стѣны, если нѣтъ кругомъ дома галереи, въ теченіи дня прогрѣваются настолько, что и свѣжій воздухъ опять быстро нагрѣвается.

Тутъ же въ саду была устроена и наша кухня: подъ навѣсомъ были вмазаны котлы, въ которыхъ варился рисъ и баранина. Провизія привозилась отъ мехтера, снабжавшаго насъ вообще всемъ необходимымъ. Требовалось, чтобы мы ничего не покупали сами, а за всемъ обращались къ приставленному къ намъ человѣку мехтера. Таковъ законъ гостепріимства, который, по правдѣ сказать, весьма стѣснителенъ. Вы не можете взять чего хотите, а берете только то, что даютъ. Впрочемъ, нужно отдать имъ ту справедливость, что провизія доставлялась хорошая и въ достаточномъ количествѣ. Разъ только была неудача съ кумысомъ. Кумысъ готовится только киргизами, укрывающимися на лѣто съ своими табунами въ горы, по-

¹ Н. В. Ханьковъ сообщалъ мнѣ, что во время его путешествія по Персіи онъ видѣлъ какъ обезьяна, укушенная фалангой, вскорѣ затѣмъ умерла.

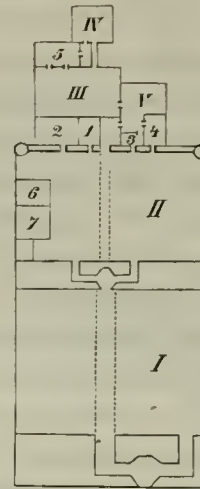
чему лѣтомъ въ городахъ кумыса имѣть нельзя. Въ Коканѣ только ханъ имѣеть табунъ и пьетъ кумысъ. Такъ какъ переводчикъ нашъ, киргизъ по происхожденію, былъ большой охотникъ до кумыса, то присталь, нельзя ли достать ему этого напитка. Люди мехтера сказали, что нужно доложить объ этомъ хану и дѣйствительно на завтра привезли турсукъ кумыса, говоря, что его прислалъ гостямъ ханъ. Переводчикъ принялся пить. Увы, только первые глотки кумыса и прошли подъ вліяніемъ эпитета «ханскій», далѣе уже киргизъ не выдержалъ, восторгъ его перешелъ въ педоумѣніе и какъ ни позорно было, но и коканцы признали, что кумысъ прогоркъ и что его остается только вылить.

Завѣдывать нашимъ угощеніемъ и вообще играть роль михманъ-дара, т. е. принимающаго гостей, былъ назначенъ Караулъ-беги Магометъ-Шакиръ, вѣжливый, бойкій старикъ, испытанной опытности въ сношеніяхъ съ русскими и, какъ можно было замѣтить, тонкій дипломатъ. Такъ напримѣръ, мнѣ хотѣлось, во-первыхъ, узнать, когда ханъ насъ приметъ и отчего прошло уже два дня, а мы все не получаемъ еще никакого извѣстія о времени пріема, во-вторыхъ, хотѣлось выяснить еще до свиданія, какое рѣшеніе состоялось въ высшихъ сферахъ по поводу нашего путешествія и какія мѣстности пайдено удобнымъ посѣтить намъ; послѣднее было особенно важно знать, такъ какъ если бы было рѣшено прокатить насъ по ханству, т. е. по культурной полосѣ его, и не пускать въ горы, то я рѣшилъ воспользоваться возможностью говорить съ ханомъ, чтобы усиленно добиваться посѣщенія Оша и горъ, лежащихъ отъ него къ югу. Но кромѣ самыхъ сладкихъ рѣчей, ни къ чему не обязывающаго обпадеживанія и тому подобныхъ пустяковъ, я не могъ ничего добиться отъ нашего Михманъ-дара. Старикъ выдерживалъ свою роль великолѣпно.

Наконецъ 12-го меня разбудили рано утромъ и сообщили мнѣ, что ханъ въ этотъ день желаетъ принять меня въ своемъ дворцѣ въ новой урдѣ (цитадель). Живя лѣтомъ въ загородномъ саду, онъ черезъ день пріѣзжаетъ въ городъ разбирать докладываемыя дѣла; кромѣ того въ это время года онъ раздаетъ солдатамъ халаты, что, какъ извѣстно, дѣлается въ годъ два раза. На счетъ представленія Ольги Александровны мнѣ передали извиненіе отъ имени хана, что, не смотря на все его желаніе, онъ не можетъ принять ее, такъ какъ это не поправится народу и, какъ послѣ оказалось, соврали. Поскорѣе собравшись, мы двинулись по дорогѣ къ дворцу; въ одной изъ улицъ встрѣтили мехтера съ огромной свитой изъ аксакаловъ, джигитовъ и т. п. халатниковъ. Это все были гражданскіе чины и потому въ обыкновенныхъ халатахъ. Переѣхавъ черезъ рѣчку или большой арыкъ, Улькунъ-сай, мы попали на огромную площадь, разстилающуюся передъ крѣпостью. Съ нея и еще лучше съ праваго берега Улькунъ-сай открывается видъ на дворець, въ своемъ родѣ педурной. Зданіе дворца выстроено на возвышеніи и потому видно изъ-за крѣпостной стѣны. Виденъ собственно только передній фасадъ его съ аркой по срединѣ. Фасадъ весь выложенъ разноцвѣтными изразцами, подражая рисункамъ, сохранившимся на древнихъ памятникахъ Самарканда. На фронтонѣ надпись: «построенъ Сеидъ-Магометъ-Худайяръ ханомъ въ 1287 г.» Дворецъ совсѣмъ новый и заложенъ на новомъ мѣстѣ. Прежняя урда была совсѣмъ въ другой части города. Постройка его во время моего посѣщенія еще не совсѣмъ была окончена. Изразцы для облицовки главной стѣны приготовлялись въ Коканѣ; надо сознаться однако, что они много уступаютъ древнимъ самаркандскимъ по чистотѣ и тону красокъ. Пизаины впрочемъ облицованные части производятъ весьма эффектное впечатлѣніе, благодаря свѣжести красокъ и отсутствію пятенъ, отъ обсыпавшихся изразцовъ, что такъ обыкновенно въ Самаркандѣ.

Направо отъ главныхъ воротъ находится небольшая, невзрачная на видъ мечеть, а налѣво подь навѣсомъ стоитъ подь чехлами до 40 пушекъ самой разнообразной величины и на лафетахъ, по съ такими стапнами и колесами, что едва ли онѣ могутъ быть сдвинуты съ мѣста, не разсыпавшись. У воротъ мы сошли съ лошадей и должны были пройти еще много, прежде чѣмъ достигли компаты, въ которой сидѣлъ ханъ. Помѣщая здѣсь приближенный плащъ, который я набросалъ на глазъ.

Осмугольное пространство подь воротами было занято солдатами; стѣны увѣшаны оружіемъ. Обширный дворъ, на который мы вышли затѣмъ, былъ занятъ солдатами, выстроенными по обѣ стороны дорожки, ведущей къ слѣдующимъ воротамъ. Вооруженіе и костюмъ ихъ были разнообразны и указывали, что это представители разныхъ частей войскъ. Особенно оригинальны показались мнѣ джигиты, державшіе топорики на плечахъ, единственное ихъ вооруженіе. Вторыя ворота также имѣютъ осмугольную площадку. При выходѣ на второй дворъ мы приостановились. Вѣроятно хану докладывали о нашемъ прибытіи, да кстати дали полюбоваться видомъ изразцового фасада и множествомъ сарбазъ, столпившихся на пологомъ подъемѣ къ дворцу, въ ожиданіи очереди получить халаты. Затѣмъ насъ пригласили подняться по подъему, который вѣроятно имѣется въ виду замѣнить приличной лѣстницей, потому что едвали этотъ пологій скатъ съ наложенными поперегъ палками можетъ быть терпимъ въ ханскомъ дворцѣ. Сарбазы выстроились по сторонамъ, очистивъ намъ средину. Черезъ арку мы вошли на дворикъ (V). Здѣсь сопровождавшимъ меня джигиту и препаратору, конечно чрезвычайно желавшимъ видѣть хана, предложили остаться, а меня и переводчика пригласили дальше. Когда мы вошли на обширный дворъ (III), мнѣ указали куда то, сказавъ, что тамъ сидитъ ханъ и что нужно ему поклониться и сказать привѣтствіе. Я снялъ шляпу, а бывшіе съ нами коканцы что было силы заорали асселямъ-алеякумъ. Собственно кричать должны были мы, но коканцы, видя нашу неопытность, выручили насъ. Затѣмъ, проведя черезъ дворикъ (IV), гдѣ нѣсколькимъ сарбазамъ надѣвали жалованные ханомъ халаты (ситцевые, 2-хъ рублевые), насъ пригласили въ довольно маленькія сѣни; здѣсь церемоніймейстеры подхватили меня подь руки и ввели въ комнату зарря, золотую, гдѣ находился ханъ. Онъ сидѣлъ на постлапномъ на полу одѣялѣ и шубѣ, подогнувъ ноги подь себя. Видя двоихъ и притомъ одного въ офицерскомъ военномъ мундирѣ, а другаго въ какомъ то странномъ костюмѣ (фрактѣ), ханъ спросилъ который изъ насъ главный; затѣмъ пожелалъ имѣть письмо, которое и получилъ чрезъ мехтера. Когда на вопросъ, отъ кого это письмо переводчикъ отвѣтилъ, что отъ генераль-губернатора, ханъ спросилъ о его здоровьи. Переводчикъ и на этотъ вопросъ отвѣтилъ отъ себя, но ханъ, вѣроятно въ силу соблюденія дипломатическихъ обычаевъ, остановилъ его и попросилъ перевести вопросъ мнѣ. Затѣмъ онъ началъ читать письмо (какъ извѣстно къ русскому оригиналу всегда прилагается переводъ) и видимо про-

- I. Первый дворъ,
- II. второй дворъ,
- III. дворъ передъ комнатою хана,
- IV и V дворикъ.
- 1 — 5. Комнаты дворца, въ 5-й принимаетъ ханъ.
- 6 — 7. Мастерская для шитья мундировъ.

чель его все; такъ какъ это продолжалось довольно долго, то я оглядѣлъ комнату и присутствовавшихъ. Названіе золотая не много величественно: потолокъ дѣйствительно имѣетъ позолоту, но вообще комната довольно скромная, съ двумя окнами на тотъ самый дворъ, съ котораго мы кричали хану привѣтствіе. На полу у стѣны сидѣли трое знатныхъ коканцевъ въ бархатныхъ мундирахъ съ бляхами, держа на колѣняхъ сабли въ довольно дорогой отдѣлкѣ; это были: Абду-Назаръ пансатъ-баши-бій, Халикуль-бій и Сарымсакъ-судуръ. Самъ ханъ показался мнѣ весьма свѣжимъ, полнымъ мужчиной среднихъ лѣтъ; на видъ ему нельзя дать больше 40 лѣтъ. Одѣтъ онъ былъ въ шелковый халатъ; на головѣ бѣлая чалма.

Кончивъ чтеніе письма, ханъ сказалъ якши—хорошо—и поклонился. Приѣмъ кончился. Затѣмъ насъ пригласили въ комнату 4, гдѣ подали дастарханъ; тамъ мехтеръ прочелъ письмо, переданное ему ханомъ. Принесли халаты. На меня надѣли парчевый, рисунка употребляемаго у насъ для священническихъ облаченій. Мехтеръ предложилъ посмотрѣть комнаты дворца. Въ комнатѣ 1-й меня поразилъ круглый столъ, стулья и еще что-то изъ европейской мебели; но все это было сбито въ углу и очевидно стояло безъ употребленія. Слѣдующая комната (2) имѣетъ, вѣроятно, значеніе тронной залы: въ одной изъ стѣнъ сдѣлана ниша, въ которой лежитъ бархатная большая подушка, украшенная металлическими бляхами и пряжками съ камнями; массивность и величина послѣднихъ сильно заставляютъ сомнѣваться, что они настоящіе.

Воспользовавшись тѣмъ, что мы были одни съ мехтеромъ, я спросилъ его, какое рѣшеніе сдѣлалъ ханъ. Оказалось, что слово якши было полнымъ отвѣтомъ и означало совершенное согласіе хана на посѣщеніе всѣхъ указанныхъ въ письмѣ генераль-губернатора мѣстъ.

Уходя изъ дворца, мы еще разъ взойшли на дворикъ III и откланялись хану. Теперь зная, гдѣ онъ сидитъ, и я его увидѣла. Очевидно, окно затѣмъ и сдѣлано, чтобы подданные видѣли своего владыку и чтобы ему удобно было наблюдать входящихъ. Поклоны наши опять сопровождалась криками коканцевъ.

Въ аркѣ подъ воротами оказался маленькій птичникъ, вѣроятно играющій роль зоологическаго сада: въ клеткахъ сидѣли бѣлые голуби, щеглы, скворцы, горныя куропатки (*Perdix chukar*) и сизоголовые овсянки.

Черезъ тѣ же дворы, при той же толпѣ сарбазъ и джигитовъ, мы отправились назадъ. Но прежде ухода намъ предложили посмотрѣть мастерскія, гдѣ шьютъ сарбазамъ мундиръ. Понятно, мы пошли, но увидѣли только массы цвѣтныхъ суконъ и кройку. Очевидно, хотѣли похвастать, сколько у хана дорогаго сукна. Сукна были разныхъ цвѣтовъ: сѣрыя, синія, красныя; послѣднихъ больше всего. Удивительно, какъ при невозможности одѣтъ какъ слѣдуетъ свое войско, коканцы сумѣли выбрать самое дорогое и маркое сукно. Кажется въ этомъ случаѣ имѣло вліяніе то, что понятіе о мундирѣ занесли въ Коканъ авганцы, для которыхъ образцомъ обмундировки и приемовъ были англійскія войска. Англійскую команду и теперь еще употребляетъ часть коканскихъ сарбазъ, именно, гдѣ обучаютъ солдатъ авганцы.

Черезъ базаръ, полный толпы народа, вернулись мы домой. Я проѣхалъ всю дорогу, не снимая халата. Такъ какъ я былъ въ Коканѣ безъ всякаго офиціальнаго порученія, просто въ качествѣ ученаго человѣка, то безъ затрудненій могъ ѣхать въ халатѣ. Извѣстно, что для лицъ, посланныхъ съ офиціальными порученіями, сниманіе халата по окончаніи ау-

дипции требуется нашими официальными взглядами, которыхъ туземцы никакъ не хотятъ уразумѣть. По туземнымъ понятіямъ, пожалованный халатъ не снимается до возвращенія домой.

Какъ ни курьезно казалось мнѣ проѣзжать верхомъ въ разноцвѣтномъ халатѣ на плечахъ поверхъ фрака и съ бѣлой дорожной шляпой на головѣ, но я выдержалъ характеръ до конца и ни разу не разсмѣялся во весь длинный путь черезъ коканскій базаръ.

Такая оригинальная костюмировка, дѣйствительно, оказалась отвѣчающей своей цѣли: я столько разъ слышалъ всюду фразы, въ родѣ того «какъ взглянуть ханъ», «какъ разрѣшить ханъ», что показать наглядно теперь его расположеніе ко мнѣ и его любезный пріемъ считалъ вполне умѣстнымъ. А чего же еще нагляднѣе расписаннаго золотомъ халата?

Судьба Худаяръ-хана въ ряду среднеазиатскихъ правителей поражаетъ обиліемъ несчастій и чрезвычайно частыми переменами: то ханъ полновластный, то ханъ по имени, послушный суровому регенту кипчаку, то бѣглець въ Бухарѣ, онъ только черезъ 22 года послѣ призванія его на ханскій престолъ окончательно утверждаетъ свою власть и дѣлается всѣмъ признаваемымъ властителемъ. Сынъ Ширъ-али, двоюроднаго брата Мадали, самаго извѣстнаго изъ коканскихъ хановъ настоящаго столѣтія, какъ по своимъ военнымъ предпріятіямъ (на югъ его завоеванія доходили до Пянджъ-дарьи) такъ и по несчастному концу (звѣрски зарѣзанъ бухарскимъ эмиромъ Насруллою, будто бы за кровосмѣшеніе съ родной матерью),—Худаяръ-ханъ былъ провозглашенъ ханомъ въ 1843 г. извѣстнымъ Мусульманъ-куломъ. Мальчикъ 16 лѣтъ, почти младшій изъ сыновей Ширъ-али, онъ былъ выбранъ Мусульманъ-куломъ въ ханы именно за молодость: правленіе оставалось въ рукахъ Мусульманъ-кула, какъ было и при слабомъ Ширъ-али. Черезъ 7 лѣтъ Худаяръ убиваетъ Мусульманъ-кула и правитъ самостоятельно 8 лѣтъ, до 1858 г., когда кипчаки и другія тюркскія племена, ослабленные на время потерей Мусульманъ-кула и страшнымъ избиеніемъ, которому они подверглись затѣмъ, снова берутъ перевѣсъ и провозглашаютъ Малля-хана. Худаяръ бѣжитъ въ Бухару. Черезъ два года, замѣтивши, что Малля-ханъ склоняется болѣе на сторону сартовской партіи, киргизскіе бѣи убиваютъ Малля-хана и провозглашаютъ ханомъ Шахъ-Мурада, сына Сарымсака, старшаго сына Ширъ-али. Худаяръ пользуется происшедшимъ междоусобіемъ, и такъ какъ Шахъ-Мурада признаютъ не многіе, завладѣваетъ Коканомъ и во второй разъ дѣлается ханомъ. Три года удерживается онъ на этомъ мѣстѣ, постоянно борясь съ кипчаками, между которыми явился замѣчательный по способностямъ вождь—Алимъ-куль. Наконецъ, не смотря на помощь со стороны бухарскаго эмира, Худаяръ долженъ былъ во второй разъ бѣжать въ Бухару. Алимъ-куль провозглашаетъ ханомъ Султанъ-сеида, сына Малля-хана. Смерть Алимъ-кула, при защитѣ Ташкента противъ русскихъ въ 1865 г., заставляетъ бѣжать въ Бухару Султанъ-сеида, а Худаяръ безъ борьбы занимаетъ ханскій престолъ къ полному удовольствію населенія, ослабленнаго междоусобіями и борьбой съ нами ¹.

Пріемъ хана, который нужно назвать вполне удачнымъ, особенно вслѣдствіе полученнаго безусловнаго согласія на посѣщеніе даже самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, понятпо, очень обрадоваль насъ. Тѣмъ съ большей торопливостью стали мы собираться въ дорогу. Но должно

¹ Болѣе полныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Коканскомъ ханствѣ съ 1843 г. читатель найдетъ въ статьѣ г. А. Нурекина, ѣздившаго при экспедиціи въ качествѣ переводчика и при постоянныхъ разговорахъ съ туземцами имѣвшаго возможность собрать много свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что всѣ эти событія еще свѣжи въ памяти туземцевъ, перѣдко даже можно встрѣтить очевидцевъ разныхъ событій, убійствъ и т. п. Свѣдѣнія свои г. Нурекинъ напечаталъ въ Турк. Вѣд. 1872 г. № 35.

было пройти еще нѣсколько дней, пока ханское правительство сдѣлаетъ свои распоряженія, назначить конвой и т. д. Главное, нужно было добиться открытаго предписанія, которое обязывало бы мѣстные власти оказывать намъ содѣйствіе. Въ ожиданіи всего этого намъ пришлось прожить въ Коканѣ еще четыре дня.

Мы употребили ихъ также и для осмотра достопримѣчательностей города. Коканъ для бѣлаго обзора, какой мы могли сдѣлать, не представляетъ многого; характеръ его такой же, какъ всѣхъ среднеазиатскихъ городовъ: тѣ же тѣсныя, кривыя улицы между глиняными заборами и стѣнами съ небольшими рѣдко попадающимися и всегда затворенными воротами, ведущими въ скрытыя на дворѣ строенія. Только базаръ, медресе и мечети, да разбросанныя базарчики нѣсколько разнообразятъ безличность среднеазиатскаго города.

Базаръ въ г. Коканѣ дѣйствительно замѣчателенъ; изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ краѣ это положительно лучший по своему устройству, да кажется, лучший и во всей Средней Азии. Причина этого улучшенія, какъ это часто бываетъ у медленно прогрессирующихъ народовъ — пожаръ, бывший почти за годъ до моего пріѣзда, зимой; тогда сгорѣло слишкомъ 800 лавокъ. Такъ какъ большая часть базара принадлежала хану, то онъ возобновилъ его на свой счетъ, да и мѣста, принадлежація частнымъ лицамъ пріобрѣлъ (можетъ быть правильнѣе слѣдуетъ сказать отобралъ) у владѣльцевъ.

Такимъ образомъ уже на слѣдующее лѣто почти все погорѣвшее пространство было покрыто новыми рядами. Лавки конечно деревянные, т. е. съ глиняной прокладкой въ деревянныхъ переплетахъ стѣпъ. Но главное, что достойно вниманія въ устройствѣ коканскаго базара, это то, что онъ крытый. Въ Средней Азии почти всякій базаръ или базарчикъ на лѣто кроется, но это дѣлается наскоро, кое-какъ, съ помощью перекинутыхъ черезъ улицу жердей, на которыя набрасывается камышь, или плетенки; въ Коканѣ же крыша базара сдѣлана изъ дерева, изъ хорошо пригнаныхъ досокъ и поднята очень высоко, такъ что на главныхъ улицахъ всегда есть довольно воздуха; недостаетъ только вентиляціи (хотя бы даже въ формѣ нѣсколькихъ оконекъ внутри), чтобы было совсѣмъ хорошо. Впрочемъ и тогда остается причина зараженія воздуха на базарѣ: два раза каждую педлю улицы базара являются биткомъ набитыми народомъ, причемъ почти всѣ покушники и пріѣзжіе продавцы непремѣнно верхами. Слѣды пребыванія въ теченіи цѣлаго дня для нѣсколькихъ тысячъ лошадей, а также и всѣ помои, выливаемые обыкновенно, съ самымъ искреннимъ простодушіемъ, тутъ же на улицу, понятно, должны образовывать съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе толстый слой навознаго удобренія, которое въ крытыхъ улицахъ базара дѣлаетъ воздухъ весьма мало годнымъ для дыханія и пропитаннымъ своеобразнымъ удушливымъ запахомъ.

Лавочки въ базарный день полны товару и въ этомъ отношеніи характеръ ихъ такой же, какъ въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, а потому я и не буду объ нихъ распространяться¹; къ тому же наши посѣщенія базара обыкновенно ограничивались проѣздомъ: стоило только остановиться у какой-нибудь лавки на минуту, чтобы кругомъ тотчасъ образовалась толпа любопытныхъ, желавшихъ посмотреть на урусовъ (русскихъ), и чтобы вслѣдъ за этимъ сопровождавшие насъ конвойные уже практиковали своими палочками, ревнуя объ охраненіи нашего покоя. Понятно, что отъ такой ревности только противно станеть и поспѣшишь уѣхать дальше,

¹ Интересующимся могу указать на мастерское описаніе базара въ Самаркандѣ, напечатанное въ журналѣ „Вѣста“ за 1872 г. А. Ф.

стараясь поскорѣе освободиться отъ впечатлѣній такого увлеченнаго вниманія къ нашимъ удобствамъ.

Медрессы были удобнѣе для обзора, такъ какъ уличную толпу дальне вѣроть не пускали, а обитатели этихъ храмовъ науки держатъ себя особенно серьезно, желаютъ казаться слишкомъ погруженными въ свои занятія, чтобы бѣгать за урусамн; мы часто и находили въ медрессе очень пемвогихъ изъ нихъ, — хотя и потому еще, можетъ быть, что они тоже воспользовались лѣтнимъ временемъ и отправились въ сады или въ деревни на проповѣди. Впрочемъ, медрессе не могли особенно привлечь нашего вниманія: лучшее изъ нихъ, отдѣлка котораго не была еще при насъ окончена, выстроено Худаяръ-ханоу и братомъ его Султанъ-Мурадомъ, бекомъ маргяпскимъ, въ память ихъ недавно умершей матери. Другія медрессы¹ все не старѣе нынѣшняго столѣтія; извѣстно, что и Коканъ сталъ столицей недавно, со времени объединенія ханства подъ властью Нарбута-бія, основателя нынѣшней династии. Устройство медрессы такое же, какъ и въ другихъ городахъ Средней Азии, напр. въ Тавкентѣ, т. е. въ формѣ обширнаго двора, съ выходящими на него дверями келій; наружный фасадъ имѣетъ посредній арку, по угламъ минареты, между ними и аркой пиши, куда выходятъ двери келій.

Больше интереса представили для меня вамазныя мечети, т. е. такія, въ которыхъ по пятницамъ совершаются при большомъ стеченіи народа праздничныя богослуженія. Эти мечети въ Коканѣ отличаются обширностью навѣсовъ, подпертыхъ множествомъ колоннъ. Одна мечеть Медрессы-и-джума довольно старая, другая Каландаръ-ханъ еще не была при насъ окончена. Строили ее на ханскій счетъ и по окончаніи она должна была сдѣлаться кафедральною, на мѣсто Медрессы-и-джума. Она построена недалеко отъ цитадели въ обширномъ саду, гдѣ прежде жили дуваны, откуда и ея названіе.

Говоря о базарѣ, я долженъ упомянуть и о мостахъ, такъ какъ главные мосты тоже имѣютъ лавки по сторонамъ—устройство, переносящее насъ въ средневѣковую Европу. Черезъ Коканъ протекаетъ два рукава Сохской рѣчки: Улькупъ-сай и Кичикъ-сай. Черезъ нихъ-то и перекинуты довольно большіе мосты. Главный, Хинъ-купрюкъ, каменный, съ смѣлой аркой, былъ построенъ при Мадали-ханѣ, какъ сокращенно зовется Мухаметъ-Али-ханъ (1822—1842); строителемъ его называютъ Ходжа-кушбеги. Другой мостъ съ лавками мы назвали Дерезликъ; есть еще третій.

Затѣмъ меня интересовали такія учрежденія, которыя можно встрѣтить только въ столицѣ, какъ напр. монетный дворъ; по нашимъ мнѣніямъ должно быть лѣвъ было похлопотать для насъ и они объявили, что монетный дворъ никакъ нельзя видѣть. На заявленное желаніе посмотрѣть гробницы хановъ и ихъ семействъ, мы отвѣчали, что Гуристанъ, гдѣ онѣ находятся, запертъ и ключъ хранится у хана, а когда я сказалъ, что можно попросить объ этомъ хана, то получилъ уже въ отвѣтъ, что Гуристанъ замурованъ и открывается только въ случаѣ погребенія. Эти два отказа показали намъ, что не стоитъ труда просить показывать официальные учрежденія. Я рѣшился лучше воспользоваться оставшимся временемъ, чтобы осмотрѣть писчебумажную фабрику (обиджуазъ), такъ какъ эти заведенія въ Средней Азии только и существуютъ въ Коканскомъ ханствѣ.

¹ Я видѣлъ: Медрессы Мадали и напротивъ его м. Хакъ-куды-мингъ-баши, м. Мингъ-аймъ и м. Али.

Впрочемъ и въ этомъ ханствѣ фабрики существуютъ только въ двухъ пунктахъ: въ Коканѣ и въ сел. Чарку. Что за причина обуславливаетъ такое спорадическое распространеніе этихъ заведеній—для меня осталось неизвѣстнымъ. Правда они нуждаются въ сильной струѣ воды, которая приводила бы въ дѣйствіе толчен, разбивающія тряпье,—толчен гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ употребляемая для обдирки рису,—но это условіе встрѣчается и во многихъ другихъ мѣстахъ, однако оби-джуазовъ мы не видимъ.

Я имѣлъ случай какъ-то познакомиться съ китайскимъ способомъ приготовленія бумаги и, осматривая оби-джуазъ въ Коканѣ, былъ пораженъ сходствомъ видѣннаго съ тѣмъ, какъ китайцы готовятъ бумагу. Источникъ, откуда приготовленіе бумаги проникло въ Туркестанъ, слѣдовательно ясенъ; учителями туркестанскихъ мастеровъ были несомнѣнно китайцы, но когда это случилось, сказать конечно трудно.

Писчебумажныя фабрики въ Коканѣ все расположены за воротами Муймуворакъ, по арыку того же имени и недалеко отъ мазара самаго знаменитаго святаго города Кокана, отъ котораго и арыкъ и ворота получили свое имя. Внешній видъ заведенія очень незатѣйливъ: спаружи видна обыкновенная въ тамошнихъ мѣстахъ толчея, а внутреннее помѣщеніе—простой сарай весьма тѣсныхъ размѣровъ, около 10—12 квадратныхъ сажень.

Одна сторона павѣса занята толчеей, другая—резервуарами съ тѣстомъ, а середина служитъ для промывки измельчаемаго тряпья.

Тряпье, употребляемое на выдѣлку бумаги, хлопчатобумажное, безъ всякой примѣси другихъ волокнистыхъ веществъ. Разныя изношенныя тряпки, а особенно истрепанныя и загрязненныя до послѣдней возможности халаты и одѣяла туземцевъ, составляютъ сырой матеріалъ, покунаемый на базарахъ по тилѣ (3 р. 80 к.) за батманъ (10½ пудовъ). Сортировки тряпья не существуетъ. Въ дѣло идутъ и лоскуты тканей и куски ваты, которою пабиты одѣяла. Только по цвѣту темного разбираютъ тряпки и окрашенныя въ синій цвѣтъ пускаютъ на выдѣлку синей оберточной бумаги. Разборка впрочемъ самая небрежная и на такой синей бумагѣ весьма не рѣдко встрѣчаются пятна и прожилки краснаго цвѣта.

Тряпье кидается въ ящикъ, гдѣ и подвергается ударамъ пестовъ, посаженныхъ на толстыя палки, то поднимающіяся, то опускающіяся, какъ въ обыкновенной толчеѣ, употребляемой туземцами для обдирки риса.

Вода, падающая по желобу (фарра), лежащему подъ угломъ 45°, ударяетъ въ крылья, посаженные на горизонтальный валъ, называемый туземцами окъ и приводитъ его въ движеніе.

По срединѣ вала вдѣланы два зуба, противъ которыхъ помѣщаются два толстыхъ, неравноплечныхъ рычага, опирающихся на поперечныя. Зубья вертящагося вала задѣваютъ за короткіе концы рычаговъ, отчего длинныя ихъ плечи, обращенныя внутрь постройки, приподнимаются приблизительно на аршинъ. Когда зубъ соскакиваетъ съ короткаго плеча рычага, послѣдній стремительно падаетъ и ударяетъ посаженнымъ на длинномъ плечѣ и обитымъ желѣзомъ пестомъ (тигъ) о камень, укрѣпленный въ срединѣ квадратнаго деревяннаго ящика, стороны котораго имѣютъ до 2¼ аршиновъ длины.

Оби-джуазъ имѣетъ по два песта и зубья на валѣ сидятъ такимъ образомъ, что песты приподнимаются и опускаются попеременно.

Тряпье, смоченное водою, кладется въ ящикъ и работникъ постоянно подбрасываетъ его на камень, о который ударяется пестъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ толченія, тряпье кладется въ салфетку (рума) и промывается. Промывка производится подъ жолобами. Для полученія струи воды, около сарая имѣется небольшой прудокъ изъ котораго вода по желобу, лежащему на полу, входитъ въ зданіе; конецъ жолоба приходится надъ ямой, куда и падаетъ вода. Глубина ямы до полутора аршина; вода изъ нея выходитъ сейчасъ же наружу. Промытая довольно сильной струей воды масса опять кладется въ ящикъ и подвергается снова толченію.

Толченіе и промывка повторяются три раза. Послѣ третьей промывки получается желтовато-бѣлая масса, которая формируется въ кругъ, до 3 четвертей въ діаметрѣ, и переходитъ въ руки другихъ мастеровъ, приготовляющихъ изъ нея листы.

Въ с. Чарку эти два процесса приготовленія массы и листовъ производятся въ разныхъ помѣщеніяхъ, въ разныхъ частяхъ селенія. Въ г. Коканѣ, напротивъ, въ томъ же самомъ, гдѣ устанавлены ящики съ пестами, находятся и двѣ ямы, въ которыхъ бумажное тѣсто разбалтывается до необходимой густоты. Ямы эти (таска) имѣютъ до 5 четвертей глубины.

Мастеръ, приготовляющій листы, пользуется мутовкой, рамкой и сѣткой.

Мутовка (пичакъ) имѣетъ весьма оригинальную форму: это палка, на концѣ усаженная упругими согнутыми прутьями, свободные концы которыхъ связаны вмѣстѣ; въ общемъ получается яйцевидное прорѣзное тѣло, посаженное на длинную рукоять. Такое устройство мутовки позволяетъ очель удобно и быстро взмучивать разведенную въ водѣ бумажную массу, что приходится дѣлать довольно часто, такъ какъ масса быстро осѣдаетъ на дно. Впрочемъ опытность мастера позволяетъ ему готовить листы одинаковой толщины, какъ сейчасъ послѣ взмучиванія, такъ и спустя довольно долгое время. Для этого ему стоитъ только или опускать рамку съ сѣткой каждый разъ нѣсколько глубже, или медленнѣе вынимать изъ воды.

Аппаратъ (хальпа), посредствомъ котораго мастеръ черпаетъ бумажное тѣсто (хталя) и превращаетъ его въ листы, имѣетъ слѣдующее устройство: на деревянную рамку (хасы) кладется сѣтка изъ чіи (товара). Чій, это растение изъ семейства злаковъ (*Lasiagrostis splendens*), имѣющее довольно прочный стебель, не толстый, но весьма правильно цилиндрическій.

Рамка съ наложенной сѣткой, укрѣпленной боковыми палочками (юпчакъ), опускается въ яму съ тѣстомъ, которое процѣживается черезъ сѣтку, оставляя на ней осадокъ. Тогда поперегъ ямы кладутся двѣ палочки (давандакъ), на которыя ставится рамка и, пока процѣженное тѣсто нѣсколько обсыхаетъ и уплотняется, мастеръ снимаетъ боковыя палочки (юпчакъ) и прикладываетъ ихъ сверху и снизу, чѣмъ и выравниваетъ края листа.

Такой листъ, расплывающійся при самомъ легкомъ усилии, посредствомъ оборачиванія рамки кладется на доску и начинается приготовленіе другаго, который кладется на предыдущій, и такимъ образомъ получается порядочная стопка бумаги; одинъ мастеръ въ теченіи дня приготовляетъ 300 листовъ; къ вечернему намазу они готовы и на ночь на нихъ накладывается доска съ достаточнымъ грузомъ камней сверху, отчего за ночь излишняя вода стекаетъ и листы крѣпнутъ.

Назавтра они подвергаются просушкѣ, для чего служитъ стѣна, обращенная къ югу. Стѣна эта составляетъ часть забора сосѣдняго дома или сада и отличается только тѣмъ, что оштукатурена гипсомъ и при томъ очень гладко, какъ бы отполирована. На эту стѣну при-

лѣпляются окрѣпшіе за ночь листы бумаги и при тамошнемъ жарѣ очень быстро высыхаютъ. Тогда ихъ собираютъ и складываютъ въ пачки по 24 листа, называемые даста. Этимъ и кончается весь процессъ приготовленія бумаги на оби-джуазѣ.

Бумага сбывается на базарѣ, гдѣ попадаетъ въ руки муракашей—мастеровъ, покрывающихъ ее клеємъ и паводящихъ лоскъ. Для проклейки употребляется декстринъ, содержащійся въ корняхъ ширяша, дикорастущаго растенія изъ семейства лилейныхъ. Наведеніе глянца дѣлается посредствомъ отшлифованнаго камня, насаженнаго на палку. Послѣ глянцеванія цѣнность бумаги значительно возрастаетъ: даста (24 л.), стоившая на оби-джуазѣ 15 коп., продается за 20—30 к., смотря по аккуратности, съ какой наведенъ лоскъ и по количеству склеенныхъ и снабженныхъ заплатами листовъ. Муракашъ не бросаетъ листа надорваннаго или имѣющаго дыру, а накладываетъ ленту бумаги или заплату, приклеиваетъ ее и тщательно притираетъ своимъ камнемъ, такъ что такіе листы съ перваго раза трудно даже замѣтить и, только глядя на свѣтъ, видно, что листъ имѣетъ заплату.

Форматъ коканской бумаги близокъ къ формату нашей пропускной. Не проклеенная употребляется туземцами какъ оберточная; смазанная масломъ замѣняетъ въ окнахъ стекла и т. п. Съ наведеннымъ глянцемъ служитъ для письменныхъ надобностей. Сильно отличаясь отъ нашей и будучи не пригодна для писанія чернилами, она не годится для русскихъ, почему въ край и привозится значительное количество бумаги. Съ другой стороны потребности туземцевъ не могутъ быть удовлетворены нашей бумагой: они привыкли писать своей камышевой палочкой и наша бумага многимъ не нравится. По этому рассчитывать на сбытъ нашей писчей бумаги между туземцами и вытѣсненіе ею туземной—пелъзя. Развѣ окажется возможнымъ съ выгодой готовить бумагу, подходящую къ тамошней, но и тогда, при требованіи торгующихъ въ Туркестанскомъ краѣ русскихъ купцовъ, чтобы капиталъ приносилъ не менѣе 100%, не представится возможности продавать эту бумагу дешевле туземной, стоящей около 5 рублей за стопу. Туземные оби-джуазы будутъ существовать, слѣдовательно, еще долго и потому было бы желательно только, чтобы, подъ вліяніемъ соприкосновенія съ русскими, онѣ получили нѣкоторыя усовершенствованія, что особенно необходимо и возможно въ процессѣ приготовленія бумажной массы.

Возвращаясь обратно въ городъ и проѣзжая мимо святаго Муймуворака, мы пожелали посѣтить могилу этого святаго. Сопровождавшіе насъ джигиты сначала было указывали, что это неудобно, но живущіе при могилѣ духовные нисколько не обидѣлись нашимъ посѣщеніемъ и, къ удивленію нашему, даже прочли молитву за посѣтителей. Такой неожиданностью я даже нѣсколько сконфузился и оставилъ у молящагося муллы переводчика (мусульманина), давши мулламъ коканъ (20 к.). Это былъ первый видѣнный мною случай терпимости (даже больше) со стороны мусульманскаго духовенства, о которомъ я всегда слышалъ и читалъ, какъ о крайне фанатичномъ. Позже я имѣлъ много случаевъ видѣть такой же либерализмъ по отношенію ихъ къ намъ. Нельзя же предположить, что ихъ соблазняли и заставляли дѣйствовать наперекоръ ихъ убѣжденіямъ получаемые коканы.

Самая гробница не представляетъ ничего замѣчательнаго. Глиняная постройка съ дверями скрываетъ надгробный камень.

По дорогѣ на оби-джуазъ мы проѣхали мимо обширнаго лѣса два раза; напротивъ его на возвышенномъ мѣстѣ находилась прежде цитадель, теперь разрушенная до основанія. Намъ показали тутъ же домъ, гдѣ жилъ извѣстный Алимкуль. Далѣе въ восточномъ углу находится

у стѣны обширная площадка и въ этомъ мѣстѣ входитъ въ городъ Катта (или Улькунъ) сай. Черезъ этотъ оврагъ при насъ возводили постройку, напоминавшую нѣчто въ родѣ моста на жидкихъ сваяхъ. Мостъ этотъ длиною сажень въ 7 служилъ оскопаніемъ устраиваемой на немъ стѣны, которая должна была сомкнуть подходившіе къ водѣ оврага концы городской стѣны.

Во время моего пребыванія въ Коканѣ тамъ находился братъ хана Султанъ Мурадъ-бекъ, управляющій самымъ обширнымъ и богатымъ изъ округовъ Коканскаго ханства — Марглянскимъ. Я много слышалъ о его умѣ и чрезвычайной любезности, съ которой онъ относился къ русскимъ и поэтому очень желалъ его посѣтить. 14-го утромъ мы поѣхали въ его домъ, находящійся у воротъ Муймуроакъ. Домъ не порадовалъ никакимъ великолѣпіемъ. У входа стоялъ почетный караулъ изъ пестрой толпы сарбазъ. Обширный дворъ выглядѣлъ пусто, непривѣтливо; въ концѣ его встрѣтилъ насъ самъ Султанъ Мурадъ-бекъ и ввелъ въ комнату съ окнами. Тамъ мы нашли обширный столъ, накрытый коленкоромъ, какъ салфеткой и четыре табурета. Бекъ сѣлъ у окна, а мы по другую сторону и такимъ образомъ удобно могли его разглядѣть. Одѣтъ онъ былъ въ кафтанъ изъ китайской шелковой матеріи съ вытканными узорами. На видъ ему между 35 и 40 годами (онъ моложе хана); фізіономія чрезвычайно добрая, располагающая. Началось конечно съ вопросовъ о здоровьи; затѣмъ я передалъ ему небольшіе привезенные для него подарки. Подали чай. Разговоръ я старался больше держать на цѣляхъ путешествія, такъ какъ избранныя для посѣщенія мѣстности по преимуществу находились въ его округѣ и мнѣ хотѣлось расположить его въ пользу нашего путешествія. За чаемъ слѣдовалъ дастарханъ, принесенный на 27 подносахъ; тутъ были плоды, конфекты и разныя другія сласти, изъ которыхъ мнѣ понравился кандакъ-нишадлы — бѣлокъ взбитый съ сахаромъ. По поводу билетиковъ на русскихъ конфектахъ, бекъ освѣдомился, что они значатъ. Нужно сказать, что среднеазиатцы предпочтительно берутъ конфекты съ билетиками, полагая, что это означаетъ лучший сортъ. Для полнаго объясненія беку перевели нѣсколько изъ попавшихся билетиковъ, но — увы — стихи, какъ нарочно, подвернулись самые бессмысленные и вѣроятно хозяинъ не составилъ себѣ выгоднаго понятія о нашей поэзіи. Мы хотѣли уже уходить, какъ объявили, что приготовленъ обѣдъ. Къ обѣду подали тарелки, ножи, вилки, ложки. Читатель замѣтитъ, что я подчеркиваю то, что въ обстановкѣ у бека было на русско-европейскій манеръ. Султанъ Мурадъ впрочемъ ушелъ обѣдать къ себѣ, должно быть въ виду невозможности справиться съ вилкой, ложкой и т. д., а ѣсть ему пальцами при насъ вѣроятно было уже совѣстно. Обѣдъ состоялъ изъ каурша (пельмени), курицы, ташимы (лапша) и неизмѣннаго палау. По окончаніи обѣда принесли халаты, бекъ пришелъ еще разъ, простился и мы уѣхали.

Кромѣ этого визита я посѣтилъ еще разъ мехтера, но не на дому, а опять въ караванъ сараѣ. Я засталъ его провѣряющимъ какіе то торговые списки. Цѣлью моего визита было выяснитъ разные частные вопросы касательно путешествія. Такъ какъ при коканскомъ правительствѣ нѣтъ никакого русскаго агента, то сношенія и заботы о разныхъ разрѣшеніяхъ пали на меня. Сдѣланныя мною при этомъ наблюденія заставляютъ меня высказать сожалѣніе, что нѣтъ постоянного агента въ Коканѣ. Правительство охотно выполняетъ желанія русской администраціи, но бываютъ случаи, когда необходимы личныя объясненія хану или мехтеру или наблюденіе на мѣстѣ какъ исполняется какое либо требованіе или рѣшеніе. Я это испыталъ во время описываемаго свиданія съ мехтеромъ: наканунѣ во дворцѣ я получилъ

отвѣтъ, что можно ѣхать всюду, теперь же оказывалось, что посѣтить Терекъ-даванскій переваль опасно, что кашгарцы обезпоятся и выставятъ усиленные пакеты; затѣмъ начали описываться ужасы дороги въ Каратегинъ изъ Соха, гдѣ нужно идти черезъ таракъ (трещины въ ледникѣ) для чего жители привязываютъ къ тѣлу длинныя палки, чтобы въ случаѣ паденія въ трещины зацѣпиться пока не вытащатъ. Я благодарилъ мехтера за его заботливость, но указывалъ, что мнѣ уже не въ первый разъ приходится путешествовать по горамъ, что я и жена привыкли къ этому, просилъ только дать надежныхъ людей для сопровожденія, а главное приказать, чтобы вездѣ давали проводниковъ. Мехтеръ обѣщаль устроить все это возможно скорѣе.

Въ томъ же закеть-сараѣ мы посѣтили русскихъ купцовъ. Въ Коканѣ жили въ то время прикащики двухъ домовъ Пунышевыхъ, троицкихъ купцовъ; дома эти ведутъ самую обширную и солидную торговлю и пользуются въ Ташкентско-кокапскомъ районѣ наибольшимъ уваженіемъ и значеніемъ. Особенно пріятно было для меня знакомство съ прикащикомъ г. Колесниковымъ. Отъ него я получилъ много практическихъ совѣтовъ и указаній; онъ замѣнилъ мнѣ во многомъ такого агента, на отсутствіе котораго я указывалъ выше. Въ послѣднихъ сборахъ онъ тоже много помогъ мнѣ и я позволяю себѣ здѣсь выразить ему свою признательность за его обязательную любезность.

Отзывы его о ходѣ торговли были вообще благопріятны; о мехтерѣ онъ отзывался какъ объ очень внимательномъ къ интересамъ русскихъ купцовъ и говорилъ, что всѣ его претензіи (по полученію денегъ, торговля ведется въ кредитъ) на кокапскихъ купцовъ всегда внимательно разбирались и рѣшенія быстро приводились въ исполненіе. Много хвалилъ онъ также Атабека. Это весьма почтенная личность, очень старая и имѣвшая въ то время титулъ паиба, т. е. начальника всѣхъ войскъ. При взятіи Пиписка въ 1860 г., гдѣ онъ былъ комендантомъ, онъ попался въ плѣнъ къ русскимъ и долго прожилъ въ качествѣ военнопленнаго въ Вѣрпомѣ. Тамъ онъ узналъ русскихъ, ихъ силу и значеніе и потому при теперешнемъ правительствѣ явился ревностнымъ поборникомъ политики дружбы съ Россіей. Народъ чрезвычайно уважаетъ его и почитаетъ за святаго. Пользуясь этимъ и своими годами, онъ не стѣняясь высказываетъ хапу правду и даетъ совѣты, не подлаживаясь подъ настроеніе и желанія хапа. Положеніе его поэтому часто бывало тяжело: наущники сейчасъ же иначе объясняли его дѣйствія, ханъ дѣлался невнимателемъ къ нему и поэтому уже при мнѣ поговаривали, что онъ проситъ отставку. По послѣднимъ свѣдѣніямъ дѣйствительно паибъ вышелъ въ отставку послѣ крупной размолвки, когда ханъ пригрозилъ ему даже смертию. Старикъ не смутился и отвѣтилъ, что онъ такъ старъ (ему болѣе 80 лѣтъ), что ему все равно сейчасъ ли умереть, или нѣсколько позже. Ханъ нѣкоторое время сердился, но далъ ему деревню и черезъ нѣсколько времени Атабекъ опять сталъ появляться при дворѣ.

Посѣтить мнѣ его не удалось, сначала все откладывалось, говорилось что нужно выбрать время, такъ какъ Атабекъ почти постоянно во дворцѣ, а потомъ уже пужно было ѣхать въ путешествіе. Мехтеровымъ людямъ какъ будто не хотѣлось, чтобы я ѣхалъ къ Атабеку. Я его впрочемъ видѣлъ: проѣзжая мимо крѣпости, мы замѣтили старика съ длинной бѣлой бородой, сидѣвшаго на площадкѣ у воротъ. Почтенная фигура этого старца невольно врѣзывалась въ память.

Средоточіе общественной жизни въ среднеазиатскихъ городахъ это — базары; тутъ, куда ни оглянись, всюду встрѣтишь столько оригинальнаго, столько характернаго для правобъ ту-

земной жизни, что описаніе тамошнихъ сценъ завело бы насъ слишкомъ далеко, поэтому я упомяну здѣсь только о двухъ сценахъ, видѣнныхъ мною на улицахъ. Обѣ онѣ печальныя: первая — похоронная процессія, мало напомнившая мнѣ то, что я видѣлъ раньше, напр. въ Самаркандѣ: два плачущихъ мальчика съ палками открывали шествіе; затѣмъ несли носилки, обвѣшанныя бѣлою матеріей, скрывавшей трупъ, въ головахъ у котораго былъ положенъ халатъ; сзади шло нѣсколько мужчинъ.

Другая сцена — арестанты, собирающіе милостыню: въ одной изъ глухихъ улицъ мы встрѣтили двухъ человекъ, скованныхъ цѣпью вмѣстѣ такъ, что они должны были всюду слѣдовать другъ за другомъ. Они обратились къ намъ за подаяніемъ; чрезвычайно заинтересованный подобной встрѣчей, я сталъ спрашивать; оказалось, что случай этотъ самое обыденное, обычное дѣло: скованныхъ такимъ образомъ арестантовъ часто выпускаютъ, предоставляя имъ бродить по городу и выпрашивать себѣ милостыню. Видъ этихъ несчастныхъ былъ ужасенъ. Въ одиѣхъ рубахахъ, испитые, измороженные бродили эти непризнаваемые за людей существа, очевидно ни въ комъ не возбуждая ни малѣйшей жалости. Я сдѣлалъ было попытку спросить за что они сидятъ, но толковаго отвѣта не получилъ; одинъ отвѣтилъ, что онъ курамишець, посаженъ муллою Маруфомъ т. е. Махрамскимъ бекомъ. Въ чемъ онъ обвинялся, гдѣ мѣсто совершеннаго имъ преступленія, наконецъ, когда онъ оставилъ Кураму (которая, какъ извѣстно, находится въ русскихъ предѣлахъ) и считаетъ ли себя русскимъ подданнымъ, я не могъ добиться, а слѣдовательно и выяснитъ насколько бекъ былъ правъ, посадивши его въ коканскую тюрьму. Нечего говорить, что въ виду всего этого дѣлать какія либо заявленія мехтеру относительно этой встрѣчи я не видѣлъ достаточно поводовъ и своимъ непрощеннымъ вмѣшательствомъ могъ сразу возбудить неудовольствія и испортить все дѣло. Да я и не знаю оговорены ли права русскихъ подданныхъ быть судимыми русскимъ судомъ или по крайней мѣрѣ въ присутствіи русскаго представителя. Конечно, природнаго русскаго ни одно среднеазиатское правительство не осмѣлится судить само, но относительно выясненія правъ русскихъ подданныхъ изъ туземцевъ обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ русской власти съ просьбою о защитѣ, едвали не необходимы особыя мѣры и заботы администраціи. Гарантіи туземнаго суда очень недостаточны для подсудимыхъ: главное основаніе — показанія свидѣтелей, подкрѣпленныя присягой; а извѣстно, что продажность тамошнихъ свидѣтелей вошла давно уже въ поговорку, нисколько впрочемъ не вліяющую повидимому на строгость примѣненія самыхъ жестокихъ наказаній.

Казни весьма не рѣдки. Благодаря случаю или любезности коканцевъ, при насъ не было совершено ни одной казни и мы были избавлены отъ непріятности наталкиваться на картины валяющихся на улицѣ труповъ. Процедура казни самая возмутительная: осужденнаго сначала водятъ по городу и стража заставляеть его кричать собравшемуся народу: «не дѣлай (того то, за что преступникъ осужденъ), иначе постигнетъ тебя судьба моя!» Казнятъ обыкновенно чрезъ зарѣзаніе, что совершается съ самой первобытной простотой: палачъ беретъ осужденнаго за голову, читаетъ молитву и перерѣзываетъ ножомъ горло. Передъ этимъ заставляютъ осужденнаго громко прокричать благодарность хану и его правосудію, что осужденные исполняютъ безпрекословно.

Какъ о рѣдкомъ случаѣ рассказываютъ объ одномъ преступникѣ, который вмѣсто похвалы началъ ругать хана. Несчастнаго били безпощадно, желая вырвать у него эту оригинальную благодарность правосудному властителю, но наконецъ, для прекращенія скандала,

должны были зарѣзать его, не добившись похвалъ хану. Обыкновенно для казни выбирается базарный день и трупъ казненнаго въ назиданіе народу лежитъ два дня, заражая во время жаровъ воздухъ. Чуть ли не послѣдняя казнь передъ нашимъ прїѣздомъ была совершена надъ злостнымъ банкротомъ: кунецъ, хорошо ведшій свои дѣла, вдругъ прекратилъ торговлю и объявилъ, что раззорился; но черезъ нѣсколько времени прїобрѣлъ большой садъ, началъ строить домъ и вообще устраивать свою жизнь далеко не такъ, какъ подобаетъ бѣдняку; навели справки и ханъ приказалъ его казнить. Но если часты казни публичныя за такія даже преступленія, которыя у насъ разсматриваются по гражданскому кодексу, то чуть ли еще не больше казней тайныхъ, вызываемыхъ желаніемъ устранить людей, опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Предшествовавшія междоусобія оставили въ ханствѣ много людей, желавшихъ видѣть во главѣ правленія другую партію, кипчакскую или кочевую и вотъ отъ нихъ то ханъ почелъ за нужное избавиться посредствомъ не гласныхъ казней. Многие изъ недовольныхъ, особенно люди знатные, бѣжали въ Кашгаръ, гдѣ какъ разъ въ это время утвердился Якубъ-бекъ, съ радостью ихъ принимавшій, такъ какъ нуждался въ вѣрныхъ и способныхъ соотрудникахъ. Такимъ образомъ основавшееся въ это время новое государство въ Кашгарѣ имѣло свою долю вліянія на ускореніе спокойствія и мира въ Коканскомъ ханствѣ, отвлекши къ себѣ много горючихъ элементовъ. Число тайно казненныхъ хапомъ въ послѣдніе пять лѣтъ (1866—1871 г.) мнѣ опредѣляли въ три тысячи человѣкъ. «Вдругъ пропадетъ человѣкъ и вѣтъ его, говорили мнѣ коканцы: это значитъ его зарѣзали по приказанію хана». Когда я выражалъ удивленіе, что единственнымъ средствомъ сдѣлать человѣка безвреднымъ считается зарѣзать его и спрашивалъ отъ чего не прибѣгаютъ къ заключенію или ссылке, коканцы, мнѣ отвѣчали: «у насъ вѣтъ Сибири, куда бы можно было ссылать людей, какъ это дѣлается у русскихъ; прежде у насъ была Сибирь — *Куртка* въ шарыпскихъ горахъ, но теперь и эта Куртка отошла къ Россіи,» замѣчали они при этомъ. Впрочемъ, кажется, Узгентъ служить теперь мѣстомъ ссылки. Возможно, что цифра тайно казненныхъ и преувеличена, но она показываетъ во всякомъ случаѣ, что отправлено на тотъ свѣтъ народу не мало; съ другой стороны нельзя и опровергать ее: человѣческая жизнь въ Средней Азій считается ни во что. Страннымъ образомъ вслѣдствіе этого не выработалось у туземцевъ храбрости, а напротивъ самая тупая готовность умирать: туземецъ одинаково спокойно идетъ на казнь и стоитъ угрожаемый палкой подъ выстрѣлами картечи; способныхъ же сдѣлать что-нибудь самымъ съ рискомъ смерти находится лишь очень и очень немного.

Въ Коканѣ намъ нужно было еще кое-что прїобрѣсти для путешествія. Во-первыхъ, нужно было купить массу халатовъ. Это было легко, такъ какъ въ Коканѣ производство ихъ весьма развито въ виду того обстоятельства, что ханъ дважды въ годъ раздаетъ всѣмъ своимъ солдатамъ по халату. Склады ихъ громадны; самые дешевые и весьма приличные изъ русскаго ситца стоятъ всего только по 2 р. 20 к.; рисунки ситца, употребляемаго на халаты, весьма разнообразны; главный характеръ конечно пестрота. Кромѣ этихъ дешевыхъ халатовъ я прїобрѣлъ еще нѣсколько болѣе дорогихъ, адрасовыхъ и канаусовыхъ для подарковъ болѣе важнымъ лицамъ. Всего въ Коканѣ прїобрѣтено было 65 халатовъ на 230 р., но и этого оказалось мало; пришлось прикупать еще и уже за болѣе дорогую цѣну ¹.

¹ Мнѣ показалось страннымъ, до чего могутъ мѣняться цѣны даже на такія общераспространенныя вещи, какъ халаты; поминя, въ Наманганѣ, всего въ 80 верстахъ отъ Кокана, за болѣе плохіе ситцевые халаты, я заплатилъ уже больше 3 руб., т. е. на 4 копейки дороже.

Еще бѣльшую заботу доставили вьючныя лошади; сначала я хотѣлъ купить лошадей, сѣдла и т. д., но оказалось это весьма затруднительнымъ: при сѣбшности выборъ лошадей былъ бы вѣроятно неудаченъ, затѣмъ нужно было бы прискивать людей для вьючки и наблюденія за лошадьми въ пути. Поэтому я очень обрадовался, когда узналъ, что можно нанять такъ называемаго ишакчи, т.-е. занимающагося перевозкой товаровъ на вьюкахъ, чрезъ горныя мѣстности. Свои вьючныя лошади представляли ту выгоду, что мы могли, не стѣняясь состояніемъ дорогъ, ѣхать куда угодно; при наемныхъ лошадяхъ можно было ожидать протеста со стороны возчиковъ. Но это неудобство устранялось: за извѣстную плату ишакчи Мирза Раимъ соглашался ѣхать всюду, или какъ онъ выразился въ сочиненномъ имъ самимъ условіи: «все, что онъ (т.-е. я) прикажетъ, будетъ ли брать, или велитъ навьючить вьюки и прикажетъ двинуться, куда онъ захочетъ, буду слушаться и все исполнять». Затѣмъ и объявленная имъ цѣна по 4 тилли (15 р. 20 к.) въ мѣсяць съ лошади была не высока. Я согласился на нее, радуясь, что избавляюсь отъ заботъ о семи лошадяхъ, надзора за вьючкой, цѣлостью веревокъ и проч. и проч., что опять неизбежно пало бы на меня. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы послѣ я такъ же радовался: Мирза Раимъ доставилъ мнѣ много огорченія. Затѣмъ нужно было позаботиться о прислугѣ: взятый мною изъ Ташкента, Василій, кажется, напугался рассказовъ о трудностяхъ пути и объявилъ себя больнымъ, причемъ называлъ такую болѣзнь, что отбилъ всякіе помыслы уговаривать его ѣхать дальше. Я рѣшился попытаться взять молодаго парня изъ туземцевъ, надѣясь, что онъ все-таки будетъ хоть до извѣстной степени полезенъ. Но, увы, и этой надеждѣ черезъ два же дня суждено было отлетѣть: я не могъ добиться, чтобы онъ вскипятилъ, какъ слѣдуетъ, воду въ чайникѣ, а моихъ познаній въ туземномъ языкѣ было недостаточно для систематическаго обученія.

Наконецъ, 15-го іюня, привезли намъ ишаатъ намъ, т.-е. открытое предписаніе съ ханской печатью, въ силу котораго мы должны были на всемъ пространствѣ ханства находить содѣйствіе и гостепримство. Привожу этотъ интересный документъ.

„Правителямъ, аминамъ, серкерамъ и другимъ начальствующимъ лицамъ округовъ: Маргляна, Андиджана, Шаариханы, Аравана и Булакбаши, и городовъ: Оша, Учъ-курмана, Чеміана, Соха, Псары, Чарку и Воруха, да будетъ извѣстенъ сей высочайшій приказъ: шесть человекъ русскихъ и въ числѣ ихъ одна женщина, съ семью служителями, ѣдутъ видѣть гористыя страны, почему повелѣвается, чтобы въ каждомъ округѣ и въ каждомъ мѣстѣ ихъ принимали, какъ гостей, чтобы никто изъ кочевниковъ и сарговъ ихъ не трогалъ и чтобы упомянутые русскіе совершили свое путешествіе весело и спокойно. Это должно быть исполнено безпрекословно!“

Для сопровожденія насъ было назначено 8 человекъ джигитовъ, людей мехтера. Главнымъ изъ нихъ былъ Абдукаримъ караулъ беги, старикъ лѣтъ 70, весьма почтенной вѣшности. Остальные были по большей части молодежь. Мирза Едгаръ, бывший при насъ во все время пребыванія въ г. Коканѣ, тоже былъ назначенъ сопровождать насъ. Ему я поручилъ перевезти въ г. Марглянъ наши вещи, ненужныя для предстоящей поѣздки въ горы, и тяжелый грузъ серебряныхъ денегъ. Съ остальными людьми мы выѣхали изъ Кокана 17 іюня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЪ ИСФАРУ И КЪ ЛЕДНИКУ ЩУРОВСКАГО.

Первый день пути.— Способы путешествія.— Составленіе маршрута.— Ночлегъ.— Непріятный случай; оригинальный уходъ за лошадьми.— Видъ на Фергану.— Лаконъ дагана.— Исфара.— Воспоминаніе о Ководли.— Древніе курганы.— Чарку.— Ворухъ.— Жизнь таджковъ.— Встрѣча съ Хасаномъ пинджабаши.— Ходжа Чибурганъ.— Граница ямея.— Члчкъ айлау.— Первое знакомство съ киргизами.— Подарки.— Переваль Джипыкъ.— Верхняя и нижняя границы арчи.— Бій Катта-Магометъ.— Лѣтовка.— Дорога къ леднику.— Альпійскія растенія.— Каменные жилища.— Посѣщеніе ледника.— Описаніе его.— Кехъ.— Тѣнина Караколь.— Кара булакъ.— Masagidae.— Характеръ киргизскаго селенія.— Сохская рѣка.— Сохъ.— Верховья Сохской рѣки.— Дорога въ Каратегли.— Киргизское возстаніе.— Ключъ.— Дорога къ Охлу.— Р. Шахмардавъ.

За разными сборами мы выѣхали изъ Кокана уже послѣ полудня и потому торопились ѣхать до предполагаемаго ночлега, въ селеніи Яйпанъ. Дорога почти все время пролегла по садамъ и вообще по обработаннымъ пространствамъ, такъ что особаго интереса въ естественно-историческомъ отношеніи не представляла: все было повтореніемъ того, что я наблюдалъ уже въ другихъ оазисахъ. Поэтому я рѣшился до Исфары ѣхать безостановочно. Я спѣшилъ; въ послѣдніе дни, когда сборы въ Коканъ затянулись и время уходило напрасно, я начиналъ даже колебаться относительно того, ѣхать ли въ долину Исфары, такъ какъ эта поѣздка должна была увести насъ опять къ западу. Но отказаться отъ нея—значило показать коканцамъ, что въ предполагаемомъ маршрутѣ могутъ дѣлаться измѣненія, а слѣдовательно дать имъ довольно вѣснѣй доводъ, что подобныя же измѣненія можно производить и въ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ поѣздка въ исфаринскую долину была рѣшена. При этомъ я предполагалъ дойти до истоковъ Исфары и, если можно, спуститься на Заравшанскій ледникъ, который по имѣвшимся свѣдѣніямъ оканчивался приблизительно на меридіанѣ Исфары. Дорожа временемъ, я вообще рѣшилъ двигаться возможно быстро, но самый способъ путешествія не позволялъ дѣлать большихъ переходовъ. Мы ѣхали верхомъ, имѣя при себѣ изъ снарядовъ и другихъ принадлежностей только самое необходимое; все остальное ѣхало вьюками на особыхъ лондаяхъ. Этотъ то вьючный обозъ главнымъ образомъ и задерживалъ насъ при движеніяхъ. Онъ шелъ обыкновенно отдѣльно и при этомъ значительно медленнѣе насъ. Несмотря на то, что мы во время дороги дѣлали много остановокъ для наблюдений и коллектированія, что большею частію ѣхали шагомъ,—обозъ все-таки почти постоянно приходилъ позже насъ на ночлегъ. Поэтому наши переходы были не велики; въ горахъ, напр., мы дѣлали обыкновенно верстъ 20—25 въ день, а въ трудныхъ мѣстахъ и менѣе; по дорогамъ болѣе открытымъ—верстъ 30, и иногда лишь до 40. Понятно, конечно, что величина переходовъ находилась также въ связи съ возможностью собирать во время пути, почему

дѣлать переѣзды болѣе 40 версть рѣдко приходилось, развѣ тогда только, когда имѣлось въ виду пріѣхать скорѣе въ данный пунктъ. Такъ, напримѣръ, на обратномъ пути въ Ташкентъ изъ Намангана, мы сдѣлали въ шесть дней, не останавливаясь, 270 версть, причемъ были переходы слишкомъ въ 55 версть. Но и это не самая большая скорость: въ Заравшанской долинѣ мнѣ приходилось дѣлать переѣздъ изъ Пянджикента въ Самаркандъ (65 версть) въ одинъ день. Джигиты же, посылаемые съ экстренными извѣстіями (джапары), проѣзжаютъ гораздо болѣе: меня увѣряли, что изъ Оша въ Кашгаръ джапаръ пріѣзжаетъ на пятый день, а разстояніе тутъ не меньше 350 версть. Вотъ при такомъ разнообразіи въ числѣ версть, которое проѣзжаютъ въ день, т.-е. отъ 20 до 70, и сводите разстоянія, получаемыя при распросахъ! прибавьте къ этому еще преувеличенія, дѣлаемыя туземцами, вовсе не съ цѣлью обмануть, а просто потому, что въ горахъ дорога кажется ужасно длинна, и по трудности, и по ея постоянной извилистости, вслѣдствіе чего попадающіеся виды постоянно мѣняются.

Мы выѣхали изъ Кокана чрезъ ворота Ауганъ; они называются такъ потому, что вблизи ихъ находится обширный кншлакъ, тоже называемый Ауганъ отъ живущихъ въ немъ афганцевъ, говорятъ давно уже поселившихся тутъ. Немного кривя, мы ѣхали однако приблизительно въ одномъ направленіи, но въ какомъ—рѣшить было трудно. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на буссоль, но коканскіе джигиты не оставляли насъ ни на минуту, а мнѣ не хотѣлось возбуждать ихъ подозрительность на первыхъ же шагахъ. Установивъ общее направленіе дороги по видѣвшейся далеко на юго-западѣ горѣ, я воспользовался какой то разрушенной стѣнкой, зашелъ за нее и взялъ направленіе. На другой день дѣло шло уже легче: мы какъ то разбились, вся партія растянулась на нѣсколько версть, и я уже менѣ стѣснялся. Затѣмъ, когда нужно было, при частыхъ поворотахъ въ ущельяхъ, чаще брать направленіе, буссоль перешла въ руки Ольги Александровны, какъ менѣ вызывавшей сомнѣнія относительно ея занятій. Но послѣ, ознакомившись съ джигитами и увидавъ, что они въ сущности очень добродушный народъ, я пересталъ стѣсняться, да и они немного обращали вниманія на мои посматриванія въ разныхъ направленіяхъ: по и тогда все-таки, если близко были коканцы, я, чтобы не возбуждать никакихъ подозрѣній, запоминалъ углы и при первомъ удобномъ случаѣ дѣлалъ какой-нибудь вопросъ и тогда уже записывалъ цифры. Навосилъ же направленія и вообще дѣлалъ набросокъ пройденной мѣстности уже по пріѣздѣ на ночлегъ; дорогой же забрасывалъ только очень запутанныя мѣста для памяти въ карманной книжкѣ. Кромѣ того, мнѣ много помогала и самый способъ буссольной съемки, такъ какъ туземцы не видали, чтобы при такихъ ничтожныхъ повидимому средствахъ тоже можно было начертить пройденное пространство; глазомѣрная съемка буссолью не въ употребленіи у туркестанскихъ топографовъ: они таскаютъ съ собой мензурную доску, линейку съ діоптрами, тяжелый штативъ, зонтикъ и т. д., что требуетъ много людей и вообще ужасно усложняетъ дѣло. Мнѣ кажется, что въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ больше половины всего пространства приходится наносить «по соображенію», какъ нѣкоторые выражаются, было бы лишнее прибѣгнуть къ буссольной съемкѣ; тогда въ годъ, два, при огромномъ числѣ имѣющихся тамъ топографовъ, можно было бы составить очень хорошую карту края, особенно еслибы было сдѣлано побольше астрономическихъ опредѣленій. Инструментальная съемка, триангуляція, хозяйственная съемка, къ чему уже приступлено, дали бы возможность потомъ дополнить составленную карту. Для масштаба же въ 40—50 версть въ дюймѣ, въ которомъ издаются общія карты Туркестана, глазомѣрная съемка съ буссолью, связанная съ астроно-

мическими пунктами, была бы совершенно достаточна. Но все имѣть свою хорошую сторону: не зная, что такимъ певнинымъ способомъ можно обмѣрять землю, туземцы въ Коканѣ несколько не затруднили мнѣ составленіе маршрутовъ и ограничились небольшимъ числомъ вопросовъ о томъ, для чего у меня маленький инструментъ, на который я такъ часто поглядываю. Огвѣты въ родѣ того, что это необходимо для наблюденія вѣрнаго хода часовъ, или что черезъ эту машинку я лучше вижу вдаль, совершенно ихъ удовлетворили. Даже какъ то пробовали смотрѣть черезъ діоптры, но, конечно, ничего не увидали, хотя, не желая уронить своего достоинства, отходили съ глубокомысленнымъ видомъ и заявляли свое законическое явни (хорошо).

Такимъ образомъ я имѣю возможность дать здѣсь маршруты моего пути, которые помогутъ слѣдить за рассказомъ. При этомъ я долженъ оговориться, что сдѣланные мною маршруты даютъ болѣе или менѣе точное изображеніе линіи пути, направленія долины, рѣкъ, лоцинь, но я счелъ полезнымъ нѣсколько расширить полосу изображеннаго пространства, такъ какъ только при этомъ выступаетъ характеръ пройденной мѣстности. Въ общемъ характеръ выраженъ вѣрно, но детали, конечно, могутъ сильно измѣниться: гдѣ поставленъ пикъ тысячъ въ 17', можетъ впоследствии оказаться сѣдловина въ 14,000', а пикъ станетъ на мѣсто сосѣдней сѣдловины; отъ этого общій характеръ все-таки не измѣнится.

На переѣздѣ въ с. Яйпанъ меня поразила одна лоцина, которую намъ приходилось пересѣчь: вертикальныя глиняныя стѣны, галька на днѣ, все это указывали на русло рѣчки, и я полагаю, что это вѣроятно было русло Сохской рѣки, которая въ прежнее время текла однимъ русломъ. Теперь эта рѣка, какъ только выходитъ изъ послѣдней гряды горъ, начинается дѣлиться на арыки; многіе изъ тѣхъ, черезъ которые намъ пришлось переѣхать, имѣютъ значительную величину. Въ настоящее время районъ орошенія изъ Сохской рѣки доходитъ до арыковъ изъ Исфаринской рѣки, и селеніе Бишъ-арыкъ получаетъ воду изъ обѣихъ рѣкъ. Хотя мы ѣхали не по окраинѣ садовъ, но мѣстность эта обрабатывается еще недавно; на это указываютъ и названія: мы проѣхали кишлаки: Ауганъ, основанный и заселенный выходцами изъ Афганистана въ настоящемъ столѣтіи; Якка-туть, что значить одинъ туть,—названіе, происшедшее отъ того, что кто то посадилъ здѣсь тутовое дерево, и фактъ этотъ еще не забытъ; Дашъ кишлакъ,—дашъ значить степь, бывшая въ этомъ мѣстѣ не такъ давно. Такихъ мѣсть, которыя недавно, при посредствѣ орошенія, сдѣлались доступными культурѣ, въ ханствѣ много, и я еще буду имѣть случай указать на нихъ далѣе.

Яйпанъ, гдѣ намъ былъ приготовленъ почлегъ, лежитъ немного правѣе прямой дороги, но былъ выбранъ сопровождавшими насъ джигитами, какъ болѣе обширный и богатый. Предписаніе хана и гостепрѣимство требовали, чтобы мы и всѣ наши спутники, а также и наши лошади, имѣли всздѣ даровую пищу. Можетъ быть такой обычай и прекрасенъ, но намъ онъ доставилъ великое мнѣжество стѣспеній, такъ какъ онъ часто заставлялъ насъ останавливаться тамъ, гдѣ насъ хорошо накормятъ, а не тамъ, гдѣ это пужно было для работъ. Кромѣ того это вліяло на поѣздки въ горы, гдѣ нельзя было рассчитывать на даровое угощеніе. Наконецъ, это же отзывалось очень неловко и на счетахъ, такъ какъ, оплачивая за поставляемый фуражъ и приготовляемую пищу, приходилось отдаривать вмѣстѣ съ тѣмъ и за то, что давалось моимъ джигитамъ и ишакчи, которые и безъ того получали деньги. Въ Яйпанѣ намъ приготовили хорошую саклю. Несмотря на это, когда тутъ же, въ тѣсномъ дворѣ, расположились наши спутники со всѣми лошадьми, мы, чтобы избѣжать духоты,

КОКАНЪ

1740

забрались на плоскую крышу дома, гдѣ и расположились окончательно, поставивъ къ ночи палатки.

Утромъ ждала меня неприятная новость: лошадь, только что купленная въ Коканѣ, и на которой я ѣхалъ пахануѣ, заболѣла. Зная, что туземцы имѣютъ обыкновеніе сейчасъ же по приѣздѣ задавать лошадямъ кормъ, я поставилъ джигитамъ первымъ условіемъ не кормить лошадей раньше, какъ черезъ 3 — 4 часа, смотря по дорогѣ, и требовалъ этого вопреки всѣмъ ихъ возраженіямъ, но, кажется, это соблюдалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда лошади стояли передъ палаткой, или фуражъ былъ у меня въ рукахъ, и слѣдовательно я могъ или самъ наблюдать, чтобы лошади выстапвались, или же не выдавалъ корму раньше глубокой ночи. Случай болѣзни лошади я приписываю именно этой небрежности въ выдачѣ корма,—такъ какъ впоследствии, при вскрытіи, у нея оказалось воспаление кишекъ, набитыхъ массой перепереваренной пищи. Надѣясь, что лошадь оправится, я велѣлъ вести ее дальше въ Исфару, по дорогой у нея все больше и больше раздувало животъ. Туземцы и даже бывшіе тутъ же киргизы не могли дать никакого совѣта, что меня очень удивило, такъ какъ они проводятъ большую часть жизни съ лошадьми. Довести большую лошадь до Исфары однако не удалось: только что я уѣхалъ впередъ, джигиты распорядились ее зарѣзать, чтобы предупредить смерть. Дѣло въ томъ, что павшую лошадь никто не станетъ употреблять въ пищу, а зарѣзанную, хотя бы въ моментъ послѣдней агоніи, ѣсть нисколько не считается неудобнымъ. На этомъ основаніи джигиты и выказали столько предупредительности въ соблюденіи моихъ интересовъ.

Потеря лошади была для меня неприятна и чувствительна: это была уже вторая лошадь, которую я терялъ въ одно лѣто; первая, тоже вслѣдствіе дурнаго ухода, была навсегда искалѣчена во время путешествія въ Кизиль-кумы.

18 іюня, оставивъ Яйчанъ, мы скоро выѣхали изъ полосы садовъ и полей и приблизились къ мѣстамъ, гдѣ культура уже невозможна, такъ какъ почва состоитъ изъ голаго конгломерата. Здѣсь крайнимъ жилимъ пунктомъ одиноко стоитъ раватъ Каримъ-диваны. Старикъ хозяинъ былъ сильно озабоченъ передѣлкой своего небольшого равата, служившаго доселѣ постояннымъ дворомъ, въ мазаръ—могильную постройку, внутри которой онъ завѣщалъ себя погresti. Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ бы возникновеніе новаго святаго. И будетъ прохожіи народъ вспоминать, какъ онъ останавливался тутъ, находилъ хорошіи пріемъ, слышалъ здѣсь умныя рѣчи; одинъ положить на заваленку камень, привяжетъ къ палкѣ тряпочку, слѣдующій повторитъ и т. д. Въ результатъ получится обстановка, соответствующая могилѣ святаго, и память о новомъ святомъ легко и незамѣтно войдетъ въ народное сознаніе. Такой нехитрый способъ появленія новыхъ святыхъ объясняетъ между прочимъ, почему въ Туркестанѣ ихъ такая масса. А кромѣ того дѣлу помогаютъ немало и сыновья или родственники умершаго, удачно подъ часъ эксплуатирующіе память пріобрѣтшихъ уваженіе при жизни, обдѣлавъ темного могилу, поставивъ на ней палку съ тряпичей, да зажигая на почъ почпизъ, такъ какъ этимъ можно обезнечить себѣ средства къ безбѣдному существованію.

Приближаясь къ ущелью, мы воспользовались случаемъ посмотреть на долину Ферганы съ высоты. Къ сожалѣнію, вѣтеръ дулъ страшный, подымалъ пыль и тѣмъ затруднялъ въѣздъ на голую каменную гору. Въ направленіи къ сѣверо-востоку мы увидали сплошную массу зелени, сливавшуюся съ горизонтомъ. Намъ показали мѣсто, гдѣ находился г. Коканъ, но

масса садовъ шла еще далѣе на сѣверъ и пропадала во мглѣ. Такой обширной непрерывной массы зелени садовъ я не видалъ еще въ Средней Азiи. Нельзя было не удивляться, смотря на раскинувшуюся внизу картину, зная, что все въ ней есть исключительно дѣло рукъ человеческихъ. Я видалъ мѣста, совершенно сходныя по почвеннымъ условiямъ и климату съ тѣмъ, что представляетъ только что пройденное пространство, но въ нихъ или не хватаетъ воды, или по какимъ либо причинамъ нельзя было воспользоваться ею въ нужномъ количествѣ, словомъ условiя были болѣе или менѣе стѣснительныя. Здѣсь же значенiе человеческихъ усилiй выступало въ полной ихъ силѣ.

По поводу этого вида я разговорился съ нашимъ вожакомъ Абдукаримомъ караулъ беги и онъ объяснилъ мнѣ, что коканская долина въ книгахъ называется Фергана, но что въ народѣ это названiе уже неупотребительно.

Вѣзжая въ горы, я увидалъ довольно значительной величины ручей, протекавшiй по ущелью и обрадовался было представившейся возможности напиться, но былъ остановленъ замѣчанiемъ, что вода въ ручьѣ соленая и негодная для питья. Оказалось, что мы должны весь путь до Исфары, т.-е. слишкомъ 30 верстъ, совершить по мѣстности, не имѣющей воды, годной для питья. Намъ не предупредили объ этомъ раньше и мы не запаслись водой, никакъ не предполагая, что, вѣзжая въ горы, окажемся безъ питья. Страдая отъ жажды, мы радовались если случайно попадались на встрѣчу арбакеши, у которыхъ была съ собою вода въ кувшинахъ и которые ни разу не отказали подѣлиться съ нами своими запасами. Хотя дорога все время идетъ между горъ, т.-е. вѣрнѣе поперегъ или между невысоко поднятыхъ пластовъ, но она настолько широка и равномерно поднята, что арбы двигаются безъ малѣйшихъ затрудненiй. Сначала дорога идетъ по широкой долинѣ съ солянымъ ручьемъ, называемой Лякконъ-дагана; Лякконъ — по имени селенiя, которое лежитъ дальше, за первой грядою горъ, а дагана означаетъ ущелье. Потомъ дорога сворачиваетъ направо, а ущелье продолжается еще далѣе на югъ, гдѣ въ его вершинѣ производится добыча жернового камня. Свернувъ направо, дорога идетъ по продольной долинѣ, между двухъ поднятыхъ грядъ; затѣмъ она зигзагомъ переходитъ черезъ южную гряду, безъ всякаго подъема, черезъ трещину. Открывающаяся новая продольная долина гораздо обширнѣе, и горы, ограничивающiе ее съ юга, гораздо выше, именно тысячи на 2 футъ поднимаются надъ долинной. Мы проѣхали такимъ образомъ черезъ рядъ приподнятыхъ позднѣйшихъ морскихъ осадковъ, простиранiе которыхъ было восточно-западное, а довольно крутое паденiе на сѣверъ. Первое, что мы пересѣкли, были конгломераты; далѣе на югъ сѣрия глины, затѣмъ красныя; южнѣе лежали известняки съ толстыми слоями гипса. Нельзя не припомнить, что тѣ же слои и въ томъ же порядкѣ встрѣчаются близъ Самарканда на Чупанатѣ.

Проѣхавъ довольно долго по долинѣ, мы вдругъ оказались на краю ея: на востокѣ она переходитъ въ глубокой оврагъ, направляющiйся къ Исфарѣ. По нему мы и стали спускаться и скоро съ высоты увидали яркую зелень, пятномъ лежавшую на правой сторонѣ рѣки. Это и былъ городъ или вѣрнѣе селенiе Исфара; размѣры ея не особенно обширны. Было уже довольно поздно, когда мы прiѣхали, и поэтому мы ограничились посѣщенiемъ ближайшихъ къ нашему саду (мѣсту почлега) мѣстъ; взглянули на ничтожный базаръ, поштересовались мостомъ черезъ Исфару. Съ страшной быстротой несетъ эта значительная рѣка по каменному ложу. Въ послѣднiе дни она стала, какъ мнѣ говорили, сильно прибывать. Мостъ, длиною до 12 сажень, стоитъ на трехъ устояхъ. Устои эти сдѣланы изъ дерева на

подобіе ящиковъ лодкообразной формы; доски, изъ которыхъ они сбиты, скрѣплены желѣзными полосами; внутренность наполнена камнями. Мостъ достаточно широкъ для проѣзда арбѣ; строенъ давно; требуетъ, вслѣдствіе первобытности постройки, частаго ремонтированія. Такъ какъ рѣка значительно разливается, а постройки, особенно мельницы, подходятъ къ самому руслу, то берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ подверженъ сильнымъ ударамъ воды, защищенъ косо отходящими насыпями изъ булыжника и палокъ (называемыми харакъ). Пройдя далѣе моста, мы наткнулись на весьма непріятное зрѣлище. Передъ нами былъ даръ, т. е. висѣлица. Она состояла изъ двухъ жердей вышиной сажени въ три, соединенныхъ наверху перекладиной, къ которой прикрѣплялись два блока. Такъ какъ до сихъ поръ по поводу туземныхъ казней я слышалъ лишь, что преступники зарѣзываются, и трупы ихъ бросаются на базарахъ, то висѣлица была для меня полною неожиданностью. Мнѣ разъяснили, что есть два рода казней: осужденнаго или рѣжутъ, это называется сауганъ — зарѣзанный, или оглушаютъ только ударомъ топора по головѣ и затѣмъ вздергиваютъ на висѣлицу, гдѣ трупъ остается три дня и затѣмъ уже хоронится; вторая казнь — асханъ, т. е. повѣшенный. Висѣлица стояла на маленькомъ островкѣ, между арыками, и, чтобы идти дальше, нужно было непременно пройти подъ нее. Признаюсь, какое то неопредѣленное, очень непріятное ощущеніе невольно охватило меня, когда я двигался чрезъ эти ворота, спеціально назначенныя для отвратительной казни.

Вечеромъ мнѣ представили почтеннаго, всѣми уважаемаго старика, Сеидъ-Ахмета, доживающаго свой вѣкъ въ Исфарѣ. Онъ пожелалъ видѣть европейцевъ, потому что давно, лѣтъ тридцать тому назадъ, видѣлъ индуса, т. е. англичанина, пріѣзжавшаго къ Мадали-хану; очевидно онъ разумѣлъ Конолли, послѣ того такъ печально кончившаго свою жизнь въ Бухарѣ въ 1842 г. Къ сожалѣнію все, что этотъ старецъ могъ мнѣ сказать про упомянутаго путешественника, заключалось въ отзывѣ, будто бы сдѣланномъ Конолли: «у васъ что за горы, у насъ онѣ гораздо выше!» Если это только такъ, то, вѣроятно Конолли разумѣлъ Гималаи, а не горы Англии, какъ туземецъ понималъ это. Старикъ за память о Конолли достался халать и угощеніе чаемъ. Я воспользовался его словоохотливостью, чтобы разузнать о пещерахъ, которыя, какъ мнѣ говорили въ Ташкентѣ, находятся близъ Исфары, но всѣ вопросы остались напрасны; Сеидъ-Ахметъ съ недоумѣніемъ отвѣтилъ мнѣ, что развѣ только подъ именованъ пещеръ нужно разумѣть подземную галерею, по которой проходитъ арыкъ выше Исфары у Суръ. Не могъ я также узнать ничего о зеркальномъ камнѣ (санги-айна), о которомъ говоритъ Баберъ¹⁾, будто въ немъ всѣ предметы отражаются, какъ въ зеркалѣ.

На слѣдующій день мы посѣтили медресе, о которомъ мнѣ рассказывали, какъ объ очень древнемъ, построенномъ Абдулла-ханомъ. Оно находится въ восточной части города и настолько разрушилось, что входить въ него не безопасно, потому что выкрошившіеся кирпичи угрожаютъ паденіемъ. Центральная зала довольно обширна, въ нѣшѣ есть длинныя стихи, которые будто бы описываютъ посѣщеніе Абдуллы и выражаютъ радость жителей. Намъ показали тарехъ, которымъ опредѣляется время постройки этого зданія, называемаго туземцами медресе Абдулла; какъ извѣстно, тарехъ есть надпись, заключающая стихи или изрѣченіе, составленные такъ, что число, которое получается отъ сложения буквъ послѣдняго слова, даетъ годъ событія. По нашему счету вышелъ 994 годъ, что опредѣляетъ зданію 293 года и туземцы тоже считаютъ, что оно построено за 290 лѣтъ.

¹⁾ Baber, Mémoires T. 1 p. 5.

Мы взошли по полуобвалившейся лѣстницѣ на пристройку, примыкающую къ средней залѣ. Видъ оттуда на окрестности не представлялъ ничего особеннаго: невысокія округлыя горы съ выжженной солнцемъ растительностью окружали площадку, на которой раскинулись сады и поля Исфары. На югъ видъ былъ болѣе живописенъ; тамъ горы были скалистыя, видѣлись болѣе высокіе пики, а въ направленіи SSW можно было разглядѣть высокій пикъ, покрытый снѣгомъ. Ближайшія къ Исфарѣ селенія находятся на востокъ отъ него; это Кулькептъ и Чильгазы, затѣмъ значительные кишлаки лежатъ внизъ по теченію р. Исфары, каковы: Ханавать, основанный при Омаръ-ханѣ (1810—1822), Фидевикъ, а при выходѣ рѣки изъ горъ на степь — Равать, селеніе въ 56 домовъ, до него отъ Исфары около 2 ташъ (ташъ 8 верстъ), а отъ Равата до Канибадама около таша; тутъ селеній уже нѣтъ, а разстилается описанная выше каменная степь (даштъ). Въ западную сторону, какъ мнѣ объяснили, кишлаковъ ближе Исманъ нѣтъ, по это невѣрно; по дорогѣ въ Ходжентъ долженъ находиться равать Исманъ, лежащій будто бы на разстояніи 9 ташъ, т. е. 72 верстъ; и опять соврало: все разстояніе отъ Исфары до Ходжента, по крайней мѣрѣ по прямой линіи, равно 72 верстамъ. По этимъ примѣрамъ можно судить о томъ, насколько слѣдуетъ полагаться на распросы. Въ юго-западномъ направленіи долженъ находиться Лайлякъ, повидимому очень небольшое поселеніе, болѣе служащее мѣстомъ зимовки для киргизъ. Мнѣ сказали, что близъ Лайляка въ горахъ кочуютъ киргизы Ауахатъ, а дальше къ западу Кисакъ и Чабъ-куллюкъ, изъ которыхъ послѣдніе уже принадлежать къ Ходжентскому уѣзду. Я не буду говорить здѣсь о мѣстностяхъ къ югу отъ Исфары, такъ какъ мы сами туда направились, и многія я видѣлъ лично.

До Исфары идетъ колесный путь; онъ продолжается и немного далѣе, но уже верстахъ въ 5 отъ Исфары скалистыя горы такъ близко подходятъ къ руслу рѣки, что можно проѣхать только верхомъ; впрочемъ для верховаго путешествія дорога прекрасна до самаго Воруха.

Видъ, открывшійся передъ нами, какъ только мы выѣхали изъ садовъ Исфары, былъ великолѣпный; я назову его единственнымъ, какой я видѣлъ въ этомъ родѣ въ Туркестанѣ. Широкая долина, до полуверсты въ поперечникѣ, обрамленная темными скалистыми горами, была сплошь почти покрыта садами и полями съ самой свѣжей зеленью; небольшія возвышенности въ долинѣ тоже поросли зеленью и красиво разнообразили ландшафтъ. Голыя горы круто спускались съ обѣихъ сторонъ къ долинѣ и своими черными, а мѣстами красными, скалами еще рѣзче видѣляли прелестную зелень долины. На заднемъ планѣ горы обонхъ береговъ почти сходились и замыкали долину, оставляя только тѣсный проходъ для рѣки.

На возвышеніи, недалеко отъ Исфары, находятся развалины древней крѣпости, которую туземцы называютъ Зимвраша. Мы посѣтили ее и нашли все въ состояніи полного разрушенія: едва можно только признать, что когда-то тутъ были жилища; окапываясь почти отвѣсно къ сторонѣ рѣки и возвышаясь надъ садами, прилегающими съ восточной стороны, крѣпость при несовершенствѣ оружія у мѣстныхъ жителей, вѣроятно, считалась очень сильнымъ военнымъ пунктомъ. Баберъ описываетъ, что онъ осаждалъ Исфару, и взятіе ея стоило ему порядочныхъ усилій; но такъ какъ самая Исфара не имѣетъ и слѣдовъ какихъ-либо укрѣпленій, то очень возможно, что его описаніе относится къ указанному кургану Зимвраша. Нѣсколько далѣе къ югу есть еще Зимвраша, старый курганъ на скалѣ лѣваго берега рѣки. Отъ него сохранились еще стѣны, что нужно приписать его положенію на трудно доступной скалѣ, лазить на которую за кирпичомъ едвали найдется много охотниковъ.

Почти у самого Зимвраша (второго) долина стѣняется и здѣсь-то по скалѣ, а отчасти подь землей, проходит тотъ арыкъ, о которомъ мнѣ говорили въ Исфарѣ; особенно замѣчательнаго (сравнительно съ подземными арыками Ходжентскаго уѣзда и карисомъ близъ Пянджикента) онъ ничего не представляет; провель его житель с. Суръ, по имени Ташъ-бай, лѣтъ 40 тому назадъ.

Проѣхавъ небольшой кишлакъ Суръ, мы увидѣли Чарку, селеніе для горъ весьма значительное: въ немъ 400 домовъ. Оригинальный видъ придаютъ ему двѣ горы, на значительномъ протяженіи покрытыя террасами, на которыхъ разбиты сады; вершины же ихъ совершенно голыя по невозможности провести туда воду. Горы являются эффектнымъ вследствие того, что на нихъ культура значительно приподнята надъ уровнемъ лоцины или, вѣрнѣе, продольной террасы, въ которой лежитъ Чарку. Вода, поющая всѣ эти поля и сады, проведена туда по хребтику, который соединяетъ эти горы на югъ съ другими болѣе высокими; но соединенія этого не видно, и горы кажутся совершенно изолированными отъ ирригаціи лоцины. Извѣстно, съ какимъ искусствомъ туземцы умѣютъ проводить воду на мѣста очень высоко лежащія (что дало начало сложившейся шуткѣ объ умѣньи туземцевъ гнать воду въ гору); горы въ Чарку представляютъ отличный примѣръ этого искусства.

Въ Чарку мы осмотрѣли обдджуазъ, т. е. толчею, на которой готовится бумажная масса. Устройство такой фабрики совершенно сходно съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Коканѣ, по приготовленію изъ массы бумаги производится здѣсь въ другомъ помѣщеніи. На сосѣдней толчеѣ работала вѣялка (кампа), которая устройствомъ не отличалась почти отъ русской. Не обошлось, конечно, безъ угощенія со стороны жителей; на скоро напившись чая, мы поспѣшили ѣхать далѣе, такъ какъ до Воруха на разстояніи почти 20-ти верстъ не было никакихъ селеній.

Довольно долго мы ѣхали еще полями, принадлежащими жителямъ Чарку; въ водѣ здѣсь недостатка нѣтъ и потому поля имѣли самый роскошный видъ; несмотря на значительную высоту (3100'; Коканъ лежитъ приблизительно на высотѣ 1540') въ Чарку культивируются еще всѣ растенія, разводимыя внизу, и посѣвы риса значительны; у мазара попался и экземпляръ саура (*Biota orientalis*), тоже дерево теплыхъ странъ.

Чтобы переѣхать изъ лоцины Чарку въ слѣдующую, ворухскую, намъ нужно было войти въ ущелье, по которому протекаетъ р. Исфара; ущелье не широко и почти все занято разлившейся рѣкой, такъ что только на правой сторонѣ по осыпямъ можно было проложить дорогу. Бурная рѣка бойко бѣжитъ по каменистому руслу, съ пѣной и шумомъ разбиваясь о выдающіеся камни. Изъ ущелья дулъ сильный вѣтеръ и когда мы въѣзжали въ ущелье, то насъ, какъ дождемъ, обдало брызгами, сорванными вѣтромъ съ пѣнящихся волнъ рѣки. Дорога по ущелью не трудна, но только потому, что хорошо разработана. Проводники сказали мнѣ, что это сдѣлано недавно, стараніями махрамскаго бека Мулла-Маруфа, къ району котораго принадлежатъ Ворухъ, Чарку и Исфара. Мы много благодарили Мулла-Маруфа за такую его заботливость о своемъ участкѣ, когда ночь застала насъ на этихъ карнизяхъ. Немало похвалъ также получила отъ насъ и луна (было полнолуніе), освѣщавшая дорогу все время, пока мы не выѣхали уже на болѣе ровное мѣсто. Какъ это всегда бываетъ при почныхъ поѣздкахъ, путь казался безконечнымъ. Выѣхавъ въ сады Воруха, мы снова встрѣтили затрудненія: улицы дѣлились и мы начинали уже недоумѣвать, куда держать путь, какъ къ намъ подѣхалъ всадникъ, оказавшійся аксакаломъ, т. е. выборнымъ старшиной

этого мѣстечка. Но такая любезность со стороны аксакала только представила новыя трудности: онъ былъ таджикъ и не понималъ ни слова по-узбекски, а я оказался далеко впереди всѣхъ съ джигитомъ-киргизомъ. Кое-какъ я понялъ, что нужно подождать всѣхъ и тогда уже ѣхать дальше до мѣста, гдѣ намъ устроено пристанище. Поздно вечеромъ, проѣхавъ главную массу домовъ Воруха, мы добрались наконецъ до отведеннаго для насъ сада. Мѣсто было выбрано очень удачно: сейчасъ внизу бѣжалъ бурный Кшемшъ, за нимъ возвышалась скалистая гора Дюнахи (что значитъ двурогій); въ другую сторону террасами разстилались сады. Характеръ этой мѣстности во многомъ напомнилъ мнѣ деревни по верхнему Заравшану, посѣщенные мною въ предыдущемъ году. Садъ, въ которомъ мы остановились, былъ засаженъ огромными деревьями урюка (абрикось), — дерева довольно южной полосы. Изъ южныхъ деревьевъ я встрѣтилъ въ садахъ Воруха еще и грецкій орѣхъ. Что касается кайрагача (*Ulmus campestris* var.), тополея, тута, персиковъ, джиды, вишни, айвы, ивъ, то ими переполнены были всѣ сады. Кромѣ пшеницы, ячменя и нахуда (горохъ), индау, кукурузы, проса, дынь, тыква и люцерны, жители разводятъ и рисъ, хотя высота Воруха довольно значительна, именно 4530'; по изъ разводимыхъ ниже растений здѣсь уже нѣтъ джугары (*Sorghum setivum*), маша и хлопчатника, а въ садахъ отсутствуетъ черная слива (каралю) и другой сортъ сливы, называемый гайпалю. Виноградъ есть, но его разводятъ больше какъ украшеніе: онъ поднимается по деревьямъ на значительную высоту, но плоды приносятъ мелкіе, кислые, не годные въ пищу.

Шелководство существуетъ, но въ ничтожныхъ размѣрахъ.

Ворухская лощина гораздо меньше чаркуйской; возвышенности и въ ней есть; на нихъ то, какъ на мѣстахъ неудобныхъ для орошенія, и сконцентрировались главнымъ образомъ дома жителей. Вслѣдствіе этого Ворухъ весьма разбросанъ, и по числу четырехъ главныхъ группъ его домовъ дѣлится на четыре махаллы (прихода): Майдопъ, Сидонъ, Гузари и Сарыкурушъ.

Жители Воруха—таджики, говорятъ почти исключительно по таджикски, т. е. парѣиемъ или, по незначительности отличій, вѣрнѣе говоромъ нерсидскаго языка. Представляетъ ли ихъ языкъ тѣ провинціализмы, которые замѣчаются у гальчей, обитателей верхней долины Заравшана, не знаю; сами же ворухцы себя гальчами не называютъ. Наружность ихъ, впрочемъ, одинакова съ наружностью гальчей: они короткоголовые, высокаго роста; черты лица ихъ весьма правильны, совершенно арійскаго типа; волосы порядочной величины, борода и глаза черные, сложенія они вообще крѣпкаго, па видъ стройныя.

Природа мѣстностей такой высоты и такого характера, какъ Ворухъ, была мнѣ уже извѣстна изъ путешествія по Заравшану. Горы вблизи были голы и скалисты: Дюнахи почти неприступна, а ограничивавшая лощину съ запада гора Ташъ-халыкъ поражала огленностью своихъ скатовъ. Для сбора, слѣдовательно, нужно было подняться выше; такъ какъ у Воруха сливаются двѣ рѣчки, Кшемшъ и Кереушшъ, отъ сліянія которыхъ и образуется Исфара, то, казалось, можно было надѣяться по нимъ проникнуть далѣе. Однако на мое желаніе ѣхать въ горы я получилъ отвѣтъ, что изъ Воруха туда нѣтъ дороги; я, конечно, не повѣрилъ этому, и сталъ настойчиво доказывать карауль-беги, что его обманываютъ, хотя былъ положительно увѣренъ, что онъ-то и подучилъ жителей не показывать дороги. Я очень хорошо понималъ, что старику лѣтъ 70-ти не хотѣлось ѣхать въ горы, но и я вѣдь пріѣхалъ въ Ворухъ не затѣмъ, чтобы изъ него отправиться въ какую-нибудь другую деревню или обратно въ Ис-

фару. Поэтому я прибѣгалъ къ самымъ смѣшнымъ уловкамъ, чтобы уличить жителей во лжи, когда они пресерььзно объявляли мнѣ, что никто изъ нихъ въ горы не ходитъ и дорогъ туда не знаетъ. Подойдя къ костру, на которомъ варился для нашихъ джигитовъ вкусный пловъ—этотъ постоянный мой врагъ во время путешествія,—и замѣтивъ огромный стволъ можжевельника, я обратилъ вниманіе возившагося за пловомъ таджика на весьма пріятно пахнущій дымъ этого дерева и спросилъ, какъ оно называется. — «Арча», съ нѣкоторою гордостью отвѣтилъ не подозрѣвавшій ничего таджикъ, и, конечно, на дальнѣйшіе вопросы онъ принужденъ былъ мнѣ отвѣтить, что въ садахъ этого дерева не разводятъ, а растетъ оно въ горахъ, откуда его и привозятъ. Казалось дорога давалась въ руки; разъ я въ зонѣ можжевельника—я съ результатами. Но при дальнѣйшихъ вопросахъ о дорогѣ, таджикъ оказался далеко не такъ уже простъ: онъ показалъ на противоположащей горѣ такую тропинку, по которой можжевельники, можетъ быть, сбрасываются, но о движеніи съ выюками по ней печего было и думать.

Я зналъ, что налѣво есть ущелье, по которому вѣроятно и идетъ дорога; но когда я указалъ на удобства, представляемая этимъ ущельемъ для снабженія Воруха можжевельникомъ, мой собесѣдникъ отвѣтилъ: «не знаю, мы туда не ѣздимъ; вопъ съ того конца Воруха туда, должно быть, ѣздятъ, а я тамъ никогда не бывалъ.» Какъ ни покажется это страшнымъ, но и такое свѣдѣніе уже было громаднымъ приобрѣтеніемъ: я съ подобающею важностью изложилъ карауль-беги, какъ какую-нибудь новость, что изъ лѣваго ущелья жители восточной половины Воруха привозятъ себѣ топливо, что по ущелью идетъ хорошая выючная дорога, что жители только скрываютъ это и по какой-то непонятной для меня причинѣ лгутъ передъ нимъ и тѣмъ лишаютъ его возможности исполнить порученіе, возложенное на него ханомъ: при этомъ я намекнулъ, что, конечно, онъ всѣми силами стремится исполнить порученіе хана и сдѣлать пріятное намъ. Карауль-беги, разумѣется, отказался отъ солидарности съ таджиками, даже какъ будто распекъ призваннаго аксакала, но отъ этого дѣло все-таки не подвигалось. Наконецъ мнѣ удалось встрѣтить на улицѣ таджика, который везъ на ослѣ арчу и проговорился, что онъ ѣдетъ изъ лѣваго ущелья. Торжественно привелъ я его въ нашъ лагерь и, какъ великую находку, показалъ нашему карауль-беги. Теперь уже дорога была констатирована, человекъ ее знающій найденъ; пущены входъ деньги, и таджикъ высказалъ наконецъ, что на разстояніи одного таша (8 верстъ) дорога ему известна. Такъ какъ мнѣ важно было только попасть на дорогу, то я сейчасъ же пообѣщавъ ему награду за этотъ первый ташъ и сказалъ, что за каждую слѣдующую версту дороги, которую онъ покажетъ, я дамъ ему по кобану (20 коп.). Но когда мы порѣшили завтра же утромъ выѣхать, у всѣхъ почти туземныхъ спутниковъ нашихъ вытянулись физиономіи. Ишакчи явился съ представленіями, что лошади его не подкованы, а кузнецъ уѣхалъ на сосѣдній базаръ; что ему неудобно часть лошадей оставить въ Ворухѣ, а другую взять въ горы; джигиты стали хныкать, что имъ будетъ печего ѣсть, что единственное ихъ цѣнное имущество—лошади, пожалуй, испортятъ себѣ ноги на каменистой дорогѣ; однимъ словомъ, всякій выставлялъ какую-нибудь причину, только чтобы я отказался отъ горной поѣздки. Остатокъ дня и начало слѣдующаго были для меня истинной пыткой въ этомъ отношеніи. Но наконецъ мы выѣхали. Странное спокойствіе карауль-беги безпокоило меня немало: я предчувствовалъ, что онъ хочетъ выкинуть какую-нибудь штуку. Дѣйствительно, только-что мы выѣхали изъ садовъ, какъ я имѣлъ удовольствіе узнать, что мы проѣхали уже больше половины и что виденъ уже конецъ таша. Очевидно вожажу было сказано, чтобы онъ, проведя по той части дороги, которая идетъ по Кшемшу

и довольно хороша, объявилъ, что дальше дороги не знаетъ и тѣмъ принудилъ насъ вернуться въ Ворухъ. Въ эту самую (откровенно сказать, весьма скверную) минуту изъ бокового ущелья выѣхалъ всадникъ: костюмъ, посадка обличали въ немъ киргиза; заводная лошадь, которую онъ велъ, и небольшой выюкъ показывали, что онъ ѣдетъ вѣроятно изъ близкой киргизской кочевки. Я сейчасъ же рѣшилъ пристать къ нему за свѣдѣніями и добиться отъ него согласія быть нашимъ жоакомъ въ киргизскія яйлау. Внушивъ переводчику приставать къ нему какъ можно настойчивѣе, и опасаясь, чтобы карауль-беги и здѣсь не испортилъ дѣло, я поскакалъ навстрѣчу всаднику. Онъ дѣйствительно оказался киргизомъ и притомъ довольно простымъ и прямодушнымъ: на наши вопросы онъ сообщилъ, что ѣздилъ въ свой аулъ и теперь возвращается въ г. Коканъ, гдѣ служить въ числѣ джигитовъ у хана. Узнавъ это, я еще настойчивѣе сталъ просить его показать намъ дорогу, сказалъ, что ханъ разрѣшилъ намъ путешествовать и при этомъ посѣтить горы и киргизовъ, но таджики отказываются провести насъ въ горы; я заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что, исполнивъ нашу просьбу, онъ и отъ насъ получитъ хорошую награду и къ хану я дамъ ему письмо, въ которомъ опишу его услуги, за что конечно ханъ его наградитъ. Киргизъ видимо пачивалъ сдаваться, когда подѣхалъ карауль-беги. Минута была рѣшительная и я прямо сказалъ старику, что Хасанъ-пянджабаша (таковы были имя и чинъ киргиза) согласенъ насъ сопровождать, и теперь только нужно убѣдить его, что онъ сдѣлаетъ пріятное хану, если будетъ нашимъ жоакомъ. «Карауль-беги имѣетъ ханское повелѣніе», сказалъ я при этомъ киргизу. Дѣлъ ть было нечего, карауль-беги вынулъ пинаатъ-наму, киргизъ съ почтеніемъ взялъ ее, прочелъ и сказалъ, что онъ обязанъ исполнить повелѣніе хана. Въ нѣсколько минутъ были рѣшены второстепенные вопросы, таджику выдана условленная плата за пройденный будто-бы ташъ ¹⁾ (т.-е. три версты), и я наконецъ почувствовалъ, что наше дѣло стоитъ на твердой почвѣ.

Я остановился на этомъ эпизодѣ, потому что онъ характеризуетъ условія, при которыхъ приходилось путешествовать; совершенно такая же исторія повторялась при всякой попыткѣ ѣхать въ горы изъ крайняго кишлака; такъ, напр., въ Сохъ, гдѣ и удалось не пустить меня въ ущелье, въ Шахимарданъ, гдѣ мнѣ пришлось наконецъ самымъ рѣшительнымъ образомъ объявить, что не уѣду изъ Шахимардана пока не съѣзжу до перевала; въ Учъ-курганъ и Ошъ, гдѣ меня выручила только любезность Султанъ-Мурадъ-бега, сдѣлавшаго особія распоряженія, чтобы мы могли ѣхать въ горы.

Не нужно, впрочемъ, думать, что это было послѣдствіемъ враждебности, подозрительности туземцевъ или чего-нибудь подобнаго; нѣтъ, причина была самая невинная: въ селеніяхъ всѣ наши спутники благодушествовали, объѣдались словомъ, спали сколько угодно и т. д., въ горахъ же совсѣмъ другое: холодно, пищи и фуражу въ обрѣзъ, да еще, пожалуй, какой-нибудь киргизъ попадется съ ружьемъ: и трудно и страшно. Интересно было ѣхать въ горы только мнѣ да жепѣ; чтобы сколько-нибудь заинтересовать сопровождавшихъ, я назначилъ коканскимъ джигитамъ суточные деньги за время, проведенное въ горахъ, пріобрѣталъ для ихъ лошадей фуражъ, словомъ—дѣлалъ всякія поблажки, ничто не помогало. Хорошо еще, что большая часть джигитовъ были совершенные мальчишки, и немало смущались, когда бывало начнешь ихъ убѣждать.

Но возвращаюсь къ разсказу. У самаго мѣста встрѣчи съ киргизомъ дорога отходитъ отъ

¹⁾ Ташъ равень приблизительно 8-ми верстамъ.

Кшемиша и направляется на югъ по ущелью Ходжа-Чибурганъ. Дорога здѣсь проложена по косогору, довольно широка, почти не камениста, и представляетъ весьма постепенный подъемъ, такъ что ѣхать было очень легко. Но джигиты знали, что дальше будетъ хуже, не этого мѣста они боялись.

Склоны ущелья были покрыты почти сплошь кустарникомъ, караганой. Это было для меня большой новостью: нигдѣ на предыдущихъ экскурсіяхъ въ болѣе западныхъ горахъ не видалъ я, чтобы Caragana являлась, да еще преобладающей формой; въ этомъ замѣчалось уже нѣкоторое сходство съ Нарыномъ и Алтаемъ. Пробѣхавъ тѣснину, мы увидели и могилу святаго, который далъ свое имя рѣчкѣ и ущелью; ходжа Чибурганъ жилъ отшельникомъ и похороненъ тамъ же, гдѣ была его келейка; мы были въ области таджиковъ, а они страшные охотники открывать святыхъ и сами дѣлаться святыми. У киргизъ этого стремленія вовсе нѣтъ, и, мнѣ кажется, нахожденіе святыхъ можетъ служить указаніемъ прежнихъ границъ таджикскаго племени, бывшаго здѣсь очевидно болѣе распространеннымъ.

Могилы имѣла обычное устройство: надгробную насыпь окружала стѣнка, надъ ней развѣвался тугъ, т. е. палка съ весьма замысловатыми украшениями и пучками волосъ изъ хвоста яка. У стѣнки были навалены рога домашнихъ и дикихъ барановъ и козловъ; особенно поразили меня рога оленя, должно быть марала. Туземцы зовутъ его богу, и говорятъ, что онъ водится въ горахъ на сѣверной окраинѣ кокаискаго ханства. Благодаря набожности туземцевъ на безчисленныхъ мазарахъ, т. е. могилахъ святыхъ, всегда находится множество роговъ домашнихъ и дикихъ жвачныхъ. Брать эти рога неудобно, потому что этимъ можно задѣть религіозное чувство, но изслѣдовать на мѣстѣ этотъ огромный вѣками накопленный матеріалъ было бы крайне интересно. Многие изъ роговъ чрезвычайно старые, вывѣтрившіеся, и, кто знаетъ, очень можетъ быть, что между ними найдутся рога формъ, нынѣ уже вымершихъ или истребленныхъ. Дорога и дальше могилы святаго была не дурна, ущелье расширилось, появились пашни, принадлежавшія отчасти таджикамъ Воруха, именно тѣмъ, которые такъ упорно увѣряли, что въ горы нѣтъ дороги.

Трудное мѣсто встрѣтилось уже далеко выше, когда пришлось подниматься на скалистую окраину ручья. Поднявшись, мы скоро вышли на открытую, мало покатую площадку; она была уже не засѣяна: послѣдняя пашня осталась подъ нами на 70 сажень (вертикально) ниже, именно, на высотѣ 8100', а наша площадка лежала уже на 8650'. Стѣсенная кругомъ скалами, пашня эта имѣла очень ограниченныя размѣры и была засѣяна ячменемъ (конечно яровымъ—богары); ростъ ячменя росышный, но зерна были еще далеки отъ созрѣванія, и когда мы ѣхали назадъ 26-го іюня, я и тогда нашелъ ихъ еще зелеными и совсѣмъ

мягким. Ячмень на такой высотѣ созрѣваетъ, какъ я убѣдился потомъ на Агъ-бурѣ, лишь въ самомъ концѣ юля; внизу ячмень жнутъ, какъ и пшеницу, въ концѣ мая, такъ что разница въ созрѣваніи составляетъ цѣлыхъ два мѣсяца; посѣвъ же производится въ горахъ вѣроятно во второй половинѣ мая. Я замѣтилъ, что къ пашнѣ проведена была изъ рѣчки канавка,—доказательство, что дожди и на такой высотѣ не обезпечиваютъ земледѣлія.

Площадка, гдѣ мы остановились на почлегѣ, лежала немного выше двухъ ручьевъ, которые носятъ названіе Чичикты, мѣстность же называется Чичикъ-ййлау; чичикъ значитъ оспина, ййлау—мѣсто лѣтнихъ пастбищъ,—названіе указывающее, что пастбищныя мѣста здѣсь разбросаны небольшими клочками, какъ оспины. Площадка на большей части своего протяженія представляла болото, только на суженомъ мѣстѣ была она суне, за то и не такъ ровна, да къ тому же усыпана крупными и мелкими камнями; все это сильно затрудняло выборъ мѣста, гдѣ бы можно было поставить палатки. Вся площадка была сплошь покрыта травой и дерномъ изъ мелкихъ злаковъ.

Обрадовавшись, что мы наконецъ въ горахъ, я пригласилъ караулъ-беги и пияджабани къ себѣ и надѣлъ на нихъ халаты; выбралъ нарочно самые пестрые, адрасовые и прямо сказалъ, что дѣлаю это отъ удовольствія, что достигъ горъ и въ благодарность за оказанное ими въ томъ содѣйствіе. Собственно говоря, радоваться можно было, конечно, тому только, что мы на пути къ горамъ, т. е. къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было рассчитывать на обильный и интересный сборъ и на новыя наблюденія. Мѣстность же почлега не дала много любопытнаго: на площадкѣ пашлись кое-какія растенія; на скалистыхъ склонахъ ихъ было больше, но лазить тамъ было ужъ очень трудно. Склоны поросли можжевельникомъ, но разбросанно, кустиками. Удивительно размѣщеніе по горамъ этой единственной чисто горной древесной породы (всѣ другія деревья сосредоточиваются внизу, у русла рѣчки). Она встрѣчается только на скалистыхъ частяхъ горъ и обыкновенно чѣмъ неприступнѣе скалы, тѣмъ можжевельника больше. Конечно, на это могла вліять вырубка деревьевъ жителями, но не нужно забывать, что жителей въ горахъ вовсе не такъ много. Пестреленное усиѣвало бы, судя по тому какъ это происходитъ въ горныхъ лѣсахъ Европы, замѣняться приростомъ. Вѣроятно, есть еще причины, препятствующія возобновленію вырубленнаго лѣса; можетъ быть самое устройство плода вліяетъ неблагоприятно въ этомъ случаѣ. Известно, что у можжевельника плоды довольно массивны и имѣютъ совершенно шарообразную форму; при крутизнѣ склоновъ отнавшіе плоды очень легко скатываются внизъ и попадаютъ въ ручей, если только ихъ не задержитъ какой нибудь выступ скалы. Вслѣдствіе этого-то, можетъ быть, деревья и встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ только тамъ, гдѣ торчатъ скалы. Отсутствіе всякаго подлѣсна тоже не остается на это безъ вліянія.

Хасанъ-пияджабани, очевидно хорошо знакомый съ размѣщеніемъ ауловъ по разбросанной Чичикъ-ййлау, отправился на розыски и скоро вернулся съ нѣсколькими киргизами. Они отрекомендовали мнѣ ихъ, какъ представителей мѣстной власти, старшинъ кочующихъ въ этой мѣстности ауловъ. Самый главный изъ нихъ былъ Магометь-Азимъ, казы (судья) киргизъ-кипчаковъ. На видъ старшины были народъ небогатый. Желая познакомиться съ ними поближе, узнать ихъ взгляды на первыхъ русскихъ, забравшихся въ ихъ горныя кочевья, и вмѣстѣ надѣясь добыть отъ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія по топографіи, чтобы имѣть возможность до нѣкоторой степени ориентироваться въ этой мѣстности, я пригласилъ ихъ къ себѣ пить чай.

Въ первый разъ я видѣлъ передъ собою настоящихъ киргизовъ, т. е. ту часть кочующаго племени, которая сама себя зоветъ киргизами, въ отличіе отъ именующихъ себя казѣками и обыкновенно называемыхъ нами киргизами (по книжному также киргизъ-кайсаками). Для этихъ же, настоящихъ киргизовъ, у насъ существуютъ названія: кара-киргизы, дикокаменные или, какъ пишетъ Назаровъ, закамененные киргизы. Въ наружности ихъ я не замѣтилъ существенныхъ отличій отъ тѣхъ киргизовъ, которые пріѣхали съ нами изъ Ташкента; можно было замѣтить только нѣкоторую грубость въ ихъ чертахъ, но въ этомъ отношеніи между ними существовала такая же разница съ нашими аргынцами изъ Ташкента и всякими другими казѣками, какая замѣчается между горными и городскими таджиками. Языкъ тѣхъ и другихъ тоже представлялъ незначительныя отличія и они видимо понимали другъ друга превосходно. Больше всего обращало вниманіе въ говорѣ ихъ то, что киргизы произносили слова, измѣняя въ нихъ звукъ ш въ с, и выговаривая, напримѣръ, аргынское башъ—басъ (голова), ташъ—гасъ (камень).

Разговоры наши однако не дали мнѣ много свѣдѣній; киргизы держали себя скромно, больше молчали, на вопросы давали неясныя краткіе отвѣты, и вообще казались точно запуганными. Несмотря на ихъ наружную суровость и сосредоточенность, ясно было, что на самомъ дѣлѣ это очень трусливый народъ и что мы можемъ чувствовать себя въ полной безопасности между ними. Каждому изъ нихъ при прощаньи я подарилъ, соображаясь съ ихъ вѣсомъ, кому халатъ, кому ситцу на рубашку и т. д., чтобы, вернувшись въ свои аулы, они рассказали про наше гостепріимство и тѣмъ расположили въ нашу пользу своихъ угрюмыхъ сородичей. Кромѣ того, наши подарки были даже дѣломъ до нѣкоторой степени обязательнымъ въ виду мѣстнаго обычая, требовавшаго съ ихъ стороны исполненія всѣхъ обязанностей гостепріимства: имъ предстояло не только угощать насъ и нашихъ людей, но даже и кормить лошадей нашихъ. Еще одно замѣчаніе по поводу подарковъ: всякій разъ, внизу ли у сартовъ, въ горахъ ли—у киргизъ, получившій подарокъ и всѣ присутствовавшіе прочитывали краткую благодарность, обращенную къ имени хана съ пожеланіемъ ему долгоденствія, хотя казалось бы, что ханъ какъ-то тутъ былъ не при чемъ, такъ какъ подарки вѣдь были пріобрѣтены на русскія деньги. Разумѣется, я не считалъ нужнымъ обращать на это какое-нибудь вниманіе, и занову это просто какъ курьезъ изъ мѣстныхъ обычаевъ. Ночь прошла отлично, было только немного холодно: уже въ 6 часовъ вечера было 13° С., а въ половинѣ одиннадцатаго только 10° С.; за то въ 10 час. слѣдующаго утра термометръ показывалъ уже 20,4°.

Какъ ни хотѣлось впрочемъ и джигитамъ остаться на этомъ мѣстѣ, и какъ они ни аргументировали на ту тему, что вѣдь мы уже въ горахъ, я велѣлъ выючить и рѣшился ѣхать далѣе къ какой-то большой рѣкѣ, которая, по вчерашнимъ рассказамъ, текла за горой. Караулъ-беги съ частью джигитовъ остался и вожакомъ поѣхалъ пянджабани. Мы направились по лѣвому ручью; дорога была уже много хуже, чѣмъ наканунѣ, и притомъ шла непрерывнымъ подъемомъ. Сначала мы двигались по береговому склону ручья, потомъ перешли на его ложе, усыпанное галькой, по которой лошадямъ идти было до того трудно, что слѣдующая часть пути, вверхъ по мягкому косокуру, показалась уже сравнительно легкою, кромѣ послѣдняго подъема на самый гребень, гдѣ дорога такимъ крутымъ зигзагомъ пошла въ гору, что мы вынуждены были даже сойти съ лошадей. Во время подъема намъ встрѣтилось нѣсколько ословъ, волочившихъ можжевелевые стволы; погонщики, таджики, были изъ Воруха. Еще далѣе я увидалъ цѣлую группу таджиковъ рубившихъ можжевеловникъ на значительной

высотѣ и сбрасывавшихъ деревья по осыпи, и такимъ образомъ мнѣ представился удобный случай показать джигитамъ, какъ лгали ворухскіе таджики, упорно отрицавшіе всякую возможность проникнуть въ горы. Здѣсь кстати замѣтить, что эти таджики употребляютъ желѣзный топоръ совсѣмъ другой формы, чѣмъ сарты: у него лезвее идетъ въ одномъ направленіи съ рукояткой, тогда какъ сартовскій чотъ, единственно употребляемый всюду въ подгорномъ поясѣ, имѣетъ лезвее, перпендикулярное къ плоскости топорнища. Такія дальнія поѣздки за можжевеловникомъ могутъ дать понятіе, на какихъ крутыхъ склонахъ онъ по преимуществу растеть. Онъ встрѣчается и на горахъ верстъ на десять ближе къ Воруху, да добраться до него нельзя, а потому и ѣдутъ за нимъ гораздо дальше, въ самую голову ущелья.

Труденъ былъ подъемъ на перевалъ, но за то открывшійся съ него чудный, хотя и безотрадный, видъ вознаградилъ насъ вполне за трудъ. Мы стояли на высотѣ 12,500' и могли видѣть уже нѣсколько пиковъ, къ томъ числу и сѣверные; нѣсколько таковыхъ оказалось на СВВ. подъ углами въ 70° и 89° (отъ меридіана); это были, какъ мнѣ объяснили, горы въ верховьяхъ Кшемиша; въ западномъ направленіи крайній пикъ былъ виденъ подъ угломъ 256°. Почти прямо передъ нами высилась массивная громада Хотуръ-тау, на большомъ протяженіи засыпанная сѣнгомъ. Это была та самая гора, которую мы увидѣли двумя днями рапѣе, взѣзжая изъ Чарку въ тѣснину, по которой идетъ дорога въ Ворухъ, гора, возбудившая у препаратора живѣйшее желаніе взлѣзть на ея вершину; теперь она стояла передъ нами и дѣйствительно ея верхняя часть сравнительно плоска, по бока точно обгесаны подъ прямымъ угломъ. Между Хотуръ-тау и нами лежала глубокая долина. Одинъ взглядъ туда привелъ въ ужасъ всѣхъ нашихъ туземныхъ спутниковъ: короткое ущелье, идущее отъ перевала, падало, казалось, почти отвѣсно къ главному. На днѣ его замѣтна какая-то сѣрая полоса, точно сухое русло, покрытое галькой; послѣ уже, услыхавъ отъ пияджабани, что это и есть та большая рѣка, про которую онъ говорилъ мнѣ, я дѣйствительно разсмотрѣлъ въ этой полосѣ рѣку: поверхность ея при страшной быстротѣ всегда волнистая и произвела на меня впечатлѣніе гальки. Какъ послѣ оказалось изъ барометрическихъ измѣреній, рѣка было почти на 3000' ниже (2850'), что составляетъ 400 сажень. (Чтобы читатель могъ составить себѣ осязательное понятіе объ этой высотѣ, напомнимъ, что Иванъ Великій, откуда смотреть на Москву, имѣетъ всего 46¹⁾ сажень возвышенія надъ Москвой). Какъ только джигиты увидѣли бездну, въ которую нужно было спускаться, то пачали тотчасъ доказывать невозможность такого спуска. Подѣхавшій съ выюками ишакчи поглядѣлъ и заявилъ, что онъ не поѣдетъ дальше: «дороги тутъ вовсе нѣтъ», прибавилъ онъ; дороги съ перваго взгляда дѣйствительно не видно: она идетъ по склону, дѣлая безчисленные изгибы. Когда спустившійся темного препараторъ указалъ дорожку, то ишакчи заявилъ, что подняться обратно не будетъ возможности, что спустившійся въ эту яму мы не вылѣземъ изъ нея; лошади его не въ силахъ будутъ поднять и тѣ легкіе выюки (туда по 4), которые были взяты въ эту поѣздку. Пияджабани, лучше всѣхъ знавшій, можно ли подняться по такой дорогѣ, упорно молчалъ: очевидно ему не хотѣлось принимать на себя рѣшенія, чтобъ не возстановить противъ себя коканскихъ джигитовъ. Не отвѣчалъ онъ положительно и на то, можно ли по ущелью, гдѣ течетъ рѣка, выѣхать въ Ворухъ, хотя и пришлось бы сдѣлать крюкъ.

Я догадался, что бѣжавшая подъ нашими ногами рѣка была Кереушивъ, сливающаяся

¹⁾ Вышина колокольни „Иванъ Великій“ 46 сажень 2½ аршина съ крестомъ.

съ Кшемишемъ около Воруха; но звалъ и то, что горныя рѣки часто пробиваются такими тѣщинами, что проѣхать нѣтъ никакой возможности, а спуститься намъ хотѣлось. Мы не знали, будетъ ли что особенно интересное, ради чего стоило бы мучиться, по пужно было предполагать, что таковое найдется; опять же отступитъ, значило показать коканскимъ джигитамъ, что насъ можно удержать отъ исполненія задуманнаго. Я рѣшилъ спускаться, объявивъ ишакчи, что если какая-нибудь изъ его лошадей свалится и убьется, то я заплачу за нее; спросилъ у него стоимость каждой лошади и записалъ. Удивляюсь, какъ онъ нарочно послѣ этого не спустилъ своихъ лошадей въ пропасть, чтобы выгодно сбыть своихъ дрянныхъ клячъ. Еслибъ оказалось затруднительно поднять тяжести, то я рѣшилъ бросить впизу все, чего пельзя будетъ вытащить. Пришлось все-таки самому отправиться впередъ, чтобы доказать наглядно мое твердое рѣшеніе спускаться. Первые зигзаги дороги были очень круты, но потомъ, когда ущелье расширилось, они сдѣлались длиннѣе и положе; небольшая наша партія—12 человекъ и 16 лошадей—растянулась уступами по горѣ. Сошли благополучно, конечно, пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу.

Спускаясь, я опредѣлилъ верхнюю границу древесной растительности, представителемъ которой здѣсь, какъ и во всѣхъ посѣщенныхъ мной горахъ, былъ можжевельникъ (арча по-тюркски, бурсъ по-таджикски). Она оказалась на высотѣ 11300'. Высота эта сначала поразила меня, но потомъ, во время послѣдующихъ экскурсій, я убѣдился, что эта цифра не случайная. Поразила же она меня потому, что во время моего прошлогодняго путешествія въ горахъ верхняго Заравшана, я не видалъ можжевельника выше 9520' (что было на Ягнобѣ). Цифру же 11300', или лучше 11200' считаю довольно точнымъ выраженіемъ верхняго предѣла древесной растительности на горахъ южной окраины коканскаго ханства, потому что во время экскурсій къ Караказуку послѣдніе можжевельники встрѣчались на высотѣ 11100', а въ Кичи-Алаѣ на высотѣ 11200'. Допуская ошибку въ опредѣленіи (отъ мѣстнаго пониженія барометра, отъ отсутствія у подошвы горъ соответственныхъ наблюденій) на 100' и избравъ среднее изъ трехъ опредѣленій, получаю 11200'. При этомъ считаю пужнымъ замѣтить, что я дѣлалъ наблюденія не на высотѣ крайняго кустика, пріютившагося на удобномъ, хорошо обогрѣваемомъ солнцемъ, утесѣ, и не тамъ, гдѣ близъ дороги появлялись первыя деревья; нѣтъ, я останавливался на уровнѣ, гдѣ можжевельникъ начиналъ являться уже группами. Мнѣ казалось, что эту высоту всего полезнѣе опредѣлить, такъ какъ ростъ нѣсколькихъ деревцовъ на случайно благоприятныхъ мѣстахъ не даетъ права дѣлать общихъ выводовъ. Конечно, выборъ того или другаго уровня отчасти условный и зависитъ отъ личности наблюдателя; но я убѣжденъ, что при такомъ приемѣ разности будетъ гораздо меньше, чѣмъ если опредѣлять высоту крайнихъ кустиковъ. Что приводимая мной высота не случайная и основанная только на трехъ опредѣленіяхъ, а весьма близкая къ истинѣ, подтверждается тѣмъ, что ночуя на Тенгисбаѣ на высотѣ 10900' и въ Кичи-Алаѣ на высотѣ 10300', мы были еще ниже этой границы. Затѣмъ, надъ нижнимъ концемъ описываемаго далѣе ледника, находящемся на высоты 10730', росли крупныя деревья можжевельника; напротивъ, ночуя, у Кавука, на высотѣ 11700', мы еще не достигли и самыхъ крайнихъ кустиковъ этого растенія. Но если высота верхней границы арчи такъ постоянна въ посѣщенныхъ мной горахъ, то существуетъ значительная разница въ слѣдующемъ: на Джиптыкѣ до высоты весьма близкой къ 11300' доходятъ крупныя деревья, а далѣе къ востоку они оста-

навливаются ниже и до приведенных высот достигают только низкіе кусты, стелящійся можжевельникъ и притомъ, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ этотъ, такъ сказать, бордюръ низкорослаго можжевельника шире ¹⁾, что на глазъ чрезвычайно замѣтно; выразить же это цифрами, основываясь на барометрическихъ наблюденіяхъ, довольно трудно; къ тому же опять-таки нѣтъ рѣзкой границы: деревья и кусты на известной высотѣ растутъ вмѣстѣ, да и высокоствольный можжевельникъ дѣлается паверху ниже и корявѣе, принимаетъ форму кустарнаго, а послѣдній чѣмъ выше, тѣмъ приземистѣе, печальнѣе, книзу же роскошнѣе. Такимъ образомъ, относительно физономіи оба можжевельника незамѣтно смѣняются одинъ другимъ. Составляютъ ли они разные виды, или только формы, обусловленные разной высотой, сказать не могу: нужно подождать обработки ботаническихъ коллекцій экспедиціи. Плоды у низкорослаго гораздо мельче.

Итакъ можжевельникъ въ южно-коганскихъ горахъ ²⁾ встрѣчается гораздо выше, нежели далѣе къ западу, именно до высоты 11200'. Гдѣ въ направленіи къ востоку и на какой высотѣ останавливается это возвышеніе предѣла можжевельника и опять начинается пониженіе, я отказываюсь судить. Наблюденія Буяковскаго опредѣляютъ предѣлъ ели (которая вмѣстѣ съ можжевельникомъ растетъ въ Нарынскомъ краѣ по склонамъ горъ) на хребтѣ Уюрмень-Чеку, у перевала Богущты, на высотѣ 10760'; а относительно можжевельника есть только указаніе г. Сѣверцова, что въ томъ же хребтѣ, восточнѣе, у перевала Тасъ асу онъ растетъ выше ели еще на 100', именно до 10600' (предѣлъ ели Сѣверцовъ полагаетъ въ этомъ мѣстѣ въ 10500'), на ближнихъ же горахъ поднимается до 11000'. Но известно, что г. Сѣверцовъ опредѣлялъ не границы растений посредствомъ наблюденій, а наоборотъ, за разбитіемъ барометра онъ пользовался растениями для опредѣленія высотъ, поэтому цифръ его и недостаточно, чтобы судить, какъ измѣняется далѣе на востокъ абсолютная высота верхняго предѣла арчи.

Можно сказать только, что къ востоку верхняя граница арчи поднимается гораздо медленнѣе, чѣмъ къ западу; замѣчу при этомъ, что и снѣговая линія тамъ ниже: по опредѣленіямъ барона Ампинова снѣговая линія въ Когистанѣ на сѣверномъ склонѣ 12000', на южномъ 13000'. въ посѣщенныхъ же мною южно-коганскихъ горахъ около 14000', при чемъ такой большой разницы между сѣвернымъ и южнымъ склонами я не замѣтилъ.

На какой высотѣ появляются самыя нижнія деревья можжевельника—сказать гораздо труднѣе по причинамъ уже выше приведеннымъ: внизу его вырубаютъ; затѣмъ и другія причины затрудняютъ это опредѣленіе: нижнія части горъ далеко не такъ скалисты; поэтому, можетъ быть и не высота ихъ, а другія условія помѣшали имъ зарости можжевельникомъ; наиболѣе довѣрія внушаетъ мнѣ наблюденіе, сдѣланное близъ Шахимардана; тамъ горы покрыты довольно частымъ можжевельникомъ и самое нижнее дерево оказалось на высотѣ 6100'; но такъ какъ вверху отъ этого дерева росло ихъ очень немного, и только на высотѣ 6350' были замѣтны уже значительныя скопленія деревьевъ, то приблизительная цифра получается въ 6200' ³⁾. Такимъ образомъ для древесной растительности въ горахъ получается довольно широкій поясъ въ 5000' высоты.

Лиственные деревья, растущія почти исключительно у береговой полосы, при горныхъ

¹⁾ Въ Нарынскихъ горахъ онъ является широкимъ поясомъ; въ горахъ по Заравшану я его вовсе не видалъ.

²⁾ Я буду употреблять здѣсь это названіе для обозначенія посѣщенныхъ мною горъ просто потому, что у туземцевъ нѣтъ общаго названія для нихъ; разъясненія же, какія горы я посѣтилъ, я надѣюсь изложить въ приложеніи.

³⁾ Впрочемъ, я долженъ сказать, что у самого с. Кека растетъ уже можжевельникъ, а высота Кека, я полагаю, не будетъ болѣе 5500—5700'.

потокахъ, занимаютъ поясъ вдвое уже, всего только въ 2200'—2500'; съ распространеніемъ ихъ мы ознакомимся позже, здѣсь же я считалъ полезнымъ указать на предѣлы распространенія можжевельника, такъ какъ намъ часто придется имѣть дѣло съ поясомъ его и онъ представляется по своему населенію довольно характернымъ; затѣмъ даны и предѣлы альпійскаго пояса, который, впрочемъ, опять не рѣзко отдѣляется отъ древеснаго, а въ благоприятныхъ мѣстахъ спускается много ниже 11300'.

При спускѣ съ перевала Джинтыкъ, подходя къ можжевельникамъ, мы почти не нашли альпійской растительности: склонъ былъ очень сухъ, сильно припекаемъ солнцемъ, усыпанъ мелкими обломками сланцевъ, изъ которыхъ состоитъ гора; кое-какія растенія попались и на самой вершинѣ въ расщелинахъ сланцевъ, а пониже, между разрушенными обломками, встрѣтился чрезвычайно красивый лукъ съ ярко-малиновыми цвѣтами (*Allium ogeophilum* С. А. Meyer). Съ появленіемъ высокихъ (до 2 сажень) деревьевъ можжевельника спускъ сдѣлался удобнѣе; намъ пришлось проѣхать чрезъ небольшую площадку, гдѣ деревья росли довольно часто, хотя, конечно, на весьма ограниченномъ пространствѣ. Такія мѣста встрѣчаются въ горахъ перѣдко и не уничтожаютъ высказанной выше характеристики, что хвойный лѣсъ въ средне-азіатскихъ горахъ растетъ преимущественно на скалистыхъ мѣстахъ.

Отъ этой площадки мы безъ труда уже доѣхали до рѣчки и на берегу ея нашли киргизскій аулъ. Тутъ кочуетъ одинъ изъ главныхъ киргизскихъ биевъ, именно рода киргизъ-кипчаковъ, по имени Катта-Айтъ-Магометъ-бій; то былъ старикъ на видъ бодрый и характера довольно общительнаго. Не смотря на его высокое положеніе (начальникъ части рода киргизъ-кипчаковъ, кочующей въ окрестныхъ горахъ) онъ носилъ такую же одежду, какъ и всѣ его соплеменники, и явился ко мнѣ пить чай такимъ же грязнымъ и неумытымъ, какъ и простые киргизы.

Изъ разсказовъ этого старика выяснилось между прочимъ, что протекавшая у его аула рѣчка начинается нѣсколькими верстами выше и вытекаетъ изъ льда (мусъ). Ясно было, что въ верховьяхъ рѣчки находится ледникъ, что, конечно, сильно заинтересовало меня и я рѣшилъ на слѣдующій день подняться вверхъ по ущелью.

Путь оказался легкій, ущелье поднималось очень постепенно, дорога была хорошо протоптана, потому что въ верхнюю часть ущелья прогоняется скотъ на находящіяся тамъ альпійскія пастбища. Гора Хотуръ-тау почти все время висѣла надъ нами справа; ея западный склонъ повидимому даетъ начало леднику; по крайней мѣрѣ сплошная масса снѣга оканчивалась напередѣ стѣной мелкаго щебня; впрочемъ, снизу невозможно было точнѣе опредѣлить эти отношенія. Самая Хотуръ-тау оканчивалась къ ущелью страшнымъ обрывомъ: съ нея стегало нѣсколько ручьевъ, по большей части каскадами; тутъ были водопады самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ: иные падали тонкой струей, пока опять не попадали на пологій скатъ, другіе, небольшіе, пропадали въ воздухъ, разсыпавшись мелкою пылью. Всего эффектиѣе былъ каскадъ, падавшій на выступъ скалы, находившійся въ расщелинѣ: брызги клубами навопляли расщелину и то лѣзли по ней вверхъ, скрывая потокъ, то вихремъ вырывались изъ нея и тогда потокъ открывался во всей своей красотѣ. Нельзя было не залюбоваться на эти каскады. Въ отличіе отъ европейскихъ Альпъ въ средне-азіатскихъ горахъ они очень рѣдки и встрѣчаются только въ самомъ верхнемъ альпійскомъ поясѣ.

Почти при самомъ началѣ нашего пути надъ нами довольно высоко появилась огромная птица, спускавшаяся все ниже и ниже; наконецъ можно было различить у ней пучокъ перь-

евъ подъ нижней челюстью; то былъ бородачъ (*Gypaëtus barbatus*), — одна изъ самыхъ огромныхъ птицъ въ Туркестанѣ, величиною уступающая только грифамъ. Смѣло спускалась она къ намъ, но все же оставалась вѣв выстрѣла, да и при меньшемъ разстояніи убить дробью эту птицу было бы очень трудно, развѣ только крупная дробина случайно попала бы въ кость крыла.

Немного выше, на высотѣ около 10000' появились приземистыя мелкія формы растеній которыя получили названіе «альпійскихъ», потому что паходятся на большихъ высотахъ у верхняго предѣла жизни, и имѣють особый габитусъ. Эти растенія встрѣчаются также на склонахъ горъ и внизу на сырыхъ лужайкахъ. Между тѣмъ, которыя попадаются на сухихъ склонахъ, чрезвычайно характерна *Dryadanthè Bungeana* Ledb. Она образуетъ шапки облекающія камни и видомъ своимъ напоминающія болотныя кочки; такая кочка состоитъ изъ множества индивидуумовъ, очень мелкихъ; по мѣрѣ роста нижнія части отмирають и кочка повышается кверху, но очень медленно. Это растеніе, можно сказать, заступаетъ въ ландшафтѣ мѣсто мховъ (которыхъ въ средней Азии вообще весьма мало). Кромѣ *Dryadanthè*, есть еще нѣсколько растеній, принадлежащихъ къ различнымъ семействамъ, которыя растутъ колоніями и образуютъ кочки; очень характерны кочки на горныхъ склонахъ, образуемая растеніями изъ сем. *Staticæe* (разныя виды *Acantholimon*), которыя у туземцевъ обозначаются весьма характернымъ названіемъ кампыръ-мурушь — старушечьи пальцы: они колючи до послѣдней крайности и руками нельзя извлечь ни одного растенія изъ колоніи.

На лужайкахъ, разстланныхъ по берегамъ рѣки, частью въ болотцахъ, намъ попалось гораздо больше альпійскихъ формъ, чѣмъ на склонахъ: тутъ преобладали кампеломки (*Saxifraga*, разныя виды, особенно *hirculus* L.).

Поднявшись еще нѣсколько, мы увидали, что ущелье замкнуто сѣрою массою, это и былъ ледникъ. Мы поспѣшили къ нему; дорога была удобна почти до того самаго мѣста, гдѣ изъ подъ ледника вытекаетъ рѣка. Конечная морена, лежавшая саженъ на двадцать-пять впереди ледника, остановила насъ; рѣка пробилась себѣ путь черезъ эту невысокую гряду огромныхъ камней и бѣжитъ каскадомъ. Пѣшкомъ кое-какъ перебрались мы черезъ эту морену, между ней и ледникомъ было довольно ровное пространство: рѣка разливалась здѣсь на нѣсколько потоковъ. На этомъ пространствѣ и между камнями конечной морены росли растенія, между которыми особенно выдавались крупный *Epilobium latifolium* L. съ кистями розовыхъ цвѣтовъ. Очевидно, ледникъ давно уже отошелъ отъ конечной морены, если пространство это успѣло покрыться растеніями. Фактъ, что ледникъ отступилъ и притомъ вдругъ (не останавливаясь на нѣкоторое время), былъ очевиденъ; возможно, впрочемъ, что отступаніе и движеніе впередъ чередовались, и конечная морена образовалась оттого, что, при послѣдовательно повторявшихся поступательныхъ движеніяхъ, ледникъ передвигалъ до нея всѣ предыдущія морены. Фактъ отступанія ледника, указываемый здѣсь, представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что, очень близко находящійся отъ него и отдѣленный отъ него только горнымъ хребтомъ, Заравшанскій ледникъ, по наблюденіямъ участниковъ Искандеръ-кульской экспедиціи 1870 г., не имѣетъ конечной морены, и поэтому, а также и по рассказамъ туземцевъ, необходимо допустить, что онъ все болѣе и болѣе спускается.

Я не рѣшаюсь въ отступаніи посѣщеннаго мною ледника видѣть явленіе, общее всѣмъ ледникамъ въ Тяньшанѣ; очень возможно, что кака-нибудь чисто мѣстная причина повліяла на его отступаніе. Для общихъ заключеній пужны сравнительныя наблюденія надъ большимъ числомъ этихъ, еще столь мало извѣстныхъ въ Тяньшанѣ, образованій.

ГО СЪУУУУ СЪ РЪУУУ ГЛАФУУУ ПУУ

Рисова: А. К. Сирпа от

ЛЕДНИКЪ ВЪ ЩУРОВОСКАГО И ИСТОКОУ ПЪУУУ ПЪУУУУ

GLACIER DE SUCIHOVSKY ET SOURCES DE IJELAR

У конца ледяной массы теперь отлагается новая конечная морена: сверху, по мѣрѣ таянія льда, почти каждая пять минутъ валятся камни; они отскакиваютъ отъ ледянаго ската передняго конца и, прыгая, летятъ внизъ, иногда откатываясь на нѣсколько сажень. Высота, съ которой они сваливаются, т. е. толщина ледянаго слоя на концѣ ледника, около 12 сажень. Лежащая у подошвы его морена совершенно закрываетъ сводъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка, такъ что она выходитъ уже изъ этой морены. Вѣроятно она не достаточно сплына, чтобы удалять сваливающіеся камни. Рѣка, которой даетъ начало этотъ ледникъ, имѣетъ значительные размѣры; она образуется изъ трехъ истоковъ: средняго, составляющаго собственно начало рѣки, и двухъ боковыхъ, идущихъ по краямъ ледника; соединяются они выше старой конечной морены. Вытекающая вода наполнена чрезвычайно мелкимъ иломъ, который придаетъ ей особый видъ, и постоянно измѣняетъ окраску. Самый конецъ ледника образуетъ на одной сторонѣ значительный выступъ; это зависить, очевидно, отъ того, что западная сторона ледника, прикрытая высокими горами, мѣше подвержена дѣйствию солнца, и вообще температура на этой сторонѣ ниже. На этой западной половинѣ край ледника не такъ обрывистъ и настолько пологъ, что камни держатся на его склонахъ и закрываютъ совершенно ледъ. На восточной же половинѣ ледъ выступаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ большими пятнами грязно-сѣраго цвѣта.

Я рѣшился въ этотъ день ограничиться осмотромъ конца ледника и изслѣдовать мѣстность настолько, чтобы на другой день можно было попытаться пройти по склонамъ горъ вдоль ледника. Препараторъ пожелалъ взлѣзть на самый ледникъ, что ему и удалось; оказалось, что поверхность его усыпана сплошь обломками камней и между этими камнями пріютилось нѣсколько растений, такихъ же, какія встрѣчались намъ и внизу.

Высота, на которой лежитъ конецъ ледника, оказалась 10730'.

Ночлегъ нашъ былъ саженьхъ въ 150-ти отъ ледника на возвышенной площадкѣ, выше конца ледника на 130 футовъ; отсюда открывался общій видъ на ледникъ (прилагаемый видъ парсовать изъ палатки); внизу у рѣчки разстлались дуга, куда и отправлены были наши лошади; наша же площадка, напротивъ, была покрыта растеніемъ, которое встрѣчалось и гораздо ниже—астроголомъ, съ длиннѣйшими колючками (*Oxytropis kaschmiriana* Bunge.)

Наши лошади были повидимому первыми, появившимися на дуга у ледника въ томъ году. Киргизы выгоняютъ сюда свой скотъ, но позже: въ это время (23-го іюня) онъ пасся по лужайкамъ ниже. Проѣзжая къ леднику, я видѣлъ изгородь изъ деревьевъ и сучьевъ, которая перегородивала ущелье въ томъ мѣстѣ, гдѣ его стѣсняли скалы; мнѣ сообщили, что изгородь эта сдѣлана для скота; значить, онъ долженъ вытравить сначала низкія части ущелья. Кстати будетъ замѣтить, что и на той высотѣ онъ пасся еще недавно: въ лѣтовку Джинтыкъ, гдѣ мы ночевали у бѣя (9650), киргизы пришли всего за двѣ педѣли до нашего приѣзда, а въ Чичикты (8650) за 20 дней. Мы помѣстились въ палаткѣ и ночью порядочно померзли; уже въ 10 часовъ вечера было только 6,6°С. Джинтыкъ помѣстился въ оказавшихся на площадкѣ каменныхъ жилищахъ: то были небольшіе домики, сложенные изъ камней, сверху прикрыты можжевеловымъ и землей. Часть построекъ очевидно была назначена для помѣщенія скота, другая—для людей. Дыръ между камнями было однако въ каждомъ такомъ домѣ столько, что они представляли плохую защиту отъ непогоды. Огонь раскладывался внутри и отъ вѣтра перѣдко дымъ наполнялъ все помѣщеніе. Несмотря на всѣ недостатки этихъ построекъ, я не думаю, чтобы онѣ принадлежали киргизамъ; я увѣренъ, что онѣ воз-

двинуты таджиками, которые въ прежнее время занимали большее пространство, и думаю это потому, что подобныя постройки встрѣчались довольно часто въ занятыхъ таджиками горахъ верхняго Заравшана и вовсе не встрѣчались далѣе на востокъ въ тѣхъ горахъ, гдѣ по преимуществу кочуютъ киргизы. Весьма возможно, что прежде таджики, напр. изъ Воруха, со своими стадами уходили далеко въ горы; на Заравшанѣ они дѣлаютъ это и до сихъ поръ; ихъ лѣтовки паходятся очень высоко, потому что киргизовъ тамъ нѣтъ. Киргизъ не станетъ складывать каменнаго дома, а принесетъ свою войлочную юбку. Назвали мнѣ эти постройки капа.

Утромъ 24-го іюня мы отправились въ нашу экскурсію для осмотра ледника. Несмотря на всѣ обѣщанія, нельзя было уговорить ни одного изъ киргизовъ, насъ сопровождавшихъ изъ лѣтовки бѣя, идти съ нами въ качествѣ вожаковъ; всѣ отговаривались тѣмъ, что никогда туда не ходили, что тамъ нѣтъ никакой дороги и пройти невозможно. Коканскіе джигиты еще менѣе были расположены къ такой экскурсіи. Тогда я взялъ только двухъ нашихъ джигитовъ и рѣшился идти, хотя, признаться, и самъ недоумѣвалъ, какъ это сдѣлать; потому что никогда прежде по ледникамъ не ходилъ, а только читалъ, что такая ходьба представляетъ много трудностей и опасностей. Со мной пошли препараторъ и охотникъ. Ольга Александровна, какъ ей ни хотѣлось поглядѣть на ледникъ и собрать растущія по склонамъ растенія, рѣшилась остаться, чтобы нарисовать видъ ледника. Начало пути было опредѣлено еще наканунѣ: была замѣчена тропинка, поднимавшаяся на сѣверный склонъ; рѣшили идти по ней въ томъ соображеніи, что куда-нибудь да должна же она привести. Первая трудность заключалась въ томъ, что нужно было перескочить бурный потокъ, падавшій по склону; трудно было его перескочить теперь, но еще труднѣе на обратномъ пути, когда онъ увеличился чуть не вдвое; горные ручьи много зависятъ отъ дневной температуры, такъ, напр., по южному склону наканунѣ сбѣгало нѣсколько потоковъ, утромъ изъ нихъ не оказалось ни одного, а позже они опять появились. Дорожка нашлась и по ту сторону ручья; она круто поднималась кверху, но потомъ пошла почти горизонтально, слѣдуя изгибамъ склона. Поднявшись, мы увидали, что на противоположномъ склонѣ, почти на одной высотѣ съ нами, паходятся остатки старыхъ моренъ, прилегающихъ къ склону въ видѣ карнизовъ. Одна паходится саженъ на 15, другая на 20 выше теперешней поверхности ледника; притомъ эти остатки кончаются какъ разъ противъ старой конечной морены, т. е. впереди теперешняго конца ледника. Слѣдовательно, ледникъ былъ прежде не только длиннѣе, но и вдвое толще.

Когда мы поднялись выше ледника, то, насколько можно было видѣть, поверхность его была покрыта сплошь камнями; по большей части камни эти были мелкіе, но встрѣчались и такіе, которые имѣли въ діаметрѣ нѣсколько саженъ; такой же величины были камни и въ старой конечной моренѣ.

Склонъ, по которому мы шли, былъ покрытъ мягкой землей, на ней росло много низенькихъ растеній; все это цвѣло и довольно много пасѣкомыхъ летало на цвѣтахъ; было замѣчено нѣсколько шмелей (*Bombus*), пасѣкомыхъ, встрѣчающихся въ Туркестанѣ только въ горахъ, ниже 6000' я не видалъ ни одного. Внизу мѣсто ихъ заступаютъ *Anthophor*'ы, встрѣчающіяся во множествѣ видовъ (мнѣ извѣстно уже до 50¹⁾; въ средней Европѣ, гдѣ шмели не рѣдкость, *Anthophor*'ы не болѣе десятка видовъ). Но поймать что-нибудь на склонѣ было очень трудно: рѣдко гдѣ можно было безъ особаго риска подняться, или спуститься съ

¹⁾ По точному опредѣленію всего собрано А. П. Федченко въ Туркестанѣ 53 вида *Anthophora*, изъ нихъ 40 видовъ обозначены новыми.

тропинки. Дорожка шла впередъ, не пропадая, и была очень хорошо протоптана; на ней попались намъ въ довольно большомъ количествѣ изверженія овецъ, лошадей и даже верблюдовъ. Позже, впрочемъ, она исчезла и нужно полагать, что по этой дорожкѣ скотъ проходитъ на самыя верхнія пастбища, т. е. на маленькія лужайки и болѣе доступные склоны, разбросанные кое-гдѣ. Мы пошли дальше и убогій пріютъ изъ камней съ слѣдами огня, вѣроятно

Megaloperdix Nigelii, въ $\frac{1}{6}$ настоящей величины.

устроенный пастухами; скота же мы, впрочемъ, не видали; онъ, какъ я говорилъ выше, не дошелъ еще и до конца ледника.

Безжизненность ландшафта была замѣчательная; только потоки, сбѣгавшіе съ лѣваго склона (западнаго) и часто преграждавшіе намъ путь, да каскады, нававшіе по краю ледника, прерывали безмолвіе.

Изъ животныхъ на пути вверхъ попалась только крупная горная куропатка (*Megalo-*

perdix Nigelii), называемая русскими уларь (она распространяется до Семирѣчья), а туземное названіе ей, по крайней мѣрѣ въ Заравшанской долинѣ, калкхихляль. Эта птица высшихъ горъ, какъ и всѣ ея сродичи: *M. altaica* живетъ на Алтаѣ, *M. caucasica* на Кавказѣ; встрѣченная мною *M. Nigelii* распространяется отъ семирѣченскаго Ала-тау до Гималая; встрѣчена нами была самка съ двумя дѣтенышами, которые безъ труда были пойманы, какъ только застрѣлили самку. Высота, на которой она намъ попалась, не ниже 11300'. Глѣзда мы не видали, по пельзя позагать, чтобы она зашла такъ далеко снизу; она кормилась на маленькой лужайкѣ между камнями, куда и носилъшила скрыться съ дѣтенышами. Цвѣтъ ея, сѣрый съ желтокоричневыми крапинками, отлично подходитъ къ цвѣту камней и ей, уже подстрѣленной, почти удалось укрыться отъ нашихъ поисковъ. При вскрытіи, желудокъ ея оказался наполненнымъ травой, а въ кишечномъ каналѣ нашлось множество паразитовъ, именно ленточныхъ глистовъ (*Taenia*) и круглыхъ (*Heterakis* sp.).

Мягкій склонъ, обильный растительностью, впрочемъ, скоро кончился; дорожка еще была, но идти по ней было уже гораздо труднѣе, и наконецъ въ одномъ мѣстѣ она прерывалась осыпью. Осыпи эти состоятъ изъ очень мелкихъ обломковъ и если лежатъ на крутомъ склонѣ, то при малѣйшемъ прикосновеніи начинаютъ сползать внизъ. Не найдя нигдѣ удобнаго мѣста, мы рѣшились по одиночкѣ перейти черезъ нее; вся задача въ этихъ случаяхъ состоитъ въ томъ, чтобы переходить скорѣе, ставя однако ногу какъ можно тверже; тогда понемногу съѣзжаешь съ осыпью вмѣстѣ внизъ, но все-таки успѣваешь переставлять ноги. Конечно, нужно рассчитать движеніе такъ, чтобы на другой сторонѣ осыпи было мѣсто, на которое можно было бы легко перейти съ осыпи. Хотя зеленые склоны кончились, но растенія все еще попадались, да мы и не дошли до крайняго пункта растительности. На этомъ протяженіи попались чрезвычайно интересныя растенія: *Corydalis Stshurovskii* Reg. n. sp.—замѣчательная весьма раздутой пузыревидной формой своихъ еще незрѣлыхъ плодовъ. Ту же особенность, пузыревидность плодовъ, представило другое растеніе, даже изъ другаго семейства (крестоцвѣтныхъ) *Didymophsa Fedtschenkoae* Reg. n. sp.; затѣмъ попалась *Lonicera hispida* Pall. var. *alpina*, форма, въ которой не сразу признаешь жимолость: маленькая, длиною не болѣе двухъ-трехъ вершковъ, стелющаяся, она скорѣе напоминаетъ бруснику, а красныя ягоды еще болѣе вводятъ въ заблужденіе. Наконецъ назову *Gnaphalium leontopodium*, который такъ часто встрѣчается въ европейскихъ альпахъ и предлагается на память турстамъ подъ именемъ альпійской розы (Alpen-Rose).

Растенія были и на горѣ, которая преградила намъ дальнѣйшій путь (12300') и росли еще выше: среди ледянаго моря возвышается обширная скала и видно было, что ея пологіе склоны покрыты зеленью; скала эта была выше пастъ и высоту ея нельзя считать ниже 12500'. Какія растенія были тамъ, не знаю; мы не дошли до скалы, но и она не у крайняго предѣла растительности: позже, на перевалѣ Кавукъ, мы нашли *Oxygraphis glacialis* Vnge на высотѣ 13300'. Это наибольшая высота въ средне-азиатскихъ горахъ, съ которой до сихъ поръ имѣются растенія, но я увѣренъ, что они растутъ и выше; снѣговая линія лежитъ еще выше, приблизительно на 14000', а мѣста, гдѣ снѣгъ не держится, встрѣчаются и выше снѣговой линіи, и тамъ въ щеляхъ есть хороній пріютъ для растеній. Въ Заравшанской долинѣ, на перевалѣ Мура, я нашелъ растенія на скалѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной снѣгомъ, на высотѣ 12200'.

Если я сообщу состояніе температуры, которую я наблюдалъ въ продолженіи описываемъ-

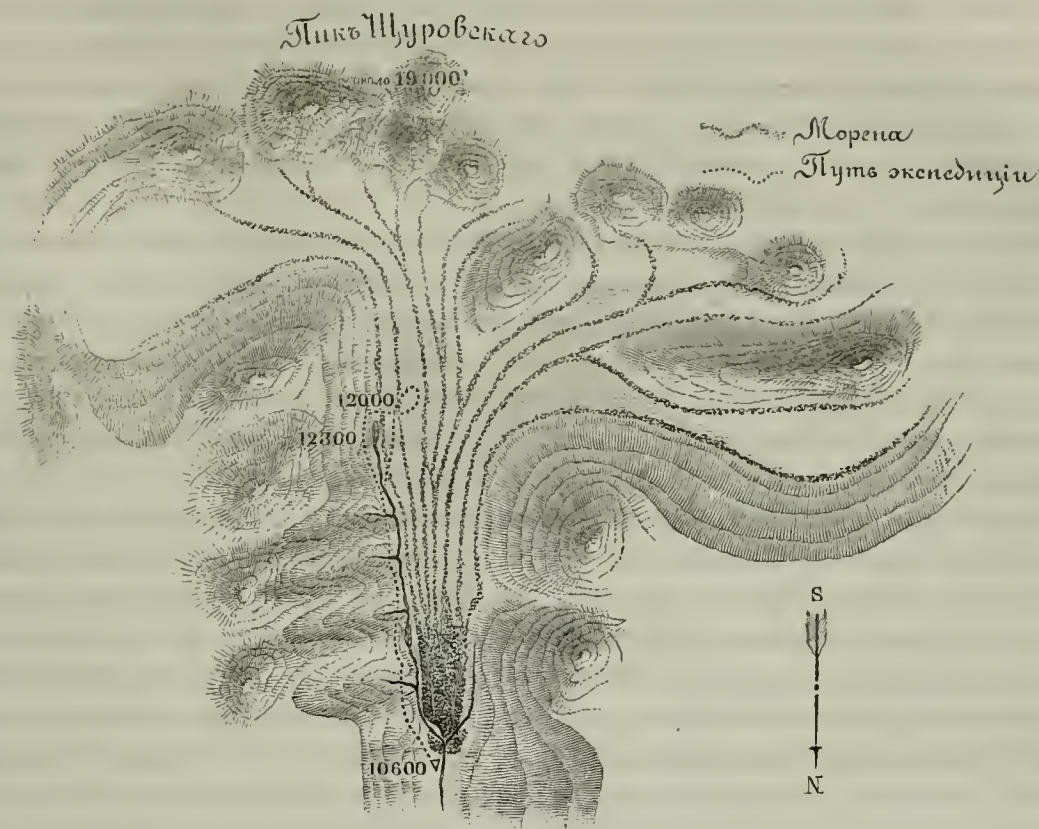
мой экскурсіи на ледникъ, то присутствіе растеній на такихъ высотахъ и притомъ въ такомъ числѣ, что на удобныхъ мѣстахъ образуются луга, не покажется удивительнымъ: въ 7 ч. 48 м. въ тѣни, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы почевали, было уже 15° С. (на высотѣ 10600'); а въ 2 ч. дня на крайнемъ пунктѣ, до котораго мы дошли по склону, на высотѣ 12300' было 26° С. въ тѣни. Ночью за то температура понижается на этой высотѣ навѣрное до нуля, если не ниже; по крайней мѣрѣ уже тамъ, гдѣ мы почевали, ночью едвали было больше $3-4^{\circ}$. Слѣдовательно, днемъ есть достаточное количество теплоты, ночью же холодно и растенія должны быть такія, которыя не боятся ночнаго мороза.

Высокая температура днемъ на большихъ высотахъ—такое обычное явленіе, что я при всѣхъ поѣздкахъ и двѣсходныхъ экскурсіяхъ никогда не бралъ съ собою теплаго платья и отправлялся въ обычномъ полотняномъ костюмѣ, въ какомъ путешествовалъ и по знойнымъ Кизиль-кумамъ. Какъ я уже говорилъ, мы шли все по склону, довольно высоко надъ ледникомъ. Онъ мѣстами обнажалъ свой край; его мощная боковая морена то оказывалась на склонѣ, такъ что между нею и ледникомъ было свободное пространство, то вплоть прилегала къ леднику; дорожка привела насъ къ самой боковой моренѣ, и это была лучшая часть пути, ровная, съ ничтожнымъ наденіемъ, но не надолго: между боковой мореной и склономъ появились небольшія озера и намъ пришлось опять лѣзть по склону. Въ это время мы замѣтили, что впереди намъ дорога заперта скалой, упирающейся въ озерко. Пролѣзть тамъ нечего было и надѣяться. Мы рѣшили обойти препятствіе, поднявшись вверхъ. Круто было очень, но, на счастье, склонъ былъ мягкій, поросшій травой и не ровный, а уступами, такъ что намъ можно было идти какъ по лѣстницѣ. Но двигаться приходилось все-таки очень медленно; нужно было чрезъ нѣсколько шаговъ останавливаться и отдыхать. Мы далеко не были еще на такой высотѣ, чтобы чувствовать затрудненія въ дыханіи и, стоя спокойно, ничего не ощущали, но при движеніи, именно при крутыхъ подъемахъ, чувствовали что то не нормальное: дыханіе становилось гораздо болѣе частымъ, кровь приливала къ головѣ, что вырождалось въ нѣкоторомъ оупленіи слуха; особенно же замѣтное вліяніе высоты проявлялось въ какой-то тяжести въ ногахъ, которыя было труднѣе передвигать. Я, конечно, указываю на отличія сравнительно съ тѣмъ, что я чувствовалъ при подъемахъ на возвышенности на небольшихъ высотахъ. Но и послѣ, во время путешествія, всякій разъ, какъ я находился на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, описываемое ощущеніе повторялось, даже при самыхъ отлогихъ подъемахъ. Если мы припомнимъ, что ноги поддерживаются давленіемъ воздуха (такъ какъ въ сочлененіи бедра съ тазомъ вовсе нѣтъ воздуха; извѣстно, что нога съ обрѣзанными связками и перепонками все-таки не падаетъ, пока просверливаніемъ не будетъ искусственно открытъ доступъ воздуху въ сочлененіе) и при ходьбѣ внизъ мы не замѣчаемъ ихъ тяжести, то понятно, что на высотѣ, съ уменьшеніемъ давленія воздуха, мы уже должны почувствовать часть ихъ вѣса и употреблять болѣе усилій для ихъ передвиженія.

Много труда пришлось употребить для подъема, и поэтому легко представить наше разочарованіе, когда оказалось, что гора на другой сторонѣ оканчивается обрывомъ, за которымъ поднимается другая, болѣе высокая гора и уже совсѣмъ неприступная. Мы остановились на краю обрыва, а ледникъ разстился передъ нами, какъ обширное свѣговое поле съ правильно протянутыми линиями моренъ и манилъ насъ къ себѣ. Видъ съ этой горы замѣчательно хорошо знакомитъ съ ледникомъ и поэтому я опишу его.

Обширная снѣговая площадь была ограничена на югѣ и юго-западѣ рядомъ высоко подпимавшихся пиковъ; самые высокіе были прямо на югѣ; это былъ собственно одинъ массивный пикъ, на верху дѣлившійся на три вершины: двѣ стояли въ рядѣ, третья немного позади, затѣмъ направо шла сѣдловина, высота которой была едвали на 1500—2000' выше того мѣста, гдѣ я находился; правѣе сѣдловины опять видѣлся невысокій пикъ, за которымъ слѣдовали другіе, болѣе высокіе. Наконецъ выступъ ближней горы скрывалъ дальнѣйшее положеніе ледника. Пики были покрыты снѣгомъ, но не сплошь; они очень круты, многія мѣста просто отвѣсны, и понятно, что снѣгъ не можетъ на нихъ удержаться; видно, какъ свалившійся снѣгъ образовалъ у подошвы пиковъ пологія пасыны. Насыпи эти изоброждены; падающіе съ пиковъ камни оставили на нихъ свой слѣдъ; по не съ пиковъ получаютъ ледникъ главную массу своего снѣга и камней: они идутъ съ сѣловинъ. Съ каждой сѣловинны спускается болѣе или менѣе обширное поле, окаймленное черными каптами—боковыми моренами. Особенно обширно было поле, спускавшееся съ запада; только конецъ его былъ виденъ изъ-за выступа ближней горы; спускалось оно очевидно черезъ крутой порогъ и все растрескалось; при взглядѣ на него мнѣ стало понятно, какую «гребенку» (таракъ) описывали мнѣ, черезъ которую приходится переходить съ большими опасностями по дорогѣ изъ Соха въ Каратегинъ. Отъ нѣкоторыхъ пиковъ въ снѣговую массу вдавались болѣе или менѣе длинныя мысы и на концѣ одного-то изъ нихъ, самаго большаго, была та зеленая площадка, о которой я упоминалъ раньше. Влѣво отъ высокихъ южныхъ пиковъ немного было видно; выступъ горы позволялъ только видѣть вершины двухъ большихъ пиковъ. Снѣговыя поля отъ самаго верха имѣютъ по сторонамъ морены, образовавшіяся отъ накопленія скатывающихся сверху камней; понятно, что эти боковыя морены массивнѣе внизу, такъ какъ по мѣрѣ спуска морена послѣдовательно обогащается падающими со склоновъ камнями. Массивнѣе эти морены также у тѣхъ полей, которыя идутъ вдоль каменистыхъ мысовъ, далеко вдающихся въ ледникъ. Боковыя морены отдѣльныхъ вначалѣ полей сливаются вмѣстѣ по мѣрѣ соединенія послѣднихъ. Какъ велико число полей, питающихъ описываемый ледникъ, можно видѣть уже изъ того, что, несмотря на указанныя соединенія, прямо противъ горы, на которой я стоялъ, можно было ясно рассмотреть на поверхности ледника, кромѣ двухъ боковыхъ, шесть моренъ, шесть валовъ, которые тянулись параллельно другъ другу съ замѣчательною правильностью; ниже начиналось соединеніе, но не вдругъ; за полверсты же отъ конца ледника вся его поверхность была, какъ описано выше, покрыта сплошь камнями. Сначала на этой каменистой поверхности еще можно было различить одинъ-два каменистые вала, продолженіе болѣе массивныхъ моренъ, но потомъ они исчезали и разстилалась уже сплошная, ровная каменистая поверхность. Къ концу ледникъ, т. е. ложе его, значительно суживается (я полагаю, ледникъ при концѣ не шире 50—70 сажень), и поэтому морены такъ рано сливаются въ одинъ общій покровъ; то, что выше помещалось на пространствѣ вчетверо болѣе обширномъ, должно было умѣститься теперь на 60—80 саженьяхъ; къ тому же число среднихъ моренъ и, слѣдовательно, приносимыхъ ими камней, очень велико. Во всякомъ случаѣ это слитіе среднихъ моренъ въ одинъ общій покровъ особенность весьма характерная въ описываемомъ ледникѣ. Кстати здѣсь будетъ сообщить свѣдѣнія о размѣрахъ ледника, свѣдѣнія, конечно, приблизительныя: отъ подошвы высокихъ южныхъ пиковъ до конца ледника около 6-ти верстъ, изъ нихъ первая три приходится на циркъ, а остальные на узкую долину, по которой спускается ледникъ внизъ. Циркъ въ на-

правленіи съ запада на востокъ гораздо обширнѣе; полагаю, что между крайними возвышенными точками не менѣе 8-ми верстъ разстоянія. Съ очертаніемъ этого цѣрка и вообще съ расположеніемъ ледника можетъ ознакомить прилагаемый планъ.

Прѣблизительный планъ ледника Шуровскаго. Маштабъ въ англ. д. 2 версты.

Пока я разсматривалъ ледникъ, препараторъ и охотникъ спустились внизъ и знаками показывали, что можно взойти и на самый ледникъ. Спускъ съ горы совершился скоро: приходилось большею частію сырывать съ уступовъ. Внизу у ледника оказалось, что нужно пробираться между огромными камнями, составлявшими уже часть боковой морены; мнѣявавъ ихъ, нужно было, чтобы взойти на ледникъ, подняться по крутому боку морены. Трудности увеличивались тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ морена была засыпана рыхлымъ, крупнымъ пескомъ съ галькой (свалившимся съ сосѣдней горы), который при малѣйшимъ прикосновеніи катился внизъ, угрожая увлечь и крупные камни, лежавшіе весьма непрочно, такъ что, прежде чѣмъ становиться на нихъ, нужно было ногой пощуповать, устойчиво ли они лежатъ. Если въ этомъ мѣстѣ мы благополучно поднялись, то это нужно приписать просто случайности, да и вообще можно только удивляться, что вся попытка побывать на ледникѣ кончилась такъ благополучно.

Поднявшись по боковой моренѣ, мы все еще не достигли чистаго льда; для этого пришлось пройти черезъ нѣсколько каменистыхъ грядъ, обойти нѣсколько озерковъ. Выйдя на ледъ, мы уже могли двигаться быстро, точно по паркету: такъ отлого поднималась поверхность ледника. Впрочемъ, далеко пойти вверхъ мы не могли; было уже поздно, солнце скрылось за высокими горами, окружающими ледникъ съ запада; появилось нѣсколько тучъ, ко-

тория на этой высотѣ могли легко кончиться дождемъ, а пожалуй и снѣгомъ. Тучи эти двпгались со стороны Когистана, т. е. верховьевъ Заравшана.

Обратный путь, конечно, долженъ былъ занять вдвое-втрое менѣе времени; но слѣдовало прежде сойти съ ледника, а скоро ли намъ это удастся — опредѣлить было трудно. Поэтому мы повернули назадъ, дойдя до того мѣста, гдѣ на ледникѣ возвышался огромный столъ, т. е. громадный камень лежалъ на ледяномъ столбѣ, — явленіе обыкновенное на ледникахъ, и объясняющееся тѣмъ, что, когда кругомъ ледъ таетъ и поверхность его понижается, камень защищаетъ отъ солнечныхъ лучей лежащій подъ нимъ снѣгъ и такимъ образомъ оказывается какъ бы на столбѣ.

Поверхность ледника тамъ, гдѣ мы по немъ ходили, была покрыта, кромѣ камней, сгруппированныхъ въ длинныя валы (срединныя морены), и отдѣльно разбросанными обломками. Гдѣ не было камней, поверхность льда была покрыта тонкой коркой, кака я у насъ образуется на снѣгѣ, когда жаркое весеннее солнце сплавляетъ верхній слой, который затѣмъ опять замерзаетъ. Вѣроятно это и были остатки зимняго, или осенняго снѣга. Вся поверхность ледника была довольно мокрая; множество ручейковъ прозрачной холодной воды текло по леднику; болѣе крупныя нѣсколько углубили свое ложе.

Чтобы увидать цвѣтъ и строеніе льда, прикрытаго коркой, я поднялъ нѣсколько камней, валявшихся на его поверхности, и былъ пораженъ шевелящейся черной массой, которая находилась подъ каждымъ камнемъ; оказалось, что это были мелкія, чернаго цвѣта животныя, въ которыхъ я сразу призналъ подуры. Мнѣ извѣстно было, что подуры встрѣчаются на альпійскихъ ледникахъ, и поэтому любопытно было увидѣть ихъ же и на среднеазиатскомъ; позднѣйшее изслѣдованіе показало даже, что найденная мною подура принадлежитъ къ тому же виду (*Desoria glacialis* или *scandens* Ag.). Подъ камнями сидѣли подуры всевозможныхъ возрастовъ, и поэтому нельзя думать, что онѣ приходятъ на ледникъ съ окружающихъ горъ. Несомнѣнно, онѣ развиваются тутъ же, всю свою жизнь проводятъ на ледникѣ и даже въ ледниковъ не встрѣчаются. Высота, на которой онѣ мнѣ попались, не менѣе 12100'. Ледъ подъ камнями оказался синимъ и наполненнымъ множествомъ пузырьковъ воздуха.

Ровная гладкая поверхность ледника манила насъ идти по ней внизъ; дыръ, трещинъ, о которыхъ я много читалъ, не было замѣтно, и поэтому мы рѣшились по крайней мѣрѣ избѣгать необходимости подниматься на гору, какъ это сдѣлали, взбираясь на ледникъ. Мы рассчитывали пройти по леднику до того мѣста, гдѣ его боковая морена вплотную привлекаетъ къ дорожкѣ; но вскорѣ пришлось разочароваться: встрѣтилась трещина, за ней другая, третья, и сколько можно было видѣть вперед, имъ конца не было; притомъ — чѣмъ ниже, тѣмъ онѣ дѣлались все шире и шире. Черезъ первую мы перешагнули, черезъ вторую — перескочили, на третьей уже впріостановились, рассчитывая, хватитъ ли успій для необходимаго прыжка. Трещины имѣютъ отвѣсныя стѣнки, темны, поэтому глубины нельзя сообразить; на днѣ ихъ текутъ ручьи, судя по шуму, весьма значительные. Не имѣя ничего, кромѣ веревки (съ нами не было даже палки: гдѣ ее возьмишь въ средне-азиатскихъ горахъ?), мы не рѣшились продолжать нашъ путь черезъ трещины и повернули назадъ. Теперь все наше желаніе было — сойти съ ледника ниже того выступа, который преграждалъ всякій путь по склону. Боковая морена представляла намъ удобный путь, но была очень крута для спуска, да и угловатые камни лежали такъ непрочно, что, еслибы мы пошли, то, конечно, нѣсколько камней сорвалось бы вслѣдъ за нами. Немного ниже виденъ былъ болѣе пологій спускъ, по

моренѣ; мы туда направились и двигались съ большимъ трудомъ, какъ вдругъ увидали, что нашъ путь перерѣзанъ озеркомъ; въ надеждѣ обойти его мы стали забирать направо (направо намъ перерѣзали путь громадныя трещины, изъ которыхъ вода каскадомъ лилась въ озерко). Съ трудомъ лѣпились мы по узкой полосѣ камней, которая отдѣляла озеро отъ лежавшей направо ложбины и, вмѣсто хорошаго спуска, вдругъ увидали, что озеро пливается черезъ небольшой перерывъ въ моренѣ. Путь впередъ былъ намъ отрѣзанъ; внизъ спускаться не было возможности; потокъ падалъ съ камня на камень каскадомъ, разбиваясь въ брызги; идти назадъ и лѣзть на гору не было времени, мы не вернулись бы домой до вечера; запоздать и до разсвѣта сидѣть подъ камнемъ и мерзнуть безъ возможности развести огонь (мы были уже выше предѣла древесной растительности)—было не утѣшительно. Попробовали навалить камней, чтобы перебраться черезъ потокъ вбродъ; оказалось, что у самаго истока большая глубина; кое-какъ удалось намъ укрѣпить нѣсколько камней, и тѣмъ, сузивъ пространство, сдѣлать возможнымъ прыжокъ. Охотникъ прыгнулъ первый, но камень, на который онъ ступилъ, лежалъ непрочо и покачулся; охотникъ тоже пошатнулся и какъ разъ въ сторону каскада, но успѣлъ наклониться на другой бокъ и перескочить на слѣдующій камень. Какъ только перешелъ одинъ, переходъ другихъ былъ обезпеченъ: шатавшійся камень укрѣпленъ, въ руки бралась веревка и мы всѣ пятеро перебрались благополучно черезъ эту неприятную преграду. За то далѣе мы скоро нашли удобный, иль, по крайней мѣрѣ, возможный спускъ внизъ. Оставалось преодолѣть еще одно препятствіе, чтобы попасть на твердую почву: между мореной и склономъ тянулось озеро, неширокое — всего какихъ-нибудь 4 — 5 сажень ширины, но длинное. Мы нашли мѣсто, гдѣ озеро суживалось и въ немъ лежали два огромные камня; нужно было только перепрыгнуть чрезъ раздѣлявшій ихъ промежутокъ. Пространство было невелико, за то поверхность камней слишкомъ округла. Трудно было бы удержаться при мало-мальски невѣрномъ прыжкѣ.

Попавши на склонъ, мы безъ особыхъ трудовъ достигли нашего лагеря. Осынь была тоже пройдена довольно легко, но когда мы шли на ледникъ, то, подходя къ ней, мы сблизь съ тропинки, а потому и встрѣтили такія затрудненія.

Мы ходили всего 10 часовъ, но назадъ, — отъ того мѣста, гдѣ свернули съ ледника, — шли какихъ-нибудь полтора часа. Конечно, еслибъ случилось идти еще разъ тѣмъ же путемъ, то, зная дорогу, особенности ледника и т. д., можно было бы сдѣлать его вдвое скорѣе. Вся бѣда наша была въ томъ, что мы не имѣли проводника.

Я было и помышлялъ на слѣдующій день отираться снова на ледникъ, надѣясь пройти дальше, но какъ только джигиты узнали о моемъ намѣреніи, то чуть не съ плачемъ пристали ко мнѣ — отказаться отъ этого, жалуюсь, что прошедшую ночь они измерзли: у лошадей нѣтъ корма, говорили они; весь взятый съ собою вышелъ, въ аулѣ внизу достать нельзя, ужъ посылали (я увѣренъ, что кормъ былъ и купить его было можно), и напоминали мнѣ, что я обѣщала изъ Чичиктовъ съѣздить не надолго, и т. д. Меня собственно интересовалъ, при посѣщеніи этой мѣстности, вопросъ — нельзя ли перейти на другую сторону горъ, иль, по крайней мѣрѣ, взойти на гребень, чтобы увидѣть, что находится на той сторонѣ. По всѣмъ соображеніямъ, какъ разъ противъ ледника, мною посѣщеннаго, долженъ былъ находиться конецъ исполинскаго ледника, изъ котораго вытекаетъ Заравшанъ. А. К. Абрамовъ говорилъ мнѣ, что почти къ самому концу Заравшанскаго ледника выходитъ дорога изъ Псфары; не та ли самая и есть эта дорога, по которой мы шли? Она пропала, но мы

могли потерять ее изъ виду. Туземцы, впрочемъ, упорно отрицали существованіе всякой дорожки, по которой отсюда можно было пройти въ долину Заравшана, въ такъ называемую Мачу. Наконецъ нашелся какой-то киргизъ, который разсказалъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пять мачинцевъ, возвращавшихся къ себѣ на родину, хотѣли пройти черезъ ледникъ, чтобы избѣжать длиннаго обхода въ нѣсколько дней пути. Но послѣ всѣхъ усилій, измученные и разбитые, они принуждены были вернуться назадъ. Разсказъ дышалъ правдой и я, обладая только тѣми же средствами для хожденія по леднику, какъ бѣдные мачинцы, не могъ разсчитывать на бѣльшій успѣхъ. Съ другими приспособленіями, съ другой опытностью, я увѣренъ, можно было бы пройти до гребня, да вѣроятно и спуститься внизъ. По другую сторону, въ долину Заравшана спускается, вѣроятно, тоже ледникъ; по крайней мѣрѣ, бывшіе у конца Заравшанскаго ледника говорятъ, что изъ боковыхъ ущелій спускаются тоже ледники. Вообще, вся эта мѣстность, очень возвышенная, должна быть богата ледниками. Здѣсь находятся истоки рѣкъ: Заравшана, Исфары, Соха и двухъ каратегинскихъ рѣкъ, и всѣ онѣ вытекаютъ изъ ледниковъ. Это съ достовѣрностью извѣстно относительно первыхъ трехъ; о каратегинскихъ же можно тоже предполагать съ большою вѣроятностью. Будемъ ждать, пока представится возможность изслѣдовать все это пространство; оно представитъ, вѣроятно, немало грандіозныхъ явленій въ области образованія ледниковъ; а изученіе нынѣ существующихъ еще въ Тяньшанѣ ледниковъ необходимо для соображеній и сужденій о прежде бывшихъ въ этой же мѣстности. Переносить цѣликомъ выводы, сдѣланные въ Европѣ, невозможно. Главныя черты, конечно, одинаковы, и въ Альпахъ, и въ Тяньшанѣ; но непременно должны быть мѣстныя различія, хотя бы только и количественнаго характера.

Добавлю еще, что въ боковыхъ ущельяхъ, весьма крутыхъ и короткихъ, тоже были замѣчены ледниковыя образованія, но безъ моренъ: то были просто груды снѣга, оканчивавшіяся напередѣ отвѣсно. Видно было, что они состоятъ изъ многихъ снѣговыхъ слоевъ; каждый слой, соотвѣтствующій году, былъ отдѣленъ отъ слѣдующаго темной или сѣрой полоской.

Открытый и посѣщенный мною ледникъ я позволилъ себѣ назвать ледникомъ Щуровскаго, въ честь извѣстнаго геолога, путешественника и изслѣдователя Россіи Г. Е. Щуровскаго, президента Общества Любителей Естествознанія, Общества, вызвавшаго къ дѣятельности столько молодыхъ сихъ и по порученію котораго я совершилъ описываемое путешествіе въ Туркестанъ.

Обратный путь въ Чичикты мы совершили гораздо скорѣе, какъ это и всегда бывало, когда нужно ѣхать назадъ, а не впередъ. Мимо лѣтовки бѣя мы проѣхали, не останавливаясь; не испугала туземцевъ и необходимость подниматься на перевалъ, не пріостановились они даже, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Подъемъ совершился вполнѣ благополучно; трудно было на верхнихъ зигзагахъ подниматься пѣшкомъ; но все же никакихъ ужасовъ не оказалось. Спуститься съ перевала къ Чичиктамъ было, конечно, уже бездѣлицей.

Старикъ караулъ-беги съ радостью встрѣтилъ насъ; и помучился же онъ, я думаю, не поѣхавъ съ нами; потому что, если бы что случилось, бѣдняку крѣпко бы досталось. Я старался описать ему, какія прелести мы видѣли, и сообщилъ при этомъ, что если бы такой ледникъ былъ у насъ въ Россіи, то каждое лѣто толпы народа собирались бы его осматривать. Какое же впечатлѣніе это произвело на туземцевъ? Они потомъ спрашивали у переводчика, часто ли генераль-губернаторъ будетъ присылать смотрѣть ледникъ.

Изъ Чичиктовъ пришлось ѣхать обратно въ Ворухъ. Мнѣ хотѣлось пробраться далѣе

на востокъ киргизскими лѣтовками, не спускаясь внизъ. Возможность есть, хотя, конечно, дороги трудныя; по наши спутники не дали и заикнуться объ этомъ: «тамъ караки ¹⁾ бунтовали противъ хана весной», съ ужасомъ повторяли они мнѣ, при всякой попыткѣ завести объ этомъ разговоръ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о лѣтовкахъ въ окрестныхъ горахъ и о распредѣленіи по нимъ разныхъ киргизскихъ родовъ сообщилъ мнѣ Катта-Айтъ-Магометъ-бій; конечно, отвѣтственность за точность этихъ свѣдѣній лежитъ на немъ и на переводчикѣ. Въ верховьяхъ рѣки Исфары, по ея притокамъ, кочуютъ киргизъ-кипчаки; именно они занимаютъ лѣтовки: Джиптыкъ, Чичикты, Беръ-су, Кшемшиъ, Каракуль, Манатай, Мамакъ, Сухъ-сурлюкъ, Каллявазъ, Чаарташъ. Главнымъ біемъ ихъ мнѣ назвали самого рассказчика.

На Кшемшиѣ кочуютъ еще киргизы рода Токмакъ; ими завѣдуетъ Абдурахманъ-Ишиевъ-агаси.

Далѣе, къ востоку отъ Соха, кочуютъ киргизы нонгуты въ лѣтовкахъ Акъ-сеирликъ, Раутъ, Полааль, Кизиль-чимкентъ, Сеирликъ, Кизиль-орда и Гиштитъ; у нихъ бій: Акъ-кулубій и Касимъ-бій въ Сеирликъ-джайлау; третій, Мадали-юзъ-баши, увезенъ въ Кокаль, такъ какъ нонгуты принимали участіе въ возстаніи.

Еще далѣе къ востоку кочуютъ роды бостонъ (лѣтовки: Габіанъ и Куроту; бій: Джаналь ²⁾ бій) и джю-кесякъ (бій: Мулла-ша-мирза).

Обратный путь въ Ворухъ мы сдѣлали очень скоро, т. е. въюки и коканскіе джипты; я же останавливался по дорогѣ, пользуясь множествомъ богатыхъ растительностью лужаекъ.

Въ Ворухѣ мы только переночевали и 27-го іюня отправились въ Сохъ самой близкой дорогой. Проѣхавъ черезъ Ворухъ, мы вступили въ лежащее между двухъ горъ продольное ущелье, сначала довольно узкое, безъ воды; по немъ мы ѣхали до Кеха, киргизскаго селенія. Здѣсь продольная лощина расширилась, даже можно сказать, что передъ нами было плоскогорье. Съ правой, южной стороны, оно было замкнуто цѣнью горъ съ очень крутымъ скатомъ. Своимъ обрывистымъ видомъ и вытянутой формой горы эти напоминали берегъ моря; да очень можетъ быть, что такимъ онѣ и были прежде. Нѣсколько неглубокихъ ущелий изрѣзывали ихъ. Склонъ горъ этихъ покрытъ былъ можжевельникомъ; высота ихъ—едва ли болѣе 9000'. У селенія протекаетъ рѣчка, небольшая, но благодаря ей киргизы могли употребить нѣсколько участковъ земли подъ пашню. Кехъ есть собственно зимовка, т. е. мѣсто, гдѣ киргизы проводятъ зиму съ своими стадами.

Обширныя плоскости покрыты обильною травой; она засыхаетъ на корнѣ и зимой служитъ для корма скота. При нашемъ проѣздѣ трава уже была желта.

Рѣчка течетъ въ небольшомъ оврагѣ; мы оставили его вправо и начали подниматься по весьма пологому скату; горы, ограничивающія этотъ скатъ съ юга, были верстахъ въ трехъ; подъемъ такъ незначителенъ, что можно было бы безъ труда подняться на него въ экипажѣ. Проѣхавъ по склону верстъ 12, мы встрѣтили глубокую трещину; по другую сторону ея видно было, что плоскогорье продолжается, хотя и суженное выступившей слѣва грядой. Намъ пришлось спускаться въ трещину; спускъ оказался очень крутымъ; внизу стояли двѣ-три киргизскія кибитки, и трещина была такъ узка, что между сухимъ русломъ, по-

¹⁾ Разбойники.

²⁾ Въ записной книжкѣ А. Ш. Федченко онъ названъ Джапакуль-бій. Ред.

крытымъ галькой и круто поднимавшимся склономъ оставалось ровнаго мѣста не болѣе, какъ еще для одной кибитки. Выше она суживалась до какихъ-нибудь двухъ-трехъ сажень и въ южной грядѣ продолжалась въ видѣ такой же узкой щели; пройти здѣсь нѣтъ возможности, потому что щель поднимается уступами; весной, очевидно, образуется великолѣнный рядъ каскадовъ. Я надѣялся, что мы поднимемся изъ трещины на другую сторону, и поѣдемъ по продолженію плоскогорья; но оказалось, что дорога идетъ внизъ по тѣснищѣ. Сначала еще было сносно, но вскорѣ тѣснина еще болѣе сузилась. Разстояніе между почти отвѣсно воздымавшимся боками ея было всего нѣсколько сажень, да и это пространство стѣнялось спускавшимся осыпями, такъ что едва оставалось мѣсто, гдѣ проѣхать; даже для конной тропинки нужно было расчистить камни. Въ одномъ мѣстѣ, по причинѣ большого уступа, сдѣланъ искусственный спускъ. Тѣснина идетъ не прямо, а извиваясь, и, благодаря возвышающимся выступамъ каменистыхъ осыней, представляетъ такіе термонилы, доступъ къ которымъ легко ограждать даже при ничтожномъ числѣ защитниковъ; впрочемъ, обойти ихъ горами нѣтъ ничего легче. Нашъ старый караулъ-беги все время, какъ мы проѣзжали по ущелью, творилъ молитвы и съ ужасомъ, даже съ отчаяньемъ, смотрѣлъ на нависшіе камни, которые дѣйствительно, казалось, сейчасъ же упадутъ на голову. Да и на меня эта тѣснина произвела сильное впечатлѣніе; я никогда, ни прежде, ни послѣ, не видалъ ничего подобнаго. Тѣснины съ болѣе высокими стѣнами, но и болѣе открытыя вверху я видѣлъ; эта же, при незначительной высотѣ стѣнь, поражала своей узкостью.

Тѣснина эта называется Караколь; названіе коль и созвучныя съ нимъ—коль, куль, куль, гель, встрѣчаются очень часто въ именахъ урочищъ въ среднеазиатскихъ горахъ и были уже источниками многихъ недоразумѣній при попыткахъ отождествить разныя названія, напр. Сары коль и Сери куль. Мнѣ хотѣлось разобрать ихъ употребленіе, но не удалось добиться никакого толка. Для объясненія названія тѣснины Кара-коль, мнѣ сказали, что коль, иначе босага, называются боковыя палки у дверей кибитки; кара же, какъ извѣстно, значить чершый, мрачный, дурной и т. д.

Первое, что мы увидали при выѣздѣ изъ ущелья, была двухколесная мѣстная арба. Арба—предметъ самъ по себѣ весьма обыкновенный, но на этотъ разъ возбудившій въ насъ сильное удивленіе, такъ мало приготовлены мы были, полные впечатлѣній тѣснины, увидеть экипажъ—признакъ равнины. Въмѣстѣ съ арбой и окружающая мѣстность, конечно, представляла полный контрастъ съ пройденной тѣсниной; горы были, но пологія, казавшіяся ничтожными. Между ними тянулась лощина, постепенно расширявшаяся; названіе ей Сарыкыръ-сай; самое названіе сай показываетъ, что мы были въ горахъ весьма невысокихъ: такъ называются овраги.

По этому оврагу мы безостановочно уже ѣхали до выходы Сарыкыръ-сая на обширную продольную лощину. Тутъ дорога, арбяная, раздѣлялась на двѣ; мы были въ нерѣшительности, когда къ намъ выѣхало справа нѣсколько всадниковъ: оказалось, что то были киргизы, высланные къ намъ навстрѣчу уѣхавшими впередъ джигитами. Они объявили, что сейчасъ направо лежатъ киргизское селеніе—Кара-булакъ, гдѣ мы и должны имѣть почлегъ. Насъ привели въ садъ, одинъ изъ немногихъ, бывшихъ въ деревнѣ, но только-что мы расположились, полилъ дождь. Такъ какъ выюковъ еще не было, то пришлось искать убѣжища въ саклѣ. Намъ отвели одинъ изъ домовъ, хозяина котораго безцеремонно заставили перебраться къ сосѣду. Трудъ очищенія комнатъ былъ, впрочемъ, напрасенъ; мы предпочли по-

мѣститься подь навѣсомъ, который соединялъ двѣ бывшія по сторонамъ мазанки,—расположеніе почти общее всѣмъ бѣднымъ домамъ. Почевать мы, впрочемъ, и тутъ не раскпнули, опасаясь различныхъ пасѣкомыхъ, а, по приходѣ вьюковъ, велѣли подь дождемъ раскпнуть палатку. Вьюки пришли очень поздно; иначе ругался, ему пришлось пройти въ этотъ день 40 верстъ, да еще промучиться всякими страхами въ тѣснѣ, которая, вѣроятно, показалась ему дверями ада. Нужно замѣтить, что большую часть пути никакчи и его единственный помощникъ, мальчикъ, дѣлали пѣшкомъ, изрѣдка только присаживаясь то на ту, то на другую лошадь.

Этотъ переѣздъ далъ довольно разнообразный сборъ растений, въ числѣ которыхъ было нѣсколько кустарниковъ и деревьевъ. На подъемѣ передъ тѣсною Караколь особенно обильна была алтыхана (*Sagana rugosa*); крутой спускъ въ тѣснину поросъ различными *Rosa*, *Lonicera* (икъ шильбе) и другими кустами; въ самой тѣснѣ найдена *Ephedra* (чаканда), золу которой кладутъ для крѣпости въ табакъ, акчичакъ или зарангъ (клень, *Asar Lobelii*), употребляемый на ободья (тегиръ), и нѣсколько другихъ.

Изъ пасѣкомыхъ попалась, между прочимъ, одна форма въ высшей степени замѣчательная (*Masaris*). Между осами есть особая группа такъ-называемыхъ *Masaridae*; распространена она почти исключительно въ жаркихъ странахъ; въ Европѣ имѣетъ всего двухъ-трехъ представителей, да и изъ всѣхъ странъ извѣстно съ небольшимъ двадцать видовъ. Особенности, отличающія эту группу отъ настоящихъ осъ, многочисленны; рѣзкія особенности представляетъ устройство частей рта; у *Masaridae* мы находимъ удлиненный язычекъ, тогда какъ у всѣхъ другихъ осъ онъ короткій. Попавшаяся въ Ходжа-Чибурганскомъ ущельи форма оказалась принадлежащею къ роду *Masaris*, самому рѣдкому изъ всѣхъ, до сихъ поръ извѣстному только изъ Египта. Притомъ это былъ самецъ, имѣющій длинные усики, съ булавообразнымъ утолщеніемъ на концѣ. Самки здѣсь не попало, но я имѣю самокъ *Masaris*, хотя другого вида, съ береговъ Сыръ-дарьи у Байракума. Между самцомъ и самкой у *Masaris* отличія такъ велики, что долгое время ихъ принадлежность другъ другу подвергалась сомнѣнію, и въ лѣтописяхъ энтомологіи записанъ любопытный споръ по этому предмету: французскіе энтомологи назначали комиссію, писали доклады самого противоположнаго содержанія по поводу этого диморфизма, хотя пужно сознаться, что отличія далеко не такъ велики, какъ между многими другими пасѣкомыми. Здѣсь встаетъ скажу, что *Masaridae* имѣютъ въ Туркестанѣ весьма обильныхъ представителей, болѣе обильныхъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, насколько можно судить по существующимъ свѣдѣніямъ. Мною найдено 8 видовъ, и все новыхъ, т.-е. еще не найденныхъ въ сосѣднихъ странахъ; изъ нихъ 4 вида привезено изъ песковъ Кизиль-кумъ.

Въ Карабулакѣ мы только переночевали. Лежитъ онъ на окраинѣ обширной лощины, которая съ сѣвера, верстахъ въ семи, ограничена низкими горами, отдѣляющими ее отъ главной долины Ферганы. На западъ эта лощина тянется до Исфары, на востокъ ограничена долиной Сохской рѣки; вся эта обширная плоскость представляла травянистую степь; это опять богатѣйшее киргизское кстау, т.-е. зимовка. Полями занято весьма небольшое пространство и причина этого заключается въ отсутствіи значительной рѣки. Карабулакъ получаетъ воду для своихъ полей изъ рѣки Калакъ, но въ концѣ іюля она высыхаетъ и тогда остается маленькій ключъ. Какъ я уже сказалъ, Карабулакъ населенъ киргизами; они сѣютъ ячмень, пшеницу, просо, люцерну; изъ деревьевъ разводятъ таль (иву) и тирякъ (тополь). Высота Карабулака съ небольшимъ 5000', и

немногочисленность разводимых растений зависить не отъ нея, а отъ того, что жители — киргизы. Возможно, что они начали недавно заниматься земледѣліемъ, но все же отсталость ихъ отъ живущихъ о-бокъ съ ними таджиковъ, или сартовъ, нужно приписать тому, что у нихъ земледѣліе остается побочнымъ занятіемъ. Занимаются имъ тѣ, кому пегдѣ кочевать. Люди богатые засѣвають небольшія поля и, оставляя ихъ подѣ присмотромъ какого-нибудь байгуша, сами отправляются въ горы, откуда прѣзжаютъ на время жатвы. Понятно, что такое отношеніе къ земледѣлію, напоминающее приемы управленія имѣніемъ нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ, не можетъ быть выгодно для развитія земледѣлія. Сартъ, таджикъ постоянно копаются на своихъ поляхъ съ февраля до осени, за то и очевидна разница растительности и въ жатвѣ. Карабулакъ — не единственный примѣръ въ этомъ отношеніи: всѣ селенія киргизовъ одинаковы. Издали можно узнать киргизское селеніе по отсутствію садовъ; нѣсколько отдѣльных жалкихъ деревьевъ торчатъ надъ группой киргизскихъ мазанокъ, прожигаемыхъ солнцемъ. У сартовъ же, напротивъ, густые сады тянутся сплошь на цѣлыя десятки верстъ и издали кажутся лѣсами, какъ ихъ и называли нѣкоторые путешественники. Сады составляютъ настолько отличительную принадлежность сартовскихъ поселеній, что когда, въ предшествовавшіе годы, въ Коканскомъ ханствѣ шла упорная борьба между осѣдыми жителями и кочевниками, то все населеніе разбилось на двѣ партіи, и кочевники называли сартовъ кара дарахтъ — черный лѣсъ. Въ средней Азии, гдѣ древесная растительность возможна только при усиленномъ трудѣ, нельзя придумать болѣе лестнаго названія. Нечего объяснять бѣдность киргизскихъ поселеній неблагоприятными условіями, недостаткомъ воды и т. д. Въ Карабулакѣ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, эта причина дѣйствительно существуетъ; но есть много и такихъ мѣстъ, гдѣ условія одинаково благоприятны, и однако же разница громадная. Достаточно указать на долину Чирчика и долину Келеса; разстояніе между ними нѣсколько верстъ: въ долину Чирчика трудятся сарты, а на Келесѣ — пахутъ киргизы. Когда я возвращался изъ Кизиль-кума, то едва могъ найти на Келесѣ группу деревьевъ, гдѣ бы укрыться на нѣсколько минутъ отъ солнца, и ничего, кромѣ молока, не могъ добыть. Или — на Сыръ-дарьѣ: гдѣ прежде были осѣдлыя поселенія, тамъ встрѣчаются обширныя развалины (Суткентъ, Байракумъ), степь изрѣзана старыми арыками; теперь же только кое-гдѣ близъ берега видны наши киргизовъ, да и то сѣется больше просо — самое неприхотливое изъ всѣхъ разводимыхъ въ Туркестанѣ растений. А степь рядомъ такая, что ѣздившій со мной Мадали-ходжа съ восторгомъ говорилъ, что еслибы ее поливать (для чего нужно только возобновить арыки), то она, отдохнувъ столѣтія, давала бы урожай вдесятеро болѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ. Нѣтъ, о культурныхъ способностяхъ киргизовъ могутъ говорить только тѣ, кто узналъ казовую и веселую сторону ихъ жизни, или кто былъ увлеченъ сохранившимися у нихъ остатками первобытной простоты, безыскусственности; но отсюда еще не слѣдуетъ, что изъ нихъ выработается новый народъ съ одними прекрасными свойствами; напротивъ, чуть они прижимаются за дѣло, дѣло пойдетъ, потому что нѣтъ энергіи, настойчивости, не говоря о привычкѣ. Кто же видѣлъ киргизовъ и сартовъ въ работѣ, тотъ не будетъ увлекаться киргизами, но крайней мѣрѣ не будетъ превозносить ихъ культурныя достоинства. Я позволилъ себѣ остановиться нѣсколько на этомъ сравненіи потому, что мы слышимъ о проектахъ цивилизаціи киргизовъ — съ тѣмъ, чтобы ввести въ мировую исторію новый народъ (это мнѣніе въ научной литературѣ высказано Радловымъ), о проектахъ устраивать школы для киргизовъ предпочтительно предѣ осѣдымъ населеніемъ, и вообще

давать имъ во всемъ преимущество передъ сартами. По моему мнѣнію, одобреніе этихъ проектовъ будетъ большою ошибкой въ дѣлѣ устройства и развитія края, ошибкой тѣмъ болѣе нежелательной, что немного пройдетъ времени, какъ болѣе близкое знакомство съ краемъ приведетъ къ противоположнымъ мѣропріятіямъ, и, пожалуй, вызоветъ увлеченія въ другую сторону. Главные доводы составителей указанныхъ проектовъ — политическіе (создать новое поселеніе изъ парода, не имѣющаго историческихъ преданій, политическаго прошлаго), разбирать ихъ, поэтому, не стану; скажу только, что напрасно думаютъ, будто сарты имѣли политическую жизнь, — они и гражданскою-то жизнью пользовались весьма темно; небольшою классъ разныхъ служилыхъ людей и грамотное меньшинство помнить старое и могутъ желать возвращенія къ нему, но для того-то, чтобъ устранить ихъ вліяніе на массу, и нужно завести для нея школы, познакомить ее съ лучшими стремленіями. Это и будетъ самое вѣрное средство привлечь на свою сторону населеніе и пропитать его инымъ духомъ.

Кромѣ Карабулака въ той же долиніѣ лежитъ еще киргизское селеніе Буджунъ-Батканъ; впрочемъ, кажется, есть два селенія — одно Буджунъ, другое Батканъ, лежація рядомъ, почему ихъ и называютъ двойнымъ именемъ. При этомъ дорога въ Исфару идетъ изъ Карабулака черезъ Батканъ, а чтобы достигнуть Чарку, нужно проѣхать черезъ Буджунъ. Въ Батканѣ, какъ мнѣ сказали, сѣютъ даже хлопокъ, который поливаютъ изъ колодца.

Изъ Карабулака нашъ путь шелъ равниной съ чисто степнымъ характеромъ. Чтобы спуститься въ долину Сохской рѣки, намъ пришлось проѣхать въ сѣверовосточномъ направленіи. Сохъ былъ почти прямо на востокъ отъ Карабулака, но невысокія, скалистыя горы непроходимы, говорятъ, даже для всадниковъ. Изъ Карабулака видны и снѣговія горы; онѣ лежатъ въ юго-восточномъ направленіи (подъ углами 297° и 312°) и представляютъ высокія и широкія массы, засыпанныя снѣгомъ. Это горы Алаудинъ.

Подѣхавъ къ горамъ, замыкающимъ долину съ сѣвера, мы выѣхали на большую арбяную дорогу, которая идетъ изъ Исфары, и скоро начали спускаться по оврагу въ долину Сохской рѣки. Въ этомъ мѣстѣ долина образуетъ обширную котловину, со всѣхъ сторонъ закрытую невысокими, но скалистыми горами; только на сѣверѣ и на югѣ горы образуютъ узкія трещины, по которымъ протекаетъ рѣка: котловина отлично обработана и въ ней лежитъ нѣсколько селеній; мнѣ назвали ихъ: Реванъ и Туль-и-Газнау; послѣднее расположено у входа въ сѣверную тѣснину, послѣ которой, у Сары-кургана, рѣка раздѣляется на арыки; главные направляются къ сѣверозападу (изъ Сохской рѣки получаетъ воду и г. Коканъ), но довольно далеко отводятся вода и на востокъ; Риштанъ получаетъ воду также изъ нея.

Сохъ лежитъ не въ этой котловинѣ: нужно проѣхать черезъ южную тѣснину. Какъ разъ въ тѣснинѣ устроенъ мостъ; рѣка, сдѣлавъ изгибъ, устремляется на лѣвый берегъ, образующій въ этомъ мѣстѣ высокую отвѣсную скалу. Отскочивъ отъ скалы, рѣка идетъ уже довольно узкимъ, но глубокимъ русломъ; этимъ воспользовались туземцы и устроили мостъ, перекинувъ черезъ рѣку длинныя тополевыя бревна. Мостъ достаточно широкъ и проченъ для проѣзда арбъ съ тяжестями.

Рѣка мнѣ показалась больше Исфаринской, такъ говорили мнѣ и туземцы; но видѣть разъ горный потокъ далеко еще не достаточно, чтобъ сказать, многоводенъ ли онъ; нельзя даже, посѣтивъ послѣдовательно разные потоки, сказать, который изъ нихъ богаче водой. Ангрень, напр., лѣтомъ весьма ничтожная рѣка, почти вся отведенная по арыкамъ, а весной почти невозможна для переправы и считается опаснѣе Чирчика. Коли-

чество воды въ горной рѣчкѣ въ разные мѣсяцы зависитъ отъ того, съ какой высоты получаетъ она свою воду. Ангренъ бушуетъ весной потому, что получаетъ воду отъ таянiя снѣга на довольно невысокихъ горахъ; снѣгъ таетъ быстро, горы обнажены, нѣтъ ни лѣса, ни мха, ни плотнаго дерноваго покроя, и вода быстро скатывается въ русло и уносится въ Сыръ-дарью почти безъ пользы для орошенiя. Напротивъ, чѣмъ выше горы, тѣмъ снѣгъ таетъ медленнѣе, тѣмъ прибыль воды постепеннѣе. Наибольшую равномерность въ количествѣ воды лѣтомъ представляютъ рѣчки, вытекающiя изъ ледниковъ, такъ какъ ихъ таянiе гораздо постояннѣе и равномернѣе. На большихъ рѣкахъ, имѣющихъ притоки съ низкихъ и высокихъ горъ, какова рѣка Сыръ-дарья, явленiе это выражается половодьями; первое, какъ мнѣ сказали кокапцы, бываетъ, когда цвѣтеть алма (яблонь), т.-е. въ концѣ марта; второе — лѣтомъ.

Проѣхавъ тѣснину, мы увидѣли обширную долину, тянувшуюся съ запада на востокъ. Въ ней-то, на правомъ берегу рѣчки, и былъ расположенъ Сохъ, обширное поселенiе, больше Исфары. Первое, что попалось намъ на глаза при въѣздѣ на обрывъ, на которомъ лежитъ Сохъ, была висѣлица; послѣ Исфары это была вторая, но надо прибавить, что больше мы ихъ уже не видали. Сохъ не имѣетъ кургана, т.-е. цитадели; не обнесенъ и стѣной. Правитель живетъ въ обширномъ домѣ внутри города. Домъ этотъ былъ замѣтенъ по своей величинѣ, нѣсколькимъ солдатамъ, да развѣшанному въ воротахъ оружию. Впрочемъ, все это смотрѣло какъ-то невесело. Оказалось, что правитель Соха и его округа былъ приглашенъ ханомъ въ Коканъ по поводу послѣдняго возстанiя киргизовъ въ его округѣ, и было неизвѣстно, останется ли онъ живъ, такъ какъ силепъ былъ говорить, что причиной возстанiя были его несправедливости и поборы. Послѣ, оставляя ханство, я узналъ, что онъ вернулся къ своему мѣсту, что впрочемъ, по моему мнѣнiю, отнюдь не доказательство, чтобы онъ не былъ виновенъ въ поборахъ; напротивъ, милость достигнута была, вѣроятно, усиленными подарками, что въ свою очередь повлечетъ за собою новые поборы.

Въ Сохѣ намъ отвели цѣлую группу садовъ, лежащихъ террасами. Послѣ восьмидневнаго безостановочнаго движенiя, Сохъ показался намъ отличнѣйшимъ мѣстомъ для отдыха, на который и былъ опредѣленъ слѣдующiй день, 29-го июня. Въ этотъ день мы имѣли удовольствiе получить первую почту, — письма изъ Ташкента и Россiи и газеты. Ихъ привезъ джигитъ Марглянскаго бека; въ письмѣ бека говорилось, между прочимъ, что посылаетъ онъ ихъ къ намъ вслѣдствiе письма изъ Ташкента, гдѣ сказано: «отшлите эти письма къ вашему прiятелю, гдѣ бы онъ ни находился, за что будемъ очень благодарны.»

Я воспользовался остановкой, чтобы написать отвѣты и коротенькое описанiе совершенной поѣздки, для отсылки въ Ташкентъ. Привезшiй почту, джигитъ Марглянскаго бека, получилъ за услугу халатъ и повезъ нашу почту въ Коканъ. Оттуда она должна была съ новымъ джигитомъ, уже отъ мехтера, слѣдовать въ Ташкентъ. При отсутствiи почты въ ханствѣ, такiя экстренныя посланки джигитовъ — единственное средство сношенiй; хану и бекамъ приходится часто прибѣгать къ нимъ, и я не знаю, отчего они не устроятъ сообщенiй на болѣе выгодныхъ основанiяхъ, и не сдѣлаютъ своихъ почтарей доступными и для частной корреспонденцiи. Потребность въ ней несомнѣнно есть: съ устройствомъ почты въ русскихъ предѣлахъ, туземцы отличнo поняли ея выгоды и пользуются ею для пересылки писемъ и денегъ.

Охотникъ и преподаватель дѣлали небольшие экскурсiи въ окрестностяхъ, я же все оставшееся отъ писемъ время посвятилъ разговорамъ съ аксакаломъ о верхнемъ теченiи Сохской

рѣки. Свѣдѣній, особенно названій, онъ мнѣ сообщилъ много, но сознаюсь — изъ отиѣтовъ его я не могъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, о чемъ спрашивалъ.

Въ противоположность большинству туземцевъ, всегда увѣряющихъ, что они ничего не знаютъ, рассказчикъ заявилъ, что онъ прекрасно знаетъ мѣстность въ верховьяхъ Сохской рѣки, потому что часто ѣздилъ въ лежащія по ней киргизскія лѣтовки для сбора зякета. Известно, что киргизы и вообще кочевники платятъ съ 40 барановъ по одному, что и называется зякетомъ.

Сохская рѣка образуется изъ 20 рѣчекъ, какъ сообщилъ мнѣ рассказчикъ. Вотъ ихъ названія: Таракъ, Мача, Акъ тирякъ, Нау йлякъ, Итышкуль, Топхана, Шудманъ, Чаканда, Шиканда, Зардалю, Олишь, Омирзонъ, Люгмонъ, Дашти-калянъ, Джаяу-пая, Равуть, Палаля, Киштуть, Канъ, Ходжа-чушь. Изъ нихъ главныя: Люгмонъ, Зардалю, Омирзонъ. Затѣмъ слѣдуетъ множество ручьевъ.

Чтобы сколько-нибудь сдѣлать понятными будущему изслѣдователю полученныя мною свѣдѣнія, я сообщаю здѣсь чертежъ, сдѣланный мнѣ туземцемъ. При этомъ нельзя дать никакихъ указаній относительно разстоянй, и представляемый планъ показываетъ только, какая рѣка выше, да и то это вѣрно только относительно крайнихъ; напр. Шудманъ навѣрное выше Палаля, а что Джаяу-пая выше Палаля, этого нельзя утверждать. Также нельзя утверждать, что всѣ притоки, показанныя съ правой стороны, дѣйствительно текутъ справа.

Многія изъ сообщенныхъ названій я слышалъ уже прежде, въ Джиптыкѣ (Зардалю и тамъ былъ мнѣ названъ большой рѣкой, Омирзонъ былъ названъ — Орумзанъ; затѣмъ назвали Рауть, Полалъ и Киштуть; еще называли какую-то рѣку Калей-мамутъ); поэтому я не думаю, что все это множество названій рассказчикъ выдумалъ для удовлетворенія моего любопытства.

Изъ этихъ рѣчекъ я остановлюсь здѣсь на двухъ: Таракъ и Мача. Таракъ, какъ я уже говорилъ, долженъ быть несомнѣнно ледникъ; на это указываетъ описаніе трещинъ, черезъ которыя приходится переходить, и которыя на снѣговыхъ поляхъ, переходящихъ черезъ крутыя неровности, издали дѣйствительно похожи на исполинскую гребенку. По описанію туземцевъ, ледникъ этотъ имѣетъ громадныя размѣры и я сначала предполагалъ, не Заравшанскій ли это ледникъ, такъ какъ Искандеръ-кульская экспедиція вывезла свѣдѣнія, что онъ тянется на востокъ на 50 верстъ; но едва ли это такъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Заравшанскій ледникъ кончается ранѣе. Таракъ есть другой ледникъ, дающій начало самому южному истоку Сохской рѣки. Рассказчикъ съ полной увѣренностью сообщалъ, что изъ Тарака вытекаетъ рѣчка, идущая къ Соху, и при этомъ сказалъ, что Мача-дарья вытекаетъ восточнѣе и впадаетъ въ Сохскую рѣку ниже. Я спрашивалъ про Мачу-дарью, верховье

Заравшана, такъ какъ этимъ именемъ туземцы обозначаютъ главный истокъ Заравшана, а у рассказчика явилась Мача-дарья, притокъ Сохской рѣки. Конечно, возможно, что притокъ съ такимъ названіемъ есть и у Сохской рѣки.

Озеро Яшимъ-куль ¹⁾, лежащее педалеко отъ ледника, сильно напоминаетъ Яшилъ-куль, являющийся въ нѣкоторыхъ старыхъ описаніяхъ, по можно ли считать ихъ однимъ и тѣмъ же? Яшилъ значитъ зеленый, и такое названіе могутъ имѣть многія альпійскія озера, какъ есть много Аксу и Карасу.

Несмотря на неясность полученныхъ свѣдѣній, я все-таки сообщаю ихъ здѣсь для справокъ будущимъ изслѣдователямъ. При распросахъ чрезвычайно полезно бываетъ даже простое знаніе названій; тогда легче добиться отвѣта.

Изъ Соха идетъ въ Каратегинь дорога, если не самая удобная, то самая короткая. Я весьма интересовался проѣхать этой дорогой, но мнѣ пачали рассказывать разные ужасы; тогда я попросилъ опредѣлительнѣе указать трудности, и изъ рассказа вывожу то заключеніе, что берегомъ рѣки во многихъ мѣстахъ ѣхать нельзя, потому что она течетъ тѣсницами, которыя приходится объѣзжать, сворачивая въ долины притоковъ и переѣзжая высокіе перевалы. Названія переваловъ мнѣ сообщили въ изобиліи: Люгмопъ, Омирзонъ, Акташъ, Даванъ, Каракія, Зардалю, Икенджой, Коксіясъ, Топхана, Нау яйлякъ, Акъ тирякъ. Если только показанія не были искажены, то не остается ничего больше, какъ предположить, что дорога идетъ вдали отъ главной рѣки, пересекая горы, отдѣляющія ея притоки.

Какъ на большое затрудненіе указывали еще на Куль. Куль значитъ озеро; этотъ куль нужно будто бы переѣзжать вбродъ и притомъ придерживаясь извѣстнаго, весьма извилистаго направленія. Когда я потомъ съѣздили изъ Шахимардана въ Караказукъ, то для меня сдѣлался понятенъ этотъ куль. Рѣка образуетъ, вѣроятно, разливъ въ видѣ озера; когда воды мало, рѣка течетъ нѣсколькими руслами съ измѣнчивой глубиной; при большемъ притоцкѣ воды лѣтомъ, русла скрываются подъ водой и образуется озеро, дно котораго изрѣзано углубленіями, идущими неправильно, отчего путникъ рискуетъ попасть вдругъ съ мелкаго мѣста на глубину, если не запомнить расположенія русель въ другое время, когда они были видны. Чтобы убѣдить меня, что эти трудности дѣйствительно такъ велики, а не придуманы для меня, мнѣ сказали стихами:

زرل اشنك بولسه زرد الوغه بارماغل
چككى اشنك بولسه چكندريك بارماغل
قوقس اشنك بولسه خوجه شكن بارماغل

«Безъ нужды не ѣзди въ Зардалю;

«Безъ крайности не ѣзди въ Чаканду;

«Безъ неотложной необходимости не ѣзди въ Ходжа-Шиканъ».

Въ переводѣ трудно было передать въ точности смыслъ стиховъ; въ оригиналѣ выражается, что мотивъ поѣздки долженъ быть для Чаканды сильнѣе, чѣмъ для Зардалю, а для Шикана—еще сильнѣе, потому что Чаканда гораздо опаснѣе Зардалю, а проѣздъ черезъ Ходжа-Шиканъ представляется небезопаснымъ даже для жизни путника.

Но самое трудное и ужасное мѣсто—Таракъ: только пѣшій будто бы можетъ пройти черезъ

¹⁾ Во многихъ черновыхъ замѣткахъ А. П. Федченко оно названо Яшилъ-куль.

него. Всегда отправляются по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, привязавъ къ тѣлу длинныя палки; эти палки удерживаютъ при паденіи въ трещину, пока товарищи не помогутъ выбраться. И, несмотря на такой рискъ, масса каратегинцевъ идетъ черезъ Таракъ. Это самая короткая дорога изъ Каратегина въ Коканъ, а извѣстно, что множество каратегинцевъ, не находя въ своей бѣдной странѣ средствъ для существованія, пробирается въ Коканъ, гдѣ нанимается въ поденную работу, поступаетъ въ рабочіе къ земледѣльцамъ и даже, какъ говорили мнѣ, снимаетъ въ аренду участки земли для обработки. Эти каратегинцы, или, какъ ихъ называютъ сарты и киргизы, гальча, доходятъ даже до Ташкента, гдѣ сливаются хорошими неутомимыми чернорабочими.

На югъ отъ Тарака дорога гораздо легче; въ одинъ день достигаютъ Яркуша, Каратегинскаго селенія, откуда остается будто бы еще 5 ташъ до Гарма, главнаго города Каратегина.

Понятно, что всѣ рассказы о такихъ необычайныхъ препятствіяхъ только разжигали мое любопытство и усиливали желаніе доѣхать до перевала; но тогда мнѣ указали, что ѣхать ни подъ какимъ видомъ нельзя, потому что кочующіе тамъ киргизы возбуждены противъ хана и если мы поѣдемъ, то они нападутъ на насъ. Меня это удивило: я слышалъ, что возстаніе кончилось; но какъ я ни убѣждалъ въ этомъ, сохскія власти рѣшительно настаивали на продолжающемся возстаніи. Такъ какъ я не могъ допустить и мысли, чтобы начальство изъ-за какихъ бы то ни было побужденій, безъ всякихъ основаній, стало утверждать, что подвластные ему жители бунтуютъ, то я повѣрилъ ихъ утвержденіямъ и согласился не ѣздить до перевала, а проѣхать только по ущелью, насколько оно безопасно, но и на такое скромное желаніе получилъ отвѣтъ, что непокойная территорія начинается сейчасъ же за сохской долиной. Это меня поразило, но на всѣ сомнѣнія мнѣ отвѣчали въ одинъ голосъ, что киргизы бродятъ въ ущельи у самого Соха; я шутя спросилъ: «отчего же они не нападутъ на самый Сохъ?» И меня начали увѣрять, что при входѣ въ ущелье каждую ночь ставится караулъ изъ 250 вооруженныхъ сохскихъ жителей. Увидѣвъ, что я все-таки сомнѣваюсь, серкеръ предложилъ, что онъ сейчасъ же (разговоръ шелъ поздно вечеромъ) пригонитъ эту толпу къ нашему саду, чтобы я могъ убѣдиться въ справедливости его словъ. Я, конечно, отказался, потому что правду трудно было бы узнать: онъ могъ собрать по домамъ нѣсколько сотъ человекъ и выгнать ихъ къ саду. На мои убѣжденія, что съ такой силой навѣрное можно безъ риска пройти нѣсколько по ущелью, серкеръ началъ описывать, что киргизы, конечно, скроются, но вѣдь нѣсколько человекъ можетъ засѣсть гдѣ-нибудь за камнями и, не будучи замѣченъ, застрѣляетъ насъ. Ну, ужъ когда дѣло пошло на разныя случайности, которыя могутъ встрѣтиться, стало ясно, что его не переспоришь и я принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ возстаніи.

Въ 1870 году въ Коканское ханство явился Сеидъ-ханъ, сынъ Малля-хана, слѣдовательно племянникъ хана Худаяра; тотъ самый принцъ, котораго по смерти Малля-хана Алимкулъ провозгласилъ ханомъ. По его несовершеннолѣтію, Алимкулъ самостоятельно правилъ ханствомъ. Послѣ смерти Алимкула при защитѣ Ташкента и по взятіи Ташкента русскими, Сеидъ убѣжалъ въ Бухару, гдѣ и прожилъ пять лѣтъ. Весной 1870 года онъ скрылся изъ Бухары и, какъ оказалось, отправился въ Коканъ по приглашенію партіи, враждебной нынѣшнему хану. Худаяръ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ его схватить и зарѣзать, что и было

исполнено въ с. Якка-тутѣ, черезъ которое мы проѣхали въ первый день путешествія въ Кокана въ Исфару. «Къ намъ пріѣхалъ Сеидъ-ханъ, но мы съ нимъ покончили»,—коротко, но ясно писалъ Худаяръ-хапъ въ Ташкентъ.

Дѣло, однако, этимъ не кончилось: Бухарскій эмиръ заявилъ, что Сеидъ уѣхалъ безъ его вѣдома и доставилъ письмо, присланное ему съ печатами лицъ, просившихъ эмира отпустить Сеида въ Коканъ. Имѣя въ рукахъ списокъ заговорщиковъ, утвержденный ихъ собственными печатами, ханъ, конечно, началъ отъ нихъ избавляться обычнымъ способомъ: постепеннымъ и тайнымъ убійствомъ.

Были ли въ числѣ умерщвленныхъ бии киргизовъ, кочующихъ по Сохской рѣкѣ, или эти бии хотѣли возстаніемъ предупредить ожидавшую ихъ участь,—не знаю; но ранней весной 1871 г. все сохскіе киргизы взбунтовались. Ханъ послалъ около 2000 сарбазовъ подъ начальствомъ главнаго начальника своихъ войскъ Наиба-Атабека.

Солдаты, составлявшіе нашъ почетный конвой въ Коканѣ, были въ этомъ походѣ и рассказывали, что они пропикли далеко въ горы, но до киргизовъ не могли добраться; снѣга лежали въ горахъ страшные и они никакъ не могли пройти по тамошнимъ тропинкамъ. Захватили они 12 киргизовъ, которые, какъ участники въ возстаніи, и были казнены въ Коканѣ. Въ числѣ ихъ былъ Мулла-мыръ, таджикъ изъ Каратегина, котораго мнѣ представляли однимъ изъ главныхъ руководителей возстанія. Другой предводитель возставшихъ, узбекъ Мулла-аширъ, убѣждалъ будто бы въ Каратегинѣ. Вообще, коканцы сильно напирали на то, что каратегинцы, имѣя бекъ Рахимъ-ша, по прозванью пучукъ, курносый, дѣятельно помогали возставшимъ киргизамъ и что только въ расчетѣ на помощь со стороны Каратегина и Бухары и могло организоваться возстаніе. За смертью Сеида претендентомъ на ханство будто бы былъ выставленъ Назыр-бекъ, сынъ Суфи-бека, тоже брата Худаяра. Такъ какъ киргизы не могутъ на зиму оставаться въ горахъ, а должны спускаться въ мѣста болѣе низкія и доступныя, гдѣ коканцы легко держать ихъ въ повиновеніи, то, по увѣренію мѣстныхъ властей, киргизы никогда не рѣшились бы возстать, если бы они не рассчитывали, что найдутъ на зиму пріютъ въ Каратегинѣ.

Другіе изъ народа, напротивъ, говорили мнѣ, что причина возстанія не что иное, какъ выборы сохскаго правителя, и что ближайшей причиной его былъ отказъ хана назначить въ Сохъ правителемъ киргиза, а не таджика, въ виду преобладанія киргизовъ въ населеніи этого округа. Возможно, что правы и тѣ и другіе, т.-е. что выборы вызвали недовольство и тѣмъ подготовили почву для возстанія, затѣяннаго недовольными нынѣшнимъ ханомъ.

Итакъ, то былъ только эпизодъ изъ указанной выше борьбы между осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ, борьбы, едва ли навсегда закончившейся. Правительству хана, пользуясь тенерешней своей силой, слѣдовало бы устранить возможность подобныхъ явленій на будущее время, и, конечно, иными средствами, чѣмъ умерщвленіе биевъ и уважаемыхъ киргизами лицъ. Но отсутствіе плана у правительства и доведенная до крайности децентрализація (извѣстно, что въ средней Азіи крайній деспотизмъ и децентрализація, по странному противорѣчію, существуютъ рядомъ) не позволяютъ рассчитывать на устраненіе нынѣшнихъ аномалій. И не вѣрилъ въ невозможность или большую опасность посѣщенія Сохскаго ущелья еще потому, что мнѣ за достовѣрное рассказывали, будто, по приказанію хана, въ ущельи выстроено два кургана. Въ Сохѣ не отвергали существованія кургановъ, но все-таки стояли на томъ, что, несмотря на нихъ, киргизы все-таки бунтуютъ, и дорога опасна. Въ Коканѣ

мнѣ пояснили, что курганы эти устроены хапомъ для того, чтобы ему было гдѣ укрыться, если русскіе начнутъ завоевывать ханство. Про одинъ изъ кургановъ рассказывалось, что онъ построенъ на такой скалѣ, которую рѣшительно нельзя взять никакими средствами. Не знаю, насколько тутъ правды. Замѣчу только, что верховья Соха представляютъ замѣчательно замкнутую почти со всѣхъ сторонъ область: съ востока вовсе нѣтъ дорогъ; какъ трудны онѣ съ сѣвера и съ юга—мы видѣли выше; а съ запада и изъ Чичиктовъ хотя и есть тропинки, но до крайности опасныя, да и тѣ ведутъ въ нижнюю часть Сохской долины. Одинъ изъ коканскихъ государей, знаменитый Баберъ, потерявъ тропь Ферганы, укрывался почти цѣлый мѣсяцъ въ горахъ Сохскаго и Ушьярскаго округовъ. Ушьяръ я видѣлъ; по крайней мѣрѣ такъ мнѣ назвали большое селеніе на другой сторонѣ рѣки, противъ Соха.

30-го іюня мы отправились далѣе на востокъ. Высокія горы съ снѣговыми вершинами невадалекѣ возвышались съ юга; болѣе низкія, но сильно скалестыя горы Катранъ тянулись съ сѣвера; между ними простиралась въ направлеиіи на востокъ широкая, въ нѣсколько верстъ, лощина; — по ней-то мы и поѣхали. Выѣхавъ изъ селенія, мы опять увидали арбяную дорогу: оказалось, что въ Сохъ арбы приходятъ не могутъ, но изъ котловины, гдѣ лежитъ Реванъ, не входя въ тѣснину, онѣ съ моста направляются на низенькую сѣдловну въ горахъ Катранъ.

Власти Соха сопровождали насъ до Чашма, о которой они съ большимъ удивленіемъ рассказывали намъ. Оказывается, что Сохъ всю воду для своихъ садовъ и полей получаетъ изъ ключа, находящагося верстахъ въ 2^{1/2} восточнѣе. Ключъ дѣйствительно поражаетъ своей грандіозностью: въ вершинѣ небольшой ложбины находится обложенный камнями круглый бассейнъ, сажени въ 3^{1/2} въ поперечникѣ, — на днѣ его съ большой силой бьютъ ключи; вода прозрачная, холодная. Справа и слѣва вода выливается изъ бассейна въ большіе арыки, идущіе къ Соху. Мы встрѣтимся еще съ такими ключами. Извѣстны они мнѣ и изъ Заравшанской долины, напр. ключъ въ Ходжадукѣ, Байнаръ — въ Пянджикентѣ. Происхождение ихъ стоило бы прослѣдить возможно основательнѣе. Дальнѣйшій путь выяснилъ, почему у Соха образуется такой громадный ключъ: обширная лощина не имѣетъ никакого поверхностнаго стока: изъ южныхъ горъ тоже не падаетъ ни одного ручья (и потому ущелья очень узки, ничтожны), а горы, возвышающіяся на югѣ, достигаютъ снѣговой линіи и даже высоко поднимаются надъ пей. Ясно, что вода уносится подземными потоками. Мнѣ всегда казалось, что количество воды, вытекающей изъ Тяньшаня, несоразмѣрно мало сравнительно съ поверхностью, покрытою снѣгомъ, и я готовъ предположить, что много воды уносится подземными потоками. Фактъ существованія большихъ поселеній, получающихъ воду исключительно изъ ключей, каковы изъ видѣнныхъ мной въ Коканскомъ ханствѣ Балыкчи, Аимъ-кишлакъ, Сохъ, можетъ дать понятіе, какъ мощны подземные потоки, выходящіе наружу. А сколько воды такъ и остается подъ землей, не выходя наружу, не принося никакой пользы для культуры? Мнѣ кажется вопросъ настолько важный, что слѣдовало бы на него обратить вниманіе. Обширныя геологическія изслѣдованія надъ строеніемъ Тяньшаня одни могутъ объяснить его; и вотъ еще новое доказательство, что если оффиціально геологія понимается только въ смыслѣ добыванія рудъ и полезныхъ ископаемыхъ, то при такомъ взглядѣ многое остается вовсе незатронутымъ.

Но жизнь возьметъ свое: увеличеніе населенія вызоветъ бóльшую внимательность въ

этомъ направленіи; мнѣ хотѣлось бы только, чтобы съ именами ключей отпущѣ связывались не пмена ходжей и святыхъ (Ходжадукъ и др.), а русскихъ ученыхъ изслѣдователей.

Лощина ничтожно, едва замѣтно, поднималась къ востоку; вдали виднѣлись небольшія возвышенности въ видѣ холмовъ, но общій видъ былъ — широкой ровной лощины между двумя грядами горъ. Здѣсь было повтореніе того, что я видѣлъ въ Исфарѣ, Чарку, Ворухъ, Кехъ, Карабулакъ: и послѣ этого еще до сихъ поръ нѣкоторые утверждаютъ, что въ Тяньшанѣ и среднеазиатскихъ горахъ цѣпей нѣтъ, а есть разлѣ только рѣчныя русла, промытыя и углубленныя въ плоской возвышенности. Хорошо, что кокандцы не опасный врагъ, а то, въ случаѣ войны, они превосходно могли бы дать почувствовать существованіе цѣпей и лежащихъ между ними долинъ. Цѣпи эти отдѣляютъ двѣ, а иногда и три продолжныя долины, сообщающіяся только узкими трещинами. При нѣсколько швомъ состояніи военного искусства у кокандцевъ, хапство, благодаря такому строенію почвы, было бы просто неприступно со стороны Ходжента.

Еще одно замѣчаніе: когда я послѣ увидѣлъ Алай, меня поразило сходство вѣшняго вида, а при внимательномъ разсмотрѣніи, и строенія Алая и Сохской лощины. Конечно, размѣры были весьма различны; но дѣло не въ нихъ; и тутъ и тамъ я видѣлъ синклинальную долину; съ сѣвера были слегка поднятые слои, съ юга — массы, возвышавшіяся до вѣчныхъ снѣговъ. Изъ этого ясно также, что я разумѣю подъ словомъ цѣпь — гребешъ поднятыхъ слоевъ. При такомъ обозначеніи и прерываемость цѣпей и ихъ раздѣленіе широкими долинами не даютъ еще права заключить объ ихъ отсутствіи и все-таки ставить Тяньшань въ рядъ съ Алдами, состоящими изъ цѣпей, или грядъ, а не съ выпуклыми массивными поднятіями Алтая, Скандинавіи и т. п. Если нельзя прослѣдить вдоль всего Тяньшаня одной цѣпи, если ихъ встрѣчается цѣлая масса, то тѣмъ болѣе основаній назвать Тяньшань грядовыми горами. Я не утерпѣлъ, чтобы не высказать здѣсь же этихъ впечатлѣній; въ приложеніи надѣюсь подробнѣе развить мои наблюденія и взгляды по этому вопросу, весьма важному для пониманія строенія среднеазиатскихъ горъ, составляющему основную черту ихъ орографіи.

Приостанавливаясь и собирая животныхъ и растенія (не могу не упомянуть о встрѣченномъ здѣсь прелестномъ новомъ видѣ *Amphisome*), мы ѣхали до киргизской зимовки Дуваль. Весьма характернымъ для этой лощины растеніемъ была *Lavendula latifolia*; цѣлыми группами росла она, привлекая своими спными, благоухающими цвѣтами множество перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ. Начиная отъ Ура-тобе, растеніе это встрѣчалось на известной высотѣ широкимъ поясомъ и должно быть причислено къ самымъ характернымъ на высотѣ отъ 2500' до 5000'. Туземцы называютъ его тагъ-ялнузъ и высоко цѣнятъ его лечебныя свойства. У зимовки мы встрѣтили ничтожныхъ размѣровъ поля и обширный прудъ, въ которомъ вода держится или весной, или когда ее много въ близъ-лежащемъ оврагѣ. Къ удивленію нашему, мы отъ Дували начали спускаться въ оврагъ, или обширную яму, которая тянулась къ южнымъ горамъ, гдѣ и оканчивалась безъ выхода. Яма эта производила впечатлѣніе озерной котловины и сами туземцы были того мнѣнія, что тутъ прежде было озеро, которое потомъ исчезло. По моему мнѣнію, исчезновеніе его имѣетъ связь съ существованіемъ выше описанныхъ богатыхъ водою ключей близъ Соха. Теперь на днѣ озера киргизы сѣютъ хлѣбъ. Называется это углубленіе Гайдаркинъ, или Гайдаръ-ку. Изъ него намъ пришлось опять подниматься на невысокій перевалъ Митинъ. На перевалѣ и по склонамъ оврага, идущаго отъ него къ

востоку, росли разные кустарники: *Sagapana*, *Berberis*, *Rosa*; вблизи перевала въ изобиліи росли разные злаки, въ томъ числѣ много ковыля (*Stipa*); на ближнихъ скалахъ немного арчи (*Juniperus*). Дорога, по которой мы ѣхали, была все время арбявая и притомъ прекрасная; въ первый разъ еще въ средней Азіи я видѣлъ широкую, удобную для экипажа дорогу, живописно извивавшуюся вдоль склона крутого оврага; поросшаго высокими кустами и на склонахъ, благодаря значительной высотѣ, сохранившаго сплошной зеленый покровъ изъ высокой травы. Оказалось, что дорога такъ хороша потому, что тутъ проѣхалъ въ прошломъ году ханъ; по этому случаю она и была исправлена, что не осталось и безъ экономическаго значенія: теперь по пей на арбахъ вывозятъ уголь, выжигаемый въ горахъ.

Спустившись съ перевала, мы очутились на двѣ оврага, который шелъ изъ южныхъ горъ, и черезъ трещину въ сѣверныхъ горахъ выходилъ въ слѣдующую лощину. Дорога раздѣлялась; изъ нашихъ спутниковъ никто не зналъ, по которой намъ слѣдуетъ ѣхать; направлялись же мы въ с. Шахимарданъ. Встрѣтившійся киргизъ объяснилъ, что обѣ дороги приведутъ въ Шахимарданъ, но что идущая направо тянется черезъ горы, а лѣвая — ровной лощиной. Конечно, наши козакцы устремились налѣво. Узкая трещина скоро кончилась и мы выѣхали на обширную лощину, равномерно и полого спускающуюся къ востоку. Справа и слѣва тянулись горы опять гребнями. Лощина и горы были покрыты пожелтѣвшей травой; на склонахъ сѣверныхъ горъ виднѣлись киргизскія кочевки: группы мазанокъ съ наивсами для скота. Въ лощинѣ были поля пшеницы, не поливаемой изъ арыковъ, такъ-называемой ляльми.

Въ концѣ лощины должно было находиться селеніе Обихана, или, по искаженному произношенію живущихъ тамъ киргизовъ, Охва. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы замѣтили вдали крайнія деревья; въ темнотѣ въѣхали мы въ селеніе и направились по улицѣ между двумя рядами садовъ и полей. Ѣхали мы, показалось намъ, бесконечно долго; нѣтъ ничего неспособнаго поѣздки въ темнотѣ; ѣхать приходится медленно, и поэтому путь кажется безконечнымъ; къ тому же вовсе не видишь, насколько передвигаешься; почти не воспринимаешь никакихъ вѣдшихъ впечатлѣній, и отъ этого время кажется еще длиннѣе. Двое джигитовъ съ утра уѣхали впередъ, чтобы приготовить ночлегъ, нужные запасы и т. д.; потомъ и карауль-беги уѣхали впередъ, видя, что если мы на пути будемъ останавливаться для наблюдений, то раньше полуночи не доѣдемъ до Охны; поэтому мы ждали, чтобъ къ намъ выѣхалъ кто-нибудь навстрѣчу и проводилъ въ садъ, для насъ отведенный. Никто не показывался и мы были уже въ недоумѣніи, какъ вдругъ появилось нѣсколько всадниковъ, высланныхъ карауль-беги. Они повели насъ черезъ арыки, пригорки, сады и т. д.; однимъ словомъ, черезъ такой лабиринтъ, что я ничего не могъ понять, и удивляюсь, какъ только уцѣлѣли наши глаза отъ торчавшихъ вѣтогъ, какъ мы не зацѣпились за сучья. Оказалось, что насъ провели кратчайшей дорогой въ отведенный намъ садъ.

Карауль-беги мы нашли въ страшномъ раздраженіи. Дѣло въ томъ, что уѣхавшіе впередъ джигиты ничего не приготовили; они спали глубокимъ сномъ. Дорогой, или пріѣхавъ, они жестоко накурились нашей (гашиша) и предались сладостнымъ мечтамъ. Какъ извѣстно, послѣ куренія нашей, которымъ занимается большинство туземцевъ, человекъ погружается въ сонъ и ему представляются очаровательныя сновидѣнія. Наша готовится изъ цвѣтовъ и изъ окружающихъ цвѣты листочковъ конопли. Эти части растенія растираются съ водой; полученная порошковатая масса сохнетъ въ куски; для куренія ее, кладутъ въ табакъ кальяна.

Немногихъ затыжекъ достаточно для того, чтобъ опьянѣть. Сухіе наркотики (кромѣ нашей туземцы употребляютъ и опиумъ) совершенно замѣняютъ въ мусульманскихъ странахъ спиртные напитки, строго запрещенные кораномъ; про нашу же и опиумъ тамъ ничего не сказано, слѣдовательно ихъ можно употреблять: и законъ соблюдеиъ и потребность удовлетворена, хотя и болѣе вреднымъ для организма способомъ. И не съ одною нашей такъ бываетъ. У тѣхъ же мусульманъ мы видимъ, что женщины, въ силу постановленій корана, закрываются и изображаютъ изъ себя чучело, болѣе некрасивое, чѣмъ пугало на нашихъ огородахъ; цѣль была очевидно та, чтобъ отрѣзать женщину отъ остальнаго міра, а для мужчины — устранить всякій соблазнъ. А па дѣлѣ? Мужчины, за неизмѣнимъ женскаго лица, фигуры, засматриваются на мальчиковъ, влюбляются въ нихъ, ухаживаютъ, любезничаютъ, и т. д. и доходятъ до самыхъ противоестественныхъ дѣйствій. И женщины соблюдаютъ законъ, обезображиваютъ себя, но, конечно, натуры не пересилишь, и опять самыя дикія послѣдствія: особый продуктъ въ промышленности Ура-тюбе или связь, несмотря на вѣрную смертную казнь (закопанная до головы въ землю должна быть побита камнями) въ случаѣ огласки.

Джигиты увѣряли, что, пріѣхавъ, они приказали, чтобы все было готово, но мѣстное начальство не послушалось ихъ; начальство же говорило, что пріѣхало двое пьяныхъ и, что-то пробормотавъ, завалились спать. Карауль-беги пріѣхалъ уже поздно, да и его, кажется, приняли сначала безъ особаго вниманія, и такимъ образомъ подъ-утро уже мы получили нужные припасы.

Почлегъ нашъ былъ на самомъ берегу рѣки, текущей отъ Шахимардана къ Маргляну. Вода этой рѣки поразила меня своимъ цвѣтомъ: она была молочно-бѣлая, точно въ ней была разболтана известь. Всю узкую долину занимали разбросанные сады; горы же справа и слева были голы; правыя, западныя, были скалистыя, лѣвыя — болѣе мягкія, третичныя. На сѣверѣ долина замыкалась горами, черезъ которыя рѣка протекала узкой трещиной.

Утромъ къ намъ явились — мѣстный аксакалъ и проживающій въ селеніи юзь-баши Тасъ-Магометъ. Они извинялись, что наканунѣ мы встрѣтили такія затрудненія. Юзь-баши былъ для меня чрезвычайно интересенъ: онъ завѣдывалъ дорогой, ведущей къ переваламъ въ Каратегинъ. Я сейчасъ же сталъ его спрашивать о дорогѣ, и, получивъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, просилъ его, не можетъ ли онъ сопровождать насъ при поѣздкѣ къ перевалу, и для того, чтобъ заинтересовать, подарилъ ему самый пестрый халатъ, полосатый, цвѣтовъ любимыхъ киргизами. Опъ обѣщалъ пріѣхать въ Шахимарданъ.

До Шахимардана намъ оставалось недалеко, не болѣе 8—9 верстъ. Дорога до самаго Шахимардана идетъ арбяная. Сады и поля встрѣчаются на пути очень часто, но селеній намъ называли только одно — Лангаръ. Къ нему-то будто бы и выходитъ та дорога, которая осталась вправо отъ перевала Митинъ. Подъѣзжая къ Шахимардану, мы певольно залюбовались прелестнымъ видомъ на этотъ горный кишлакъ, въ которомъ намъ пришлось потомъ такъ долго прожить.

Olga Fedtchenko ad nat. del.

Savrasow. del.

ШАХИМАРДАНЪ

Schahimardan

⁴
VII

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КЪ КАРАКАЗУКУ И ВЪ УЧЬ-КУРГАНЪ.

Шахимарданъ.—Великій святой.—Богомольцы.—Увѣщанія жителей; письмо къ мехтеру.—Рыбы горныхъ рѣчекъ.—Озеро Кутбанъ-куль.—Поѣздка къ Караказуку; освѣщая почва; встрѣча съ Тасъ-Магометомъ.—Равать въ Караказукъ.—Поѣздка къ перевалу.—Лиственный лѣсъ; его верхняя граница.—Перѣздъ въ Учъ-курганъ.—Свиданіе съ Музафаръ-ша.—Исторія сверженія его.—Пріѣздъ Нуръ-Магометъ-мирахура.—Отѣздъ въ Алай.

Шахимарданъ лежитъ при слияніи двухъ рѣчекъ, Аксу и Карасу, въ мѣстѣ соединенія двухъ долинъ, продольной и поперечной. Образовавшійся такимъ образомъ трехугольникъ занятъ селеніемъ, сады котораго поднимаются высоко по склонамъ и далеко вдаются въ долины, или, правильнѣе, въ ущелья, особенно въ то, которое тянется къ югу. Самый мысъ занятъ гробницей святаго, отъ котораго селеніе получило свое имя, и принадлежащими къ нему постройкамъ.

Селеніе имѣетъ небольшой базарчикъ, но вообще довольно бѣдно. Оно составляетъ вакуфъ или, какъ у насъ выражаются, приписано къ гробницѣ святаго, которую, впрочемъ, можно разсматривать какъ своего рода монастырь. Мутевали, т.-е. главное духовное лицо при гробницѣ, въ то же время есть и правитель селенія, сборщикъ его податей и т. д. При самомъ нашемъ пріѣздѣ намъ объяснили, что мы находимся въ гостяхъ у мутевали, что предложенное имъ гостепріимство зависитъ вполне отъ его доброй воли и что ни бекъ Маргянскій, во владѣніяхъ котораго лежатъ Шахимарданъ, ни даже самъ ханъ не могутъ приказать, чтобы мы здѣсь имѣли готовое содержаніе. Я поручилъ поблагодарить мутевали и заявилъ желаніе на завтра посѣтить его.

Святаго, который здѣсь похороненъ, называютъ Шахимардапъ, но это, такъ-сказать, прозвище и значить «царь людей»; какъ его имя, я не могъ узнать; нѣкоторые настойчиво утверждали, что это Али, одинъ изъ первыхъ калифовъ, но, конечно, это нелѣпость. Въ настоящее время это самый знаменитый святой въ Коканскомъ ханствѣ, затмившій даже съ древности извѣстныхъ святыхъ близъ Оша. Множество богомольцевъ стекаются къ нему не только изъ разныхъ частей ханства, но и изъ сосѣднихъ владѣній, особенно изъ Каратегина. Самъ ханъ часто пріѣзжаетъ сюда на поклоненіе.

Наши киргизы, джигиты изъ Ташкента, на завтра же утромъ, вымывшись и надѣвъ чистое бѣлье (все это для киргиза значить очень много), посѣтили гробницу и вернулись въ великомъ умиленіи. Нашъ визитъ былъ около полудня. Вожакъ провелъ насъ, впрочемъ, нѣсколько поправѣ гробницы, на галерею дома, гдѣ жилъ мутевали. Тутъ онъ принялъ насъ.

Самъ мутевали и его свита находились въ комнатѣ, мы же помѣстились на галлерей. Мутевали сѣдѣлъ у раскрытой двери, замѣвляющей окно и оттуда разговаривалъ съ нами. Очевидно, онъ разыгрывалъ важную персону; разговоръ ограничивался самыми общими мѣстами. Вдругъ, къ удивленію моему, мнѣ предложили, что передъ подачей угощенія прочтуть молитву о путешествующихъ; я смутился: конечно, имъ отлично было извѣстно, что я и бывшая тутъ же жена моя — христіане, и вдругъ молитва изъ корана. Черта замѣчательная и не мѣшало бы имѣть ее въ виду тамъ, гдѣ масса населенія мусульманская, которую потому принято зарапѣе считать до крайности фанатическою.

Угощеніе было не блистательное, намъ подали отъ общаго стола; въ воспоминаніе святаго каждую пятницу послѣ праздничнаго намаза богомольцы, словомъ всякій желающій получаетъ обѣдъ, изготовляемый на доходы, получаемые съ вакуфовъ.

Мнѣ хотѣлось посмотриѣть и гробницу, по этого сдѣлать не удалось; сказали, что никакъ невозможно, чтобы неправовѣрный видѣлъ мѣсто упокоенія калифа Али; даже переводчика мусульманскаго просили посѣтить гробницу не въ русскомъ военномъ мундирѣ, который онъ постоянно носилъ во время путешествія, а въ халатѣ. Удивительные взгляды: молиться за иновѣрца можно, а показать ему глиняный бугоръ — нельзя!

Юзь-бани изъ Охны сдержалъ свое слово и явился сопровождать насъ на перевалъ; съ нимъ пріѣхалъ и аксакалъ Охны, готовый тоже ѣхать, въ надеждѣ, очевидно, на подарки. Мы условились въ подробностяхъ; я далъ юзь-бани и аксакалу денегъ, чтобы они сдѣлали запасы на дорогу; велѣлъ закупить ячменя и дѣлалъ сборы въ расчетѣ провести въ горахъ дней восемь. 3-го іюля утромъ рѣшено было выѣхать; все было готово. Вдругъ мнѣ говорятъ, что къ карауль-беги явилась депутація отъ мѣстныхъ жителей съ просьбой уговорить меня отложить поѣздку, потому что въ горахъ на насъ могутъ напасть каратегинцы. Я, конечно, этому не повѣрилъ и старался сбить жителей въ ихъ разсказахъ; въ концѣ-концовъ они согласились, что теперь каратегинцевъ дѣйствительно нигдѣ по близости нѣтъ, но они могутъ придти изъ-за перевала и просто затѣмъ, чтобы сдѣлать непріятность хану, покровительствующему намъ, нападутъ на насъ. На это, конечно, возражать было трудно, хотя я и сознавалъ, что такую хитрую интуку едва-ли выдумаютъ каратегинцы, и вполне былъ увѣренъ, что вся эта депутація и выставленные ею причины выдуманы нашимъ карауль-беги. Такъ какъ это было повтореніе исторіи, разыгранной съ нами въ Сохѣ, то я рѣшился не уступать и добиться поѣздки въ горы. Но что я могъ сдѣлать? Сергеръ изъ Охны и юзь-бани уѣхали; никто изъ жителей не соглашался показать дорогу. Оставалось одно: писать въ Коканъ съ просьбой о приказаніи нашему карауль-беги сопровождать насъ въ горы. Я такъ и сдѣлалъ; хотя на переѣздъ до Кокана и обратно нужно было не менѣе 4—5 дней, но я рѣшился лучше подождать, потому что еслибы я уступилъ и здѣсь, мнѣ нечего было бы рассчитывать на дальнѣйшія поѣздки въ горы; а я особенно заботился, чтобы состоялась поѣздка въ Алай, такъ какъ много слышалъ уже про эту удивительную мѣстность (самое имя Алай значить, говорятъ, — „удивляйся“). Въ письмѣ моемъ къ мехтеру я указывалъ, что, при разговорахъ съ нимъ, въ Коканѣ, опасною была признана только экскурсія на Терекъ-даванъ, и поэтому выражалъ сомнѣнія, основательны ли предостереженія со стороны жителей и просилъ, въ случаѣ подтвержденія опасеній, усилить копвой и все-таки дать намъ возможность быть на перевалѣ. Чтобы устранить замедленіе въ отвѣтѣ, я писалъ, что останусь въ Шахимарданѣ пять дней, въ теченіе коихъ, павѣрное, могъ быть полученъ отвѣтъ

изъ Кокана. „Если же,—писалъ я,—по истеченіи пяти дней, я не получу отъ васъ отвѣта, то все-таки полагаю отправиться по долинѣ Аксу къ Караказуку, предполагая, что вы нашли изложенныя въ этомъ письмѣ опасенія жителей не заслуживающими вниманія и отвѣта, и что вы считаете прежде принятія вами мѣры достаточными для наной безопасности“.

Въ ожиданіи отвѣта я посвятилъ время знакомству съ Шахимардапомъ и природой окрестностей. Мы жили въ саду, у самаго берега рѣки, какъ разъ у мѣста сліянія Аксу и Карасу. Небольшая площадка была засажена урокомъ, созрѣвавшіе въ то время плоды котораго доставляли намъ освѣжительное лакомство. Главное же — уроковыя деревья доставляли превосходную тѣплъ; было только немного сыро: бурная рѣчка, разбивавшаяся о камни, наполняла воздухъ мелкой пылью; да и вообще воздухъ былъ гораздо влажнѣе, чѣмъ внизу; одинъ день шелъ даже порядочный дождь. Дневной зной былъ умѣренный сравнительно съ тѣмъ, что наблюдается въ это время внизу; какъ у меня записано, 3 іюля было въ тѣни въ 11 ч. 45 м. утра 29° С., 8-го въ 2 ч. дня $27,4^{\circ}$ С., затѣмъ въ другіе дни около полудня: 20° , 23° , 25° С. Ночью температура не очень понижалась: чаще всего около полуночи было около 18° с. Самая низкая температура, 15° С., наблюдалась 5 іюля въ 11 ч. вечера.

Высота, на которой лежитъ Шахимарданъ, 4500'.

Нашъ садъ и ближайшія окрестности давали уже хорошиіи матеріалъ: въ протекавшей рѣкѣ мальчишки ловили рыбу весьма простыми крючками; ловилась исключительно маринка (*Schizothorax* sp.), которую туземцы называютъ ширман. Такъ какъ я за рыбу всегда платилъ, то ко мнѣ постоянно приносили ее во множествѣ и я отбиралъ только лучшіе экземпляры (вся рыба оказывалась принадлежащею къ одному виду, и, несмотря на всѣ просьбы, я не могъ получить другой формы, хотя за первый экземпляръ второй формы обѣщалъ по кокану (20 коп.).

Рыбы среднеазиатскихъ горныхъ рѣчекъ чрезвычайно любопытны и представляютъ замѣчательный зоогеографическій фактъ, котораго объясненіе я постараюсь дать въ приложеніи. Теперь же скажу, что рыбы горныхъ потоковъ принадлежатъ родамъ *Barbus*, *Schizothorax* и *Diptychus*, къ которымъ относятся и многіе изъ обитателей водъ Гималая. Виды другіе, но близко сродные съ гималайскими. На первый взглядъ фактъ этотъ долженъ показаться удивительнымъ, такъ какъ не только рѣки Гималая изливаются въ другой океанъ, но и рѣки, даже горные потоки, стекающіе съ Тяньшаня, не находятся въ связи другъ съ другомъ, по крайпей мѣрѣ въ настоящее время. Но, обращаясь къ распространенію рыбъ въ другихъ горахъ, мы находимъ, что наблюдаемый въ средней Азии фактъ не одиноченъ; именно: замѣчено, что рыбы, доходящія до верховьевъ рѣчекъ, нерѣдко встрѣчаются въ ручьяхъ, текущихъ въ противоположныя стороны. Такъ, въ Альпахъ замѣчено это относительно нѣкоторыхъ форелей. Причина, которая могла повліять на переходъ форелей изъ одного бассейна въ другой, указана: перевалъ Бреннеръ такой плоскій, что достаточно самаго небольшого препятствія, обвала, скопленія льда, чтобы ручей, текущій въ Эцъ, направился въ Дунай и наоборотъ. Тѣ же условія находимъ мы въ Тяньшанѣ и Гималаяхъ, даже въ большемъ развитіи: водораздѣлы тамъ такъ ничтожны и образованы такими мягкими возвышеніями, что измѣненія въ направленіи теченія верхнихъ ручьевъ весьма возможны. Затѣмъ возможно перенесеніе рыбъ или ихъ икры птицами: въ теченіе многихъ лѣтъ развѣ не можетъ случиться, что скопа рыбу, пойманную въ одной рѣкѣ, уронитъ въ другую, принадлежащую другому бассейну. Предыдущія замѣчанія указываютъ на возможность распространенія такихъ исклю-

чительно водяныхъ животныхъ, каковы рыбы, чрезъ сухія пространства. Указанный способъ несомнѣнно имѣлъ мѣсто, когда мы находимъ въ разныхъ рѣкахъ одну и ту же форму, или весьма близкіе виды. Но вопросъ является нѣсколько инымъ, если мы находимъ разныя формы въ горахъ довольно отдаленныхъ. Тутъ является и другая возможность. Горныя рыбы не созданы же прямо въ горахъ, онѣ, въ концѣ-концовъ, все-таки сводятся къ родичамъ, жившимъ въ морѣ. Эти родичи могли направиться въ разныя рѣчки и измѣниться тамъ неодинаковымъ образомъ. Въ общемъ они остались сходны, потому мы относимъ ихъ къ одному роду, а въ частностяхъ различны, почему признаются за разные виды. Напр. родъ *Diptychus* извѣстенъ, съ одной стороны, изъ Тяньшана, съ другой — изъ Тибета. Мы можемъ съ большою вѣроятностью предполагать, что рыба, отъ которой произошли эти породы, жила въ морѣ, которое еще недавно покрывало теперешній Алтышаръ; затѣмъ она направилась въ горные потоки, стекавшіе съ Тяньшаня и Тибета: та, которая поселилась въ Тяньшанѣ, измѣнилась и дала *Diptychus Sewerzowi*, другая, попавшая въ нѣсколько инія условия въ Тибетѣ, измѣнилась иначе и потому получила другое названіе. На всемъ промежуточномъ пространствѣ между Тибетомъ и Аксаемъ родъ *Diptychus* не встрѣчается, а рыба эта такъ рѣзко отличается отъ другихъ, что я ее замѣтилъ бы. Фактъ, что двѣ разныя формы встрѣчаются въ горахъ, между которыми лежитъ широкая долина, только и можетъ быть объясненъ такимъ образомъ.

Въ строеніи роды *Schizothorax* и *Diptychus* представляютъ двѣ особенности, встрѣчаемыя еще у весьма немногихъ рыбъ: губы ихъ покрыты въ извѣстное время года твердой пластинкой, съ острымъ, рѣжущимъ краемъ, и около пороницы и полового отверстія у нихъ находится обширная складка, ограненная особой формы чешуйками.

Губная пластинка развивается только въ опредѣленное время года у обоихъ половъ; въ другое — губы представляются мягкими; размѣръ губъ опять бываетъ различенъ. Толстыя губы выдѣляютъ обильную слизь и я предполагаю, что твердая пластинка образуется чрезъ отвердѣніе выдѣленийъ железъ, находящихся въ губахъ; тогда совершенно понятво, что губы, при усиленномъ развитіи железъ, дѣлаются толще; пластинка эта у спиртовыхъ экземпляровъ весьма легко отпадаетъ, — это также показываетъ, что она — какъ будто приклеенное къ губѣ затвердѣвшее отдѣленіе; вѣроятно ее нужно отнести къ кутикулярнымъ образованіямъ, выдѣляемымъ железами. Какую роль она играетъ — неизвѣстно. Туземцы рассказывали мнѣ, что во время метанія шкуры, маринга входятъ въ арыки, отведенные изъ горныхъ рѣчекъ, въ мягкихъ стѣнкахъ арыковъ дѣлаютъ норы, и что тогда ее легко поймать въ пору. Не играютъ ли губы, покрытыя острыми пластинками, при этомъ роли, т.-е., можетъ быть, она откусываетъ ими землю? Чѣмъ иначе можетъ она сдѣлать пору? Расщепъ или складка, на днѣ которой находится половое отверстіе, вѣроятно, играетъ какую-нибудь роль при размноженіи; возможно, что она помогаетъ совокупленію, т.-е., что самецъ и самка прикладываются своими анальными складками и живчики лучше, вѣриже оплодотворяютъ яички. Не нужно забывать, что всѣ эти рыбы съ анальнымъ расщепомъ живутъ въ страшно быстро-текущихъ водахъ. Желательно, чтобы охотники до рыбной ловли проверили высказанныя предположенія.

Для собиранія безпозвоночныхъ наша стоянка представляла превосходныя условія: на небольшой площадкѣ у берега рѣки, открытой для солнца и поросшей растеніями, бывшими тогда въ цвѣту, летала масса насекомыхъ. Площадка была въ какія-нибудь 50 квадр. са-

женъ и на ней, въ одинъ день, 2 июля, было собрано 725 экземпляровъ насѣкомыхъ, а собиралъ почти одинъ препараторъ; всего же въ 6 дней пребыванія въ Шахимарданѣ было собрано 1700 экземпляровъ насѣкомыхъ разныхъ отрядовъ. Хорошую добычу доставляли еще большіе камни, лежавшіе по берегу рѣки; мѣсто было сырое и подъ этими камнями находили пріютъ во множествѣ разные жуки и другія насѣкомыя. Подъ камнями же были найдены голые слизняки, животныя, весьма рѣдкія въ Туркестанѣ: я встрѣтилъ ихъ тамъ всего только три вида: одинъ видъ очень крупный, *Parmacella Olivieri*, нерѣдокъ въ тѣнистыхъ садахъ Заравшанской долины; другую форму (*Amalia maculata* n. sp. K. et H.) я нашелъ близъ Самарканда; наконецъ третья была найдена въ Шахимарданѣ; послѣдняя очень близка къ обыкновенному въ Европѣ *Limax agrestis*, по оказалась особымъ видомъ (*Limax Fedtschenkoï* n. sp. K. et H.). Впрочемъ, только близъ рѣчки и былъ хорошій сборъ въ Шахимарданѣ; чуть удалялись отъ нея, почва дѣлалась сухой, каменистой, бесплодною. Съ запада, сейчасъ надъ паними садами, возвышалась площадка; высота ея была сажень десять; вся эта толща состояла изъ конгломерата. Съ этой площадки и снятъ прилагаемый видъ Шахимардана. Далѣе къ западу возвышались обнаженные скалистыя горы и такія же высплсь на противоположномъ берегу.

Богаче по результатамъ были болѣе отдаленныя экскурсіи, особенно въ долину рѣки Карасу, т.-е. того притока, который идетъ прямо съ юга. Другая рѣка, Аксу, течетъ съ запада; Карасу — гораздо меньше, но рѣка по слиянію сохраняетъ направленіе съ юга на сѣверъ. Очевидно, что эта, съ юга на сѣверъ, чрезъ нѣсколько цѣпей или грядъ переходящая трещина, — есть примитивная, т.-е. образовавшаяся при поднятіи горныхъ массъ и впослѣдствіи, дѣйствіемъ воды, расширенная. Всѣ рѣки, стекающія съ южно-коканскихъ горъ къ Сыръ-дарьѣ, текутъ по такимъ трещинамъ; мѣстами же, но сравнительно на меньшемъ протяженіи, по продольнымъ лоцинамъ между грядъ. Эти поперечныя трещины, дѣйствіемъ воды превратившіяся въ долины, весьма интересны въ одномъ отношеніи: наблюденія надъ ними не подтверждаютъ предположенія, что въ разсматриваемыхъ горахъ былъ ледяной періодъ; напротивъ, они скорѣе приводятъ къ заключенію, что онъ не имѣлъ здѣсь того развитія, какое, напр., въ Альпахъ. Дѣйствительно, еслибы ледяной періодъ былъ, то при этомъ или 1) ледники доходили до моря, т.-е. онъ могъ быть, когда море покрывало еще Фергану, или 2) ледники не доходили до моря, причемъ Фергана могла уже быть сушей, или еще быть покрытой моремъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы въ указанныхъ долинахъ горныя озера; наблюденія надъ фіордами показываютъ, что трещины, образующіяся при поднятіяхъ, выполняются ледниками (конечно, если есть благопріятныя для такого роста ледниковъ условія, если нѣтъ, — то трещины эти или засыпаются землей, или превращаются въ долины рѣкъ), которые, въ мѣстѣ соприкосновенія съ моремъ, таютъ, и отлагаютъ такъ-называемую конечную морену. Когда потомъ ледники исчезнутъ, или уменьшатся, то получается или фіордъ, — если трещина доходитъ до морскаго берега, или горное озеро, — если море, омывавшее ея конецъ, по какимъ-либо причинамъ, отошло. Первый случай мы видимъ въ Норвегіи (фіорды); второй — въ сѣверной Италіи (*Lago di Garda, di Como, Maggiore* и проч.); и въ томъ и другомъ случаѣ наблюдается, что гдѣ былъ прежде конецъ ледника, тамъ теперь гораздо мельче, чѣмъ далѣе къ срединѣ озера или фіорда. Между тѣмъ, ни въ одной изъ поперечныхъ трещинъ, или теперешнихъ долинъ, не только въ южно-коканскихъ горахъ, но и во всемъ Тяньшанѣ,

не наблюдается ни одного озера ¹⁾). Следовательно, въ Тяньшанѣ ледяного періода не было, когда Арало-каспійская низменность, собственно части ея, прилегающія къ горамъ, были еще подъ водой. Во второмъ случаѣ, т.-е. если ледники не достигали моря, озера могли и не образоваться, но тогда мы видѣли бы древнія морены, находили бы слѣды движенія ледниковъ (исчерченныя, или отшлифованныя поверхности) на бокахъ ущелій, а ихъ не видали до сихъ поръ никто, хотя много уже изслѣдователей посѣтило Тяньшань. Да еслибы ущелье у Шахимардана было когда-нибудь занято ледникомъ, сомнѣваюсь, чтобы ущелье упомянутый выше конгломератъ,—его бы стерло безъ остатка.

Но могутъ сказать, что если не прямыя наблюденія, то косвенныя приводятъ къ заключенію о существованіи ледяного періода въ Тяньшанѣ; на это я скажу, что всякія такого рода соображенія имѣютъ значеніе весьма и весьма второстепенное. Замѣчу еще, что въ Алтаѣ, находящемся гораздо сѣвернѣе, слѣдовъ древнихъ ледниковъ, какъ я узнаю изъ сочиненія Котты, до сихъ поръ не найдепо; онъ прямо говоритъ даже, что ледяного періода въ Алтаѣ не было. Въ Гималаяхъ Гукеромъ (*Himalayan Journals*) указаны древнія морены, но на высотѣ не ниже 8—10000', и я этого не признаю за ледяной періодъ, т.-е. такое особое состояніе известной части земной коры, при которомъ физическія условія на всемъ или, по крайней мѣрѣ, наибольшемъ пространствѣ этой части приближались къ полярнымъ.

Ущелье, по которому текла рѣчка Карасу, мы также посѣтили нѣсколько разъ. Обильное водой, хорошо обработанное, оно богато растительностью, но почти исключительно культурной. Склоны горъ покрыты были засохшей травой и на нихъ можно было собрать немного. Мнѣ хотѣлось по немъ проѣхать далѣе, что казалось особенно легко, т.-е. я не ждалъ противодѣйствія со стороны нашего вожака, потому что никакой дороги въ Каратегипъ по ущелью не идетъ и, доѣхавъ до киргизскихъ кочевокъ, я вернулся бы назадъ. Но караулъ-беги возсталъ и противъ этой попытки, ссылаясь на трудности дороги: «упадете еще, пожалуй, да расшибетесь». На эти увѣщанія я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и 5-го іюля мы отправились вверхъ по ущелью, въ сопровожденіи нѣсколькихъ коканскихъ джигитовъ. Многого отъ этой поѣздки я не ожидалъ, такъ какъ зналъ уже, что горное озеро, которое находится въ ущельи, лежитъ очень близко (караулъ-беги, напротивъ, выставлялъ, что оно лежитъ очень далеко въ горахъ и весьма трудно доступно), но сдѣлать эту поѣздку счелъ необходимымъ, иначе выходило бы, что мы не можемъ оставить Шахимардана. Я рѣшилъ сдѣлать и еще поѣздки въ ближнія горы, чтобы, пріучивъ поемному коканцевъ, въ одинъ прекрасный день выѣхать уже подальше, по дорогѣ на Караказукъ.

Озеро оказалось всего въ 7 верстахъ отъ Шахимардана: ущелье вскорѣ съ окончаніемъ садовъ слузилось; рѣчка Карасу протекающая по немъ, оказалась выходящею изъ трещины въ конгломератѣ въ боку ущелья; а самое ущелье въ этомъ мѣстѣ загромождено камнями. Съ источникомъ, т.-е. выходящей наружу рѣчкой, связано имя Шахимардана: онъ, будто бы,

¹⁾ Описываемое далѣе озеро Кутбанъ-куль не можетъ служить доказательствомъ противнаго: оно, очевидно, произошло отъ обвала скалы, завалившихъ узкую долину; озеро Искандеръ-куль, по-моему, тоже не одинаковаго образованія съ сѣверо-итальянскими: это — просто яма. Замѣчу еще, что все соображенія, приводимыя здѣсь, вытекаютъ только, что ледники въ Тяньшанѣ никогда не спускались такъ низко, какъ въ Европѣ, именно ниже 4500—5000'. Доходили ли они до 6—7000', вообще были ли они прежде обширнѣе—для этого нужны другія наблюденія. Но, повторяю, если они и спускались до 6—7000', то отсюда еще далеко до того ледяного періода, который былъ въ Европѣ, и во время котораго многочисленныя ледники Швейцаріи спускались до высоты 600'. До 8000' спускаются ледники и теперь (Заравшанскій), а развѣ это мѣшаетъ Ходжену имѣть самый жаркій климатъ изъ всехъ мѣстностей, занятыхъ русскими.

Alpa - Adhshenko - ad - nat - del

1909

11. 11. 1909

1909

1909

тутъ нѣкоторое время жилъ и изъ камня извлекъ воду. Богомольцы, стекающіеся въ Шахмарданъ, приходятъ и сюда и совершаютъ омовеніе святою водою. Для укрытія странниковъ устроена избушка, а для обозначенія святости мѣста поставлена обычная палка съ лоскутьями. Ущелье поросло въ этомъ мѣстѣ кленами, березой и дулоной. Туземцы, проводя насъ къ источнику, кажется надѣялись, что мы тутъ и оставимся, очарованные такимъ явленіемъ. Но меня болѣе занимала каменная плотина, запиравшая долину. По ней шла дорожка и мы стали подниматься. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на гребнѣ ея и открывшійся передъ нами видъ поразилъ насъ: мы были на краю Кутбань-куля, горнаго озера, съ чистою снѣгою водою. Оно лежало сажень на 10 ниже насъ; размѣры его не велики: въ длину съ полверсты, а въ ширину—сажень 50; справа и слѣва оно было обставлено отвѣсными горами; на югѣ этотъ корридоръ расширился и горизонтъ закрытъ былъ высокими горами Малнкъ и Кауштусъ, съ которыхъ спускались богатые растительностью луга, образующіе лѣтовку Курруайлау. Южный берегъ озера былъ довольно плоскій, покрытый деревьями, между которыми замѣтно было нѣсколько домиковъ, очевидно, киргизская кстау (зимовка).

Я освѣдомился о дорогѣ дальше и мнѣ начали говорить, что дальше уже ѣхать нельзя и т. д. Въ это время на правой сторонѣ отъ озера, на выступѣ утеса, показался киргизъ съ ношей на плечахъ и, слѣдя за его движеніемъ, я разсмотрѣлъ тропинку, по которой проходятъ на другой конецъ озера. Такъ какъ путникъ обозначилъ дорожку и возможность пройти по ней, то наши коканцы не могли уже настаивать на отсутствіи дороги; начались увѣренія, что дорожка такъ опасна, что мы рискуемъ свалиться въ озеро и т. д. При этомъ переводчикъ сообщалъ, что караулъ-беги при отъѣздѣ нашемъ поручилъ взять съ меня, если я, несмотря на всё увѣщанія, все-таки отправлюсь, росписку въ томъ, что я не послушался и пошелъ по дорожкѣ въ противность предостереженіямъ. Тогда въ случаѣ несчастія онъ считалъ бы себя гарантированнымъ отъ отвѣтственности. Станный взглядъ у этихъ людей: чтобы охранить меня и себя, они, въ трудныхъ мѣстахъ, вмѣсто того, чтобы всячески уменьшить опасность указаніемъ болѣе надежной дорожки и т. д., напротивъ — прекращали всякія указанія и помощь, чтобы тѣмъ вынудить меня не идти далѣе. Такъ было на ледникѣ Щуровскаго; такъ было здѣсь; такъ было потомъ во множествѣ случаевъ (Караказукъ, Алай, Кавукъ, Кичи Алай, Гульша).

Дорожка была дѣйствительно не хороша: проложенная по выступамъ скалы, она шла по склону почти отвѣсному; бревна можжевельника, упертыя въ выступы скалы, были положены во многихъ мѣстахъ, образуя нависшіе надъ озеромъ балконы (какъ характерно прозвали такія мѣста во время Исандеръ-кульской экспедиціи); но что всего хуже—по этимъ балконамъ нужно было подниматься и очень круто; этого не было даже на Фанѣ. Какъ все это держалось безъ всякихъ желѣзныхъ скрѣпъ, не понимаю: возможно, что оно не выдержало бы тяжести лошади и съѣхало бы внизъ. Меня увѣряли, что лошади и не ходятъ по этой дорожкѣ, а переправляются черезъ озеро вплавъ; вьюки же переносятся на рукахъ. Дѣйствительно, къ берегу озера спускалась дорожка, а другая начиналась на противоположной сторонѣ.

Сообразивъ время, я увидѣлъ, что, едва успѣвъ пройти трудное мѣсто, я долженъ буду спѣшить назадъ, такъ какъ спускаться въ темнотѣ по такой дорогѣ нечего было и думать; пройти же только для того, чтобы показать коканцамъ мою неустрашимость, очевидно не стоило. Поэтому я ограничился тѣмъ, что подпался лишь на нѣсколько сажень и затѣмъ

предпочелъ заняться осмотромъ каменистой осыпи, завалившей долину. Эта осыпь и есть причина образованія озера. Первая мысль моя была—не есть ли это древняя морена? Но потомъ, взглянувъ на стѣны ущелья, я понялъ, что то были только отвалившіеся отъ отвѣсно возвышающихся здѣсь горъ камни: видны были совершенно свѣжія поверхности, множество трещинъ; наконецъ такой видъ известковыя горы имѣли какъ разъ на томъ протяженіи (около 120 сажень), на которомъ лежала каменная плотина. Очевидно, явленіе объяснялось и безъ ледника. Каменистая гряда эта такъ плотно слежалась уже (что опять указываетъ на сильную разрушаемость породы), что истокъ озера выходитъ не изъ нея, а изъ трещины въ боковой стѣнѣ ущелья, какъ указано выше.

Trigonoccephalus halys, въ наст. вел.

Возвращаясь, я увидѣлъ экземпляръ змѣи, которая необычнымъ своимъ видомъ внушила мнѣ осторожность и которую туземцы называли мнѣ чагыри-гилянъ и признали за весьма ядовитую, что и подтвердилось при ближайшемъ осмотрѣ. Змѣи не слишкомъ часто встрѣчаются въ Туркестанѣ, да и тѣ, которыя попадаются, почти все ядовитыя; ихъ мнѣ извѣстно пять видовъ: весьма красивая *Tarhometeron lineolatum* (*Choristodon sibiricus*): длинная, толкая, съ нѣсколькими желтоватыми линиями на оливковомъ полѣ; *Tropidonotus hydrus*, водяной ужъ, обыкновенная европейская форма; *Elaphis diene*, описанная еще Палласомъ изъ южной

Сибири; *Zamenis Fedtschenkoï*, новая форма, распространенная отъ Красноводска до Ташкента: очень крупная змѣя, по совершенно безвредная; наконецъ, *Egux jaculus*, весьма любопытная змѣя, толстая, съ очень короткимъ толстымъ хвостомъ. Она принадлежитъ къ семейству питоповъ, т.-е. къ тому же куда и всѣмъ извѣстныя удавы и боа (*Python* и *Boa*) и прежде называлась даже татарскимъ удавомъ (*Boa tatarica*). Всѣ эти формы замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что имѣютъ зачатки заднихъ конечностей: они скрыты, лежатъ по сторонамъ клоаки въ видѣ двухъ ногтевидныхъ придатковъ; для движенія не служатъ, но играютъ роль при совокупленіи.

Змѣя, попавшаяся у озера, оказалась ядовитою и притомъ одною изъ самыхъ опасныхъ: *Trigonoscephalus halys*; принадлежитъ къ семейству *Crotalidae*, т.-е. къ тому же, куда и американская гремучая змѣя. Кромѣ нея, изъ ядовитыхъ въ Туркестанѣ найдена еще гадюка, *Vipera berus*; но она должна быть очень рѣдка: я нашелъ ее всего разъ и то въ желудкѣ анста, убитаго на Чирчикѣ подъ Ташкентомъ.

Другая поѣздка была сдѣлана 7 іюля въ ущелье, верстахъ въ пяти отъ Шахимардана. Проѣхавъ довольно широкую лощину, по которой течетъ Аксу, я, не доѣзжая с. Горданъ, свернулъ влѣво по ущелью, которое хотя и было сухо, но обѣщало привести насъ въ глубь горъ. Несмотря на протесты со стороны коканцевъ, что тутъ нѣтъ никакой дороги, я поѣхалъ по ущелью, говоря, что тѣмъ будетъ безопаснѣе, и нечего бояться, что придутъ каратегинцы.

Ущелье было замѣчательно узко и наполнено обломками камней, скатившихся съ крутыхъ боковъ его; эти каменистыя осыни лежали попеременно, то у правой стороны, то у лѣвой, и дорожка или проходила между ними, или взбиралась на самую осыпь. Черезъ нѣсколько времени ущелье расширилось и дорожка пошла по крутому склону вверхъ; мы предпочли пойти далѣе пѣшкомъ. Ущелье въ этой части оказалось весьма лѣсистымъ; склоны горъ были покрыты разными листовными деревьями и можжевельникомъ. Высоко надъ нами раздавались голоса киргизовъ и удары топоровъ; это киргизы рубили лѣсъ; для вывоза его и служить дорожка.

Древесныя и кустарныя породы въ ущельи были: рябина, *Cotoneaster*, *Rosa*, *Spiraea*, два вида *Lonicera*, *Ephedra*, *Juniperus*, *Berberis*, *Caragana*, *Ribes*.

День 7 іюля былъ послѣднимъ срокомъ, до котораго я опредѣлялъ ждать отвѣта изъ Кокана отъ мехтера. Вернувшись изъ ущелья, я отвѣта однако не нашелъ; уже поздно вечеромъ прибылъ джигитъ съ письмами изъ Кокана.

Письмо отъ мехтера было очень характерно и я рѣшаюсь привести его въ переводѣ:

„Почтенному пріятелю нашему, Алексѣю Павловичу Федченко.

Письмо ваше, присланное съ Мухаммедъ-Юсуфомъ, нами получено. Его величество ¹⁾ ханъ уѣхалъ въ сѣверныя владѣнія ²⁾ и письмо ваше, гдѣ изъявляете вы желаніе перевалиться чрезъ каратегинскій даванъ, я уже послалъ къ хану. Но я, желая вамъ добра, могу сказать, что лучше бы было, еслибы вы оставили ваше желаніе съѣздить въ ту страну, такъ какъ каратегинскія владѣнія—страна, намъ не подвластная и не дружественная. Просите вы также побольше людей; но если вы поѣдете въ ту страну со многими людьми, то жители испугаются и этимъ учинится нашимъ подданнымъ безпокойство; встревожатся также и каратегинцы, узнавъ о пріѣздѣ многихъ

¹⁾ Русскіе титулуютъ среднеазиатскихъ владѣтелей „ваше высокостепенство“, но сами они употребляютъ титулъ „величество“.

²⁾ Т.-е. въ бекства по сѣверному берегу Сыръ-дарьи.

людей. Не хорошо, если случится съ вамъ какое-нибудь несчастіе. Мы не знаемъ и не видимъ, какая польза намъ принесется, если вы не посѣтите эту страну, считаемъ также безвредною и вашу поѣздку туда; но желаемъ только одного: чтобы вы, какъ пріѣхали благополучно, такъ и благополучно вернулись. Такъ какъ его величество, нашъ ханъ, находится въ дружбѣ съ великимъ императоромъ и генераль-губернаторомъ, то намъ будетъ непріятно и совѣстно, если какіе-нибудь недобрые люди, воры или тюрки, нанесутъ вамъ несчастіе. Наши люди, находящіеся при васъ, вамъ добра желаютъ. Лучше сдѣлаете, если будете слушаться ихъ предостереженій. 1288 года 1 день мѣсяца Хаммадь-Уль-Ауаль.

Печать: Мулла Миръ-Камиль мехтеръ мирахуръ, сынъ муллы Миръ-Гиппаятъ“.
(Переводилъ прапорщикъ Нурекинъ).

Невинное мое желаніе доѣхать до перевала было понято (очевидно, вслѣдствіе письма карауль-беги, писавшаго одновременно со мной) за попытку уѣхать въ Каратегинъ. Я рѣшилъ успокоить мехтера и послалъ ему разъясненіе, что я имѣлъ въ виду доѣхать только до перевала, самое большее — подняться на него, и затѣмъ во всякомъ случаѣ возвратиться въ Шахимарданъ и увѣрялъ его, что всячески и самъ желаю, чтобы съ нами не случилось никакой непріятности, «и въ отплату за гостепримство, которымъ мы пользуемся, вовсе не желаю подвергать ханское правительство непріятностямъ». Въ заключеніе сообщалъ: «сегодня съ людьми карауль-беги и серкеромъ Охны поѣду по ущелью до безопаснаго мѣста».

Съ тѣмъ же посланнымъ карауль-беги отправилъ мехтеру просьбу дозволить ему вернуться въ Коканъ «по болѣзни».

Бѣдный карауль-беги! Мнѣ было искренно жаль его: старикъ онъ былъ добрый, услужливый, но вѣдь не могъ же я исполнить его желаніе — ѣздить по кишлакамъ и притомъ скоро; онъ меня все дожималъ примѣромъ К. В. Струве: «вотъ былъ у насъ (въ 1870 г.) тюркь, такъ тотъ старался поскорѣе переѣхать изъ одного мѣста въ другое, а вы все останавливаетесь по дорогѣ». Не могъ онъ уяснить себѣ, что цѣли у насъ были разныя.

Я очень благодаренъ еще карауль-беги за сообщенныя имъ свѣдѣнія о Каратегинѣ и Дарвазѣ; оказалось, что онъ участвовалъ въ завоеваніи этихъ бекствъ въ царствованіе Мадали хана. Я сообщу этотъ рассказъ позже.

Остановлюсь еще нѣсколько на письмѣ мехтера: оно очевидно было написано подъ вліяніемъ ошибочныхъ свѣдѣній о моихъ намѣреніяхъ. Но помимо этого дышало полною откровенностью, высказывало, что пожалуй лучше не ѣздить, чтобы не было какой непріятности. Я считаю долгомъ указать на это въ виду мнѣнія, высказаннаго однимъ изъ путешественниковъ по Бухарскому ханству, что его не пустили въ Керки и Чарджуй изъ политическихъ соображеній, что туземныя правительства въ Средней Азій не допускаютъ русскихъ посѣщать ихъ земли, кромѣ столицъ и большихъ городовъ. Какъ читатель видѣлъ уже и увидитъ дальше, едвали кому приходилось слышать и читать столько увѣщаній не ѣздить, какъ мнѣ, и однако ни въ одномъ случаѣ не было и возможности предполагать, что эти убѣжденія имѣли источникомъ желаніе правительства не показывать какой-либо мѣстности. Со стороны крупныхъ властей эти увѣщанія вызывались заботами о нашей безопасности. со стороны низшихъ и нашихъ спутниковъ тою же причиною и нежеланіемъ ѣздить по горнымъ тропинкамъ, претерпѣвать холодъ и лишения въ пищѣ.

Продолжительное пребываніе въ Шахимарданѣ имѣло однако свое вліяніе: я рѣшилъ употребить на поѣздку къ перевалу только четыре дня, вмѣсто восьми, какъ думалъ прежде. Рѣшено было, что мы остановимся на почлегѣ въ с. Юрданъ, крайнемъ осѣдломъ пунктѣ, и

въ слѣдующій день доѣдемъ до перевала. Для облегченія движенія я взялъ съ собою самое необходимое; палатки, постели и т. п. вещи — все было оставлено, чтобы только облегчить движеніе и освободиться отъ доводовъ, что дальше такого-то мѣста ѣхать никакъ нельзя, потому выюки и т. д. Фуражъ былъ, впрочемъ, взять, чтобы можно было остановиться въ любомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ лошадямъ хорошо.

Вечеръ, 8 іюля, мы употребили на переѣздъ въ с. Іорданъ; дорога была мнѣ уже знакома; она идетъ по широкой лоцинѣ между двумя грядами горъ; рѣка прорыла себѣ глубокое ложе на днѣ этой лоцины, посреди наполняющихъ ее конгломератовъ. Русло находится какъ разъ у сѣверной гряды, которая оканчивается къ рѣкѣ почти отвѣсными обрывами; противъ Іордана гора имѣетъ довольно большую плоскость даже совершенно вертикальную. Напротивъ, южная половина лоцины довольно широка, горы начинаются въ верстѣ отъ рѣки и эта часть лоцины почти вся обработана. Жители во время нашего проѣзда убрали хлѣбъ (ишеницу). Фактъ, далеко не лишній интереса, что все время, отъ вѣзда въ ханство до крайняго нашего пункта на востокъ, въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ (съ 6 іюня по 12 августа), мы постоянно видѣли уборку хлѣба, конечно, на разныхъ высотахъ: 6 іюня близъ Махрама, въ концѣ іюня на высотахъ около 4000', 8 іюля въ Іорданѣ (4800'), 28 іюля на Агъ-бурѣ (8000') и 12 августа въ Тюечи (7400').

Не доѣзжая полуверсты до Іордана, мы проѣхали чрезъ весьма любопытное мѣсто: обширныя развалины когда-то бывшаго тутъ селенія; оказывается, что мѣсто, на которомъ оно находилось, вдругъ осѣло на нѣсколько сажень, но не равномерно, отчего дома разрушились, а почва сдѣлалась неровною, бугристою. Говорятъ, много жителей при этомъ погибло. На южной окраинѣ осѣвшаго пространства видно, на какой высотѣ она была прежде: отвѣсный обрывъ до 2 сажень высоты ясно показываетъ это. Жители называютъ это мѣсто Качканъ-джаръ (качканъ значитъ бѣжить, жаръ — обрывистый берегъ), а разрушенный кишлакъ назывался Таджикъ-кишлакъ. Поводомъ къ осѣданію, мнѣ кажется, послужили слѣдующія обстоятельства: у Іордана есть небольшое озеро, образовавшееся отъ камней, падающихъ съ отвѣсной скалы лѣваго берега; значитъ стокъ воды въ рѣкѣ затрудненъ; затѣмъ долина выполнена конгломератомъ, т.-е. породой, легко проницаемой водою, какъ я уже прежде много разъ указывалъ (я сообщалъ выше, что подземный истокъ озера Кутбапъ-куль выходитъ изъ трещины конгломерата, лежащаго въ боку ущелья; водѣ, слѣдовательно, легче проложить себѣ путь чрезъ него, чѣмъ чрезъ слежавшуюся массу обломковъ известняка). Задержанная въ озерѣ вода проникала въ конгломератъ и промыла его подземными потоками настолько, что верхній слой наконецъ провалился въ эти подземныя пустоты. Такъ какъ вода промыла вѣроятно каналы и мѣстами болѣе обширныя пустоты, то въ результатѣ и получилось неравномѣрное осѣданіе и нынѣшняя бугристая поверхность.

Въ Іорданѣ въ рѣку Аксу вливается съ южной стороны значительный ручей. Широкая долина этого ручья занята полями и садами селенія, а само селеніе (очень небольшое) стоитъ на крутомъ обрывѣ праваго берега.

Ночь подъ открытымъ небомъ или, точнѣе, подъ садовыми деревьями, прошла отлично. Чѣмъ свѣтъ мы поднялись и двинулись дальше. Переѣхавъ чрезъ долинку упомянутаго ручья, мы поднялись и стали двигаться по лоцинѣ, составлявшей продолженіе той, по которой мы ѣхали наканунѣ. Но здѣсь она была уже. Какъ разъ у Іордана, горы подходятъ къ рѣкѣ совсѣмъ близко. Тутъ рѣка образуетъ, какъ я говорилъ, разливъ въ родѣ озера и дорога долж-

на проходить по склону горы. Гора, впрочемъ, имѣеть довольно мягкій грунтъ и потому дорожка раздѣлана широкая, совершенно безопасная. Ее видно уже изъ Шахимардана, но оттуда она представляется въ видѣ узкой желтой полоски на склонѣ почти вертикальномъ и кажется очень опасною; вблизи же она такъ удобна, что мы безъ малѣйшихъ затрудненій развѣхались на ней съ встрѣтившимися киргизами и караваномъ верблюдовъ съ громоздкими выюками. Дальше дорога превосходная до самаго конца продольной лоцины, до того мѣста, гдѣ рѣка выходитъ изъ поперечной трещины. На этомъ концѣ лоцины, на лѣвомъ берегу, т.-е. на солнечной сторонѣ (кунгей) мы увидѣли обширную киргизскую зимовку, Кара-Шура. Къ западу отъ этой зимовки лоцина скоро закапчивалась пологимъ возвышеніемъ, на которое поднималась дорога; это Шували-бель (или Шивели, или даже Чиверли-бель по выговору киргизовъ). У выхода рѣки изъ поперечной щели, отъ нея отходятъ первые арыки и тутъ, на высотѣ около 6000', находятся пашни; немного выше ихъ есть еще небольшіе засѣянные клочки.

Такой сравнительно низкій предѣлъ земледѣлія въ этомъ ущельи зависитъ просто отъ того, что дальше нѣтъ удобныхъ мѣстъ, сколько нибудь ровныхъ площадокъ.

Въ началѣ щель довольно широка и дорога не представляла затрудненій, такъ что даже наши спутники еще не дѣлали предложеній вернуться. Но видно было, что дальше будетъ не то; прежде, впрочемъ, чѣмъ мы доѣхали до узкаго мѣста, мы увидали на дорогѣ нѣсколько человѣкъ киргизовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были съ саблями. Дѣло, впрочемъ, скоро разъяснилось и притомъ самымъ благопріятнымъ образомъ: это была завѣдующій дорогой юзь-баши Тасъ-Магометъ съ своими людьми. Онъ недавно еще уѣхалъ изъ Шахимардана въ Охну и обѣщалъ пріѣхать 8-го вечеромъ, чтобы сопровождать насъ къ перевалу, но не пріѣхалъ, и я думалъ, что онъ, напуганный карауль-беги, рѣшилъ не ѣхать съ нами. Но оказалось, что была другая причина: какъ я уже говорилъ, на его обязанности лежитъ завѣдываніе дорогой — онъ представляетъ пограничную стражу, обязанную наблюдать, чтобы торговцы не уклонялись отъ уплаты зякета и чтобы недовольные правительствомъ не проходили въ сосѣднія владѣнія. Вслѣдствіе несогласій съ Каратегинномъ (о которыхъ ниже) торговля сношенія съ этой страной запрещены, такъ что обязанность юзь-баши сводится къ тому, чтобы никому не позволять ѣздить въ Каратегинъ или пріѣзжать оттуда. Между тѣмъ онъ получилъ свѣдѣнія, что какой-то саудагаръ (купецъ) отправился въ Каратегинъ съ нѣсколькими выюками товаровъ, почему онъ и пустился въ догонку за нимъ. При этомъ разъяснилось, что изъ Охны есть другая дорога въ Каратегинъ, минуя Шахимарданъ. Эта дорога идетъ сначала на западъ по урочищу Кульле (или Кульдо; это должна быть та самая лоцина, по которой мы спустились въ Охну) до Шували; затѣмъ черезъ Иль-Кучукъ, гдѣ стоитъ карауль пограничной стражи, направляется на перевалъ Кумъ-бель, затѣмъ опять спускается въ ущелья и черезъ Алаудинъ-бель переходитъ въ верховья Коксу, откуда направляется на Занку въ Каратегинъ. Дорога эта идетъ отъ Шували (или, по-киргизски, Шивели) до Кумъ-бели по сухимъ оврагамъ, въ которыхъ только весной текутъ ручьи. Отъ этого и отъ необходимости переходить черезъ высокіе, трудные перевалы, дорога эта считается очень затруднительною и ею пользуются въ крайнихъ случаяхъ или при необходимости пробраться тайкомъ. Между Кумъ-белью и Алаудинъ-белью дорога проходитъ по ущельямъ, ручьи которыхъ стекаютъ въ Аксу. По такому-то ущелью юзь-баши со своими спутниками и уѣхалъ на ту дорогу, по которой мы ѣхали. На западъ съ той дороги есть

дорожка только въ лѣтовку Бохвачъ, которая славится у киргизовъ богатствомъ растительности, но трудно доступна; Бохвачъ лежитъ вѣроятно высоко, тамъ содержатъ яковъ (*Bos grunniens*) — подаренный мнѣ въ Алабъ былъ приведенъ оттуда, а яки лѣтомъ пасутся не ниже 11—12000'. Бохвачъ является такимъ образомъ крайнимъ пунктомъ распространенія этого животнаго (въ домашнемъ состояніи) въ сѣверо-западномъ направленіи. Другихъ дорогъ въ направленіи на западъ пѣтъ и горы Алаудинъ отрѣзываютъ бассейнъ Шахимарданской рѣки отъ бассейна Сохской, что, какъ я уже говорилъ, сильно затруднило подавленіе возстанія киргизовъ въ верховьяхъ Сохской рѣки. Слухи объ этомъ возстаніи дошли, впрочемъ, и до Шахимардана и здѣсь мнѣ подтвердили, что часть киргизовъ (именно родъ Чаирчи), не видя возможности бороться съ коканцами, откочевали въ Каратегинъ.

Юзь-башни былъ мраченъ; онъ не могъ догнать купца, не нашелъ его въ боковыхъ ущельяхъ и никто изъ агентовъ пограничной стражи, живущихъ въ разныхъ пунктахъ, тоже никого не видалъ. «Точно сквозь землю провалился!» говорилъ съ сердцемъ киргизъ, и дѣйствительно, трудно понять, какъ можно куда-нибудь скрыться, когда горы и ущелья такъ голы, что одного взгляда достаточно, чтобы убѣдиться, есть ли кто на нихъ. При этомъ оказалось, что юзь-башни при своихъ поискахъ заѣзжалъ и къ Караказуку, и такимъ образомъ мы имѣли самое точное свѣдѣніе, что часть, много полтора тому назадъ, тамъ каратегинцевъ и вообще никакихъ непріятелей и недобрыхъ людей не было. Я воспользовался этимъ, чтобы опять настаивать на поѣздкѣ туда и сталъ просить юзь-башни, чтобы онъ сопровождалъ насъ. Онъ видимо колебался, отговаривался, что нѣкоторымъ изъ его людей нужно быть дома (съ нимъ было человекъ семь), — я сказалъ, что онъ можетъ часть отпустить; что его лошадь измучилась при розыскахъ купца — я посоветывалъ ему взять лошадь у одного изъ тѣхъ, что поѣдутъ обратно, предлагая, что я заплачу за это; наконецъ намекнулъ ему, что его ждетъ въ Шахимарданѣ обѣщанный шелковый халатъ. Уговаривалъ я его долго, пока мы и все общество шли кумысь, который онъ везъ съ собою — ясный признакъ, что онъ былъ въ киргизской лѣтовкѣ. Кумысь былъ выпить, — всякій спѣшилъ утолить свою жажду этимъ отличнымъ напиткомъ, — и я шуточно замѣтилъ, что надо за новымъ ѣхать къ киргизамъ.

„Ну хорошо, поѣдемъ“, сказалъ наконецъ киргизъ, „только смотрите, дорога будетъ прескверная“.

Дѣйствительно, очень скоро недурная дорожка, которой мы ѣхали до сихъ поръ, смѣнилась весьма каменистою, проложенною надъ рѣкой. Рѣка текла здѣсь въ узкой щели съ очень обрывистыми и легко разрушающимися стѣнами. Множество камней лежало въ руслѣ и рѣка, пѣнясь, прыгала черезъ нихъ; въ одномъ мѣстѣ, гдѣ стѣны ущелья, какъ видно, особенно сильно обрушались, русло было совсѣмъ завалено камнями и рѣка, образовавъ озеро, каскадомъ переливалась черезъ преграду. Дорожка тоже была очень стѣснена, а дальше, надъ озеромъ, пошла такимъ узкимъ карнизомъ, что юзь-башни нѣсколько разъ предлагалъ не ѣхать дальше или, по крайней мѣрѣ, сойти съ лошади. Я не дѣлалъ этого, чтобы не показать, что для меня эта дорога кажется трудною, трудноѣе, чѣмъ для него, но потомъ пришлось, круто спустившись, переѣзжать черезъ небольшой мостикъ, прилѣпленный къ скалѣ и опять подниматься. У мостика я уже сошелъ, не боясь уронить себя въ глазахъ киргизовъ; многіе изъ нихъ сошли еще прежде. Странное дѣло: покуда не сходишь съ сѣдла, самыя трудныя мѣста кажутся не опасными, но когда сойдешь — такъ и кажется, что тутъ ни за что не пройдеши верхомъ.

За мостикомъ дорога скоро спускается на дно озера. Озеро это должно быть прежде было гораздо обширнѣе, а потомъ, когда вода размыла замыкавшую его преграду, стекло. По крайней мѣрѣ теперь сплошная поверхность воды не больше 100 сажень, а лощина, съ ясными слѣдами прежняго озера, больше версты. Такъ какъ бывшее дно озера почти горизонтально, то рѣчка разбивается на нѣсколько руслъ, черезъ которыя и переѣзжаютъ вбродъ. Но рѣка и разбившаяся на нѣсколько руслъ такъ велика, что броды черезъ нѣкоторыя русла довольно глубоки и одинъ безъ малаго аршина два.

Дальше дорога идетъ уже правымъ берегомъ рѣки, на который поднимается довольно круто. Внизу, въ этомъ мѣстѣ, находится довольно порядочная рощица древесныхъ породъ, — опять признакъ, что озеро прежде доходило до этого мѣста: на всѣхъ видѣнныхъ мною среднеазіатскихъ озерахъ есть, при впаденіи въ нихъ ручьевъ, площадки, заросшія большими деревьями (тополи, береза, ивы). Что мѣста эти представляютъ особо благоприятныя условія для развитія древесной растительности, можно было видѣть именно здѣсь: озеро отошло на версту и деревья начали чахнуть, многія стояли исколѣченные, другія были уже совсѣмъ засохшія. Изъ этого я заключаю, что озеро стекло сравнительно недавно, потому что рощица не успѣла еще уничтожиться, а изъ того, что между нею и нынѣшнимъ краемъ озера нѣтъ ни одного деревца, я заключаю, что озеро стекло вдругъ, ипаче, при постепенномъ осушеніи, лѣсъ успѣлъ бы слѣдовать за отступающей водою.

Часть дороги за озеромъ была самая живописная: большія деревья оживляли ландшафтъ и зелень ихъ еще рѣзче выставляла угловатые контуры темныхъ известняковъ и сланцевъ.

Дорога, впрочемъ, скоро опять вышла на болѣе открытое мѣсто, широкая долина вдали закончилась у огромнаго пика, засыпаннаго снѣгомъ; пошелъ дождь, поднялся вѣтеръ, мы продрогли и съ нетерпѣніемъ устремились къ лѣтовкѣ. Долина была покрыта травой, т.-е. дерномъ изъ разныхъ низкорослыхъ травъ; огромные можжевельники были разбросаны по долиноѣ. Скоро мы доѣхали до соединенія двухъ ручьевъ; никъ, о которомъ я говорилъ, стоялъ въ верховьяхъ западнаго ручья; мы же взяли вѣво и послѣ подъема, опять повернувъ къ югу, увидѣли лѣтовку Караказукъ: на площадкѣ, поросшей огромными можжевельниками, раскинуто было нѣсколько кибитокъ. Переѣхавъ рѣчку и поднявшись на площадку, мы были у цѣли путешествія, не моей конечно, но нашихъ спутниковъ: они полагали, что мы завтра же отсюда поѣдемъ назадъ. Кибитки были заняты семьями киргизовъ и потому, пока очищали одну изъ нихъ, мы пріютились отъ дождя и холоднаго вѣтра въ деревянномъ домикѣ. Я нарочно подчеркиваю слово деревянный: это была единственная туземная деревянная постройка изъ одного дерева, которую я видѣлъ. Построенъ онъ былъ такъ, что обтесанныя въ видѣ досокъ можжевелевыя бревна были поставлены вертикально, укрѣпленныя въ пазахъ связанныхъ вверху бревенъ. Доски не были приструганы, конопатки, конечно, никакой и потому въ щели свободно проходили пальцы. Все въ цѣломъ имѣло видъ кубической клѣтки, съ площадью около двухъ квадратныхъ сажень. Входъ былъ устроенъ на южной сторонѣ и его можно запираеть: доски вынимались изъ пазовъ переплета и потомъ опять вдвигались, какъ это обыкновенно дѣлается у лавокъ на туземныхъ базарахъ. Назначеніе этой постройки, сдѣланной недавно кочующимъ на Караказукъ киргизскимъ бѣмъ, отчасти религіозное: она служитъ мечетью, по въ то же время въ ней остапавливаются переѣзжающіе т.-е. будутъ остапавливаться, потому что она устроена недавно, передъ самымъ прекращеніемъ сношеній съ Каратегиномъ. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, соединеніе мо-

литвеннаго зданія съ страннопріимнымъ домомъ, что́, помнится мнѣ, дѣлается также въ Исландіи ¹⁾.

Хотя постройка эта и продувалась вѣтромъ, но мы съ женой предпочли остаться въ пей на ночь, предоставивъ кибитку остальнымъ нашимъ спутникамъ; холодно въ ней было, но по крайней мѣрѣ не было чаду и вони, которыми полны киргизскія кибитки.

Киргизы приняли насъ очень радушно; оказалось, что тутъ живетъ постоянно пѣсколько агентовъ юзъ-башы, надзирающихъ за дорогой.

Киргизы сообщили, что на окрестныхъ высотахъ водится много тау теке, горныхъ козловъ (*Sariga*, вѣроятно *sibirica*); у одного изъ киргизовъ оказалось ружье, жалкое фитильное, тяжелое, съ подставкой въ видѣ вилки. Онъ предложилъ моему охотнику отправиться въ горы, на мѣсто, куда подъ вечеръ козлы спускаются пастись. Экскурсія ихъ была, впрочемъ, безуспѣшна. Замѣчательно, что о дикихъ горныхъ козлахъ я слышалъ довольно часто, а о горныхъ баранахъ ни разу во все время путешествія по Кокапскому ханству, такъ что ихъ повидимому въ посѣщенныхъ мною горахъ нѣтъ. На высокихъ сыртахъ Нарынскаго края они нерѣдки, такъ же какъ и въ верховьяхъ Аму-дарьи, но въ направленіи къ Заравшану не распространяются (въ горахъ Заравшана встрѣчаются горные бараны, но видъ *Ovis Vignei*, значительно отличающійся отъ Сыръ-дарьинскихъ; онъ извѣстенъ также изъ горъ Афганистана).

Я воспользовался остаткомъ дня для экскурсіи въ можжевелиникахъ, которые во множествѣ росли близъ самой лѣтовки; сборъ былъ, впрочемъ, не великъ: насѣкомыя да слизняки; изъ послѣднихъ найдены: *Pupa muscorum*, *Helix costata*, формы, распространяющіяся далеко на сѣверъ, и новый видъ *Vitrina rugulosa*, но весьма близкій къ европейскому *Vitrina pellucida*.

На стволахъ можжевелиника я замѣтилъ ходы, принадлежащіе вѣроятно короѣдамъ, но, несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось найти экземпляра этого насѣкомаго.

Вечеръ прошелъ въ бесѣдѣ съ киргизами; они сдѣлали обычное сляу — барана, который и пошелъ на угощеніе всѣхъ путниковъ; взялъ я кусочекъ и для себя, и такъ какъ весь день ничего не ѣлъ, то припаялся варить бульонъ, но — увы! — когда уже стемнѣло, вдругъ я услышалъ какой-то шумъ: испуганныя чѣмъ-то коровы бѣжали сверху какъ разъ на мой очажокъ и не успѣлъ я выскочить, какъ шальная корова наскочила на мою кострюльку и отъ супа осталась одна каша.

Ночь была холодна: въ полночь было уже 6.8°С. и мы должны были укутаться всѣмъ, что было у насъ теплаго; на завтра утромъ, въ 8 часовъ, было еще только 5.8°С.; ущелье идетъ по направленію отъ юга къ сѣверу; съ востока закрыто очень высокими горами и потому солнце поздно начинаетъ его пагрѣвать; въ Джинтыкѣ ущелье тянется съ востока на западъ и потому тамъ около 8 же часовъ утра было уже 15.0°С. Высота же Караказукъ-айлау слишкомъ на тысячу футъ меньше (ночлегъ у ледника Щуровскаго 10,600', Караказукъ-айлау — 9500'). Изъ этого видно, какое огромное вліяніе должно производить направленіе ущелій на флору и фауну.

На завтра мы отправились дальше, по дорогѣ къ перевалу, до котораго оставалось не меньше 10 верстъ. Дорога шла по довольно медленно поднимающемуся ущелью, именно пра-

¹⁾ Тоже въ Японіи, и на всемъ крайнемъ Востокѣ.

вымъ берегомъ рѣки; можжевелики росли почти все время; сначала прямые, высокіе, они постепенно дѣлались ниже, корявѣе, уродливѣе и наконецъ прекратились вовсе; осталась одна травянистая растительность, покрывавшая сплошнымъ ковромъ низкія сырыя мѣста и въ видѣ зеленыхъ пятенъ являвшаяся на болѣе отлогихъ и мягкихъ склонахъ горъ. Но понятно, что эти приземистыя растенія не могли придать разнообразія ландшафту и мѣстность являлась странною пустыней, которая во многихъ отношеніяхъ можетъ поспорить, по монотонности явленій и безжизненности, съ самыми печальными частями степи. Ледника не было видно, а на такихъ высотахъ они то и придаютъ жизнь, въ нихъ то и выражается грандіозная дѣятельность физическихъ силъ. За то мои спутники обнаруживали большую дѣятельность: постоянно то одинъ, то другой приставали ко мнѣ, что нора вернуться. Я понималъ цѣль ихъ приставаній: они вовсе не думали, что придутъ каратегипцы или что мы встрѣтимъ какіе-нибудь ужасы; нѣтъ, они хотѣли поскорѣе повернуть назадъ, чтобы въ тотъ же день вернуться въ Шахимарданъ. Лишнюю ночь промерзнуть и проголодать былъ расчетъ. Я не соглашался и все говорилъ, что мы поѣхали до перевала, и должны добраться до него.

Доѣхавъ до одной лужайки, которая остановила меня обиліемъ альпійскихъ растеній, я сошелъ съ лошади и принялся ихъ собирать. Когда, сѣвъ на лошадь, я хотѣлъ ѣхать дальше, коканцы рѣшительно пристали, что дальше ѣхать нельзя; видя, что уговаривать ихъ бесполезно, я сказалъ женѣ: «поѣдемъ» и отправился дальше. Я былъ увѣренъ, что они не рѣшатся оставить насъ однихъ; чтобы подѣйствовать на нихъ сильнѣе, я ѣхалъ, не останавливаясь и даже не оборачиваясь; уже проѣхавъ съ полверсты, при поворотѣ дорожки, я увидалъ ихъ на томъ же мѣстѣ сидящими или лежащими, т.-е. въ тѣхъ же позахъ, какія они припяли при моемъ отъѣздѣ, чтобы показать, что они твердо рѣшили не ѣхать дальше. Я все не останавливался и при другомъ поворотѣ увидѣлъ, что они уже ѣдутъ и быстро догоняютъ насъ. Не выдержалъ юзь-баша, за что ему и досталось, какъ говорилъ мнѣ потомъ переводчикъ; джигиты ругали его и обѣщали нажаловаться султанъ Мурадъ-беку, его начальнику.

Я придавъ себѣ сердитый видъ; они сознавали, что зашли уже немножко далеко и потому въ некоторое время мы ѣхали безъ убѣжденій остановиться. Между тѣмъ узкая долина кончилась и мы въѣхали въ обширный циркъ. Пришлось подниматься на груды камней, которыми заваленъ циркъ. Доѣхавъ до середины цирка, мы увидѣли и переваль: онъ былъ въ лѣвомъ, восточномъ углу цирка. Здѣсь юзь-баша схитрилъ: онъ ѣхалъ впереди, незамѣтно оставилъ дорожку, ведущую на переваль, и свернулъ вправо; скоро начались камни, падаемые безпорядочными буграми, лошади ежеминутно оступались, но я все не слѣзалъ, не желая дать тѣмъ повода остановиться. Наконецъ юзь-баша подѣхалъ къ крутому возвышенію изъ рыхлыхъ обломковъ и, соскочивъ съ лошади, сталъ взбираться на него; я все-таки не слѣзъ, но при подъемѣ долженъ былъ это сдѣлать: моя лошадь упала и по рыхлой осыпи поползла внизъ. Вершина этого каменистаго холмика и была нашимъ крайнимъ пунктомъ. Юзь-баша, очень любезно указавъ на переваль, сказалъ, что мы, какъ я того хотѣлъ, находимся у подножья его и что дальше онъ не поѣдетъ. Я такъ же любезно поблагодарилъ его и началъ разсматривать окрестности; я сознавалъ, что больше уже теперь ничего не останется, такъ какъ отъ подъема на переваль я, чтобы упростить дѣло, отказался еще утромъ въ аулѣ.

Обширный циркъ, въ восточномъ углу котораго мы находились, былъ почти весь заваленъ камнями. Для меня осталось неяснымъ, принадлежатъ ли камни, на которыхъ мы

стояли, древней моренѣ или они просто свалились съ окрестныхъ горъ. Для защитниковъ ледянаго періода въ Тяньшанѣ эти камни не доводъ: высота, на которой мы находились, была 12,200' и камни спускались не ниже 11,500', т.-е. далеко не доходили до предѣла пинѣшнихъ ледниковъ. Въ западной части цирка находится терраса, съ которой, по узкому ущелью, спускается несомнѣнный ледникъ съ большой копечной мореной и изъ него то беретъ начало рѣчка Караказукъ, одинъ изъ притоковъ или истоковъ Аксу.

Въ глубинѣ цирка возвышается огромный пикъ, высотой около 20,000'; цѣлый рядъ пиковъ идетъ по южной окраинѣ цирка и одинъ, высотой немного уступающій упомянутому выше западному, стоитъ какъ разъ противъ Караказукскаго ущелья. Переваль находится на восточномъ концѣ цирка и притомъ дорога переходитъ не черезъ самое низкое мѣсто: узкая сѣдловина между двухъ горъ недоступна по крутизнѣ скатовъ. Для перехода на другую сторону поднимаются по горѣ, образующей восточный бокъ цирка. Гора чрезвычайно крута и потому дорога идетъ зигзагами по всему ея протяженію. Гора состоитъ изъ сланца, слѣдовательно имѣетъ поверхность разрушенную; на такихъ склонахъ дорожки пролагаются очень легко и здѣсь видѣнь ихъ цѣлый рядъ; мнѣ объяснили, что черезъ переваль прогоняютъ много овецъ въ Каратегинь, и вотъ онѣ-то проложили такъ много дорожекъ (такъ называемые койджолы). Дорожки было очень не трудно видѣть на верхней части горы, потому что ихъ запылило снѣгомъ (очевидно, когда наканунѣ въ лѣтовкѣ шелъ дождь, на высотѣ перевала падалъ снѣгъ).

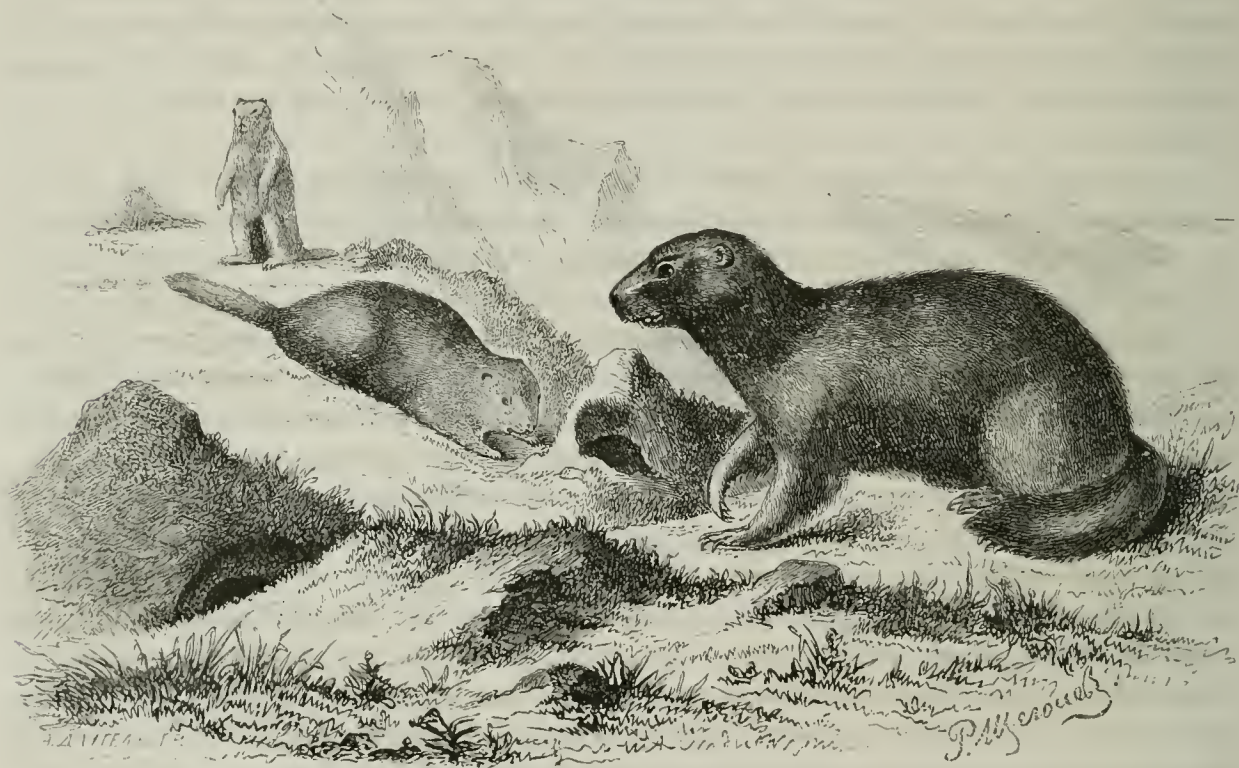
Гора, на которую всходила дорожка, возвышалась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы стояли, не менѣе 2,000', такъ что высота перевала надъ уровнемъ моря будетъ не менѣе 14,000'.

О мѣстности, лежащей за переваломъ, довольно подробно рассказалъ мнѣ юзъ-баши; послѣ, въ Алаѣ, я имѣлъ возможность провѣрить его рассказы и признаю ихъ вѣрными.

Дорога съ перевала спускается по небольшому ручью на р. Кукъ-су, текущую съ запада, изъ мѣстности Балыкчи-сыртъ; черезъ два таша (разстоянія навѣрное преувеличены) приѣзжаютъ къ Чукуръ-купрюку, мосту черезъ Кукъ-су; далѣе проѣзжаютъ мимо устья рѣчки Тогары-Шугарекъ, текущей въ Кукъ-су съ запада. Наконецъ, еще ниже, въ мѣстности Чакъ, находится соединеніе Кукъ-су съ Кизиль-су. Послѣ, при посѣщеніи Алая, я видѣлъ впаденіе Кукъ-су въ Кизиль-су, и луга, находящіеся при устьи, называются Чакъ. Находясь на Караказукѣ, я и не подозрѣвалъ, что я всего въ одномъ, много въ двухъ дняхъ пути отъ Алая, именно отъ того пункта, на который я прибылъ черезъ 10 дней; игра, которую велъ со мной коканскій конвой, стоила мнѣ лишнихъ пяти-шести дней пути, т.-е. слишкомъ ста верстъ. Между тѣмъ политическихъ препятствій для проѣзда изъ Караказука въ Алай не было: на Кукъ-су кочуютъ коканскіе киргизы. Эта-то возможность проѣхать въ Алай и была вѣроятно причиной, почему Караулъ-бегъ отказался сопровождать меня въ Караказукъ: узнавъ, что я дѣлаю запасы на восемь дней, онъ предполагалъ вѣроятно, что я хочу проѣхать въ Алай, такъ какъ, несмотря на всѣ заботы его и прочихъ моихъ спутниковъ ввести меня въ заблужденіе на этотъ счетъ, я всетаки стороной могъ узнать, что туда есть дорога изъ Караказука.

Я не скоро оставилъ циркъ, какъ ни торопили меня туземцы, очевидно желавшіе въ тотъ же день вернуться въ Шахмарданъ; но я рѣшился весь этотъ день пробыть въ альпійской зонѣ. Между камнями, въ небольшихъ ямахъ, куда была нанесена вѣтромъ земля, приоткрылось нѣсколько растений; къ цвѣтамъ этихъ растений прилетали различныя насѣкомыя

(день был солнечный, температура воздуха в тѣни, конечно в части цирка освѣщенной солнцемъ, была 13°С. в 11 ч. 30 м. утра); это были по преимуществу двукрылыя и перепончатокрылыя; разныя сѣрыя и черныя невзрачныя формы, какія у насъ появляются ранней весной (т.-е. представители тѣхъ же родовъ); изъ перепончатокрылыхъ былъ замѣченъ имель, *Bombus*, пасѣкомое в Средней Азии очень рѣдкое и распространенное только в горахъ. Изъ бабочекъ попалась крайне интересная и весьма красивая — *Colias Eugene* Feld., недавно описанная новая форма, найденная в Гималайскихъ горахъ. Изъ растений собрано значительное количество альпійскихъ формъ; *Corydalis* съ оригинальными пузыревидными плодами (*C. Stschurovski* n. sp.), найденная сначала на ледникѣ Щуровскаго, попалась и здѣсь и в гораздо большемъ количествѣ; туземцы, увидавъ ее, сейчасъ же соскочили съ лошадей и преусердно начали ее собирать. Оказалось что ее зовутъ бирмакара, и что примочка изъ засушенныхъ листьевъ составляетъ отличное средство противъ ушибовъ и изломовъ. Каждый изъ спутниковъ вернулся съ порядочнымъ узелкомъ этого растенія; даже мои джигиты изъ Ташкента увлеклись примѣромъ коканцевъ и набрали травы для себя.

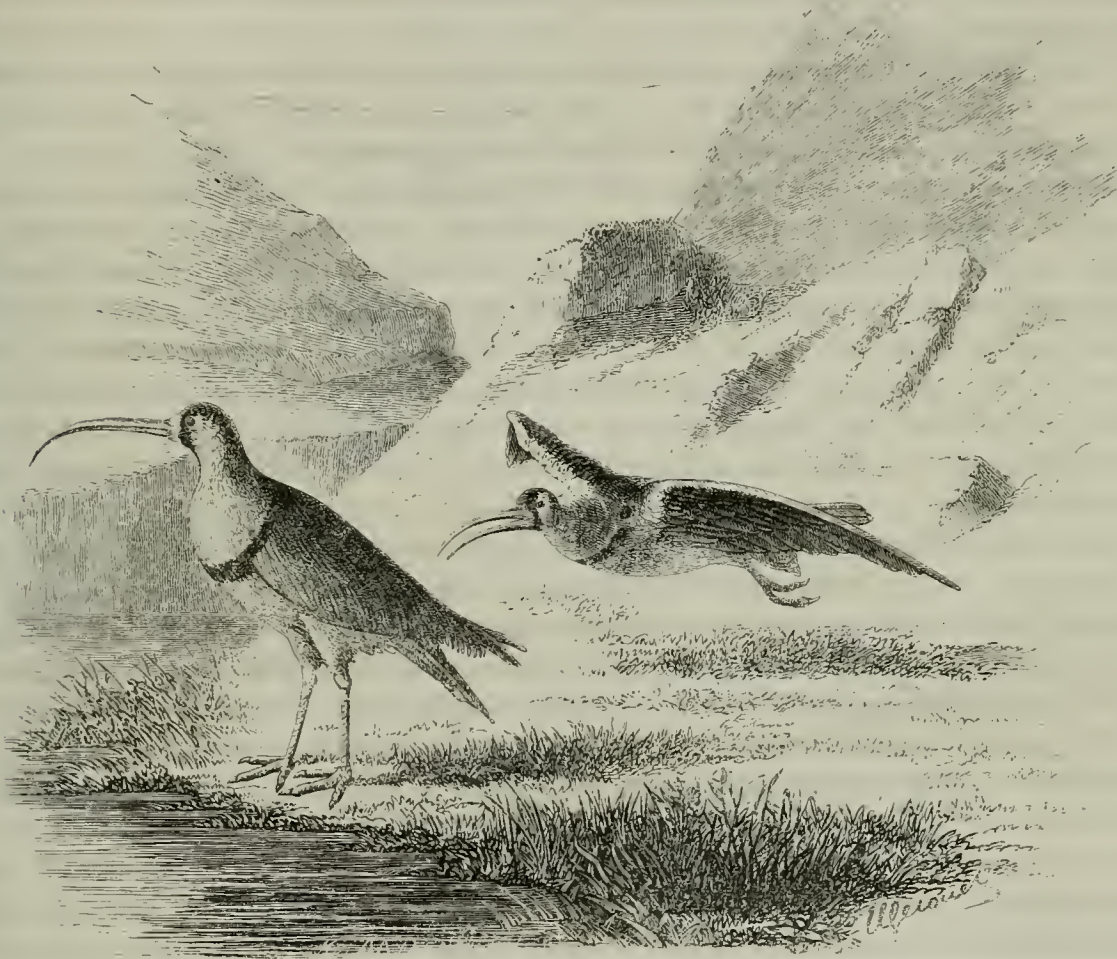

Сурокъ, $\frac{1}{6}$ наст. вел.

Птиць было мало в этой все-таки печальной мѣстности (не безынтересно, что былъ убитъ на морепѣ *Accipiter alpinus*). Нѣсколько выше, у предѣла можжевельниковъ, значительное оживленіе ландшафта составляли сурки: эти животныя весьма перѣдки в альпійской зонѣ в посѣщенныхъ мною горахъ; они встрѣтились намъ и пакаунѣ, не выше 8500'. Рыжевато-желтый довольно крупный (до 2 $\frac{1}{2}$ четвертей), звѣрокъ этотъ принадлежитъ къ тому же роду, какъ извѣстный сурокъ савояровъ или сибирскій байбакъ, но гораздо красивѣе и имѣетъ длинный пушистый хвостъ. Множество шкурокъ этихъ сурковъ везется изъ

Туркестана на Ирбитскую ярмарку и продается тамъ очень дешево. Цвѣтъ мѣха не красивъ, но при хорошей окраскѣ мѣхъ этотъ могъ бы съ успѣхомъ конкурировать съ разными мѣхами, въ изобиліи употребляемыми народами, которые менѣе пасъ избалованы на счетъ пуш-наго звѣря.

Но главный интересъ дня заключался въ довольно крупной птицѣ изъ породы куликовъ, которая своей фигурой и особенно изогнутымъ носомъ, сильно привлекла мое внима-ніе. По полету и летящей фигурѣ она очень напоминала всѣмъ извѣстнаго чибиса или пи-галицу. Спутнутая нашимъ приближеніемъ, она сдѣлала нѣсколько круговъ и исчезла. Без-

Ibidorhynchus Struthersii, $\frac{1}{2}$ наст. вел.

покойно слѣдя за нею, я вдругъ увидѣлъ сияющую фигуру; оказалось, что это нашъ охотникъ. Я нарочно выслалъ его пораньше изъ лагеря, чтобы онъ могъ, исподволь подвигаясь, вдали отъ толпы нашихъ спутниковъ, заняться стрѣльбой птицъ. Между тѣмъ, отъѣхавъ съ версту, онъ предпочелъ, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его джигитомъ, предаться сну. Такъ любопытная птица, разгуливая буквально у ногъ охотника, и ушла. Очень было досадно и досада еще увеличилась, когда и во второй разъ эта птица (въ Лангарѣ, 18 іюля) ушла отъ опытнаго охотника. Птица была, впрочемъ, слишкомъ характерна, чтобы ее не узнать. Я вижу ее въ сочиненіи г. Сѣверцова нарисованною и описанною подъ именемъ *Falcirostra*

Kaufmanni. Я имѣлъ случай ближе познакомиться съ нею въ Московскомъ музеѣ ¹⁾, гдѣ есть четыре экземпляра (два отъ Н. А. Сѣверцова, два пожертвованные генераломъ Колпаковскимъ), а позже видѣлъ два совершенно сходные экземпляры въ Британскомъ музеѣ. Оказывается, что эта птица извѣстна уже давно изъ плоскогорьевъ Тибета и описана и изображена еще въ 1835 году Греемъ въ Birds of India, подъ именемъ *Ibidorhynchus Struthersii*; между тибетскими и Тяньшанскими экземплярами не обнаруживается никакихъ различій, такъ что и видовое названіе, данное Сѣверцовымъ, должно уступить мѣсто старѣйшему. Птица эта одна изъ самыхъ замѣчательныхъ для Тяньшана, встрѣчается всегда на руслахъ горныхъ ручьевъ, покрытыхъ крупной галькой и, какъ замѣтилъ еще Н. А. Сѣверцовъ, клювъ ея отлично пригоденъ для вытаскиванія червячковъ и другихъ животныхъ изъ подъ камней.

Лѣтовка Караказукъ будетъ, слѣдовательно, крайнею извѣстною сѣверо-западною границею этой птицы; въ сѣверо-восточномъ направленіи она идетъ гораздо далѣе на сѣверъ: до горныхъ потоковъ, стекающихъ въ Или (Кульдженская провинція).

Караказукъ слыветъ у киргизовъ очень бѣдною лѣтовкой; оттого, говорятъ, она такъ и называется: кара—значитъ черный, казукъ—приколъ, желѣзный стержень, вбиваемый въ землю и служащій для привязыванія лошади, которая, находясь на болѣе или менѣе длинной веревкѣ, пасется такимъ образомъ во время ночи или вообще остановки; соединеніе Караказукъ должно выражать, что въ этой мѣстности наприколенная лошадь не найдетъ себѣ достаточно корма. Возникло же это названіе, говорятъ, съ той поры, когда какой-то богатый киргизъ выбралъ себѣ эту лѣтовку мѣстомъ своего лѣтняго кочевья, потому что тутъ нечего было опасаться соперниковъ. Кончилось тѣмъ, что почти всѣ его стада погибли отъ недостатка корма.

Вернулся я въ аулъ такъ поздно, что, конечно, нечего уже было и думать объ обратномъ пути въ тотъ же день; кокапцы вернулись гораздо раньше, оставивъ меня съ женой и двумя ташкентскими джигитами: ясное доказательство, какъ неосновательны были всѣ рассказы о каратегинцахъ; юзъ-баша, впрочемъ, принялъ свои мѣры предосторожности: имъ былъ посланъ на вершину перевала киргизъ, который и сидѣлъ тамъ, наблюдая, не ѣдетъ ли кто съ той стороны. Сходя потихоньку къ аулу и собирая растенія и животныхъ, мы увидели киргиза этого, шедшаго съ перевала; онъ откровенно и объяснилъ намъ, что сидѣлъ на перевалѣ.

11-е іюля было назначено для возвращенія въ Шахимарданъ. Будучи знакомъ съ свойствами дороги, я распредѣлилъ движеніе такъ, чтобы подольше пробыть въ наиболѣе интересной части ущелья, въ полосѣ лиственнаго лѣса. Какъ я уже говорилъ, ущелье въ одной части, именно выше озера, поросло значительнымъ количествомъ березы и другихъ деревьевъ. Я уже указывалъ, что древесная растительность по склонамъ горъ въ Средней Азии представляетъ разительную противоположность съ тѣмъ, что мы видимъ наиримѣръ въ Европѣ. Деревья, даже кусты, растутъ по склонамъ разбросавпо, на разстояніи одно отъ другаго нѣсколькихъ сажень, не образуя тѣхъ сплошныхъ обществъ или колоній, которыя деревья представляютъ у насъ, соединяясь въ лѣсъ, рощу, боръ и т. п. Нѣтъ лѣсовъ на горахъ, нѣтъ ихъ и въ ущельяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же серьезно называть рощей деревья, си-

¹⁾ Прилагаемый полтпинажъ и сдѣланъ по экземплярамъ Московскаго музея.

двѣя въ одинъ, два ряда вдоль ручья, хотя бы и на протяженіи десятковъ верстъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые; тутъ, для избѣжанія путаницы и могущихъ быть недоразумѣній, слѣдовало бы употреблять какой-нибудь другой терминъ, что оказывается особенно необходимымъ при естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти вся сумма отношеній и явленій, связанныхъ съ лѣсомъ, не существуетъ въ Средней Азійи по той самой причинѣ, что лѣсовъ нѣтъ въ Тяньшанѣ¹⁾. Напротивъ, выступаютъ съ особой силой тѣ явленія, дѣйствіе которыхъ уменьшается отъ присутствія лѣсовъ. Отсутствіе лѣсовъ даетъ себя чувствовать и на быстрой разрушаемости горныхъ породъ, и на огромныхъ колебаніяхъ въ уровнѣ рѣкъ и рѣчекъ, и въ отсутствіи или рѣдкости цѣлыхъ группъ животныхъ и растений, и на многихъ другихъ явленіяхъ даже соціального и политическаго характера. Самая быстрота завоеванія русскими Туркестана находится въ прямой связи съ отсутствіемъ лѣсовъ. При всей энергіи и храбрости движеніе было бы замедлено на многіе годы, если-бы существовали лѣса.

Для изслѣдователя и путешественника отсутствіе лѣсовъ имѣетъ то вспомогательное значеніе, что глазъ издали уже можетъ знакомиться съ топографіей и характеромъ мѣстности, что животныя и растенія на виду, что для геолога разрѣзы ничѣмъ не скрыты. Я не ошибусь, если скажу, что, при существованіи лѣсовъ, послѣ десяти лѣтъ изученія я былъ бы дальше отъ той степени знакомства съ фауной и условіями края, какую я приобрѣлъ въ три года.

Если деревья, растущія въ два ряда, называютъ рощами, то бѣросли по берегу Аксу заслуживаютъ названія дремучаго бора: деревья растутъ мѣстами ряда въ четыре, т.-е. на протяженіи сажень трехъ-четырехъ отъ берега рѣчки. Это отзывается и на характерѣ растительности: въ этомъ бору подалось такое лѣсное растеніе какъ *Ругола rotundifolia*. И на животныхъ это не осталось безъ вліянія: была убита чисто лѣсная птица—сипица (*Parus rufonuchalis* Bl.). Форма эта интересна между прочимъ и тѣмъ, что распространена до Гималаевъ (и притомъ довольно далеко на востокъ; она извѣстна изъ окрестностей Симлы), откуда и была описана уже давно. Мнѣ она попадалась и прежде, именно въ долину Заравшапа. Но все это, очевидно, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что доставилъ бы европейскій лѣсъ.

И такую ширину лѣсная растительность въ ущельи Аксу сохраняетъ только до озера; ниже озера деревья растутъ именно въ два ряда: по обимъ берегамъ рѣчки, вплотную къ водѣ, такъ что нерѣдко корень какой-нибудь березы омывается водой. Затѣмъ, чаще всего между деревьями остается промежутокъ въ нѣсколько сажень.

Затѣмъ и въ такомъ видѣ древесная растительность развивается по отношенію къ вертикальному распространенію только на высотахъ между 6000' и 8500'—9000'. Я уже говорилъ, что нижняя граница можжевельника около 6000', тамъ же кончались и лиственные деревья; но возможно, что самые нижніе изъ нихъ были и вырублены; верхняя граница лиственныхъ деревьевъ могла быть опредѣлена лучше: деревья росли гуще: едва ли ихъ самые верхніе экземпляры были срублены, потому что рядомъ росъ въ изобиліи можжевель-

¹⁾ Сколько мнѣ извѣстно изъ рассказовъ русскихъ путешественниковъ, въ Тяньшанѣ только въ долинѣ Текеса древесная растительность сплошь покрываетъ склоны горъ на значительномъ протяженіи; но насколько она приближается къ европейскому типу лѣсовъ, не знаю. Говорятъ и пишутъ про лѣса въ Семпрѣчьи: но самый тотъ фактъ, что ничтожно по численности казачье населеніе въ какіе-нибудь 20 лѣтъ почти истребило ихъ, такъ что пришлось дѣлательно проводить запретительныя и другія мѣры, показываетъ, что эти лѣса не то, что даже лѣса, напримѣръ, Германіи. А. Ф.

никъ, который туземцы предпочтительно рубятъ. Высота, на которой были встрѣчены самыя верхнія деревья, была 8300'. Именно самое крайнее дерево была береза. Выше ея, футовъ на 300—400, по склопу горъ были разбросаны только кустарники: *Ephedra* и жимолости (*Lonicera*); ниже къ березѣ прибавились: барбарисъ, рябина, *Rosa*, ива. *Ephedra* и *Lonicera*, кромѣ склоповъ горъ, растутъ и близъ русла. Другихъ деревьевъ въ этомъ ущельи я не замѣтилъ, но вообще составъ древесной и особенно кустарной растительности въ горахъ Средней Азии гораздо богаче. Они и спускаются гораздо ниже: въ ущельи р. Исфайрамъ кустарники были встрѣчены уже на высотѣ 3150'; слѣдовательно, поясъ кустарниковъ вдвое шире пояса деревьевъ. Впрочемъ, и деревья встрѣчались мнѣ ниже 6000' (напр. у Дашты-Казы на Заравшанѣ, въ урочищѣ Гульша и т. д.); но въ большинствѣ случаевъ 6000' въ посѣщенныхъ мною горахъ составляло нижнюю ихъ границу и я полагаю, что эта высота (конечно, съ нѣкоторыми отклоненіями вкнизу и кверху, смотря по мѣстнымъ условіямъ) окажется вертикальной границей и для многихъ другихъ формъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ. Мнѣ кажется не лишнее значенія тотъ фактъ, что близъ этой же высоты находится верхній предѣлъ многихъ разводимыхъ деревьевъ, принадлежащихъ теплomu климату, (напр. тутъ, персиковъ, абрикоса). Подобно тому, какъ граница садовыхъ деревьевъ южно-европейской зоны приблизительно совпадаетъ въ горахъ Тяньшана съ нижней границей березы и другихъ лиственныхъ деревьевъ, такъ съ ихъ верхней границей почти совпадаетъ верхній предѣлъ земледѣлія, именно воздѣлываніе ячменя. Впрочемъ, лиственные деревья и особенно кусты всегда идутъ нѣсколько выше пашенъ. Такія совпаденія не случайны и позднѣйшія изслѣдованія вѣроятно выяснятъ намъ ближайшія причины этого явленія.

Близъ озера была поймана весьма интересная ящерица, *Stellio himalayanus*, единственная изъ извѣстныхъ изъ Туркестана ящерицъ, распространенная до Индии; ящерицы, какъ извѣстно, весьма обыкновенны въ Средней Азии, особенно въ степяхъ, но все это формы или вполнѣ своеобразныя, или сродственные обитающимъ въ Африкѣ и промежуточныхъ странахъ. Найденная же въ этотъ разъ представила весьма любопытный фактъ, показавшій, что, кромѣ звѣрей, птицъ, рыбъ и беспозвоночныхъ, и ящерицы Гималаевъ распространяются до Тяньшана. Поймать замѣченный нами экземпляръ стоило большихъ трудовъ: она скрылась въ трещину, до которой добраться можно было съ сильнымъ рискомъ по гладкой и очень крутой скалѣ. Одинъ изъ джигитовъ босой добрался до трещины, но тутъ явилось другое затрудненіе: трещина была слишкомъ узка, чтобы можно было взять ящерицу рукой, завернутой въ платокъ, а просунуть одни пальцы джигитъ не хотѣлъ, говоря, что укусить, джаманъ (дурной). Боязнь была такъ сильна, что, едва держась, джигитъ предпочелъ расколупать трещину, чѣмъ, повѣривъ моимъ убѣжденіямъ, рискнуть взять животное голой рукой.

Вернувшись въ Шахимарданъ, я получилъ еще экземпляръ той же ящерицы, пойманной близъ того же мѣста женой. Позже я встрѣтилъ эту самую форму въ ущельи р. Агъ-буры. Затѣмъ ее видѣли въ Алаѣ. Вотъ здѣсь то и является любопытный вопросъ: какимъ образомъ она попала изъ Алая на сѣверный склонъ горъ? Къ западу отъ Шахимардана она мнѣ ни разу не встрѣтилась и, сдѣлавъ множество экскурсій по горамъ Заравшанской долины, я полагаю навѣрное, что ее тамъ и нѣтъ (тамъ встрѣчается совсѣмъ другой видъ, *Stellio Lehmanni* n. sp.). Слѣдовательно, она пришла въ Коканскія горы, не обогнувъ высокіе хребты, а переваливъ черезъ нихъ. Между тѣмъ всѣ перевалы между Аму и Сыромъ не ниже 11,500';

является, слѣдовательно, любопытный фактъ, что такія высокія горы не составляютъ границы даже для такихъ животныхъ, какъ ящерицы.

Добываніе ящерицы задержало насъ на добрый часъ и я остался далеко позади всѣхъ нашихъ спутниковъ съ препаратомъ и двумя ташкентскими джигитами. Какъ безслѣдно пропадали всѣ опасности, когда мы ѣхали обратно!

Я забылъ еще упомянуть, что съ озера черезъ небольшое ущелье открывается превосходный видъ на весьма высокую, покрытую снѣгомъ, гору Боба; эта гора видна и съ того мѣста, до котораго мы поднимались по дорогѣ на переваль.

Въ Шахимарданѣ я пріѣхалъ уже довольно поздно и немедленно принялся за сборы къ отъѣзду, предполагая завтра же оставить подоѣвший намъ наконецъ Шахимарданъ. 12-го мы и выѣхали, какъ только Ольга Александровна успѣла кончить рисовать видъ Шахимардана. При отъѣздѣ случилось нѣчто, заслуживающее быть упомянутымъ: проѣзжая селеніемъ мы увидѣли толпу довановъ (нѣчто въ родѣ нищенствующихъ монаховъ или даже нашихъ юродивыхъ) въ ихъ пестрыхъ изъ лоскутьевъ сшитыхъ халатахъ и остроконечныхъ шапкахъ. При нашемъ проѣздѣ они пѣли какую-то пѣсню и съ большимъ уваженіемъ пропустили насъ мимо. Я полагалъ, что въ базарный день вышли чудаки потѣшать народъ и не обратилъ на нихъ вниманія. Когда мы уже выѣхали изъ селенія, карауль-беги сообщили мнѣ, что дованы пѣли молитву, желая намъ добраго пути, исполненія желаній и т. д. и что напрасно я отнесся пренебрежительно и ничего имъ не далъ. Я, признаться, никакъ не ожидалъ, чтобы дованы, которые многими считаются за самыхъ отчаянныхъ фанатиковъ и ненавидящихъ русскихъ, стали оказывать такое вниманіе невѣрному. Надежда на подачку не могла соблазнить ихъ на это, потому что на полученіе многого они не могли рассчитывать, а изъ пустяковъ (я послалъ имъ съ джигитомъ, по совѣту карауль-беги, коканъ, т.-е. 20 коп., не стали же бы они ломать свои убѣжденія).

Первыя шесть верстъ мы ѣхали уже знакомой дорогой; проѣхавъ Охну, мы въѣхали въ узкое ущелье, чрезъ которое рѣка прорываетъ послѣднюю значительную гряду и выходитъ въ Фергану. Ущелье узко, но дорога проложена арбяная; только видно, что она стоила большихъ трудовъ. Въ срединѣ ущелья находится могила какого-то святаго, повидимому пользующагося большимъ уваженіемъ: лоскутковъ и камешковъ на мазарѣ безъ числа. Много камешковъ лежитъ и у дороги; очевидно, не всѣ имѣютъ время сворачивать къ мазару, который въ нѣсколькихъ саженьяхъ въ сторонѣ, и исполняютъ обрядъ положенія камешка, не сходя съ лошади.

Послѣ ущелья долина рѣки ограничивается весьма низкими холмами, которые тянутся вплоть до Вадила. По сравненію съ южнѣе лежащими горами неровности почвы здѣсь ничтожны, и я не рѣшусь сказать, что Вадиль и окрестныя селенія лежатъ въ горахъ. Холмы, окружающіе эту мѣстность, довольно ясно видны и далеко на сѣверъ, гдѣ, возвышаясь надъ горизонтомъ, они скрываютъ городъ Марглянъ, который, судя по разстоянію, долженъ бы былъ быть виденъ. Холмы же скрываютъ и лежащіе на сѣверо-западѣ чеміанскія владѣнія: довольно богатое собраніе кишлаковъ, недавно данное въ управленіе сыну марглянскаго бека. Страсть надѣлать своихъ сыновей удѣлами такъ сильна въ Средней Азій, что даже султанъ Мурадъ-бекъ, всѣми почитаемый за весьма умнаго, не удержался, чтобы не дать своему сыну мальчику отдѣльнаго бекства; вмѣсто того, чтобы учить и воспитывать его при себѣ, мальчика,

кажется на 16-мъ году, женили на дочери хана ¹⁾, т. е. на двоюродной сестрѣ, и сдѣлали самостоятельнымъ правителемъ.

Чеміанскій округъ, говорили мнѣ, изобилуетъ хлопкомъ и шелкомъ.

Чеміанъ хотя и лежитъ за холмами, но орошается изъ Шахимарданской рѣки. Вообще эта рѣка орошаетъ значительное пространство и на высотѣ Вадилъ уже разбивается на нѣсколько арыковъ. Мнѣ назвали 13 главныхъ арыковъ, на которые дѣлятся воды этой рѣки: 1) Алы ар., 2) Миндапъ ар., 3) Катинъ ар., 4) Полосанъ, 5) Лийляхана, 6) Джююракъ, 7) Книканъ, 8) Зильха, 9) Поулганъ, 10) Ханглысъ, 11) Чеміанъ, 12) Аратепе, 13) Курганъ-теше.

Въ Вадилѣ я пашель мирзу Едгара, посланнаго мною изъ Кокана съ частью вещей и запасовъ. Онъ ожидалъ насъ въ Марглянѣ; но такъ какъ бека въ городѣ не было (онъ нахотился на день пути отъ города, падзирая за работами по проведенію большаго арыка), а терять время на заѣздъ затѣмъ только, чтобы увидѣть лишній сартовскій городъ, я не могъ ²⁾, то я еще изъ Шахимардана писалъ ему, чтобы онъ выѣхалъ на соединеніе съ нами въ Вадилъ. Мы его нашли въ Вадилѣ на базарѣ, комфортабельно расположившимся въ лавкѣ; въ нее онъ сложилъ всѣ наши сундуки и тюки, а передъ лавкой на завалинѣ разставилъ складную желѣзную кровать, которую взялъ въ путешествіе нашъ переводчикъ. На этой кровати, возбуждавшей великое удивленіе туземцевъ, и покоился мирза Едгаръ, заграждая своимъ тѣломъ входъ въ лавку и доступъ къ сокровищамъ. А сокровища были: я вручилъ ему круглую сумму въ 1000 р. въ мѣстной серебряной монетѣ. Теперь мнѣ предстояло принять отъ него эту сумму, т. е. нужно было пересчитать 5000 штукъ, работа, которая при всемъ вниманіи сразу не удавалась, непременно приходилось пересчитывать. Вообще, какъ я уже говорилъ, мѣстные деньги составляли для меня муку во время путешествія, не говоря уже о томъ, что нужно было заботиться и объ ихъ цѣлости. За то, съ какой же аккуратностью я производилъ уплаты жалованья своимъ спутникамъ и радовался, что кошма (деньги хранились въ кожаномъ мѣшкѣ) дѣлается легче.

Въ Вадилѣ есть небольшой базарчикъ и жители занимаются нѣкоторыми ремеслами; я посѣтилъ между прочимъ мастерскую (т. е. коморку) ткача. При этомъ случился слѣдующій эпизодъ: когда я рассматривалъ его нехитрый станокъ и высказалъ замѣчаніе, что можно бы безъ неудобства и при туземномъ станкѣ увеличить ширину ткани (всѣ туземныя ткани замѣчательно узки), онъ съ недовѣріемъ спросилъ, развѣ въ моемъ отечествѣ тоже умѣютъ ткать, что я знаю, какъ это дѣлается.

Въ Вадилѣ мы провели только ночь и 13 іюля выѣхали по дорогѣ въ Учъ курганъ. Путь нашъ пролегалъ недалеко отъ горъ, почти по самой ихъ сѣверной окраинѣ. Встрѣтившійся туземецъ передалъ мнѣ слѣдующія названія этихъ горъ: Ходжа, Хауртанъ, Сартала и самыя западныя—Катрапъ; всѣ эти названія относятся только къ различнымъ частямъ самой передней гряды.

Во время разговора съ нимъ случился, между прочимъ, слѣдующій курьезъ: на сѣверо-востокѣ далеко находилось нѣсколько бѣлыхъ облаковъ, пришившихъ самыя причудливыя формы, живо напоминавшія вершины горъ. Такъ какъ въ этомъ направленіи должны были

¹⁾ Усиленіе родственности между ханомъ и его братомъ султанъ Мурадъ-бекомъ на этомъ не остановилось: старшій сынъ хана, наследникъ коканскаго престола, женился на дочери султанъ Мурада.

²⁾ Посѣтить самого бека для меня былъ бы расчетъ: личное свиданіе облегчило бы посѣщеніе Алая. А. Ф.

находиться снѣговья горы, то я спросилъ его, какія это горы. Булуть,—услышалъ я въ отвѣтъ; это меня сильно заинтересовало: известно, что названіе Булуть введено въ географическую терминологию для обозначенія цѣлой группы горъ, промежуточной между Гималаями и Тяньшаномъ (иначе называемой Болоромъ); но надежда узнать, гдѣ находятся Булуть-тагъ, которыхъ еще никто не видалъ, скоро пчезла; оказалось, что туземець просто хотѣлъ сказать, что я вижу не горы, а облака: булуть значитъ облако. Я привожу это, какъ примѣръ того, какъ нужно быть осторожнымъ при разговорѣ съ туземцами и какъ легко пустить въ ходъ множество новыхъ названій при недостаточномъ знакомствѣ съ языкомъ.

Дорога почти все время пролегла между полей. Сначала селенія были вдаль (Наукатъ, Аваль); Каптархана была первая деревня, по окраинѣ которой мы проѣхали. Далѣе слѣдовали Лауганъ, Аирвазъ, Джанъма, Гургянъ. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ роскошнѣе становилась растительность и вмѣстѣ съ тѣмъ поражаело еще то обстоятельство, что не всѣ удобныя мѣста были обработаны. Причину этого нужно искать въ недостаткѣ населенія; мѣстность эта сравнительно недавно стала заселяться осѣдыми жителями. Эти поселенцы по преимуществу выходцы изъ Каратегина. Недавнія междоусобія и поселеніе въ Учъ-курганѣ Музафаръ-ша, бывшаго правителя Каратегина, тоже не остались безъ вліянія на увеличеніе населенія. Учъ-курганъ, куда мы пріѣхали къ вечеру, впрочемъ, городъ довольно древній. Жители относятъ его основаніе къ народу, жившему тутъ до прихода узбековъ и называемому ими калмакъ (т.-е. калмуки). Имъ они приписываютъ постройку трехъ кургановъ, отчего и поселеніе получило свое названіе. Развалины ихъ находятся внутри тенерешняго Учъ-кургана и представляютъ заброшенные пустыри.

Учъ-курганъ для меня былъ интересенъ именно по пребыванію въ немъ Музафаръ ша; я хотѣлъ повидать этого изгнаннаго владѣтеля Каратегина, чтобы узнать отъ него кое-какія подробности объ его странѣ, не изслѣдованной ни однимъ европейцемъ. Мнѣ казалось самымъ естественнымъ поговорить о странѣ съ самимъ правителемъ, который долженъ же знать ее хоть въ общихъ чертахъ. На откровенность его я рассчитывалъ, такъ какъ Музафаръ-ша зналъ, что русскіе высказались въ его пользу по поводу возникшихъ междоусобій. Надежды мои не вполне оправдались.

Но я позволю себѣ описать это свиданіе; оно до известной степени характеризуетъ высшія сферы туземнаго люда.

Первая моя просьба къ карауль-беги по пріѣздѣ въ Учъ-курганъ была узнать, когда я могу посѣтить Музафаръ-ша; оказалось, что онъ только-что потерялъ любимую свою жену, имѣвшую всего 16 лѣтъ отъ роду и что вмѣстѣ со всей семьей отправился хоронить ее въ селеніе Аваль. Сознаюсъ, я, настроенный недовѣрчиво, думалъ, что это отговорка, съ цѣлью именно не допустить меня до свиданія съ нимъ, но на этотъ разъ я ошибся.

15-го іюля, послѣ обѣда, насъ пригласили въ садъ отъ имени Музафаръ-ша. Онъ не хотѣлъ принять насъ въ своемъ домѣ, вѣроятно не желая, чтобы мы видѣли его небогатую обстановку. Садъ былъ выбранъ отличный: онъ кончался отвѣснымъ обрывомъ къ руслу рѣки и на самомъ краю былъ выстроенъ домикъ съ галлереей, на которой и происходило свиданіе. Музафаръ-ша встрѣтилъ насъ при вѣздѣ въ садъ и меня провелъ на галерею, а жену проводилъ въ прилегающую комнату, гдѣ находилась мать умершей его жены. Я сейчасъ же услышалъ оттуда раздирающіе крики: это мать причитала по своей только-что схороненной дочери. Лицо ея было страшно обезображено глубокими царапинами, покрытыми запек-

шейся кровью. Жена моя тоже была въ непріятномъ положеніи, не имѣя возможности ни единымъ словомъ выразить свое соболѣзнованіе; замѣшательство ея еще болѣе увеличивали разные подарки, которые она привезла съ собой для женской части дома ша, полагая, что онъ насъ приметъ въ своемъ домѣ.

Музафаръ-ша оказался здоровеннымъ дѣтиной огромнаго роста, 34 лѣтъ, смуглый, съ окладистой черной бородой; въ шелковомъ халатѣ на каракулькѣ (мерлушкѣ), въ туфляхъ на босу ногу, онъ мало походилъ на другихъ правителей средне-азіатскихъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Грубость, впрочемъ, довольно добродушная, рѣзкость въ манерахъ, свободное отступленіе отъ общепринятаго у такихъ особъ этикета, заключающагося въ молчаніи и неподвижности, показывали, что человѣкъ этотъ выросъ и развился въ странѣ съ нѣсколькими иными условіями.

Я началъ разговоръ съ выраженія участія къ постигшимъ его несчастіямъ и выразилъ надежду, что все это можетъ еще измѣниться; затѣмъ высказалъ, что, пріѣхавъ въ Учъ-курганъ, я не могъ отказаться отъ удовольствія посѣтить его; въ подарокъ я передалъ ему серебряные часы.

Самое интересное, что я отъ него узналъ, это былъ довольно длинный списокъ его предковъ, царствовавшихъ прежде въ Каратегинѣ; къ сожалѣнію, онъ былъ потомъ потерянъ и у меня сохранилась неполная копія ¹⁾. При этомъ оказалось, что Дарвазъ и Каратегинъ прежде составляли одно владѣніе и стали управляться разными владѣтелями только послѣ того, какъ какой-то ша раздѣлилъ свое царство между двумя своими сыновьями. Къ сожалѣнію ни ша, ни бывший тутъ же его секретарь, мирза (самъ ша, кажется, не умѣетъ писать) не могли сообщить мнѣ какихъ-либо историческихъ данныхъ, а сказали только, что въ древности страна ихъ называлась Ягана ²⁾ и свѣдѣнія о пей можно найти въ книгахъ: Раузатъ Софа и Тарехи Гюзиде.

Что касается до топографіи, то я узналъ ее въ самыхъ общихъ чертахъ; полученные свѣдѣнія я включу въ дѣлаемый ниже общій очеркъ Каратегина, а здѣсь сообщу, какъ Музафаръ-ша изобразилъ отношеніе Каратегина къ сосѣднимъ владѣніямъ. Ударивъ себя по груди, онъ сказалъ, что это Каратегинъ, правая рука будетъ Мача, лѣвая—Дарвазъ; правая нога—Гиссаръ, лѣвая—Кулибъ. «Голова—Кокапъ», сказалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. Относительное положеніе названныхъ странъ совершенно вѣрно выражается приведенной схемой; что же касается до Кокана, какъ головы, то, мнѣ кажется, онъ привелъ это сравненіе не безъ желанія заявить при кокапцахъ свои вѣрноподданническія чувства. Каратегинъ, какъ извѣстно, въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ, былъ въ вассальной зависимости отъ коканскихъ хановъ и ша хотѣлъ дать понять, что онъ признаетъ это положеніе и находитъ его совершенно естественнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ намекнулъ, что для этой головы Каратегинъ составляетъ необходимую часть, сердце организма.

Попытка получить болѣе точныя свѣдѣнія о границахъ Каратегина съ сосѣдними владѣніями мнѣ не удалась. Казалось-бы, государю страны нужно было бы знать ея пограничные пункты, но отвѣты ша были очень неопредѣленны. О границѣ съ Бухарой онъ сказалъ,

¹⁾ Вотъ она: Музафаръ-ша, Абуль-Азизъ-ханъ, Наякъ-ша, Зумбра-ша, Ша-Абду-Наби, Мусаммиръ-ханъ, Шап-дарвазъ, Ша-киргизъ, Хасъ-Искандеръ, Шамухъ-ша, Ша-туркъ, Измаиль-ханъ, Ибраимъ-ханъ, Ша-туть, Шап-дарвазъ.

²⁾ Такимъ образомъ устраняется противорѣчіе, что страна, сохранившая первоначальное арійское населеніе (таджикова или гальчу), называется турецкимъ словомъ (кара—чисто турецкое слово). Не безъинтересно также, что весьма сходно съ Ягана называется страна и рѣка въ баесейнѣ Заравшана: Ягнау или Ягнобъ, которая прежде, кажется, и принадлежала Каратегину. Возможно, что и самая приставка кара дана для отличія отъ Заравшанской Ягнау. А. Ф.

что при немъ пограничнымъ пунктомъ было мѣстечко Ходжа-Болои-ансары, но что теперь это измѣнилось. Такъ какъ противникъ Музафаръ-ша, его родной племянникъ Рахимъ-ша, по прозванію Пучукъ (курносый), завладѣлъ Каратегиномъ при помощи бухарцевъ, то возможно, что онъ уступилъ часть территоріи бухарцамъ, именно гиссарскому беку Якубу, своему главному помощнику и другу.

Не лишены интереса были замѣчанія Музафаръ-ша о Памирѣ. Онъ, можно сказать, съ презрѣніемъ отнесся къ нему: «и что вы такъ спрашиваете объ такомъ дурномъ мѣстѣ», сказалъ онъ, когда мои оживленные распросы начали ему повидимому падоѣдать. Очевидно, онъ привыкъ измѣрять значеніе мѣстности по ея доходности, и далеко былъ отъ тѣхъ увлеченій, которыя одно слово Памиръ вызываетъ во всѣхъ занимающихся изученіемъ Средней Азии. Отъ него я, впрочемъ, узналъ, что Памировъ два, Памиръ-Калянъ (большой) и Памиръ-Хурдъ (малый), что величина перваго почти вдвое больше Памиръ-Хурда; онъ сообщилъ, что, кромѣ нихъ, въ тѣхъ же мѣстахъ есть еще двѣ подобныя мѣстности: Шалы-пая и Кафирбача.

Про мѣстность, гдѣ находится Памиръ, онъ могъ сказать мнѣ только въ общихъ чертахъ, что она лежитъ въ горахъ Бамъ-п-дунеа (что значитъ крыша міра). Такъ называется весьма обширная мѣстность отъ Тибета до Алая и потому указаніе ша было весьма неопредѣленно. Впрочемъ, отъ англійскихъ путешественниковъ мы знаемъ точно мѣста, занимаемыя Большимъ и Малымъ Памиромъ, и вопросъ только въ границахъ Большаго Памира и его отношеніяхъ къ сосѣднимъ, которыхъ послѣдній писатель по этому вопросу, г. Юль, насчитываетъ, кромѣ двухъ названныхъ, еще четыре (Памиръ аихуръ, Памиръ харгоши (заячій), Памиръ Саресъ и Памиръ Рангъ-Куль), не считая Памира Тагдумбаша, въ связи котораго съ собственнымъ Памиромъ сомнѣвается г. Юль ¹⁾.

Вообще разговоръ трудно было вести, не затрогивая разныхъ щекотливыхъ вопросовъ и я безъ того уже перешелъ границы обычныхъ въ такихъ случаяхъ разговоровъ. Но видно было, какая злоба поднималась въ ша, когда упоминалось имя его счастливаго соперника Рахима. Онъ, впрочемъ, отзывался объ его способностяхъ съ презрѣніемъ. При этомъ мы припомнили эпизодъ изъ политической дѣятельности Рахима: когда русскіе завладѣли Самаркандомъ, бухарскія власти бѣжали и изъ горныхъ областей по Заравшану и Музафаръ отправили занять оставшееся вакантнымъ мѣсто правителя Мачи своего племянника Рахима. Первымъ его дѣломъ было послать въ Самаркандъ къ генералу Абрамову письмо, въ которомъ онъ заявлялъ, что ему, какъ потомку Александра Македонскаго (правители горныхъ областей Каратегина, Дарваза, Шугнана и Бадахшана считаютъ себя потомками этого завоевателя), принадлежать всѣ царства земли, и что поэтому онъ имѣетъ безспорное право на Самаркандъ и весь его округъ, но что, желая жить съ русскими въ дружбѣ, онъ будетъ удовлетворенъ, если ему отдадутъ Пянджикентъ съ его округомъ. Музафаръ-ша, узнавъ о такомъ поступкѣ своего племянника, написалъ тогда извинительное письмо и просилъ не обращать вниманія на то, что будетъ писать «глупый», какъ онъ выразился, Рахимъ. Письмо Музафара было доставлено въ Самаркандъ каратегинскими посланными и свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ послан-

¹⁾ Въ 1874 г., уже по смерти А. П. Федченка, Памиры большой и малый были посѣщены нѣсколькими членами Форситовой Миссіи въ Кашгаръ, на пути изъ Кашгара въ Кила панджъ и обратно. См. Proceedings of the R. Geogr. Soc. Vol. XVIII. № IV. 1874.

ныхъ, доставили матеріаль для замѣтки о Каратегинѣ, напечатанной генераломъ Абрамовымъ въ «Извѣстіяхъ Географическаго Общества».

Изъ остальной семьи Музафара я видѣлъ еще маленькаго, лѣтъ шести, сына. Хотя онъ могъ уже отлично ходить, но не желалъ этого дѣлать, а если ему нужно было передвинуться, то вскакивалъ на спину своего дядьки и заставлялъ себя нести, куда ему нужно. Дядька отнесся къ нему съ величайшей нѣжностью и съ гордостью разсказалъ мнѣ, что онъ спасъ своего воспитанника: вынесъ его изъ Гарма, когда на эту столицу Каратегина напалъ Сарыханъ Кулябскій.

Визитъ нашъ продлился далеко за время вечерняго намаза, а на завтра былъ джума, недѣльный праздникъ, такъ что Музафаръ подъ конецъ намекнулъ даже, что ему пора молиться. Я видѣлъ, что пора убираться, хотя о многомъ хотѣлось еще спросить.

Здѣсь кстати будетъ сообщить, какимъ образомъ Музафаръ потерялъ свои владѣнія и Каратегинъ изъ вассала Кокана сталъ вассаломъ Бухары.

Въ 1869 году посольство кашгарскаго правителя Якубъ-бека возвращалось изъ Бухары въ Кашгаръ; такъ какъ дорога черезъ Коканское ханство и переваль Терекъ была для него закрыта, то посольство имѣло въ виду прослѣдовать черезъ каратегинскія владѣнія. Между тѣмъ объ этомъ узнало коканское правительство; нужно замѣтить, что коканскій ханъ до послѣдняго времени считалъ (можетъ быть, считаетъ и теперь) Якубъ-бека своимъ вассаломъ и высказывалъ надежду, что Якубъ-бекъ одумается и подчинится коканскому правительству. Основанія у хана были слѣдующія: Якубъ-бекъ былъ посланъ въ Кашгаръ коканскимъ правительствомъ, именно бывшимъ правителемъ Алимкуломъ, и слѣдовательно, результатъ дѣятельности Якубъ-бека, по мнѣнію хана, принадлежитъ коканскому правительству. Но такъ какъ Якубъ-беку повезло, онъ сталъ очень силенъ, то хану пельзя было и думать о принужденіи его силой признать свои права, а оставалось только надѣяться, что Якубъ-бекъ самъ признаетъ верховенство Кокана ¹⁾. Между тѣмъ отношенія были натянуты (точнѣе ихъ почти вовсе не существовало). Права Якубъ-бека имѣть внѣшнія сношенія, посылать посольства, ханъ, разумѣется, не признавалъ, и, узнавъ, что кашгарскіе посланники находятся въ Гармѣ, требовалъ, чтобы Музафаръ-ша выслалъ ихъ въ Коканъ. Какъ вассалу Кокана, Музафару оставалось только исполнить волю хана, но онъ сдѣлалъ это не безъ колебанія, чѣмъ съ одной стороны далъ возможность посламъ снастись, а съ другой—возстановилъ противъ себя хана.

Спаслось же посольство, благодаря вмѣшательству кулябскаго бека Сарыхана. Другъ Якубъ-бека, много помогавшій ему въ Кашгарѣ при борьбѣ съ китайцами, Сарыханъ поспѣшилъ къ Гарму и безъ особаго труда взялъ его. Ша и его семейство поспѣшно бѣжали въ Коканъ. Сарыханъ въ это время представлялъ въ бассейпѣ верхняго Аму значительную

¹⁾ Самъ Якубъ бекъ повидимому допускаетъ, что взглядъ хана имѣеть нѣкоторыя основанія, какъ показываютъ обстоятельства, сопровождавшія заключеніе трактата между русскими и Якубъ-бекомъ (въ 1872 г.): въ Ташкентѣ было получено письмо какого-то знатнаго кашгарца къ его знакомому; въ этомъ письмѣ сообщалось о желаніи Якубъ-бека войти въ хорошія отношенія, удовлетворить ихъ желанія и заключить трактаты; все это было написано какъ будто лицомъ, хорошо знакомымъ съ мыслями Якубъ-бека, хотя и не по порученію правителя; въ концѣ была приписка, что напрасно русскіе не пришлютъ уполномоченное лицо въ Кашгаръ, а сообщаютъ свои желанія черезъ посредство коканскаго посланника; такъ какъ заключеніе трактата при посредствѣ коканскаго правительства для Якубъ бека не удобно. Къ письму была приложена печать упомянутаго частнаго лица; между тѣмъ это лицо, по несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, находилось въ Меккѣ и разная обстоятельства заставляли предполагать, что письмо идетъ отъ самаго Якубъ-бека. Тогда то и было послано въ Кашгаръ русское посольство съ г. Каульбарсомъ во главѣ, послѣдствіемъ чего было заключеніе торговаго трактата съ кашгарскимъ правительствомъ. А. Ф.

силу: покорный сначала бухарскому эмиру, даже получивший от него титуль аталыка (правитель, регентъ, высшій чинъ у бухарцевъ и коканцевъ), былъ за что-то лишень своихъ владѣній эмиромъ и бѣжалъ въ Кашгаръ, но, пользуясь ослабленіемъ эмира послѣ неудачной войны съ русскими, онъ въ 1868 или 1869 году явился въ свой родной Кулябъ и затѣмъ вытѣснилъ бухарцевъ и изъ Гиссарскаго бекства.

Возможно, что онъ хотѣлъ воспользоваться освобожденіемъ кашгарскаго посольства только какъ предлогомъ для подчиненія себѣ и Каратегина. Съ Музафаръ-ша онъ справился легко, но когда пришли на помощь коканскія войска подъ начальствомъ Ширали, то кулябцы быстро удалились, тѣмъ болѣе, что и бухарцы отнимали у него въ это время занятія провинціи ¹⁾.

Ширали былъ назначенъ ханомъ въ правители Каратегина, а Музафаръ-ша былъ оставленъ въ Коканѣ и затѣмъ поселенъ въ Учъ-курганѣ.

Ширали недолго удержался въ Гармѣ. Въ ту же зиму онъ былъ выгнанъ каратегинцами, получившими помощь отъ бухарскаго бека Якуба, управляющаго Гиссарской провинціей. Ша былъ провозглашенъ Рахимъ-пучукъ, племянникъ Музафара.

Легкость, съ которою Ширали былъ выгнанъ, объясняли мнѣ тѣмъ, что онъ, въ противность указаніямъ хана, отпустилъ большую часть коканскаго войска, такъ какъ онъ долженъ былъ во время нахождения войска въ Каратегинѣ содержать его на счетъ доходовъ бекства. Онъ же предпочелъ класть эти доходы въ карманъ, не сознавая, что расходы на коканское войско составляютъ совершенно необходимыя «издержки взиманія».

Во время этой борьбы самъ Ширали попался въ плѣнъ, былъ увезенъ въ Бухару и вернулся въ Коканъ только благодаря вмѣшательству русскихъ. Теперь онъ занимаетъ при ханѣ прежнюю должность—начальника кавалеріи. Послѣ этого коканцами была сдѣлана еще неудачная попытка выгнать Рахимъ-ша и возстановить Музафара: небольшая партія подъ начальствомъ Булатъ-датхи, въ которой былъ и Музафаръ, пыталась проникнуть въ Каратегинъ изъ Алая (Ширали шелъ черезъ Бараказукъ). Партія была не велика, всего человекъ сто; предполагалось, что присутствіе Музафара привлечетъ къ ней каратегинцевъ; однако кончилась эта попытка еще менѣе удачно: съ перваго же почлега отважные всадники, услыхавъ топотъ приближающихся каратегинцевъ, вскочили на коней и прискакали въ курганъ, находящійся на Алаѣ. Начальникъ этого кургана, Измаиль-токсаба, безъ смѣха не могъ мнѣ рассказывать объ этомъ бѣгствѣ храбрецовъ. Впрочемъ, едвали бы привела къ другому результату и болѣшая отважность: Музафаръ-ша, какъ мнѣ говорили, не пользуется любовью каратегинцевъ: очень ужъ деньги любилъ наживать, и этимъ объясняется, почему онъ оставилъ Гармъ при первомъ слухѣ о приближеніи кулябцевъ: онъ снѣшилъ увезти свои сокровища.

Послѣ этого коканцы стали готовиться къ серьезному походу, а каратегинскій правитель заручился серьезнымъ содѣйствіемъ бухарцевъ: борьба перешла бы въ войну между Бухарой и Коканомъ. Но всѣ приготовления были оставлены коканцами по совѣту Туркестанскаго генераль-губернатора: онъ сказалъ коканскому посланнику, что не желаетъ, чтобы мусульмане проливали кровь другъ друга, что много было уже ея пролито (Бухара и Коканъ находились почти постоянно въ войнѣ). Слова эти были сказаны нашему вожаку ка-

¹⁾ Затѣмъ Сарыханъ долженъ былъ бѣжать въ Афганистанъ и Кулябъ былъ снова присоединенъ къ Бухарскому ханству. А. Ф.

карауль-беги и онъ не могъ безъ умиленія передавать ихъ: «святыя слова», повторялъ онъ; очевидно, ему не приходилось слышать въ своемъ кружкѣ ничего подобнаго.

Въ Учъ-курганѣ почти все мое время было занято сборами къ путешествію на Алай. Я встрѣтился здѣсь съ юзъ-бани завѣдующимъ дорогой и получилъ отъ него свѣдѣнія о пути, который туда ведетъ и о томъ, что никакихъ непріятелей нѣтъ. Попытка моя подговорить его вести насъ въ Алай не удалась: онъ указывалъ на необходимость имѣть на то согласіе Маргянского бека. Я писалъ беку, но въ ожиданіи отвѣта все-таки прошло три дня. Наконецъ 16 іюля прибылъ изъ Маргяна Нуръ-Магометъ-мирахуръ съ письмомъ Султанъ-Мурада, который писалъ, что мирахуръ будетъ сопровождать насъ въ Алай. Въ тотъ же день пріѣхало нѣсколько джигитовъ изъ Кокана отъ мехтера на усиленіе нашего конвоя; въ привезенномъ имъ письмѣ мехтера я прочелъ, что если карауль-беги дѣйствительно заболѣлъ, то разрѣшить ему отправиться въ Коканъ. Такъ мы и разстались съ нимъ.

Отдѣливъ нужную часть багажа и сдѣлавъ разные запасы, мы рано утромъ, 17 іюля, выступили вверхъ по Нефайрамекому ущелью; остальные вещи мы отправили на арбахъ въ Ошъ. Завѣдываніе движеніемъ арбъ я поручилъ главному ташкентскому джигиту Байтурсуну. Мирза Едгаръ отправился съ нами; онъ теперь, согласно письму мехтера, сдѣлался начальникомъ бывшихъ при мнѣ коканскихъ джигитовъ. Онъ прежде всегда смѣялся надъ трусостью карауль-беги и съ участіемъ выслушивалъ мои сѣтованія на нежеланіе Карима ѣхать туда и туда. «Вотъ еслибы я», постоянно заканчивалъ онъ. — Ну, теперь вы начальникъ конвоя, — поздравилъ я его, — значить, мы всюду побѣдемъ. — «Куда велите», отвѣтилъ онъ.

МАРШРУТЪ
отъ Учь кургана чрезъ Алай въ Ошъ и Гульшу
въ Июлѣ и Августѣ мѣсяцѣ 1871 года.

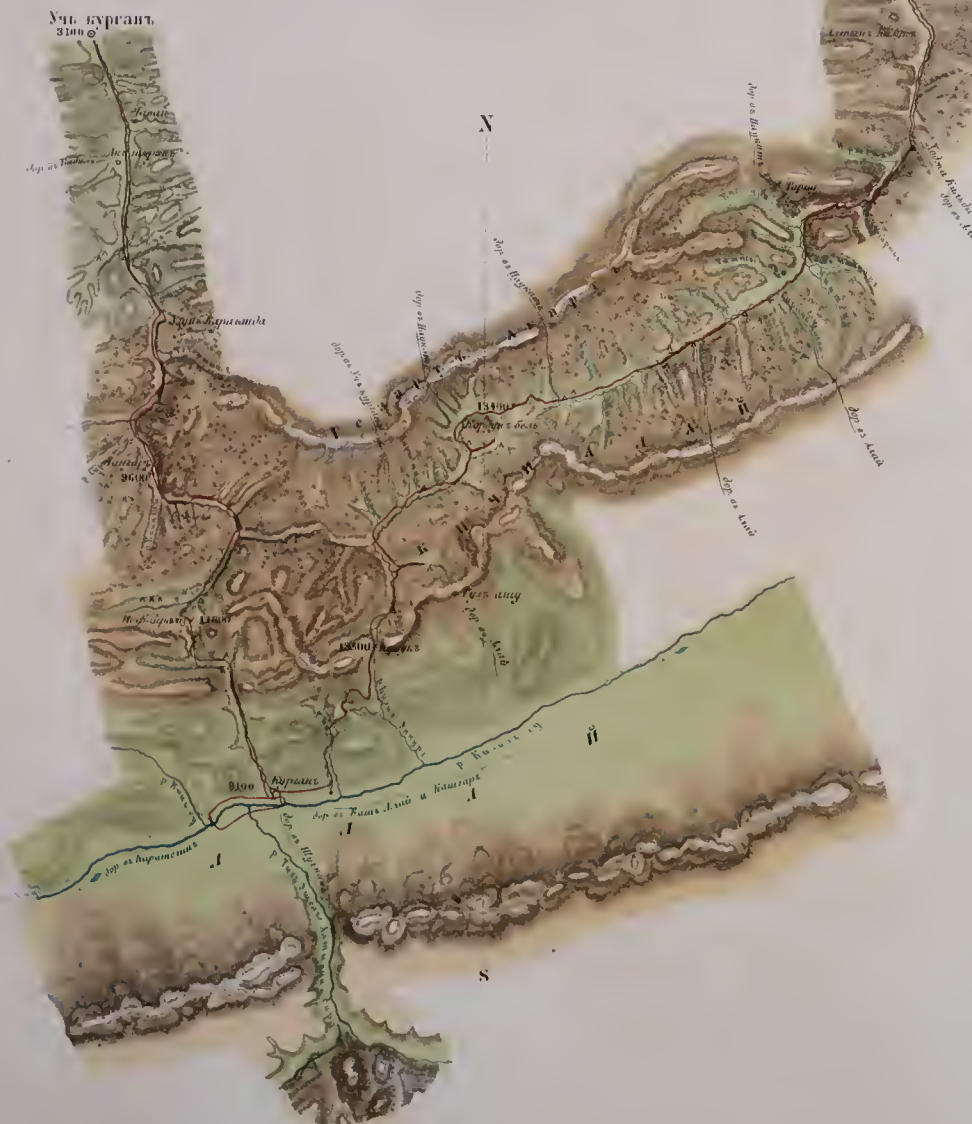
Масштабъ въ англійскомъ дюймѣхъ и верстахъ

А. ФЕДЧЕНКО.

Теренъ двайтъ,
Порекель въ Висполуръ

Объясненіе знаковь.

- ⊙ Городъ
- ⊙ Нычшее селеніе
- Селеніе съ баларамъ
- Селеніе
- Селеніе киргизъ
- ∇ Покраинный кордонъ
- △ Волчекъ
- ∇ Раватъ
- × Переваль
- ▣ Курганъ
- × Мостъ
- Путь экспедиціи
- Дорога вѣнчана
- Дорога почтениа
- △ Пикетская вѣтовина
- ∇ Искѣбленіе и мѣстн. святитио

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВЪ АЛАЙ.

Цвѣтъ воды въ рѣкѣ.—Исфаирское ущелье.—Граница кустарниковъ.—Буря.—Ужасная дорога.—Лангарь.—Чортова дорога.—Осиш.—Чатъ.—Раватъ.—Тенгизъ-бай.—Переваль.—Видъ на Заалайскія горы.—Спускъ.—Прїѣздъ на Сурхабъ.—Измаилъ токсаба.—Поѣздъ по Алаю.—Форежь; чій.—Характеръ Алай.—Окружающія его горы.—Заалайскія горы.—Истоки Кизилъ-су; р. Сурхабъ; отношенія ея къ другому истоку Аму-дарьи — р. Пянджъ. — Населеніе Алая. — Земледѣліе въ Алаѣ.—Флора и фауна Алай.—Водораздѣлъ не составляетъ границы.—Замѣчанія объ естественныхъ границахъ въ Средней Азіи.—Замѣчанія о неизслѣдованной странѣ въ верховьяхъ Аму-дарьи.—Орографическія замѣчанія.—Нагорная Азія.—Фауна нагорной Азіи; распространеніе тибетскихъ формъ до Гималаевъ.—Отъѣздъ изъ Алая.

При выѣздѣ изъ Учъ-кургана меня заняла болѣе всего вода въ рѣкѣ. Она живо напомнила мнѣ разсказъ о «кровоавой водѣ». Дѣло въ томъ, что при нашемъ прїѣздѣ въ Учъ-курганъ вода въ рѣкѣ и отведенныхъ изъ ней арыкахъ была темная, грязная, какъ въ большинствѣ другихъ рѣкъ. На другой день утромъ вода въ протекавшемъ черезъ нашъ садъ арыкѣ сдѣлалась ярко-красною и при отстанываньи давала обильный осадокъ того же цвѣта. Затѣмъ я могъ наблюдать въ теченіе дня самыя разнообразныя оттѣнки, болѣе или менѣе приближавшіяся къ первоначально-видѣнному мною сѣрому цвѣту. При выѣздѣ изъ города я убѣдился, что цвѣтъ воды зависѣлъ не отъ мѣстныхъ причинъ; вода въ самой рѣкѣ была того же цвѣта и сохраняла его во все время, какъ мы ѣхали вдоль рѣки, представляя лишь колебанія въ оттѣнкахъ.

Распросы сопровождавшихъ насъ туземцевъ не дали объясненій. Уже позже я убѣдился, что причина такихъ рѣзкихъ измѣненій въ цвѣтѣ находится въ самыхъ истокахъ рѣки. Ручьи, изъ которыхъ она составляется, протекаютъ черезъ глины разныхъ цвѣтовъ: желтыя, красныя, сѣрыя и т. д. Размывая ихъ, ручьи окрашиваются въ красный, или желтый, или какой-либо иной цвѣтъ. Величина разныхъ ручьевъ различна не только въ разные часы дня, но и въ разные дни: одни достигаютъ наибольшей силы въ началѣ іюля, другіе во второй половинѣ этого мѣсяца. Это зависитъ отъ того, на какой высотѣ лежатъ главныя снѣговыя массы, питающія ихъ; въ какомъ положеніи эти массы находятся относительно меридіана, въ какой степени онѣ закрыты отъ дѣйствія солнечныхъ лучей сосѣдними скалами, горами и т. д. Сумма всѣхъ этихъ мелкихъ особенностей между тѣмъ выражается весьма рѣзко въ цвѣтѣ воды.

Вскорѣ послѣ выѣзда изъ Учъ-кургана мы вѣхали въ горы. Хотя подъемъ и былъ

сдѣланъ нами очень незначительный, но уже можно было удобно разглядѣть мѣстность, въ которой лежитъ Учъ-курганскій оазисъ. Онъ расположенъ въ широкой лоцинѣ, идущей съ востока на западъ. На сѣверѣ лоцина ограничена очень ясно выраженною продольною грядою, хотя не очень высокою, но все-таки имѣющею высоту очень большую, сравнительно съ съ тѣми холмами, которые я видѣлъ на меридианѣ Вадила. Тамъ ровная часть Ферганской долины имѣла наибольшую ширину 85 верстъ, даже около 100 верстъ, такъ какъ холмы между Маргляномъ и Вадиломъ весьма низки. Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ долина дѣлается уже: сѣверныя горы спускаются болѣе къ югу, а передовыя гряды южныхъ выдвигаются далѣе къ сѣверу. Притомъ эти передовыя гряды дѣлаются и массивнѣе и выше.

Рѣка выходитъ изъ Учъ-курганской лоцины черезъ щель, промытую въ передовой грядѣ, на открытое мѣсто нѣсколько восточнѣе Маргляна; часть этого города или ближайшія къ нему деревни должны получать воду и изъ этой рѣки (главную же воду Марглянъ получаетъ изъ Шахимарданской рѣки). Затѣмъ вода рѣки Исфайрамъ орошаетъ поля множества поселеній, лежащихъ между Маргляномъ и Ассаке.

Не лишено интереса то обстоятельство, что Учъ-курганъ лежитъ выше большей части пунктовъ Вадильской котловины, и между ними нѣтъ значительнаго водораздѣла. Если мои наблюденія не были достаточно точны, чтобы показать существующую небольшую разницу между Вадиломъ и Учъ-курганомъ, то все-таки разница эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть велика. Если же рѣка не сливается съ Шахимарданской, а выходитъ на плоскость Ферганы чрезъ самостоятельную щель, то это зависитъ отъ того, что она течетъ въ очень глубокихъ берегахъ, въ трещинѣ. Эта трещина по всей вѣроятности примитивная, образовавшаяся при подъемѣ горныхъ массъ и съ тѣхъ поръ только расширенная и углубленная дѣйствіемъ воды.

Тотъ же характеръ теченія на днѣ глубокой щели рѣка сохраняла и на протяженіи всего пути нашего въ этотъ день, т. е. 20 верстъ. Сходство съ Заравшаномъ сильно бросалось въ глаза, хотя тамъ долина продольная, а Исфайрамъ течетъ по поперечной. И здѣсь, и тамъ къ руслу рѣки то примыкали скалистыя горы, то, отходя отъ него, уступали мѣсто обширнымъ площадкамъ.

Первыя горы мы встрѣтили уже на четвертой верстѣ отъ Учъ-кургана. Онѣ такъ близко подходили къ рѣкѣ, что едва оставалось мѣсто для дорожки. Мѣсто это было защищено довольно еще свѣжимъ заваломъ: были наложены поперекъ щели большіе камни. Завалы сдѣланы на обоихъ берегахъ рѣки, хотя по правому нѣтъ и дороги. Но дѣло въ томъ, что изъ-за завала праваго берега удобно обстрѣливается подступъ къ стоящему поперекъ дороги. Припособленіе сдѣлано мастерски и при такомъ оружьи, какимъ обладаютъ туземцы—это укрѣпленіе положительно неприступно. Оно было устроено во время послѣднихъ междоусобій въ ханствѣ, и мнѣ разсказывали, что нѣсколько засѣвшихъ тутъ киргизовъ отразили ханскій отрядъ. Для киргизовъ это укрѣпленіе очень важно, потому что выше его находится чисто киргизская территория. Не говоря о пастбищахъ, всѣ поля и вообще пашатин, видѣнные нами, принадлежать уже киргизамъ, и, прибавлю, носятъ киргизскій характеръ: это все одиночно стоящіе курганчи съ нѣсколькими деревьями, разбросанными кругомъ полями, между которыми оставлено много залежи для пастбы скота зимой. Таковы Чавай, видѣвшійся въ боковой лоцинѣ праваго берега и Акъ-тирякъ, лежащій на лѣвомъ берегу.

Проѣхавъ Акъ-тирякъ, мы вступили въ болѣе узкую часть ущелья. Скалистыя горы под-

ходили довольно близко къ рѣкѣ, но все же оставляли еще довольно мѣста для полей, хотя и небольшихъ. Конечно, для того, чтобы посѣять что-нибудь, потребовалось очистить почву отъ массы камней, которые тутъ же недалеко были сложены большими кучами. Горы были скалисты и не доступны, что очень выгодно для опредѣленія нижней границы кустарниковъ: во-первыхъ, горы здѣсь представляли очень удобныя мѣста для кустарной растительности, а во-вторыхъ дали возможность кустамъ сохраниться очень низко отъ истребленія ихъ человекомъ. Нижняя граница кустарниковъ опредѣлилась въ 3150'. То были: Сагагана и Роса; позже къ нимъ прибавилось еще нѣсколько, и въблизи нашего ночлега мы видѣли также и нѣсколько древесныхъ формъ: тополь, кленъ, Ргиппс.

Въ вечеру мы пріѣхали къ пограничному караулу: въ кибиткѣ жило нѣсколько джигитовъ, наблюдавшихъ за проезжающими. Собственно останавливаться было рано, мы могли проѣхать еще нѣсколько верстъ; но наши джигиты стали упрашивать, чтобы мы почевали близъ караула, указывая, что здѣсь можно добыть у окрестныхъ киргизъ корма для лошадей, джевушки (люцерны). Дальше же, говорили они, мы не встрѣтимъ ни одной души, и даже негдѣ будетъ остановиться, такъ какъ мы не найдемъ ни одной ровной площадки. Я, впрочемъ, былъ потомъ очень благодаренъ за эту остановку. Вскорѣ но приходѣ выюковъ началась гроза, сопровождавшаяся страшными порывами вѣтра изъ ущелья. Палатку мою чуть не сорвало; я едва успѣлъ схватить новѣшеный барометръ и передать въ руки женѣ, и, при помощи прибѣжавшихъ джигитовъ, укрѣпить палатку, перекинувъ черезъ нее добавочныя веревки. Палатку же препаратора сорвало и она повалилась на него. вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ проливной дождь. Палатки наши протекли; хотя туземныя палатки довольно прочны, но наши были уже довольно истрепаны: купленные старыми, онѣ ѣздили съ нами уже третій годъ. Ночь мы провели, можно сказать, въ водѣ. Гроза была одна изъ самыхъ сильныхъ, когда-либо мною видѣнныхъ. Близость горъ увеличивала силу раскатовъ грома. Я люблю грозу, съ наслажденіемъ слушаю разряды электричества, но въ этомъ случаѣ положеніе было не совсѣмъ пріятное. Гроза и дождь продолжались почти до разсвѣта.

На слѣдующій день почти отъ самаго ночлега началась прескверная дорога и мнѣ пришлось убѣдиться, что до Лангара дѣйствительно нѣтъ ни одной площадки, которая была бы удобна для остановки нашей партіи. Дорога шла то правымъ, то лѣвымъ берегомъ, переходя черезъ рѣку по мостикамъ, которыхъ до Лангара около дюжины. При этомъ путь затруднялся еще постоянными подъемами и спусками по прибрежнымъ крутизнамъ. Въ двухъ мѣстахъ проходъ возможенъ только, благодаря искусственнымъ приспособленіямъ. Первое находится верстахъ въ пяти отъ караула: дорога идетъ по широкому руслу рѣки по западной ея сторонѣ; чтобы защитить дорогу отъ разливовъ рѣки и направить ее по восточной части русла, устроена обширная плотина изъ камней, скрѣпленныхъ деревьями; бурная рѣка проносится такимъ образомъ, не заливая дороги. Второе приспособленіе еще смѣльче: къ отвѣсному почти утесу пристроенъ узкій карнизъ, залескиваемый водой. Вообще видно, что дорога, хотя трудная и теперь, сильно разработана вѣроятнo киргизами, которымъ необходимо было проходить въ Алай. Дѣйствительно, дорога эта должна быть для нихъ очень важна уже потому, что переваль на ней въ Алай самый низкій, всего 11800'. За то добраться до него нелегко даже и при исправленной дорожкѣ. Прежняя дорога мѣстами шла по другому берегу, гдѣ теперь еще виднѣется слѣдъ ея, хотя большая часть ея осыпалась. Она была про-

ведена еще смѣльѣ: не спускаясь къ рѣкѣ и не обходя отвѣсныхъ стремнинъ, она только огибала выступы голыхъ скалъ, лѣпясь по прилегающимъ къ скаламъ наносамъ.

При впадении въ Исфайрамъ р. Сурматаша намъ предстоялъ бродъ черезъ эту послѣднюю и притомъ довольно глубокий. Въ мѣстѣ соединенія этихъ двухъ рѣкъ находится обширная площадка, вся усыпанная галькой; нельзя сомнѣваться, что тутъ прежде было озеро.

Отъ этого мѣста началась дорога еще болѣе адская. Крутые склоны горъ вплоть до самой рѣки были покрыты огромными угловатыми обломками скалъ. Дорожка шла между ними: лошади постоянно скользили, зацѣплялись за скалы, и нѣсколько разъ даже вязли задними ногами между камней. Растительность была самая скудная; еще около рѣки стояло нѣсколько деревьевъ, но преимуществу тополей. Тутъ была встрѣчена весьма интересная птица *Muorhone Temminskii*, попадавшаяся уже прежде. Величиной она съ галку, имѣетъ темносиній цвѣтъ съ металлическими отливами, и вообще напоминаетъ тропическихъ птицъ. Дѣйствительно, она и живетъ главнымъ образомъ въ горахъ жаркихъ странъ, въ Гималаяхъ и на островѣ Явъ. Въ Тяньшанѣ же страннымъ образомъ гнѣздится въ ущельяхъ на значительной высотѣ (около 5—7000').

Приближаясь къ Лангару, мы должны были сдѣлать значительный подъемъ все по той же дорогѣ, усыпанной обломками скалъ. За то какъ же отраденъ былъ для взгляда видъ открытой площадки Лангара. Площадка эта не велика, въ ширину всего какихъ-нибудь 50—60 сажень, въ длину до 2 верствъ. Но покрытая травой невысокой, но всегда сочной, она представляетъ весьма важную станцію для проѣзжающихъ и для перекочевывающихъ киргизовъ: есть чѣмъ покормить скотъ. Только въ топливѣ большой недостатокъ; вблизи давно все уже вырублено и за дровами нужно карабкаться на горы.

Ночлежь въ Лангарѣ былъ очень неблагопріятенъ; выюки были задержаны трудной дорогой и не пришли къ ночи. Напрасно прождавъ до полуночи, мы рѣшились заснуть, какъ можно лучше пользуясь тѣмъ, что было съ нами. А взято было у меня съ женой, подъ влияніемъ вчерашней грозы, по непромокаемому гуттаперчевому пальто и больше ничего. Конечно, отъ холода оно несколько не защищало, но, завернувшись въ него, мы спаслись отъ сырости: весь Лангаръ мѣстность очень мокрая. Огня порядочнаго развести было нельзя, потому что, пріѣхавъ поздно, мы не могли набрать дровъ и пришлось довольствоваться какой-то засохшей травой, случившейся по близости. Къ счастью, не было ни дождя, ни особеннаго холода, хотя мы были уже на значительной высотѣ, около 6500'.

Слѣдующій день, 19 іюля, началось томительное ожиданіе выюковъ. Отъ разсвѣта прошло столько времени, что порядочныя выючныя лошади успѣли бы сдѣлать весь пройденный нами наканунѣ путь (18 верствъ). Наконецъ показались выюки, но—увы!—не наши. Проѣзжалъ въ Алай торговецъ изъ Андижана съ товарами. Отъ него мы узнали, что наши выюки задержаны тѣмъ, что одна лошадь свалилась въ рѣку и ишакчи занять спасеніемъ выюка и лошади. Я немедленно послалъ джигитовъ на помощь, а самъ занялся хожденіемъ по Лангару въ надеждѣ найти что-нибудь.

Нужно сказать, что хотя Лангаръ и очаровываетъ съ перваго раза, но даетъ весьма мало; голая, усыпанная щебнемъ площадка, песчаное дно прѣжняго озера, она покрыта низкой дерновой растительностью. Наканунѣ, когда мы пріѣхали, летала пара характерныхъ гуликовъ (*Ibidorhynchus Struthersii*), по напуганная неудачными выстрѣлами быстро оставила площадку.

Въ ручьяхъ, которые въ изобиліи находились близъ рѣчки, попалась любопытная форма червей, такъ-называемая вѣтвисто-кишечная плаварія (*Dendrocoela*). Она ползала во мпожествѣ по песчаному дну ручьевъ, незаметными сокращеніями передвигая свое удлинено-овальное тѣло, съ головкой, вытянутой въ боковыя отростки. Эта плаварія или форма очень близкая къ ней попадалась мнѣ прежде въ горныхъ ручьяхъ по Заравшапу.

Изъ насѣкомыхъ еще предыдущимъ вечеромъ встрѣтилась весьма любопытная форма сѣтчатокрылое изъ семейства муравьевъ львовъ, принадлежащее къ роду *Idricerus*¹⁾, недавно описанному, изъ сѣверной Индіи. Форма эта попадалась и прежде въ горахъ по Заравшапу (именно близъ Фанъ-сарвады и Пискадеръ-куля) и распространеніе ея повидимому ограничивается высотами въ 5—7000'. Животное это сумеречное, днемъ оно сидитъ въ тѣни на скалѣ, крышевидно сложивъ крылья, а въ сумерки налетаетъ на огонь. Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, появились наши вьюки; оказалось, что бѣда была не велика: ничего не было испорчено пребываніемъ въ водѣ, а только кое-что подмокло. Но за то исчезли снопы люцерны, которые нѣкоторыми изъ нашихъ спутниковъ были захвачены съ предыдущаго ночлега. Пинакчи скормилъ ихъ своимъ лошадямъ, ссылаясь на то, что ночь его застигла среди голыхъ камней.

Давъ небольшой отдыхъ вьючнымъ лошадямъ, мы отправились дальше. Въ концѣ Лангара мы нашли лучшую растительность, и главное, довольно деревьевъ. Дорога была сначала превосходная, но очень скоро замѣнилась самою ужасною: рѣка была стѣснена скалами и для прохода устроенъ мостикъ на сваяхъ, одной стороной прилегающій къ скаламъ, а другой свѣшивающійся въ бушующую рѣку. Длнна его почтенная, едвали меньше десяти сажень. Послѣ моста скоро начинается крутой подъемъ, съ вершины котораго опять спускъ къ мостику, перекинутому черезъ рѣку. Отъ моста дорога нѣсколькими зигзагами опять поднимается на большую высоту надъ рѣкой. Мѣсто это называется Каракія. Кія туземцы называютъ такія мѣста, гдѣ дорога проходитъ по крутому склону надъ рѣкой въ видѣ узенькаго карниза; кара значитъ черный, дурной. Мнѣ кажется, въ настоящее время дорога въ этомъ мѣстѣ не вполне подходитъ подъ понятіе Кія и по всей вѣроятности слово это осталось отъ прежняго направленія дороги, наполовину исчезнушіе уже слѣды которой, полуобсыпавшіеся, виднѣются на лѣвомъ берегу рѣки на огромной высотѣ. Но если измѣнился характеръ дороги и способъ перехода черезъ трудное мѣсто, то трудности и даже опасности все-таки остались тѣже; спускъ къ мостику особенно опасенъ по своей крутизнѣ: я съ волненіемъ смотрѣлъ на спускавшіеся вьюки съ противоположнаго берега, тѣмъ болѣе, что хотя я и приказалъ, чтобы каждая лошадь была сведена въ одиночку подъ уздцы, но увидѣлъ, что имъ предоставляли спускаться самимъ. Для лошадей, привычныхъ къ горнымъ дорожкамъ, это дѣйствительно лучший способъ, но если лошадь, хотя и привычная къ горамъ, идетъ по какой-либо дорожкѣ въ первый разъ, то ее очень соблазняютъ разныя боковыя тропинки, которыя вначалѣ дѣйствительно легче главпой, но потомъ оканчиваются еще болѣе труднымъ мѣстомъ. Такъ было и здѣсь: одна изъ лошадей сошла съ дорожки и пошла косогоромъ. За ней пошелъ мальчикъ инакчи и старался выпнать на главную дорогу; лошадь стала торопливо спускаться вкось по горѣ. Она отлично понимала, что быстрое движеніе было для нея единственнымъ спасеніемъ; остановивсь

¹⁾ Новый видъ, *Idricerus sogdianus* Mac-Lachlan. Описаніе (стр. 11) и рисунокъ (табл. I, рис. 8) его см. „Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченго, Т. II, ч. 5, отд. 5. Сѣтчатокрылыя“.

она или идти она тихо, она не сохранила бы равновѣсія. Все окончилось, впрочемъ, благополучно и я оставилъ выюки, приказавъ имъ идти какъ можно скорѣе.

Слѣдующая часть пути хотя и была удобнѣе, но почти сплошь каменная; мѣстность была голая, почти лишенная растительности за исключеніемъ корявыхъ колючихъ кустарниковъ. Самый занимательный предметъ для наблюденія были осыпи, спускавшіяся съ огромной высоты. При этомъ оказался любопытный фактъ, что эти осыпи спускаются медленнымъ, незамѣтнымъ для глаза движеніемъ, которое однако обнаруживается тѣмъ, что отъ осыпи, мѣстами, преимущественно вверху, идетъ какъ бы дымъ. Это мелкая пыль поднимается въ воздухѣ. Я долго наблюдалъ и не замѣтилъ, чтобы сверху падали камни или землистая масса, а дымъ, т.-е. пыль все шель то усиливаясь, то ослабѣвая. Отъ вѣтра эта пыль не можетъ зависѣть: она летитъ почти прямо вверху и потомъ уже отклоняется пемного въ сторону.

Дальше мы подѣхали къ Чату. Такъ называется узкая щель, черезъ которую вырывается р. Исфайрамъ. Чать, какъ мнѣ говорили, называется мѣсто между погъ, что-то въ родѣ паха, и этимъ словомъ обозначаютъ узкія, непроходимыя ущелья. Для обозначенія же большихъ ущелій употребляется слово дагана; впрочемъ, другіе поясняли, что дагана называютъ только начало ущелья, входъ въ него, но это почти одно и то же, потому что входъ обыкновенно и составляетъ самое узкое мѣсто. Чать, бывшій передъ нами, называли мнѣ Кичи-алай-чаты или Гезартыны-чаты, указывая этимъ на лежація за нимъ мѣстности.

Какъ разъ противъ этого Чата возвышается очень высокая гора, почти отвѣсно примыкающая къ рѣкѣ. Кругомъ ея валялось множество обломковъ великолѣпнаго бѣлаго мрамора, скатившихся съ горы. Тутъ же разсыпаны были куски грапита, и нѣкоторые изъ нихъ огромной величины.

Отъ этой горы начался подъемъ по ручью, главную рѣку мы оставили. Подъемъ шель по ущелью, заросшему крупнымъ лѣсомъ, по преимуществу можжевельникомъ. Тутъ я видѣлъ очень толстыя старія деревья можжевельника; одно имѣло до полутора обхвата въ обѣмѣ.

На пути намъ встрѣтился равать; то было каменное зданіе съ копошнями внутри и грязнымъ помѣщеніемъ для людей. Оно устроено для остановки путниковъ, которымъ приходится проѣзжать по этой дорогѣ зимой. Чтобы дожидаться выюковъ, мы остановились у равата и занялись собираніемъ; растительность, древесная и кустарная, тутъ была весьма разнообразная и мощная. Она была, впрочемъ, почти вся сосредоточена на правомъ берегу. Пришлось переѣхать на тотъ берегъ въ бродѣ; перейти черезъ ручей оказалось невозможнымъ; онъ бѣшено перепрыгивалъ по огромнымъ камнямъ, лежавшимъ въ его руслѣ, образуя красивые каскады, а гдѣ русло было свободно отъ камней, тамъ оно было слишкомъ глубоко.

Выюковъ здѣсь пришлось прождать долго. Накопецъ я потерялъ терпѣніе и отправился къ нимъ па встрѣчу. Засталъ я ихъ при самомъ началѣ подъема въ самомъ печальномъ положеніи: выюки постоянно сползали, лошади сходили съ главпой дорожки, зацѣплялись за деревья. Я сразу понялъ, отчего выюки всегда приходятъ такъ поздно и, зная, что въ этотъ день нужно проѣхать еще довольно много, рѣшилъ не раздѣляться съ ними. Принявъ участіе въ ихъ препровожденіи до равата, я трогательно изобразилъ всѣмъ необходимость поспѣшнаго движенія выюковъ, такъ какъ до почлега еще далеко. У всѣхъ предыдущая ночь была въ памяти, и потому, не желая остаться или безъ выюковъ, или безъ киргизскаго аула, всѣ принялись преусердно гнать выюки. Такъ какъ лошади были навьючены легко, то онѣ

Пико Касинанас

Imp. Lencosteg & C^{os} P^{as}.

Caja Fotobrevete nº 101-102

ВЪДЪ ЗАПАДНИКЪХЪ ГОРЪ СЪ ПЕРУВА А ИСФАНДРАМЪ

ВЪДЪ СЪСТАВЪ ТРАНСЪАЛПИНСЪХЪ ГИРИСТАХЪ СЪ ПЕРУ

шли очень быстро, за то нѣшіе, никакчи и его мальчикъ, изъ силъ выбивались, почему и приходилось опять замедлять движеніе. Подъемъ между тѣмъ не кончался, а уже совсѣмъ смеркалось. Подъ навѣсомъ скалы мы увидали расположившагося на почлегъ купца, обогнавшего насъ въ Лангарѣ. Такъ какъ, по словамъ мирахура, намъ долженъ былъ встрѣтиться киргизскій аулъ, то мы всячески спѣшили добраться до него. Уже совсѣмъ смеркалось, когда подъемъ кончился и мы выѣхали на ровную площадку Тенгизъ-бай или Исфайрамъ. Благодаря ровной мѣстности, мы могли ѣхать и въ темнотѣ; протекавшая рядомъ рѣка указывала намъ путь, отражая остатокъ свѣта. Но наконецъ сдѣлалось такъ темно, что мы съ трудомъ видѣли другъ друга. Ишакчи сталъ говорить, что мы растеряемъ лошадей. Аула и признаковъ не было, наконецъ гдѣ-то сверкнулъ огонь и пропалъ. Мы туда, кричать, звать, — ни души; наконецъ кое-какъ добрались до огня, разведеннаго подъ скалой. Оказалось, что это пастухъ со стадомъ. Про аулъ онъ намъ толкомъ не объяснилъ, а такъ какъ разбѣзжать въ темнотѣ было дѣло рискованное, къ тому же дѣлалось очень холодно, то и рѣшено было стать на почлегъ, гдѣ мы находились.

Ночь была холодная: въ половинѣ втораго ночи, когда мы ложились спать (остановились мы поздно, а пужпо было еще привести въ порядокъ коллекціи, замѣтки, маршруты) въ палаткѣ было только 2.5°С., а наружи 0.2°С. Палатки были покрыты шеемъ. Труднѣе всего было коканскимъ джигитамъ: наши имѣли палатку, которая предохраняла ихъ отъ охлажденія вслѣдствіе лучеспусканія, коканцы же спали подъ открытымъ небомъ, прикрываясь своими халатами. На бѣду, нельзя было развести и порядочнаго огня; пастухъ принесъ намъ дровъ, но сырыхъ, они не горѣли. Чтобы согрѣть въ чайникѣ воды для чая, пришлось пожертвовать однимъ изъ укупорочныхъ ящичковъ. Высота, на которой мы почевали, была около 11000'.

Утромъ пріѣхали киргизы изъ сосѣдняго аула (оказалось, что онъ былъ совсѣмъ близко) и уѣхавшіе впередъ джигиты и стрѣлокъ. Въ аулѣ было приготовлено угощеніе, остатки котораго привезли намъ.

Мѣстность, гдѣ мы почевали, оказалась обширной долиной, тянувшейся съ востока на западъ, съ самымъ легкимъ подъемомъ къ западу. Съ юга долину эту, Тенгизъ-бай или Исфайрамъ, ограничивали очень невысокія горы, возвышавшіяся не болѣе 2500' надъ долиной; на сѣверѣ горы были массивнѣе.

Вся долина была покрыта зеленой низкой травой; несмотря на это, она не относится къ числу лѣтвовокъ, а служитъ только станціей: на ней временно останавливаются киргизскія стада, когда идутъ въ Алай. Въ этотъ годъ случайно одинъ киргизъ остался на все лѣто: онъ почему-то запоздалъ, его постоянныя лѣтовки въ Алаѣ были заняты, онъ и остался въ Тенгизъ-баѣ.

Изъ Тенгизъ-бая въ Алай есть три перевала: главный, Исфайрамъ, былъ какъ разъ на югѣ отъ мѣста нашего ночлега, другіе два служатъ для кочевниковъ; Канглы лежалъ западнѣе, на него можно проѣхать прямо изъ Лангара; находившійся же восточнѣе Куйджолы, какъ самое названіе показываетъ, служитъ для прогона скота.

Подъемъ на перевалъ изъ Тенгизъ-бая весьма не великъ, всего 800—900 футовъ, и очень легокъ; идетъ все время по мягкому грунту, весьма полого. Видъ съ перевала заставилъ насъ остановиться: передъ нами открылась панорама исполинскихъ снѣговыхъ горъ. Горы эти, впрочемъ, не всѣ были видны съ перевала. Ближайшія грады отчасти закрывали

нихъ. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось видѣть возможно болѣе; передъ нами была мѣстность едва извѣстная по имени Алай, а что лежало за нею было никому неизвѣстно. Хотѣлось увидѣть хоть очертаніе тѣхъ горъ, которыя тянулись за Алаемъ. Я отправился на гору, возвышающуюся надъ переваломъ справа. Она была хотя и круча, но мягкая, такъ что я быстро былъ на ея вершинѣ, футовъ на 700 надъ переваломъ.

Съ этой горы я увидалъ еще больше снѣговыхъ массъ на югѣ. Крайнія изъ нихъ направо были видны подъ угломъ 198° , это была цѣлая группа пиковъ, воздымавшихся гораздо выше снѣговой линіи, рѣзко отдѣлявшаяся отъ прилегающихъ горъ. Отъ нихъ на востокъ виднѣлась уже цѣлая линія снѣговыхъ громадъ, все-таки мѣстами прерывавшихся, потому что ихъ заслоняли близкія горы. Подъ угломъ 115° , т. е. почти на востокѣ уже, виднѣлся пикъ, который, несмотря на свое наибольшее отдаленіе, былъ все-таки выше другихъ. Я замѣтилъ его еще снизу съ перевала, какъ весьма высокую точку. Вершину эту почти постоянно закрывало облако и надо было долго смотрѣть на нее, чтобы составить понятіе объ ея формѣ. Форма этой вершины оказалась весьма характерна: пирамида, основаніе которой очень велико сравнительно съ высотой, впрочемъ это неправильная пирамида: сѣверный склонъ ея крутъ, а южный пологъ, постепенно переходить въ массу горъ. Ни одной черной точки, все сплошь засыпано снѣгомъ! Какъ я жалѣлъ, что у меня не было никакого угломернаго снаряда; разстояніе было велико (я полагаю не менѣе 60 верстъ), но все-таки можно бы было опредѣлить, насколько возвышается надъ хребтомъ эта вершина. Позже и снизу, изъ Алая, я увидѣлъ эту вершину, и оттуда она казалась самою высокою. Что касается до ея высоты, то за неимѣніемъ измѣреній я долженъ довольствоваться косвенными выводами, которые изложу ниже при описаніи Заалайскаго хребта, какъ онъ виденъ изъ Алая. Именно, я полагаю, что она очень близка къ $25000'$. Цифра эта для Тяньшаня неслыханная. Ханъ-Тенгри близъ восточнаго конца Песыкъ-куля, высшая точка Тяньшаня, бывшая извѣстной, возвышается до $22000'$. Видѣнную мною вершину я считаю выше, и съ нетерпѣніемъ буду ждать минуты, когда окажется возможнымъ измѣрить ее въ точности.

За отсутствіемъ мѣстнаго названія, я позволяю себѣ дать этой вершинѣ названіе пика Кауфмана, въ честь туркестанскаго генераль-губернатора, К. П. фонъ-Кауфмана. Я видѣлъ его заботы и труды въ пользу вновь завоеваннаго края и для научнаго его изслѣдованія; описываемое путешествіе обязано своимъ осуществленіемъ его стремленію къ изученію неизвѣстныхъ еще странъ Туркестана, и потому я считаю совершенно справедливымъ, что одно изъ лучшихъ открытій настоящаго путешествія будетъ носить его имя.

Съ горы, на которую и всходилъ, я увидалъ и Алай: «низкое, ровное мѣсто подъ угломъ 99° », какъ записано у меня въ памятной книжкѣ. Видна была изъ-за близкихъ горъ, впрочемъ, только весьма небольшая часть этого обширнаго плоскогорья. Подъ угломъ 106° виднѣлась рѣка, одинъ изъ притоковъ Сурхаба, какъ оказалось послѣ.

На сѣверѣ тоже были горы, близкія, ясно видимыя, но глаза мои рѣдко обращались въ ту сторону, они настойчиво глядѣли на югъ, чаруемые грандіозностью панорамы и полной неизвѣстностью, что тамъ находится. Но массивный снѣговой хребетъ, какъ стѣна, протягивался передо мной на разстояніи какихъ-нибудь 30 верстъ. Я тогда еще не предчувствовалъ, что эти горы сдѣлаются для меня дѣйствительно стѣной, за которой я ничего не увижу; я снѣшилъ вверхъ, чтобы проникнуть въ эти горы и мечталъ, что дойду до тѣхъ мѣстъ, гдѣ фантазія туземцевъ помѣщаетъ «крышу міра» (Бамъ и дунеа). Увы, не подозрѣвалъ я, что великими

киргизскаго полковника мнѣ суждено будетъ ограничиться созерцаніемъ только края «крыши міра». Безъ грусти, я до сихъ поръ не могу вспомнить о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя пришлось мнѣ испытать въ Алаѣ. Но что же дѣлать? Остается ожидать, что если не увижу самъ, то отъ другихъ узнаю, что таится за этими горами.

Однако какъ ни увлекательно было сидѣть на вершинѣ горы, и предаваться разнымъ размышленіямъ, нужно было спѣшить внизъ; наши спутники уже пачали спускаться, это значило, что жена моя уже кончила эскизъ. Въ нѣсколько минутъ я былъ внизу. Дорожка отъ перевала идетъ круто внизъ по склону глубокихъ, но мягкихъ овраговъ. Скоро мы встрѣтили небольшой киргизскій аулъ, но, не останавливаясь, спѣшили внизъ. Мы слѣдовали по теченію небольшой рѣчки Даравутъ, уже извѣстной въ географической литературѣ; она записана въ маршрутѣ Абдуль-Меджида, бывшаго въ Коканѣ въ 1863 году. Оказывается, что, возвращаясь въ Индію, онъ прошелъ черезъ тотъ же перевалъ Исфайрамъ, и вообще отъ Учъ-куртана до Коксу слѣдовалъ одной дорогой съ нами ¹⁾. Впрочемъ, кромѣ названій, онъ не сообщаетъ ничего, да и по нимъ не оказалось возможнымъ вѣрно нанести его путь, какъ то пытался сдѣлать Fr. Walker на изданной имъ картѣ Средней Азіи.

Дорога очень удобна, трудно только то мѣсто, гдѣ приходится проѣзжать по щели, чрезъ которую проходитъ въ Алаѣ дорога, прорѣзывая гряду горъ, возвышающуюся не менѣе какъ до 14000' (она-то и мѣшала мнѣ видѣть Заалайскій хребетъ на всемъ протяженіи).

Дорогой было кое-что собрано, особенно изъ растений. Вниманіе мое привлекли гигантскія воюючки (*Fegula*), росшія на южномъ склонѣ горъ и поднимавшіяся до высоты не менѣе 10000'. Нахожденію ихъ и притомъ на такой высотѣ я сначала удивился и обрадовался; хотя я и встрѣчалъ *Fegula* прежде въ горахъ въ Заравшанской долинѣ, но никогда на такой высотѣ. Обрадовался же я имъ потому, что онѣ придавали другой характеръ растительности, чѣмъ какой былъ въ посѣщенныхъ доселѣ къ сѣверу отъ водораздѣла горахъ; я надѣялся, что за водораздѣломъ окажется флора и фауна, рѣзко отличная отъ встрѣчавшейся до сихъ поръ. Но этого пѣтъ; были найдены растенія и животныя, не встрѣчавшіяся прежде, но въ общемъ характеръ флоры и фауны былъ тотъ же. Водораздѣлъ не составляетъ границы въ распространѣніи животныхъ и растеній.

¹⁾ Маршрутъ его помѣщенъ въ *Select. from Records of Governm. of India N. XXXIX. 1863*, на стр. 19; меня смущалъ: *Osch-koorgan Pass*, который долженъ находиться между Учъ-куртаномъ и Лангаромъ, такъ какъ тамъ нѣкакого *Pass* въ смыслѣ перевала нѣтъ; но я вижу, что и Кизиль-кія онъ называетъ *Pass*, хотя *Kia*, какъ я уже объяснялъ, есть трудный проходъ по крутому береговому склону. Привожу данныя маршрута мнѣ, поправляя ихъ транскрипцію.

Kokan—г. Коканъ.

Rashidan—г. Раштанъ.

Fuzabad—Файзабадъ.

Yarmazar—Яръ-мазаръ, цитадель Маргыана.

Awl—Аваль, большое селеніе въ 2½ тамахъ отъ Учъ-куртана.

Osch-koorgan—Учъ-куртанъ.

Osch-koorgan Pass—проходъ чрезъ узкое скалистое ущелье.

Lungur—Лангаръ.

Darawoot Pass—перевалъ Исфайрамъ или Тенгизъ-бай.

Koksoo—Кукъ-су.

Neem-kirghiz—Киргизы-найманъ, въ 1871 г. не кочевали въ этомъ мѣстѣ.

Kirghiz-kirchak—Киргизы-кыпчаки, кочуютъ близъ устья Кукъ-су.

Kizzil Kesah Pass (difficult)—Кизиль-кія, очень трудная дорога на протяженіи четырехъ верстъ между Малымъ и Большимъ Карамукомъ.

Kuvah Magh—Карамукъ, очевидно Большой, принадлежащій нынѣ каратегинцамъ.

Хотя растительность была богатая, но киргизовъ намъ почти не попадалось. Кромѣ вышеупомянутаго аула, мы видѣли еще одну только кибитку, обитательница которой очень услужливо напоила жену мою молокомъ, какъ оказалось потомъ верблюжьимъ. Отсутствіе киргизовъ на этихъ удобныхъ мѣстахъ объясняется тѣмъ, что они оставляютъ траву близъ дороги, чтобы было чѣмъ кормить скотъ при обратной перекочевкѣ въ долину Ферганы.

Увлеченіе сборомъ, я отсталъ отъ нашей партіи и большую часть пути ѣхалъ одинъ. Въ упомянутой щели пришлось сойти съ лошади, дорога сходить очень круто уступами; ширина щели въ узкихъ мѣстахъ какихъ-нибудь четыре-пять сажень. По выѣздѣ изъ нея началась очень богатая кустарная растительность, которая здѣсь поднимается, повидимому, фута въ 200 выше, чѣмъ на сѣверѣ отъ водораздѣла. Кромѣ кустовъ, очень большую роль въ пейзажѣ играли большого роста зонтичныя, Prangos (дженджабилъ) и Hedeasium. Эти растенія и въ Заравшанской долинѣ были найдены на такой же высотѣ.

Ущелье все время оставалось очень узкимъ, отъ южныхъ горъ видѣлся только одинъ бѣлосвѣжій пикъ. Но вотъ послѣ небольшого поворота открылся видъ на долину Кизиль-су; ущелье, саженьхъ въ 100, оканчивалось, и долина Алая была только отчасти закрыта коганскимъ курганомъ, выстроенномъ при самомъ концѣ ущелья. Далѣе кургана, въ полумерстѣ отъ него, я увидаль наши палатки, раскинутыя на берегу большой рѣки. Я направился къ нимъ, но оказалось, что всѣ наши спутники были приглашены въ курганъ. Поэтому и я направился туда же и засталъ все общество за чаемъ. Начальникъ кургана и Алайскихъ киргизовъ, Изманъ токсаба, толстый, ослынный жиромъ киргизъ, сидѣлъ тутъ же въ качествѣ хозяина. Послѣ чая подали кушанье—пловъ, а затѣмъ мы, распрощавшись, отправились къ нашимъ палаткамъ. Разговоръ ограничился самыми общими мѣстами; впрочемъ, токсаба разсказалъ кое-что объ истокахъ Кизиль-су.

Лагерь нашъ былъ раскинутъ на самомъ берегу Сурхаба, какая-нибудь сажень отдѣляла мою палатку отъ воды, текущей въ Аму-дарью. Кругомъ были обширные луга, покрытые роскошной травой, зеленый сочный цвѣтъ которой составлялъ рѣзкій контрастъ съ выгорѣвшею растительностью Алая. Но я считаю нелишнимъ описать подробнѣе, что было видно съ нашей стоянки. На сѣверѣ: не высокая скалистая гряда была прорѣзана ущельемъ Даргутъ, узкимъ, которое почти совсѣмъ было закрыто курганомъ токсабы. Гряда горъ тянулась далѣе на западъ и верстахъ въ 3 совсѣмъ подходила къ рѣкѣ, кончаясь крутымъ обрывомъ; на западѣ видны были горы, не высокія, но вскорѣ замыкавшія Алай; тѣ, которыя были на лѣвой сторонѣ рѣки, составляли не болѣе, какъ передніе отроги высокаго хребта, который во многихъ мѣстахъ достигалъ снѣговой линіи и имѣлъ нѣсколько высокихъ снѣгомъ покрытыхъ пиковъ. Переднія горы были изрѣзаны нѣсколькими глубокими долинками и вообще поверхность горъ была изрѣзана весьма разнообразно. Снѣговія горы тянулись и далѣе на востокъ, только какъ разъ противъ насъ онѣ были разрѣзаны широкимъ ущельемъ Алтыинъ-дара; по бокамъ его возвышались снѣговія горы и въ глубинѣ поднимался величественный снѣговой пикъ. Что видно было отъ ущелья далѣе на востокъ, изображено на прилагаемомъ рисункѣ. Онъ сдѣланъ прямо изъ палатки. Снѣговія горы вдали незамѣтно пропадали и между ними и горами по правому берегу рѣки разстилалось ровное степное пространство, Алай, безъ границъ сливавшееся на С.-В. съ горизонтомъ. Видѣть его во всю ширину мѣшали близкія горы, прилежавшія къ грядѣ, проходившей на сѣверѣ отъ рѣки.

Общее знакомство съ мѣстностью показало, что слѣдовало бы сдѣлать по крайней мѣрѣ

Съ вѣд. рис. О. Федоткинъ

Ильсь Курчумана.

Рис. А. К. Сурисова.

АЛАЙ И ЗААЛАЙСКІЯ ГОРЫ

въ июль 1871 года.

Alai et la chaîne Transalaitenne

три поѣздки: внизъ по рѣкѣ, вверхъ и въ ущелье Алтынипъ-дара. Я и мечталъ объ этомъ, но въ тотъ же вечеръ былъ разочарованъ сообщеніемъ кокапцевъ, что токсаба, въ виду неприязненнаго настроенія каратегинцевъ и ненадежнаго состоянія умовъ алайскихъ киргизовъ, не паходитъ возможнымъ, чтобы я сдѣлалъ эти поѣздки, и необходимо ограничиться ближайшими окрестностями кургана. «Вѣдь мы въ Алаѣ, куда вы желали съѣздить, какая же еще поѣздка» говорили кокапцы.

На завтра насъ посѣтилъ Измаиль токсаба; я угостилъ его чаемъ, сдѣлалъ ему кой-какіе подарки и между прочимъ завелъ рѣчь о необходимости сдѣлать нѣкоторыя поѣздки. «Невозможно», отвѣчалъ онъ и полилась заученая рѣчь, почему и т. д. «Вопь до моста вы можете съѣздить, а въ горы невозможно». Такъ какъ главнымъ доводомъ былъ страхъ за наши особы, мою и моей жены, то я сказалъ, что слѣдуетъ послать по крайней мѣрѣ охотника, чтобы настрѣлять птицъ и набрать растеній, но и на это онъ сыскалъ возраженіе: «перепугаются киргизы, а растеній вамъ набереть и киргизъ, я пойлю», прибавилъ токсаба.

Дѣйствительно, потомъ мнѣ привезли обрывковъ растеній, измятыхъ, пащипанныхъ, какъ попало, хотя я выставилъ необходимыя требованія на счетъ полноты экземпляра и т. д. Я хотѣлъ было пустить въ ходъ деньги, усиленные подарки, но, какъ парочно, у меня было взято очень немного; отправляясь изъ Учъ-кургана, я не зналъ, что найду въ Алаѣ отдѣльнаго важнаго пачальника. Самое цѣнное у меня были часы; я ихъ поднесъ ему, но на бѣду часы были такія дурныя, что, какъ только онъ пріѣхалъ въ курганъ, они остановились. Токсаба прислалъ ихъ ко мнѣ, съ просьбой исправить или переѣнить. Хотя я и полагаю, что они остановились оттого, что онъ, обрадовавшись, что у него часы, пачалъ ихъ разсматривать и повѣрять, но отъ этого было не легче; исправить или замѣнить другими я не могъ.

Я рѣшилъ сдѣлать хотя коротенькія поѣздки. Первая была къ мосту. Мы поѣхали по дорогѣ, ведущей въ Каратегинъ, именно правымъ берегомъ рѣки. При проѣздѣ черезъ горы, подходившія къ рѣкѣ, пришлось слѣзть съ лошадей, такъ какъ тропинка была узка и камениста. Вскорѣ послѣ этого мы достигли моста черезъ Кизиль-су; до него отъ кургана не болѣе 7—8 верстъ. Мостъ построенъ по обычному, употребительному у туземцевъ способу, т. е. на концы выдающихся отъ берега бревень положены другія, болѣе длинныя и на нихъ настилка изъ поперечныхъ плохо-обтесанныхъ досокъ. Длина моста 10 сажень (это самое узкое мѣсто Кизиль-су), ширина сажени полторы; арба свободно проѣхала бы черезъ него, еслибъ только она могла попасть въ Алай.

Немного ниже моста находится мѣсто впаденія въ Кизиль-су рѣки Кукъ-су; обширные луга, называемые Чакъ, разстилаются при устьѣ, а выше рѣка течетъ по широкому ущелью.

По маршруту токсабы намъ слѣдовало переѣхать черезъ мостъ, чтобы лѣвымъ берегомъ, слѣдуя близъ рѣки, вернуться обратно. Но меня сильно соблазняли плоскія, ровныя возвышенности, разстлавшіяся по лѣвому берегу рѣки, въ разстояніи какой-нибудь версты отъ Кизиль-су, и я поѣхалъ на нихъ, надѣясь что-нибудь увидать. Сопровождавшіе насъ коканцы рѣшительно отказались ѣхать со мной; они кажется предполагали, что я хочу переѣхать къ горамъ на южной окраинѣ Алая. Они не прежде рѣшились присоединиться ко мнѣ, какъ увидали, что я дѣйствительно поднимаюсь на указанный мною близкій холмъ. Почти все время отъ моста до холма мы ѣхали между полей, которыя, впрочемъ, были по большей части не засеяны.

Съ вершины холма я увидалъ немного больше, къ тому же дулъ съ запада страшно

спильный, порывистый вѣтеръ, такъ что, чтобы смотрѣть въ зрительную трубу, нужно было ложиться и укрываться за какимъ-нибудь камнемъ.

Здѣсь, очевидно, опять было повтореніе того, что я говорилъ по поводу вѣтра въ Ферганѣ: отъ сильнаго нагрѣванія воздухъ въ Алаѣ уходилъ вверхъ и для восстановленія равновѣсія съ запада врывались новыя массы воздуха. Съ холма мы поѣхали по направленію къ кургану и при этомъ переѣхали рѣчку Тузь-су. Она течетъ изъ ущелья Алтынниъ дара и довольно велика, но струится по широкому, покрытому галькой руслу. Русло это глубоко, сажень на шесть врѣзано въ толщѣ конгломерата. Между галькой видна скудная растительность; мы съ женой рѣшили однако это русло нѣсколько тщательнѣе осмотрѣть, въ виду того, что рѣка, очевидно въ полую воду весьма стремительная и широко разливающаяся, приноситъ сѣмена изъ южныхъ, недоступныхъ намъ горъ.

И дѣйствительно было найдено нѣсколько растений, прежде не встрѣчавшихся, въ томъ числѣ нѣкоторыя вовсе еще неизвѣстныя.

Коканцы узнавъ, что мы хотимъ остаться у Тузь-су, ничего не возражали, но сами не остались, очевидно хорошо сознавая, что опасности никакой нѣтъ. При нашихъ лошадяхъ остались только два таикентскихъ джигита; да и тѣ заснули, такъ что мы, отойдя отъ нихъ на версту, должны были потомъ возвращаться назадъ и будить ихъ. Покуда мы собирали у Тузь-су, вся партія уже давно вернулась и мы остались одни на противоположномъ берегу. Моста тутъ нѣтъ и черезъ рѣку переѣзжаютъ въ бродъ, пользуясь тѣмъ, что она разливается на множество рукавовъ. Мы были въ недоумѣніи, въ какомъ направленіи ѣхать, но насъ замѣтили изъ лагеря и послали проводника. Нѣкоторые рукава оказались довольно глубокими, а главное—очень мѣшала движенію сильная быстрота теченія. Ниже этого мѣста по единогласному утвержденію туземцевъ, бродовъ чрезъ Кизиль-су и Сурхабъ ни въ какое время года не бываетъ.

На многочисленныхъ островахъ, которые здѣсь образуетъ Кизиль-су, развивается богатая кустарная растительность. Главная порода была обльпиха (*Hipporhaë rhamnoides*).

Другую поѣздку я сдѣлалъ на третій день нашего пребыванія въ Алаѣ; мнѣ хотѣлось вѣхатъ на конгломератовые холмы, которые возвышались какъ разъ противъ мѣста нашей стоянки. Они были слишкомъ низки, чтобы съ нихъ можно было увидѣть много больше, чѣмъ изъ палатки; однако я оттуда могъ взять нѣсколько направленій, которыя въ связи съ направленіями, взятыми западнѣе съ холма у моста, помогли мнѣ ориентироваться въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ. Главное же: я могъ опредѣлить направленіе самого Алая; оказалось, что онъ идетъ не прямо на востокъ, а съ замѣтнымъ уклопеніемъ къ сѣверу, подъ угломъ около 75°. Коекакой сборъ насѣкомыхъ на сухихъ обрывахъ и на дугахъ лѣваго берега былъ результатомъ этой поѣздки.

Я забылъ упомянуть о двухъ любопытныхъ предметахъ, которые попались мнѣ близъ самой нашей стоянки: въ прозрачномъ ручьѣ Дараутъ было поймано нѣсколько экземпляровъ форелей. Красивая пестрая рыбка эта попалась намъ здѣсь въ первый и послѣдній разъ. Къ сожалѣнію, всѣ экземпляры были молодые, не болѣе 4 дюймовъ, почему точнаго опредѣленія этой формы сдѣлано быть не можетъ.

Я очень обрадовался форели и полагаю, что это первый найденный въ Туркестанѣ представитель семейства лососевыхъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ни въ Сырь-дарьѣ,

ни въ Заравшанѣ ни мной, ни другими не было найдено форелей. Но потомъ я узналъ, что еще лѣтъ за 40 предъ симъ, Гриффитомъ была найдена форель въ рѣкѣ Баміанѣ, хотя и не доходящей до Аму-дарьи, но, очевидно, принадлежащей тому же бассейну. Баміанская форель была описана Макъ-Клелландомъ подъ именемъ *Salmo orientalis*, но, къ сожалѣнію, весьма поверхностно; молодыя форели ему были неизвѣстны, и такъ какъ у меня однѣ молодыя, то и нельзя рѣшить, принадлежитъ ли алайская форель къ тому же виду, что Баміанская. Въ самой Кизиль-су мы никакой рыбы не нашли; были заброшены удочки, но наживка такъ и осталась нетронутою. Киргизы сказали мнѣ, что они не ловятъ рыбы въ Кизиль-су.

Молодая форель, въ наст. вел.

Другой любопытный предметъ былъ чій; такъ называютъ киргизы злакъ, извѣстный у ботаниковъ подъ названіемъ *Lasiagrostis splendens*. Онъ близъ нашего лагеря покрывалъ обширныя пространства. Растетъ онъ кочками, т.-е. растенія находятся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и нѣсколько возвышаются надъ почвой. Изъ такой кочки, размѣръ которой увеличивается выгнанными листьями, возвышается нѣсколько длинныхъ, тонкихъ стеблей. Вотъ эти-то стебли и имѣютъ весьма большую важность для киргизовъ. Будучи тонки, крѣпки и на большомъ разстояніи ровны, безъ узловъ, они очень удобны для выдѣлыванія циновокъ. Циновки изъ чія въ большомъ употребленіи у киргизовъ и бока кибитки непремѣнно заставляются чіемъ; онъ плотенъ настолько, что защищаетъ кибитку отъ пыли, огонь отъ сильного вѣтра и вмѣстѣ съ тѣмъ пропускаетъ свѣжій воздухъ и отчасти свѣтъ. Стебли чія связываются шерстяными нитками; затѣмъ самые стебли нерѣдко покрываются шерстяными нитками, которыя окрашиваются такъ, что получается узорчатая циновка.

Но если немного мнѣ удалось осмотрѣть самому въ Алаѣ, то многое узналъ я изъ рассказовъ лицъ, встрѣченныхъ мною тамъ. Особенно богаты были свѣдѣніями рассказы одного киргизскаго бія, киргизъ кипчака Нуръ Магомета. Меня онъ сразу заинтересовалъ поразительнымъ сходствомъ своей фізіономіи съ лицомъ извѣстнаго шахрисябскаго ех бека Джура бія; я надѣялся, что внутреннія его качества такъ же хороши, какъ у Джура бія. Надежда эта оправдалась и приглашенный въ мою палатку, онъ, послѣ нѣкотораго колебанія и недовѣрчивости, сообщилъ мнѣ весьма богатые свѣдѣнія о сосѣднихъ странахъ, особенно о Каратегинѣ.

Я привожу ихъ въ слѣдующей главѣ, а здѣсь считаю умѣстнымъ изложить все имѣющіяся у меня данныя объ Алаѣ. Прежде всего считаю необходимымъ сообщить указанія на счетъ его строенія, чтобы читатель могъ сообразить въ какомъ смыслѣ я называю его плоскогорьемъ.

Между двухъ грядъ горъ лежитъ длинная (до 60 верстъ) равнина; это и есть Алай. Данные выше признаки позволяютъ признать Алай просто за долину, которая отъ другихъ продольныхъ долинъ Тяньшана, напр. Заравшанской, отличается только тѣмъ, что ограничивающія ее гряды очень удалены другъ отъ друга (гребни грядъ отстоятъ верстъ на 50—60) и что ровное пространство между грядъ очень обширно. Все это особенности количественнаго характера, но вотъ что составляетъ уже болѣе существенное отличіе: въ верхней своей части Алай, да и вообще подобныя образованія въ Тяньшанѣ, распространяется почти до самыхъ гребней. Я хочу сказать, что тогда какъ въ нижней и средней частяхъ его между долиной и гребнемъ находятся обширные склоны, даже цѣлыя высокія гряды, въ верхней части почва отъ проходящаго вдоль Алая вдавленія возвышается весьма постепенно до самаго гребня, не прерываясь рѣзкими неровностями, кромѣ происшедшихъ отъ размыва водою. Такой характеръ уже подходитъ къ тому, что называютъ Hochebene, Plateau, плоскогорье, высокое ровное пространство, ограниченное на краяхъ горами.

Кто посѣтитъ Алай у кургана токсабы, тотъ скажетъ, что это просто широкая горная долина; тотъ же, кто посмотритъ на него верстахъ въ 40—50 восточнѣе, признаетъ его за плоскогорье. При такихъ условіяхъ я считаю возможнымъ только условно придать Алаю эпитетъ или горной долины, или плоскогорья и склопаюсь болѣе къ послѣднему.

Дѣйствительно, мѣстности въ родѣ Алая составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ Тяньшана и ихъ необходимо отличить особымъ терминомъ отъ обыкновенной горной долины. За неизмѣнимъ спеціальнаго названія, приходится принять эпитетъ плоскогорья, хотя онъ часто употребляется и въ иномъ значеніи.

Что верхняя часть Алая имѣетъ другой характеръ, на это указываютъ уже то обстоятельство, что туземцы имѣютъ для него особое названіе, Башъ-Алай (Башъ — значитъ голова). Если справедливо, что въ Башъ-Алаѣ почва постепенно поднимается къ гребнямъ (а въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, соображая сообщенныя мнѣ описанія спусковъ и подъемовъ на дорогѣ, проходящей чрезъ Башъ-Алай въ Кашгаръ), то ширина его должна быть тамъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ томъ мѣстѣ, которое я видѣлъ; вверху она вѣроятно составляетъ до 40 верстъ, внизу же у кургана токсабы не болѣе 10 верстъ. Разстояніе же между гребнями остается приблизительно вездѣ одинаковымъ. Слѣдовательно, въ нижней части Алая между ровнымъ пространствомъ и гребнями является весьма обширная полоса, занятая горными грядками и возвышенностями весьма высокими. Эту полосу я уже не буду называть Алаемъ.

Послѣ вышеприведенныхъ объясненій возможно, слѣдовательно, такое опредѣленіе Алая: постепенно поднимающееся и расширяющееся къ востоку, высоко поднятое (отъ 8 до 12000') пространство, въ нижней своей части отдѣленное отъ гребней предгорьями, въ верхней безъ особыхъ перерывовъ доходящее до гребней. Какъ оно ограничено на востокѣ, не знаю, западный же конецъ его я видѣлъ: онъ дѣлается постепенно ниже, стѣсняемый вновь возникающими, параллельно главной, грядками и наконецъ переходитъ въ тѣснину, гдѣ остается только мѣсто для русла рѣки.

Теперь нѣсколько подробностей объ ограничивающихъ его съ сѣвера и юга горахъ. Сѣверную гряду я пересѣкъ въ двухъ мѣстахъ; въ одномъ на высотѣ 11800' (переваль Пешайрамъ), въ другомъ—13300' (переваль Кавукъ); далѣе на востокъ находится въ этой грядѣ еще нѣсколько переваловъ: Тузь-ану, Кендыкъ, Сарикъ моголь, Джиплыкъ, Таллыкъ, Шартъ.

Высоты ихъ неизвѣстны, но нужно полагать, что они доходятъ до 13—14000'. Перевалы лежатъ немного ниже преобладающей высоты гребня, они не глубоко вѣзаны между горъ, но отдѣльные пики на гребнѣ или близъ него достигаютъ значительной высоты; я видѣлъ нѣсколько, которые высоко поднимались надъ снѣговой линіей, а иные достигали тысячъ 18—19 футовъ. Предгорья, лежація между Алаемъ и сѣверной грядой, имѣютъ паденіе, и довольно крутое, на югъ, т.-е. подняты къ сторонѣ гряды. Предгорья эти имѣютъ поперечія долины, или разрѣзаны очень узкими щелями, по которымъ стекаютъ въ Алай ручьи, впрочемъ не очень многоводные; иные изъ нихъ даже высыхаютъ на лѣто.

При подошвѣ послѣднихъ предгорныхъ грядъ протекаетъ, съ посѣщенной мною части Алая, рѣка Кизиль-су; отъ рѣки къ югу почва опять постепенно повышается; подъемъ этотъ весьма легокъ. Предгорья, разстилающіяся между южной снѣговой грядой и равниной, кажутся не очень обширными, но весьма затруднительно сказать что-нибудь опредѣлительное, такъ какъ разстоянія сильно скрадываются отъ присутствія исполинскаго снѣговаго хребта. Онъ лѣзетъ впередъ. Одно только вѣрно: ущелья въ южныхъ горахъ не глубоки. Только одно, Алтынинъ-дара, разрѣзываетъ и снѣговой хребетъ, т.-е. его переднюю часть. Верстахъ въ 15—20 отъ кургана ущелье, повидимому, дѣлилось на два, которыя расходились къ западу и востоку. Въ мѣстѣ раздѣленія возвышался высокій снѣговой пикъ. Какъ далеко идутъ верхнія ущелья, которое изъ нихъ длиннѣе, навѣрное не знаю; повидимому длиннѣе восточное.

О томъ, что Алтынинъ-дара длинна, можно судить потому, что нужно два дня пѣшему, чтобы дойти по ней до лежащей далѣе за переваломъ долины Мукъ-су. Конному нужно еще больше—три дня. Какъ это ни странно, но возможно и показываетъ только, что дорога въ ущельи весьма затруднительна: гдѣ пѣшій пройдетъ, тамъ конный долженъ дѣлать объѣзды или пробираться съ большою осторожностью. Алтынинъ-дара интересна тѣмъ, что въ ней добывается соль, отчего и вытекающая рѣчка носитъ названіе Тузь-су (тузь—покиргизски соль). Этою солью снабжаются жители Алая и даже части долины Ферганы. Я видѣлъ эту соль въ Ошѣ. Она имѣетъ мало сходства съ камешною солью: рыхла и грязно-сѣраго цвѣта. Но равномерность сѣрой окраски отличаетъ ее отъ озерной самосадочной соли. Для очищенія туземцы растворяютъ ее въ водѣ и отстоявшійся растворъ прибавляютъ въ кушанье. Въ Кичи-Алаѣ къ плову намъ подали соль не въ порошокъ, а въ видѣ жидкости. Кромѣ Алтынинъ-дара нѣтъ, какъ уже сказано, въ южномъ хребтѣ глубокихъ ущелій, выходящихъ въ Алай; всѣ остальные кончаются ниже снѣговаго видимаго, значить можетъ быть и не главнаго, гребня. Тѣ, которыя лежатъ къ западу отъ Алтынинъ-дара, гораздо длиннѣе и многочисленнѣе; входящіяся же къ востоку весьма коротки.

Что касается до главнаго гребня, то съ наружнымъ его видомъ лучше всякихъ возможныхъ для меня описаній познакомитъ прилагаемый рисунокъ. Онъ исполненъ профессоромъ Саврасовымъ по акварельному эскизу моей жены, сдѣланному на мѣстѣ. Отъ Алтынинъ-дара хребетъ этотъ тянется къ востоку въ видѣ весьма массивнаго поднятія и, не представляя замѣтнаго пониженія, кончается на горизонтѣ, причемъ послѣднія видимыя горы тоже покрыты снѣгомъ. Но далѣе онъ долженъ быть ниже и безснѣженъ.

Описаніе перехода черезъ перевалъ Кизиль-артъ, данное мнѣ многими туземцами, заставляетъ именно предположить, что на востокъ этотъ хребетъ имѣетъ по крайней мѣрѣ сѣдловину, лежація ниже снѣговой линіи; переваливая черезъ Кизиль-артъ именно переходить черезъ этотъ хребетъ. Кстати о названіи этого хребта; на мѣстѣ за неизмѣнимъ туземнаго названія я обозначилъ

его именемъ Заалайскаго хребта. Юль въ своей монографіи Оксуса предлагаетъ называть его Кизиль-артомъ. Но мнѣ кажется это весьма неудобнымъ. Кизиль-артомъ называется только переваль и притомъ самое слово артъ значитъ переваль (кизиль — значитъ красный). Кромѣ Кизиль-арта много переваловъ въ Тяньшанѣ обозначаются словомъ артъ съ прибавленіемъ разныхъ нарицательныхъ, напр. Агартъ, Гезартъ, Кукартъ ¹⁾ и потому едва ли удобно переносить это названіе на цѣлую горную массу. Поэтому я впередъ до выясненія строенія, распространенія и отношеній видѣнной мною горной массы предлагаю остаться при названіи Заалайскій. Теперь нѣсколько словъ о высотахъ въ Заалайскомъ хребтѣ. За отсутствіемъ угломернаго снаряда я руководился въ опредѣленіи высоты его снѣговой линіей. Съ перевала Карукъ мнѣ не трудно было видѣть, что снѣговая линія лежитъ выше перевала, а Карукъ самъ имѣетъ высоту 13300'. Поэтому едва ли я ошибусь, если приму, что снѣговая линія въ Заалайскомъ хребтѣ лежитъ на высотѣ около 14000'. Гребень находится, какъ видно и на рисункѣ, на весьма значительномъ разстояніи отъ снѣговой линіи. Масса покрытаго снѣгомъ пространства превосходитъ все, что я видѣлъ въ горахъ Тяньшана лѣтомъ. Такая обширная снѣговая поверхность является тамъ зимой (напримѣръ горы къ востоку отъ Ташкента) обыкновенно же и на гребняхъ, достигающихъ снѣговой линіи, снѣгомъ покрытая поверхность узка и главное прервана темными пятнами, т. е. скалистыми, обнаженными отъ снѣга мѣстами. Здѣсь этихъ перерывовъ не было. Снѣговая пелена была сплошная. Я сначала предполагалъ, не игралъ-ли тутъ роль свѣжій только-что выпавшій снѣгъ; испытанная мною 17 іюля гроза заставляла предполагать, что въ горахъ былъ, пожалуй, снѣгъ. Но до 24 іюля прошла цѣлая недѣля и свѣже выпавшій снѣгъ ниже снѣговой линіи успѣлъ-бы давно стаять. Между тѣмъ въ 5 дней, въ теченіи которыхъ я имѣлъ Заалайскій хребетъ передъ глазами, я не замѣтилъ никакихъ перемѣнъ, ничего, что бы указывало на таяніе свѣже выпавшаго снѣга. Поэтому я вижу въ снѣговомъ покровѣ такъ называемый вѣчный снѣгъ и въ его сплошномъ распространеніи нахожу весьма характерную особенность Заалайскаго хребта сравнительно съ другими видѣнными мною частями Тяньшана, особенность, зависящую отъ постепеннаго поднятія горной массы, отсутствія тѣхъ крутизнь и стремнинъ, которыя мы видимъ въ другихъ частяхъ Тяньшана.

Ширину снѣговой полоски (по вертикали) я считаю не менѣе какъ въ 4000'; гребень слѣдовательно будетъ имѣть абсолютную высоту около 18000'; конечно есть въ немъ и поппженія. Но вообще линія гребня довольно прямая. Надъ гребнемъ возвышается нѣсколько вершинъ болѣе высокихъ: высота ихъ я полагаю доходить до 20—21000'. Но двѣ вершины выдаются надъ всѣми прочими своей высотой: на одну изъ нихъ, названную мною пикомъ Кауфмана, я указалъ выше, другая находится нѣсколько восточнѣе. Высоту ихъ, особенно пика Кауфмана, я считаю близкою къ 25000', хотя долженъ оговориться, что за неизмѣненіемъ точныхъ данныхъ эта цифра должна считаться только приблизительной и при точномъ опредѣленіи ошибка, и даже не на одну тысячу футовъ, не должна быть поставлена мнѣ въ упрекъ. Про высоту, до которой доходитъ древесная растительность въ Заалайскомъ хребтѣ,

¹⁾ Кромѣ арты употребительны еще для переваловъ слова даванъ, бель и куталь. Любопытно бы выяснить, въ какихъ случаяхъ употребляется то или другое названіе. Даванами называются повидному высокіе, каменные перевалы въ главныхъ хребтахъ; белями — низкіе, мягкіе, легкіе. Высота не играетъ при этомъ роли; самый высокій изъ пройденныхъ мною переваловъ былъ Кордунъ-бель (высота 13.400'); белью же намъ называли туземцы въ Заравшанской долинѣ переваль Сангы-джуманъ (7110'), а въ Коканскомъ ханствѣ есть еще Торпавель (7400'). Арты повидному всѣ высокіе. Названіе куталь употребляется для весьма низкаго перевала изъ Джама въ Шахривисъ (3150'). Я нахожу, что оно въ употребленіи еще въ Бадахшанѣ.

я не могу ничего сказать: я не видалъ въ этихъ горахъ лѣве Алтыншъ-дара ни одного дерева, хотя разстояніе позволяло ихъ замѣтить. Вообще Алай поражаетъ своею безлѣсною. Еще на пути съ Исфайрама въ курганъ были встрѣчены деревья на горныхъ склонахъ (можжевелинникъ), но на пути къ Кавуку я видѣлъ только нѣсколько деревьевъ арчі и то весьма топкихъ. А почва между тѣмъ была мягкая, глинистая. Безлѣсность Алая и окружающихъ горъ была съ горечью описываема мнѣ киргизами; оказывается, что они для топлива должны собирать кизикъ, т. е. засохній пометъ животныхъ. Въ горахъ и тоягъ кизикомъ! что можетъ лучше характеризовать степень бѣдности Алая лѣсомъ?

Теперь перехожу къ водамъ, стекающимъ къ окрестныхъ горъ, и составляющимъ рѣку Кизиль-су, ниже называемую Сурхабомъ, что впрочемъ одно и то же—красная вода. Первое названіе тюркское, второе таджикское. Разница зависитъ отъ того, что въ верховьяхъ рѣки живутъ исключительно киргизы, а ниже таджики.

По всемъ разсказамъ Кизиль-су не имѣетъ главнаго наиболѣе богатаго водою источника.

Самая отдаленная изъ образующихъ ея рѣчекъ стекаетъ съ перевала Кизиль арта; самая многоводная съ южнаго Заалайскаго хребта; послѣднихъ и числомъ больше, чѣмъ текущихъ съ сѣверной гряды. Какъ главныя, были мнѣ названы: справа—Кашка-су, Кизиль-унгуръ, Кизиль-ниша, Даргутъ, Кукъ-су; слѣва—Ургакъ-су, Куманъ-су, Ачикъ-су, Такалакъ, Тузь-су; затѣмъ ниже Алтыншъ-дара, Тараша-су, Бекъ-су, Лай-су, и Шуа-су. Я видѣлъ Кизиль-су только близъ кургана, т. е. выше впаденія многоводной Кукъ-су и всѣхъ притоковъ, впадающихъ ниже Тузь-су. Въ этомъ мѣстѣ рѣка представлялась весьма многоводною, хотя и меньшею, чѣмъ Заравшанъ у Пянджикента. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ она имѣла десять саженъ ширины и была глубока, но какъ—этого сказать мнѣ никто не могъ; тотъ фактъ, что бродъ ни въ какую воду невозможенъ, кромѣ какъ чрезъ описанные выше рукава, указываетъ на значительную глубину. Теченіе быстрое, но такъ сказать плавное; она не несетъ съ такой стремительностью, какъ Заравшанъ въ большей части своего теченія. Конечно, такой характеръ теченія ея имѣетъ въ Алаѣ, гдѣ долина очень постепенно спускается къ востоку.

Ниже, гдѣ начинаются тѣсины, теченіе ея вѣроятно не уступитъ по бурности теченію Заравшана. Красный цвѣтъ воды, какъ сказано, зависитъ отъ примѣси красной глины; получаетъ ее рѣка отъ размыва красныхъ глинъ, которыя въ обилии встрѣчаются по краямъ всего Алая.

Кизиль-су интересна въ томъ отношеніи, что она составляетъ верховье Сурхаба и слѣдовательно одна изъ вѣтвей (Quellagen), изъ которыхъ составляется Аму-дарья. Главною вѣтвью считается Пянджъ, вытекающій изъ озера Серикюля (или Викторіи), открытаго англичаниномъ Вудомъ въ 1833 г. Сурхабъ признается второю, но наши свѣдѣнія объ истокахъ Аму-дарьи еще такъ слабы, что ничего положительнаго въ отношеніи сравнительнаго богатства водою разныхъ вѣтвей сказать нельзя.

Замѣчу еще только, что длиною Сурхабъ, по вычисленію Юля, немного уступаетъ Пянджу, всего на 5 миль (6¹/₂ в.).

Названіе Сурхабъ рѣка эта получаетъ по соединеніи съ Мукъ-су. Поэтому весьма интересно было для меня, которая изъ двухъ рѣкъ, Кизиль-су или Мукъ-су, больше, чтобы рѣшить, которую изъ нихъ нужно считать за начало Сурхаба, которую за притокъ. Отвѣты были неопредѣленны: теперь (въ концѣ іюля) Мукъ-су больше, отвѣчало большинство. Это указываетъ только, что Мукъ-су питается снѣгами изъ болѣе высокихъ горъ, чѣмъ Кизиль-су. Такъ какъ

южные притоки въ Тяньшанѣ многоводнѣе сѣверныхъ, что мы видимъ и въ Алаѣ, то и слѣдуетъ поэтому предполагать, что на южной окраинѣ долины Мука лежатъ еще болѣе высокія горы, чѣмъ Заалайскій хребетъ.

Впрочемъ, и ниже устья Мукъ-су Сурхабъ продолжаетъ обогащаться притоками. Мы назвали семь рѣкъ, изъ которыхъ образуется Сурхабъ. Нужно замѣтить, что у туземцевъ нѣтъ обыкновеннаго названія и представленія о какой-нибудь рѣкѣ переносить вдоль теченія до самаго отдаленнаго или наиболѣе обильнаго водою источника. Такъ, они говорятъ, Заравшанъ образуется изъ трехъ рѣкъ: Мачи, Фапа и Магіана; Аму-дарья изъ пяти (при исчисленіи которыхъ путаются); Сурхабъ изъ девяти: Кизиль-су, Мукъ-су, Кукъ-су, Занку-су (иначе Лай-су, мутная вода, очевидно въ противоположность свѣтлой Кукъ-су), Ярхпчъ, Горифъ, Савгиканъ (впадаетъ въ предыдущую), Ходжап-харфъ и Хулясъ. Всѣ эти рѣки впадаютъ въ Сурхабъ въ предѣлахъ Каратегина; ниже должна еще впасть рѣчка Ховалинъ, протекающая по Кулябскимъ владѣніямъ. Ниже эта рѣка, кромѣ Сурхаба, носитъ еще названіе Вахшъ-дарья или Уашъ-дарья, названіе, которое мы приходило слышать и отъ туземцевъ и встрѣчать въ книгахъ. Такъ какъ другой большой рѣки въ этой мѣстности нѣтъ, то я считаю Вахшъ-дарью за Сурхабъ. Названіе Вахшъ очевидно происходитъ отъ Вахиі, небольшой провинціи и возможно, что названіе Вахшъ-дарьи Сурхабъ носитъ отъ впаденія Хулясъ дарьи, протекающей черезъ Вахию ¹⁾.

Изъ всѣхъ девяти перечисленныхъ рѣкъ, изъ которыхъ, по понятіямъ туземцевъ, образуется Сурхабъ, только относительно двухъ можетъ быть вопросъ, которая изъ нихъ, по нашимъ понятіямъ, должна быть признана за верховье Сурхаба—Кизиль-су или Мукъ-су. Но, какъ я уже говорилъ, мои свѣдѣнія недостаточны для этого. Алайскіе киргизы рѣдко и бывають на Мукъ-су; тамъ кочуютъ исключительно каратегинскіе киргизы, принадлежащіе къ роду Чуокъ. Про Мукъ-су мы разгазывали, что она золотобсна, но какъ велико богатство ея золотомъ, сказать навѣрное нельзя. По аналогіи съ другими рѣками, вытекающими изъ Тяньшаня, золотоносность должна быть небольшая; извѣстно, что почти всѣ средне-азиатскія горныя рѣки и рѣчки имѣють золото, но въ весьма небольшомъ количествѣ; такъ что добыча едва даетъ средства на дневное пропитаніе занимающимся этимъ промысломъ бѣднымъ туземцамъ.

Обращаюсь къ жителямъ Алая: они исключительно киргизы и притомъ кочевники. Я видѣлъ всего два-три небольшихъ кургана, т.-е. обнесенныхъ глиняной стѣной пространства съ кое-какими постройками. Они служатъ укрытіемъ для киргизовъ, остающихся на зиму въ Алаѣ. Но такихъ сравнительно немного; большинство приходитъ въ Алай только на лѣто изъ долины Ферганы, на зиму же возвращается обратно и пасетъ свои стада на степныхъ воздѣланныхъ пространствахъ, во множествѣ пахотныхъ близъ самыхъ многолюдныхъ осѣдлыхъ поселеній. Эта-то необходимость для кочевниковъ приходитъ на зиму внизъ и составляетъ главную силу сартовъ, осѣдой партіи; благодаря этому-то обстоятельству они и держатъ ихъ въ рукахъ. Сарты предоставляютъ киргизамъ кочевать въ горахъ безъ всякаго надзора и полиціи, они знаютъ, что если киргизы и задумаютъ бунтовать, то зимой все-таки будутъ у нихъ въ рукахъ и притомъ со всѣми своими стадами. Приходятъ киргизы въ Алай въ маѣ, а оставляють его въ теченіи августа, причемъ кочующіе въ верхней части Алая уходятъ раньше. Уже

¹⁾ Окрovenно сказать, я не вноилъ увѣренъ, Хулясъ-ли протекаетъ по долині Вахиі.

въ началѣ августа я видѣлъ аулы, которые шли изъ Башъ-Алая. Утренники бывають иногда въ Башъ Алаѣ уже очень чувствительные. Другіе киргизы не переходятъ чрезъ водораздѣль, а спускаются съ высокихъ лѣтовокъ къ рѣкѣ; видѣнная мною часть Алая вся служитъ какъ зимнее пастбище — кстау. Остаются на зиму киргизскіе роды таитъ и киргизъ-кипчаки; прежде въ Алаѣ кочевали еще кадырча, которые теперь откочевали въ Шугванскія горы.

Измаилъ токсаба и есть начальникъ постоянно кочующихъ въ Алаѣ киргизовъ; онъ тамъ недавно, всего съ 1870 года. Прежде для сбора зякета временно пріѣзжали сборщики изъ Оша. Но съ тѣхъ поръ какъ въ Каратегинѣ, вмѣсто вассала, коканцы имѣють врага, они усилили свою власть въ Алаѣ и, одновременно съ назначеніемъ новаго начальника, расширили курганъ свой. Нынѣшній курганъ представляетъ четырехугольникъ, обнесенный глиняными стѣнами до 2 сажень высоты съ одними воротами на сѣверной сторонѣ. Внутри кургана возвышается старый, цѣликомъ вошедшій внутрь новаго, весьма маленький и скорѣе похожій на небольшой домъ. Въ качествѣ дома онъ и служитъ для Измаила токсабы, съ которымъ говорятъ живутъ и жены его. Изнутри къ наружной стѣнѣ кургана примыкають навѣсы, которые служатъ съ одной стороны укрытіемъ для людей, а съ другой на нихъ должны становиться защитники въ случаѣ нападенія; обширный пустой дворъ предназначенъ для привязыванія лошадей. Вотъ и все нехитрое устройство крѣпости. Она слаба, ничтожна, и это еще болѣе увеличивается тѣмъ, что она находится въ непосредственной близости высокихъ горъ; оттуда можно хоть камни въ нее бросать.

При Измаилѣ токсабѣ полагается 50—60 человекъ джигитовъ, т.-е. конныхъ съ ружьями или саблями; у всѣхъ навѣрное нѣтъ ружей. При насъ джигитовъ было гораздо меньше; я не насчиталъ и двухъ десятковъ. Если все спокойно, говорили мнѣ, то токсаба отпускаетъ ихъ по домамъ.

Въ Алаѣ, какъ говорили мнѣ, приходятъ на лѣто и киргизы изъ Кашгара, т.-е. подчиненные Якубъ-беку; это выставлялось также причиной почему намъ нельзя ѣхать въ верхнюю часть Алая. Но и вообще въ верхней части Алая власть коканцевъ должно быть не сильна. Тамъ главнымъ авторитетомъ считается киргизка Мармаджанъ датха. Она вдова; мужъ ея былъ извѣстный Алимъ-датха, игравшій большую роль въ послѣднихъ междоусобіяхъ въ Коканскомъ ханствѣ, прославившійся между прочимъ звѣрскимъ убійствомъ въ Ошѣ.

Потомъ онъ и самъ погибъ; власть его перешла въ руки къ его женѣ, которая самостоятельно править родомъ, пользуется огромнымъ авторитетомъ: нанеи джигиты не говорили о ней иначе, какъ съ великимъ уваженіемъ. Самъ ханъ очень почитаетъ ее и въ случаѣ пріѣзда въ Кокапъ принимаетъ ее какъ важнаго бека.

Зиму ея киргизы проводятъ въ Гулышѣ и сосѣднихъ зимовьяхъ. Занятіе киргизовъ въ Алаѣ, какъ и вездѣ, скотоводство. За нимъ идутъ нѣкоторыя ремесла, исполняемыя женщинами и не идущія далѣе потребностей семьи. Земледѣліе очень не развито, да и то сосредоточено въ самой низкой части Алая, начиная отъ кургана.

Поля не велики; сѣютъ пшеницу ляльми, т.-е. яровую, по поливаемую изъ арыковъ, ячмень и просо. Есть еще нѣсколько полей съ дженушкой (люцерной), но разведеніе ея—недавній опытъ, который однако удался; снимають люцерну два раза въ лѣто; въ нижнихъ оазисахъ снимають до 5 разъ, но для Алая и два раза замѣчательны: не пужно забывать высоту (8000'); это показывается, какъ высока въ Алаѣ температура лѣтомъ. Во время нашего пребыванія въ Алаѣ днемъ было жарко: 21-го іюля въ 11 ч. утра 22°C., 22-го въ

12 ч. дня 25°C. Ночи были прохладныя. 20-го іюля въ 12 ч. ночи было 9,5°C. На теплый климатъ Алая указываетъ и то обстоятельство, что снѣгъ сходитъ быстро; въ маѣ его уже пѣтъ, а снѣга по рассказамъ бывають глубокіе, и если зима бываетъ безъ вѣтровъ, которые бы сдували снѣгъ, то скотъ очень сильно страдаетъ, не будучи въ состояніи отрыть траву изъ подъ глубокаго снѣга.

Я видѣлъ много полей незасѣянными; мнѣ объяснили, что это послѣдствіе ухудшенія отношеній съ Каратегинномъ. Сѣмена для посѣва привозились изъ Каратегина, изъ Ферганы ихъ вести неудобно. Съ прекращеніемъ сношеній съ Каратегинномъ киргизы остались безъ сѣмянъ. Вообще обладаніе Алаемъ ставитъ Коканъ въ тѣсное соприкосновеніе съ Каратегинномъ, и мнѣ теперь понятно почему коканскіе политики приписываютъ такую важность Каратегинскому вопросу, т.-е. тому, чтобы правитель Каратегина былъ вассалъ Кокана. Помимо вопроса о сѣмянахъ, враждебность Каратегина усложняетъ вопросъ о повиновеніи алайскихъ киргизъ. Имѣя подъ рукою страну, которая ихъ всегда приметъ, они стали держать себя независимѣе относительно коканцевъ. Отказаться же отъ обладанія Алаемъ коканцамъ невозможно: куда пойдутъ со своими стадами киргизы, признающіе власть Кокана и проводящіе зиму близъ городовъ Маргяна и др.

Я вовсе не видѣлъ алайскихъ киргизовъ въ ихъ лѣтовкахъ, если не считать тѣ два небольшихъ аула, которые встрѣтили меня въ ущельѣ Дараутъ. Причипа та, какъ мнѣ объяснилъ Нуръ-Магометь бій, что киргизы не подкочевываютъ близко къ кургапу, ибо начальники любятъ унотреблять ихъ на работы и вообще за всякими нуждами обратятся къ ближайшимъ ауламъ. По рассказамъ, лѣтовки въ Алаѣ очень богаты кормовыми травами, особенно въ южныхъ горахъ, которыя преимущественно любятъ киргизы, потому что трава не высыхаетъ до осени. Собрать эти травы мнѣ не удалось по вышеобъясненнымъ причинамъ, по мнѣ сообщили ихъ туземныя названія; лошади ѣдятъ битега, годо, донгузсырты, тогуздеге, мехсиръ, каракиякъ, айгырджигаръ; верблюды: балтырганъ, акъ-кулакъ, кумыздыкъ, кубыргенъ, актекенъ, битега; рогатый скотъ: шивиръ и битега; бараны ѣдятъ все то, что и верблюды.

Многія изъ этихъ растений собраны навѣрное въ другихъ мѣстахъ и вообще, какъ я уже говорилъ, флора Алая, да также и фауна, не представляетъ поразительныхъ особенностей сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли на сѣверномъ склонѣ посѣщенныхъ нами горъ и въ Заравшанской долинѣ. Какъ уже сказано, водораздѣлъ не составляетъ рѣзкой границы. Но Алай замѣчательнѣе еще находженіемъ формъ растений и животныхъ чисто степныхъ, которыя на сѣверномъ склонѣ встрѣчаются далеко ниже. Въ растеніяхъ это выражается особенно рѣзко; поверхность низкой ровной части Алая покрыта растительностью совершенно степнаго характера: въ ней преобладають по числу экземпляровъ формы или идентичныя или близкія къ степнымъ. Это было замѣчено и для другихъ частей Тяньшана, именно долины и плоскогорья въ Нарынскомъ краѣ имѣють по преимуществу степную растительность, такъ что дѣлають впечатлѣніе точно это не болѣе какъ части степи поднятыя на большую высоту.

Степной характеръ имѣеть своихъ представителей и въ животныхъ; я видѣлъ пару куропадокъ, которыхъ по черному цвѣту брюха призналъ за *Pterocles aenearia*, т.-е. форму чисто-степную; затѣмъ, изъ птицъ въ Алаѣ было убито *Erithrospiza githaginea* Licht.; форма распространенная также въ жгучихъ степяхъ Сиріи. Сѣверцовымъ она была добыта на плоскогорьяхъ Нарынскаго края. Правда, онъ описываетъ ее за новый видъ—*E. incarnata*; его отличія сводятся къ болѣе свѣтлому цвѣту клюва и нѣкоторому от-

тѣлку въ цвѣтѣ пера, и Кабаписъ, видѣнный мой экземпляръ, опредѣленный Сѣверцовымъ какъ *incarnata*, не находятъ въ немъ никакихъ отличій отъ сирійской формы. Остается одно отличие: обитаніе въ степяхъ Сиріи и на высокихъ плоскогорьяхъ Азіи, по это не можетъ послужить къ отдѣленію тяньшанской формы въ особый видъ. Опредѣленія животныхъ, собранныхъ въ Алаѣ, далеко еще не кончены и потому я не могу увеличить списка примѣровъ; но могу сказать, что въ Алаѣ были найдены представители такихъ группъ животныхъ, которыя въ горахъ были встрѣчены только на небольшой высотѣ, напр. *Mutilla*. *Mutilla* и многія другія степныя формы могли проникнуть въ Алай по долинь рѣки черезъ Каратегинь: по въ Алаѣ и на сѣверномъ склонѣ были встрѣчены животныя, которыя западнѣе не наблюдались. Я разумѣю упомянутого выше *Stellio himalayanus*; относительно его я считаю вправѣ предполагать, что это животное перешло черезъ водораздѣлъ.

Водораздѣлъ между Аму и Сыромъ не составляетъ и политической границы. Алай, какъ сказано, принадлежитъ всецѣло Коканскому ханству и обойтись безъ него Кокану невозможно. Вопросъ объ естественныхъ границахъ въ Средней Азіи, какъ извѣстно, теперь самый современный и я считаю здѣсь уместнымъ сказать, что при разрѣшеніи его нужно отрѣшиться отъ предвзятыхъ теоретическихъ представленийъ объ естественныхъ границахъ. Дѣйствительно, что въ Европѣ составило бы хорошую естественную границу, то въ Средней Азіи, напротивъ, представляется совершенно негоднымъ для этой цѣли. Разсмотримъ это нѣсколько подробнѣе. Естественными границами могутъ быть моря, большія рѣки, горы и степи. Моря мы должны исключить: Аральское море по размѣрамъ и положенію внутри материка — озеро. Что касается горъ, то онѣ не могутъ служить границей, вслѣдствіе многочисленнаго кочеваго населенія, которое на лѣто идетъ въ горы. Этого измѣнить нельзя, потому что на этомъ зиждется, не говорю благосостояніе — но самое существованіе киргизовъ. Нарушается же при этомъ образованная горами естественная преграда потому, что кочевники въ большинствѣ случаевъ идутъ въ горы въ поперечномъ направленіи, а не вдоль хребта. Причины тому чисто-физическія: распредѣленіе зимнихъ кочевковъ, невозможность пройти многимъ стадамъ по одной дорогѣ, особенно по продольнымъ долинамъ, которыя всѣ очень узки; недостатекъ корму для скота, да и добраться до высокихъ горъ по продольнымъ долинамъ гораздо труднѣе, требуетъ больше времени. Однимъ словомъ, фактъ тотъ, что большинство передвиженій въ Тяньшанѣ совершается поперекъ горъ. Къ тому же строеніе горъ очень удобно для перехода: перевалы, абсолютно весьма высокіе, все-таки довольно низки сравнительно съ высотой вершинъ; въ южно-коканскомъ водораздѣльномъ хребтѣ мы находимъ при пикахъ въ 18—19,000' перевалы высотой только въ 11,800'. Давно уже замѣчено, какое огромное значеніе имѣетъ отношеніе переваловъ къ вершинамъ на международныя сношенія. Для примѣра достаточно указать, что Пиренеи, менѣе мощныя, менѣе высокія, чѣмъ Альпы, составляютъ однако рѣзкую государственную и этнографическую границу, а Альпы, самыя высокія горы Европы, не въ состояніи быть такой границей. Въ Тяньшанѣ переходъ черезъ горы по абсолютно высокимъ переваламъ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что подъемъ весьма постепененъ; приходится долго идти по долинамъ рѣкъ и потому у самаго перевала дѣлается весьма небольшой подъемъ, въ Исфайрамѣ, напр., всего 700 фут. Наконецъ самыя перевалы не особенно трудны и въ большинствѣ случаевъ мягки; трудныя же мѣста находятся въ ниже лежащихъ тѣснинахъ.

Что касается рѣкъ, то онѣ не составляютъ важныхъ границъ въ своихъ верхнихъ частяхъ,

потому что возникаютъ изъ весьма многихъ вѣтвей въ горныхъ странахъ, нераздѣленныхъ рѣчными горами. Извѣстно, что большинство водораздѣловъ въ Высокой Азійи суть не болѣе какъ небольшія возвышенности, ничтожность которыхъ особенно бросается въ глаза по сравненію съ рядомъ тянущимися исполинскими цѣпами. И эти цѣпы не дѣлятъ страны: онѣ прорѣзаны ущельями, чрезъ которыя рѣки прорываются. Выйдя на открытое пространство, на степь, рѣка опять не составляетъ естественной границы: члены одного рода, подчиняющіеся одному и тому же началу, кочуютъ, напримѣръ, на противоположныхъ берегахъ Амударьи. Дѣло въ томъ, что хотя рѣка составляетъ преграду, но все-таки жителямъ праваго берега перейти ее гораздо легче, чѣмъ жителямъ лѣваго достигнуть до рѣки чрезъ безплодную степь. Затѣмъ рѣка особенно неудобна какъ естественная граница для государства еще по одному обстоятельству.

Какъ я уже говорилъ, въ Средней Азійи города не находятся на берегахъ большихъ рѣкъ: всѣ они стоятъ или на небольшихъ горныхъ рѣчкахъ или на арыкахъ, отведенныхъ отъ большихъ рѣкъ. Исключеніе составляетъ Ходжентъ, но только кажущееся. Сыръ-дарья на берегу которой онъ стоитъ, остается для города бесполезною, скорѣе составляетъ для него невыгоды, заставляя жителей терять время на переправу. Можетъ же Ходжентъ существовать только благодаря тому счастливому обстоятельству, что вблизи вытекаетъ изъ горъ рѣчка Ходжа-бакарганъ, воды которой и орошаютъ поля и сады Ходжента. Такъ какъ въ среднемъ своемъ теченіи Аму и Сыръ не имѣютъ притоковъ, то возстановленіе и существованіе осѣдлыхъ поселеній возможно только при условіи устройства большихъ длинныхъ каналовъ, что если возможно, то въ далекомъ будущемъ, да и то не вездѣ. Проходить же удобная государственная граница вдоль незаселенной рѣки не можетъ, какъ не можетъ проходить и чрезъ степь съ кочевымъ населеніемъ. Въ подтвержденіе этого мнѣ достаточно сослаться на болѣе чѣмъ столѣтній опытъ, когда Россія настойчиво старалась, чтобы ея государственная граница проходила по киргизскимъ степямъ. Какъ ни старались, а пришлось дойти до осѣдлаго населенія. Фактъ негодности степей, какъ границы Россіи, на лицо; мы можемъ только спорить о причинахъ этого явленія. Для меня, впрочемъ, причина ясна: она заключается въ условіяхъ существованія, образѣ жизни, взглядахъ и потребностяхъ кочеваго населенія. Будь киргизскія степи населены осѣдлымъ аріискимъ населеніемъ, съ извѣстной цивилизаціей, въ киргизскихъ степяхъ сложилась бы у Россіи граница, какъ она сложилась въ Европѣ между разными народами, гдѣ также часто нѣтъ хорошихъ физическихъ границъ. Но этого населенія нѣтъ и по физическимъ условіямъ киргизскихъ степей не могло быть, и въ результатъ вышло, что Россіи пришлось безъ особой денежной выгоды для себя спуститься сильно къ югу. Фактъ многими признаваемый за весьма прискорбный, но, по моему разумѣнію, неизбежный. Прискорбиѣ всего то, что и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ пунктахъ границы условія не улучшились. Часто и особенно сильно еще недавно (въ англійскихъ газетахъ) указывалось, что движеніе и завоеванія Россіи въ Средней Азійи дѣло личныхъ побужденій русскихъ генераловъ. Я полагаю однако, что русскіе генералы тутъ не причемъ (въ этомъ смыслѣ). Дѣйствительно, мы знаемъ изъ завоеваній Кавказа, напр., довольно фактовъ, гдѣ личные желанія начальствовавшихъ были поводомъ къ экспедиціямъ и сраженіямъ, слышимъ и о нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ въ Туркестанѣ; но не пужно этому придавать иного значенія, кромѣ того, что личные расчеты имѣли послѣдствіемъ частныя событія, ускоряли можетъ быть ходъ событій и вообще служили только поводомъ къ исполненію того, что

можетъ быть отдалилось бы на вѣкоторое время и все-таки совершилось бы не вслѣдствіи предписаній свыше или заранѣе предназначеннаго, а потому, что положеніе дѣль и разныя физическія условія приводили именно къ этому результату, а не къ другому. Изъ предыдущаго однако вовсе не слѣдуетъ, что Россія не пойдетъ въ Средней Азіи своей границы; вѣтъ, граница будетъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но я предыдущими замѣтками хотѣлъ только предупредить требованія и желанія установить такую границу теоретически, исходя изъ понятій объ естественныхъ границахъ, и указать, что намъ нужно искать удобной границы, которую вовсе нельзя опредѣлить, сидя въ кабинетѣ, особенно при настоящемъ болѣе чѣмъ недостаточномъ состояніи свѣдѣній о странахъ, еще незанятыхъ русскими.

Эту удобную границу можно найти только практическимъ путемъ посредствомъ изученія на мѣстѣ, потому что, какъ я видѣлъ во многихъ случаяхъ, практически удобнымъ и притомъ обоюдно для обоихъ сосѣдей границы въ Средней Азіи часто выражаются въ самыхъ ничтожныхъ преградахъ и относятся къ теоретически естественнымъ границамъ, какъ, напримѣръ, ничтожный бугоръ, составляющій водораздѣлъ двухъ обособленныхъ бассейновъ, относится къ вдущей рядомъ исполнинской цѣпи, которая однако не въ состояніи раздѣлить двѣ рѣчущки.

Но послѣ этого отступленія возвращаюсь къ Алаю, именно спѣшу дополнить мое сообщеніе, что изъ долины Ферганы прикочевываютъ въ Алай только тѣ киргизы, которые имѣютъ одnogорбыхъ верблюдовъ—наровъ. Только эти верблюды въ состояніи подниматься съ тяжестями по крутымъ горнымъ тропинкамъ и переходить черезъ перевалы въ бассейнъ Аму-дарьи; тѣ же киргизы, у которыхъ нѣтъ наровъ, должны довольствоваться болѣе бѣдными лѣтовками на сѣверномъ скловѣ горъ. Верблюдъ вообще животное плохое для горныхъ дорогъ, особенно каменистыхъ; онъ очень скоро сбиваетъ и ранитъ свои мягкія подошвы и потому для каравановъ его не употребляютъ (развѣ дороги мягки и удобны, какъ въ Нарынскомъ краѣ). Киргизу же дѣлать перекочевку безъ верблюдовъ невозможно: сколько потребуется лошадей для перевозки домашняго скарба, да и прокармливать лошадей гораздо труднѣе. Стоитъ сравнить приведенный выше списокъ растеній, поѣдаемыхъ верблюдами и лошадьми, чтобы видѣть, насколько разнообразнѣ пища верблюдовъ. Къ тому же верблюдъ ѣстъ почти всѣ стѣнные растенія, которыя для лошади недоступны; горькая полынь и растенія съ огромными твердыми колючками (вапр. джантакъ, *Alhagi camelorum*) ему нипочемъ. Вообще киргизъ, у котораго есть лошади, рогатый скотъ, но нѣтъ верблюдовъ, и не помышляетъ о перекочевкѣ, а мирится съ долей бѣдняка, пгенчи (земледѣльца).

Изъ всѣхъ моихъ путешествій Алай былъ наиболѣе близкимъ пунктомъ къ тѣмъ мѣстностямъ, изслѣдованіе которыхъ ведется съ юга, со стороны Британской Индіи до озера Серикюля, самого сѣвернаго пункта, до котораго доходили англійскіе изслѣдователи (именно капитанъ Вудъ въ 1833) по прямой линіи отъ Алая всего 240 верстъ. Разстояніе сравнительно ничтожное, которое и въ Европѣ можно проѣхать въ пять часовъ, разстояніе, не превосходящее того, на какомъ лежитъ отъ Ташкента Самаркандъ. Но, несмотря на эту близость, Вудовское озеро и для многихъ послѣдующихъ посѣтителей Алая, боюсь, будетъ менѣе доступно, чѣмъ тоже озеро кружнымъ путемъ черезъ Суэцъ и Индію. Между тѣмъ прямая дорога удобно проходима, что доказывается примѣромъ муллы, посланнаго англичанамъ въ 1863 году въ Кокандъ; онъ прошелъ отъ Лангаръ Вохана до Алая въ 14 дней, а такъ какъ озеро Серикюль лежитъ ближе, то особенно лѣтомъ, до него можно добраться всего въ 12 дней. Эти 12 дней, эти 240 в. и составляютъ перерывъ въ горахъ нагорной Азіи между

изслѣдованіями съ юга, англичанъ, и съ сѣвера русскихъ. Это та, въ дѣйствительности еще нейтральная полоса (какъ я назову ее въ противоположность фиктивной, недавно установленной дипломатическимъ путемъ), на которую не ступала еще нога ни русскихъ, ни англичанъ, хотя стремленія къ тому, въ виду высокаго научнаго интереса этой мѣстности, высказываются съ обѣихъ сторонъ, особенно со стороны англичанъ, посланецъ которыхъ Хэйвардъ запла- тилъ даже жизнью за свои настойчивыя попытки проникнуть въ таинственный Памиръ.

Мое искреннее желаніе, стремленія быть на Памирѣ, мечты о чемъ я лелѣялъ со вре- мени отъѣзда въ 1868 году въ Туркестанъ, не привели къ желанному результату. Мнѣ удалось только дойти до сѣверной окраины и, главное, выяснить орографію частей, прилегающихъ къ Памиру съ сѣвера. Мой путь, какъ я замѣтилъ выше, остановился у под- ножія величественной крыши міра—Бамъ-и-дуеа, какъ называютъ туземцы эту возвышенную страну; видѣнный мною Заалайскій хребетъ составляетъ какъ бы край этой крыши міра. По временамъ меня разбираетъ досада, что нашъ путь кончился у кургана токсабы, что мы не могли перешагнуть черезъ этотъ край—Заалайскій хребетъ, по припоминая всѣ обстоятель- ства путешествія, я вижу, что другого исхода и быть не могло. Я говорилъ уже, что путе- шествіе было предпринято при отсутствіи всякихъ предварительныхъ свѣдѣній, въ полномъ невѣдѣніи, гдѣ и при какихъ условіяхъ мы будемъ путешествовать. При такихъ скитаніяхъ мы попадаемъ весьма неожиданно для насъ самыхъ въ бассейны Аму-дарьи, и оказывается, что мы въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ одной изъ самыхъ неизвѣстныхъ и загадочныхъ частей земнаго шара. Мое первое желаніе—идти дальше, но киргизскій полковникъ гово- ритъ: «Нѣтъ, дальше нельзя, нужно назадъ». Я былъ тогда очень золъ на этого полков- ника, но хладнокровно обсуждая положеніе дѣлъ, долженъ согласиться, что онъ былъ правъ. Какъ могли мы идти на нѣсколько дней въ пустынную мѣстность, не имѣя запасовъ ни фуража, ни провіанта (того, что было съ нами, намъ не хватило и на обратный путь изъ Алая: мы два дня голодали; см. ниже) и не имѣя возможности пріобрѣсти ихъ. Еслибы теперь, при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя собрали мною во время совершеннаго путешествія, можно было отправиться на Памиръ, то я отправился бы и перешелъ бы его весь, ни спра- шивая ни у кого дороги; осложненія и затрудненія могли бы только зависѣть отъ полити- ческихъ причинъ. Долго Памиръ и вообще страна въ верховьяхъ Оксуса оставаться неиз- слѣдованными не могутъ: либо русскіе, либо англичане, по раскроютъ ея тайны; теперь положеніе дѣлъ не таково, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда послѣ путешествія Вуда въ 1833 г. прошло почти сорокъ лѣтъ, пока другіе европейцы посѣтили верховья Оксуса.

Я впрочемъ больше вѣрю (по крайней мѣрѣ желалъ бы), что русскіе сдѣлаютъ это и еще разъ впишутъ свое имя въ географическую лѣтопись, которая, по общему признанію, обязана имъ уже такъ многимъ. Я вѣрю въ это потому, что доступъ на Памиръ съ сѣвера гораздо удобнѣе. Сколько мнѣ приходилось читать,—со стороны Индии очень трудно прони- кать въ горы, и прежде чѣмъ добраться до бассейна Аму-дарьи, имъ нужно пройти ши- рокій горный поясъ, запятый весьма дикими и враждебными племенами. Со стороны Россіи условія гораздо благопріятнѣе, и еслибы дѣло шло только о томъ, чтобы пройти (не говорю изслѣдовать) Памиръ и былъ бы охотникъ, то онъ смѣло могъ бы держать пари, что въ мѣсяцъ онъ успѣетъ изъ Ташкента посѣтить, пройдя Памиръ, озеро Сериккуль и вернуться назадъ.

Главнымъ результатомъ моей поѣздки въ Алай было выясненіе орографіи страны, ле-

жащей къ югу отъ долины Ферганы. Прежнія свѣдѣнія были весьма смутны и картографы приходили въ отчаяніе, когда имъ нужно было изображать эту часть Азіи и, рисуя Богъ знаетъ что, оговаривались, что «намъ поверхность луны лучше извѣстна, чѣмъ эта мѣстность». Что же оказалось: рядъ грядъ, послѣдовательно все болѣе и болѣе высокихъ въ направленіи къ югу, грядъ, идущихъ въ направленіи съ востока на западъ и раздѣленныхъ болѣе или менѣе длинными и обширными долинами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось отношеніе Коггистана, т.е. горъ Заравшанскаго бассейна къ Тяньшану и Гималаямъ. Имѣя пробѣлъ во всю длину Коканскаго ханства, можно было почти съ одинаковой вѣроятностью продолжать горы Коггистана и къ Тяньшану и къ Гималаямъ. Не говорю о простыхъ смертныхъ—многіе изъ нихъ съ увѣренностью рассказывали мнѣ, что къ югу отъ Ходжента и Уратюбе они видѣли Гималайскія горы, и въ литературѣ существуетъ мнѣніе, что горы Заравшанскаго бассейна и окрестностей Самарканда должны быть отнесены къ Гималаямъ ¹⁾. Нужно сказать, что до послѣднихъ завоеваній и путешествій русскихъ, преобладалъ взглядъ Гумбольдта, установившаго въ своей знаменитой «Asie centrale» пять горныхъ системъ въ Средней Азіи: Алтайскую, Тяньшанскую, Болорскую, Куэньлюнскую и Гималайскую; изъ нихъ Болорская—меридіональная, связывающая Тяньшанскую съ Гималайской. Позже, съ изученіемъ новыхъ и притомъ добытыхъ наблюденіями фактовъ (Гумбольдтовское построеніе основывалось частью на данныхъ, полученныхъ распросами, и на маршрутахъ необразованныхъ людей), около половины шестидесятыхъ годовъ, русскій путешественникъ Н. А. Сѣверцовъ и англичанинъ майоръ Монгомери, шефъ индѣйскаго бюро для Transhimalayan explorations, вычеркнули Болорскую систему Гумбольдта, какъ самостоятельную отъ Гималаевъ и Тяньшана, и такимъ образомъ сократили число горныхъ системъ до трехъ: Алтайской, Тяньшанской и Гималайской (Куэньлюнская пала еще раньше: она оказалась сѣверной окраиной Гималайской). Горную страну въ верховьяхъ Оксуса, гдѣ помѣщался Гумбольдтовскій Болоръ, гг. Сѣверцовъ и Монгомери представили какъ образованную продолженіями сосѣднихъ Тяньшана и Гималаевъ, пересѣченіемъ ихъ отроговъ (Сѣверцовъ). Позже Сѣверцовъ отроги гималайской системы распространилъ до Самарканда, и всю горную массу отъ задней Индіи и южнаго Китая до Самарканда и Нураты называетъ Тибето-памирскимъ нагорьемъ въ противоположность Тяньшанскому нагорью, которое онъ отрѣзываетъ отъ остальныхъ горъ близъ Терекъ-давана.

При такомъ дѣленіи получились самыя неестественныя соединенія и напротивъ раздѣлились самыя близкія в сродныя части. Далѣе, въ особомъ приложеніи я разовью подробнѣе мои взгляды по вопросу о классификаціи горныхъ массъ средней Азіи, здѣсь же сообщу главныя результаты, къ которымъ привело меня изслѣдованіе на мѣстѣ.

Относительно связи съ Тяньшаномъ оказалось, что горныя гряды, которыя мы видимъ въ Коггистанѣ, идутъ на востокъ (копечпо не непрерывно, такъ сказать—выклиниваясь, чередуясь) вплоть до Тяньшанской системы Сѣверцова и, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, продолжаютъ и тамъ, сохраняя вообще тоже направленіе. Не будь горъ, гдѣ лежитъ Памиръ, никто бы никакого не возмѣлъ сомнѣнія признать Коггистанъ и горы Самарканда за югозападный конецъ Тяньшана. Но по моему убѣжденію этому сомнѣнію и теперь нѣтъ мѣста и вотъ почему: въ бассейнѣ Аму-дарьи на сѣверѣ извѣстна изъ моего путешествія Заалай-

¹⁾ См. карту Сѣверцова въ Изв. Геогр. Общ. Т. VIII. 1872 г.

ская цѣпь, на югѣ изъ путешествій англійскихъ изслѣдователей оказывается, что горы идутъ тоже въ видѣ грядъ съ востока на западъ. Въ остающемся простраствѣ изъ маршрутовъ туземцевъ тоже оказывается неизбѣжнымъ предположить существованіе грядъ. Такимъ образомъ оказывается, что вся страна между Гиндукушемъ и Гималаями на югѣ и Сыр-Дарьей на сѣверѣ наполнена рядомъ параллельныхъ, тянущихся съ востока на западъ ¹⁾ грядъ. Такъ какъ крайнія сѣверныя гряды тѣсно примыкають къ Тяньшану, нераздѣлимы отъ него, такъ какъ далѣе къ югу лежація гряды не представляютъ какихъ-либо рѣзкихъ отличій отъ сѣверныхъ, то я не вижу возможности горную страну въ верховьяхъ Аму относить къ другой системѣ, чѣмъ горную страну, гдѣ лежатъ истоки Сыра. При этомъ выходитъ только вотъ что: южная часть этой горной страны верховьевъ Аму такъ тѣсно примыкаетъ во всѣхъ отношеніяхъ къ Гималаямъ и Гиндукушу, что отдѣлима отъ нихъ только искусственно. Въ виду этого намъ остается только одно: всѣ названныя горныя массы признать за части одной первоклассной горной системы, на которую я предлагаю распространить названіе Нагорная Азія, «Hochasien», данное спачала для одного Гималайскаго нагорья. Въмѣсто пяти системъ Гумбольдта будетъ слѣдовательно только двѣ: Алтай и Нагорная Азія; это дѣленіе будетъ весьма естественно: время образованія, расположеніе горныхъ массъ, физическій характеръ этихъ двухъ системъ весьма различны, тогда какъ, напротивъ, всѣ указанныя моменты у Тяньшана и Гималаевъ весьма сходны; по объ этомъ подробнѣе въ приложеніи, равно какъ и о томъ, какія частныя дѣленія слѣдуетъ принять въ системѣ Нагорной Азіи.

Тѣсная связь всѣхъ горныхъ массъ отъ равнинъ Индіи до прибалхашскихъ степей выражается между прочимъ и въ распространеніи животныхъ и растений. На существованіе однихъ и тѣхъ же формъ растений въ Тяньшанѣ и въ Гималаяхъ было указано еще П. П. Семеновымъ, позже и болѣе подробно барономъ Остенъ-Сакеномъ, которому удалось найти нѣсколько замѣчательныхъ формъ растений, бывшихъ извѣстными только изъ Гималаевъ. Мои путешествія еще болѣе увеличили число ихъ. Для животныхъ свѣдѣнія были отрывочнѣе, бѣднѣе, да и то ограничивались лишь птицами и звѣрями. Мои собранія дали Гималайскихъ представителей почти изъ всѣхъ классовъ и отрядовъ. Во время странствованій по горамъ и ущельямъ близъ Алая сходство съ Гималайской фауной выстуало всего рѣзче и потому я считаю здѣсь умѣстнымъ остановиться на этомъ нѣсколько подробнѣе.

Въ звѣряхъ и птицахъ общаго мы находимъ много; значительное число формъ, встречающихся въ Тяньшанѣ, распространяется вплоть до Индіи, по есть и такія, главное распространеніе которыхъ повидному въ Гималаяхъ. Весьма характерно для всей системы Нагорной Азіи обиліе дикихъ горныхъ барановъ, по они еще недостаточно извѣстны, именно не сравнены Тяньшанскіе и Гималайскіе экземпляры, такъ что нельзя судить, доходитъ ли здѣсь сходство до того, что Тяньшанъ и Гималаи имѣють одни и тѣже виды (тоже относительно козловъ и медвѣдей). Относительно птицъ мы имѣемъ больше данныхъ. Въ непосредственной близости Алая, въ горахъ образующихъ водораздѣль между Сыромъ и Аму, изъ 39 добытыхъ видовъ птицъ 26, т. е. ровно двѣ трети оказалось такихъ, о которыхъ мнѣ извѣстно, что онѣ живутъ и въ горахъ Гималаевъ (о нахожденіи другихъ у меня нѣтъ подъ рукой свѣдѣній); въ числѣ этихъ видовъ нѣкоторые принадлежатъ къ числу рѣдкихъ, т. е. извѣстныхъ почти изъ одной Нагорной Азіи, напримѣръ *Rüticilla semirufa* Ehrh., R.

¹⁾ Въ рукописи сказано: съ сѣвера на югъ; но это очевидно описка. Ред.

erythrogastra Bon., *Fringalanda nemoricola*, *Ibidorhynchus Struthersii*, *Parus maculophus (rufonuchalis Blyth)*, *Emberiza caniceps* Bon., *Saxicola indica* Bl., *opisthoptera* Bl., *Myiophonus Temminckii* Schl., *Perdix chukar* Gr., *Megaloperdix Nigellii* ¹⁾. Но не только близъ Алая фауна птицъ представляетъ много формъ распространенныхъ въ Гималаяхъ,—вообще Тяньшань и Гималаи имѣютъ много общихъ формъ. Къ сожалѣнiю фактовъ въ этомъ направленiи извѣстно еще мало, но вотъ не безынтересныя данныя: изъ 58 видовъ птицъ, привезенныхъ мною изъ Туркестана и показанныхъ Кабансу въ Берлинѣ, оказалось 28, т. е. половина такихъ, которыя известны изъ Гималаевъ и вообще горъ сѣверной Индiи, а пужно замѣтить, что изъ привезенной мною коллекцiи (всего болѣе 200 видовъ) я взялъ за границу формы наиболѣе своеобразныя, почитавшiяся по большей части исключительно свойственными Туркестану; между остальными число общихъ видовъ будетъ еще больше, такъ какъ тамъ большинство видовъ имѣетъ обширное распространенiе. Съ другой стороны въ списокъ птицъ, привезенныхъ Гендерсономъ, сопровождавшимъ Форсита въ его путешествiи въ Яркендъ, (всего 157 видовъ) я нахожу не менѣе половины видовъ, уже найденныхъ въ Туркестанѣ, а въ списокъ Гендерсона вошли и птицы, собранныя во время пути по равнинамъ Пенджаба, въ Кашмирѣ, слѣдовательно чисто тропическiя. Едвали я ошибусь, сказавши, что не половина и не двѣ трети, а значительно большее число видовъ птицъ, обитающихъ въ Тяньшанѣ, окажутся распространенными до Гималаевъ включительно. Разница выражается въ томъ, что нѣкоторыя своеобразныя Гималайскiя формы птицъ окажутся не распространяющимися до Тяньшана. Напримѣръ, отъ своеобразныхъ *Garrulax*, видами которыхъ такъ богаты Гималаи, неизвѣстно ни одного представителя изъ Тяньшана и нельзя его надѣяться найти, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Алая. Я остановился нѣсколько подробнѣе на птицахъ въ виду того, что для этихъ животныхъ есть сколько-нибудь полный матерiалъ относительно Гималаевъ; другiе классы и особенно безпозвоночныя еще слишкомъ мало извѣстны изъ Гималаевъ, чтобы можно было дѣлать подробныя сравненiя; но и немногое, что извѣстно, только подтверждаетъ выводы, сдѣланные на основанiи птицъ. Объ ящерицѣ, найденной мною въ Алаѣ и на сѣверномъ склонѣ водораздѣла, я говорилъ уже, что она оказалась тождественною съ Гималайскимъ *Stellio himalayanus* Steind. О принадлежности большей части рыбъ Тяньшана къ родамъ, распространеннымъ въ рѣкахъ Гималаевъ, я тоже говорилъ. Теперь перехожу къ безпозвоночнымъ. Я оставляю въ сторонѣ тѣ формы, которыя кромѣ Тяньшана и Гималаевъ известны еще изъ другихъ странъ, и укажу лишь такiя, которыя до сихъ поръ были известны только изъ Гималаевъ. Во всѣхъ отрядахъ насѣкомыхъ, собранныхъ мною, которые до сего времени подробно уже разобраны обрабатывающими мои коллекцiи, оказались такiя формы. Между чешуекрылыми нашлась *Colias eugene* Feld., описанная изъ Гималаевъ, изъ прямокрылыхъ *Hierodula tenuidentata*, только что описанная изъ Индiи Соссюромъ, изъ сѣтчатокрылыхъ *Idricerus* n. sp., единственный представитель котораго тоже недавно описанъ Макъ-Лахланомъ изъ сѣверной Индiи.

Классъ слизняковъ, обработка котораго уже закончена профессоромъ Мартенсомъ, пред-

¹⁾ Къ этимъ формамъ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующiя формы изъ Тяньшана, до сихъ поръ почитавшiяся Гималайскими *Ruticilla coerulescephala* Vig., *Calliope pectoralis* Gould., *Saxicola capistrata*, *Certhia himalayana* Vig. Прежде найденные въ Тяньшанѣ *Carpodacus rubicilla* и *rhodochlamys* Brdt., *Coccothraustes spiculigerus* Brdt. (*Mycerobas canripes* Gould.) были найдены потомъ въ Гималаяхъ.

ставилъ два вида (*Buliminus eremita* и *segregatus*), которые до сихъ поръ извѣстны были только какъ обитатели Гималаевъ; всего же оказалось 11 видовъ слизняковъ, распространение которыхъ отъ Туркестана до Гималаевъ могло быть констатировано по имѣющимся даннымъ. Для всего числа (50 видовъ) извѣстныхъ изъ Туркестана это составляетъ порядочный процентъ, если припомнить, что всего изъ Гималаевъ (окрестности Симлы, Тибетъ, Кашмиръ, Авганистанъ) извѣстно только 62 вида слизняковъ, тогда какъ ихъ тамъ, судя по тому, что мнѣ въ столь неблагоприятномъ по климату Туркестанѣ удалось пайти всего въ три года 50 видовъ, — должно быть нѣсколько сотъ. Въ слизнякахъ мы встрѣчаемъ еще другой намекъ на близкое отношеніе къ Гималаямъ: въ Туркестанѣ найдены 2 представителя рода *Macrochlamys* (*sogdianus* и *turanicus*), рода распространеннаго по преимуществу въ Гималаяхъ и еще встрѣчающагося только на островѣ Явѣ.

Дальнѣйшая обработка моихъ коллекцій дастъ, я увѣренъ, еще факты въ томъ же смыслѣ, а болѣе тщательное изученіе фауны Гималаевъ ¹⁾ укажетъ, какъ велико число формъ, распространяющихся до Гималаевъ съ сѣвера. Судя по всему, Гималаи составляютъ крайній предѣлъ, до котораго распространяются на югѣ Азии формы такъ-называемой палеарктической области. Извѣстно, что послѣ безплодныхъ попытокъ раздѣлить землю на безчисленное количество такъ-называемыхъ царствъ и провинцій, зоологи, въ согласіи со все болѣе и болѣе утверждающимся въ наукѣ унитарнымъ взглядомъ, пришли къ мысли, что единственно возможно дѣленіе на однѣ обширныя области, напримѣръ, всей земной поверхности только на пять, на шесть областей. Вся Европа съ сѣверной окраиной Африки, Сибирь, Сѣверная Америка составятъ одну область палеарктическую. Привезенныя мною коллекціи несомнѣнно доказываютъ, что и Туркестанъ входитъ въ составъ этой области; обращая же вниманіе на указанное средство въ фаунѣ Тяньшана съ Гималайской, приходится палеарктическую область распространить до окраины Индіи, причемъ Гималаи составятъ для нея весьма естественную окраину на югѣ. Но помимо такого общезоогеографическаго интереса, тѣсная связь фауны Тяньшана съ Гималайской представляетъ величайшій интересъ для мѣстныхъ изслѣдователей въ этихъ странахъ: задача ихъ много расширяется и вниманію ихъ предстоитъ выясненіе любопытнѣйшихъ послѣдствій и отношеній, которыя возникаютъ вслѣдствіе того, что имѣется огромная площадь съ разнообразнѣйшимъ рельефомъ и самыми различными физическими условіями, площадь, соприкасающаяся съ тропическими равнинами, безводными степями а на сѣверѣ почти съ тундрами. Послѣ этого длиннаго отступленія возвращаюсь къ разсказу о путешествіи.

Джигиты уже на второй день отчаянно приставали ко мнѣ, говоря, что пора ѣхать обратно: «видѣли Алай, чего же больше», — говорили они. Возбудивъ сильное неудовольствіе, я остался на третій день. Въ этотъ день меня рѣшили пугать: получено-де извѣстіе, что каратегинцы узнали о томъ, что мы пріѣхали въ Алай, что имъ изъ Карамука, до котораго всего 16 верстъ, ничего не стоитъ пріѣхать въ Алай и т. д., и т. д. — разные ужасы. Все сводилось къ тому, что намъ никакъ нельзя долѣе оставаться въ нашемъ лагерѣ близъ Ки-

¹⁾ Какъ ни странно, но безспоренъ тотъ фактъ, что Гималаи еще не были подвергнуты изученію въ отношеніи фауны, особенно беззвероночныхъ, специалистами-зоологами. Имѣющіяся собранія сдѣланы или путешественниками проходившими на-скоро, чаще съ политическими цѣлями, или любителями (напр. Hodgson). Вѣроятно это зависитъ отъ того, что близость тропической Индіи съ ея богатой и оригинальной фауной привлекала вниманіе немногихъ изслѣдователей Индіи.

зиль су и что нужно ѣхать. Я рѣшительно сказалъ, что мы выѣдемъ на завтра (я хотѣлъ чтобы Ольга Александровна успѣла какъ слѣдуетъ сдѣлать рисунокъ Заалайскихъ горъ, который она дѣлала красками, что занимало очень много времени). Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ является послаппый отъ токсабы съ просьбою перепочевать сегодняшнюю ночь въ курганѣ, такъ какъ имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія, что каратегинцы и т. д., опасаясь что и т. д., имѣя въ виду приказъ Султанъ-Мурадъ-бека, чтобы мы возвратились изъ Алая цѣлы и невредимы и т. д., однимъ словомъ, оффиціально изложили мнѣ то, что еще съ утра пѣли джигиты. Я отлично понималъ, что вся цѣль сдвинуть насъ съ мѣста и смѣнить нашу временную осѣдность страптивіемъ въ направленіи къ очаровательнымъ для джигитовъ городамъ Ферганы. Рисунокъ былъ конченъ, сдѣлать больше, сколько ни сидѣть на берегу Кизиль-су, ничего не удалось бы, и я самъ имѣлъ въ виду на завтра ѣхать. Переѣздъ же на ночь въ курганъ только помогалъ выѣхать на завтра пораньше: укладка, которая при подъемѣ съ остановокъ всегда брала много времени, была бы сдѣлана съ вечера. Я, въ топь комедіи, отвѣчалъ, что очень благодаренъ токсабѣ за заботливость о нашей безопасности, за сдѣланное предупрежденіе, и сказалъ, что къ вечеру приѣду къ нему въ курганъ, гдѣ надѣюсь пайдти защиту отъ враговъ хана и русскихъ. Вечеромъ мы со всѣмъ имуществомъ перекочевали на 250 сажень къ сѣверу и прибыли въ курганъ. Кокапскіе джигиты остались, впрочемъ, на старомъ мѣстѣ, т. е. тамъ, гдѣ должно было послѣдовать нападеніе каратегинцевъ. Въ курганѣ насъ очень любезно принялъ токсаба, повторяя, что заботливость, каратегинцы, караки (разбойники) и т. д. Я разсыпался въ увѣреніяхъ, какъ я это чувствую и т. д. Меня забавляла эта комедія. Будучи въ душѣ золъ до крайности на то, что приходится отъ подножія Памира поворачивать назадъ, я давалъ выходъ своей злобѣ, приставая въ свою очередь къ токсабѣ, какъ онъ думаетъ справиться съ каратегинцами, въ которомъ часу онъ думаетъ будетъ нападеніе, достаточно ли у него людей и т. д. Кончилось, кажется, тѣмъ, что самъ токсаба расхохотался; вообще онъ былъ человѣкъ веселый, для мусульманина даже пеприлично веселый. что объясняется тѣмъ, что онъ киргизъ, а ихъ вообще мало коснулось еще вліяніе мусульманскаго этикета. Наши отношенія, несмотря на мои пристававія относительно поѣздки дальше, несмотря на неудачный подарокъ (часы), были самыя любезныя. Онъ озаботился даже о подаркѣ мнѣ довольно цѣннымъ: добылъ изъ киргизскихъ лѣтвовокъ молодаго годовалаго бычка — яка. Якъ, животное столь обыкновенное въ Тибетѣ, содержится и жителями страны въ верховьяхъ Оксуса и близъ Алая, какъ я говорилъ, достигаетъ сѣверозападной границы. Подаренный мнѣ экземпляръ былъ приведенъ изъ лѣтовки Бохвачъ, лежащей къ сѣверу отъ водо-раздѣла. Фактъ привода подтвердилъ высказанное мною выше убѣжденіе въ существованіи сообщенія, и притомъ легкаго, между Алаемъ и Караказукомъ.

Я рѣшилъ подареннаго мнѣ яка не рѣзать, а вести съ собою въ Ташкентъ. Джигитамъ это крѣпко не понравилось: они рассчитывали покушать чрезвычайно вкуснаго мяса, а тутъ предвидится возня и новая забота. Несмотря на всѣ трудности, якъ былъ благополучно приведенъ въ Ташкентъ и остался живъ и бодръ при моемъ отъѣздѣ. Чтô стало съ нимъ потомъ, не знаю.

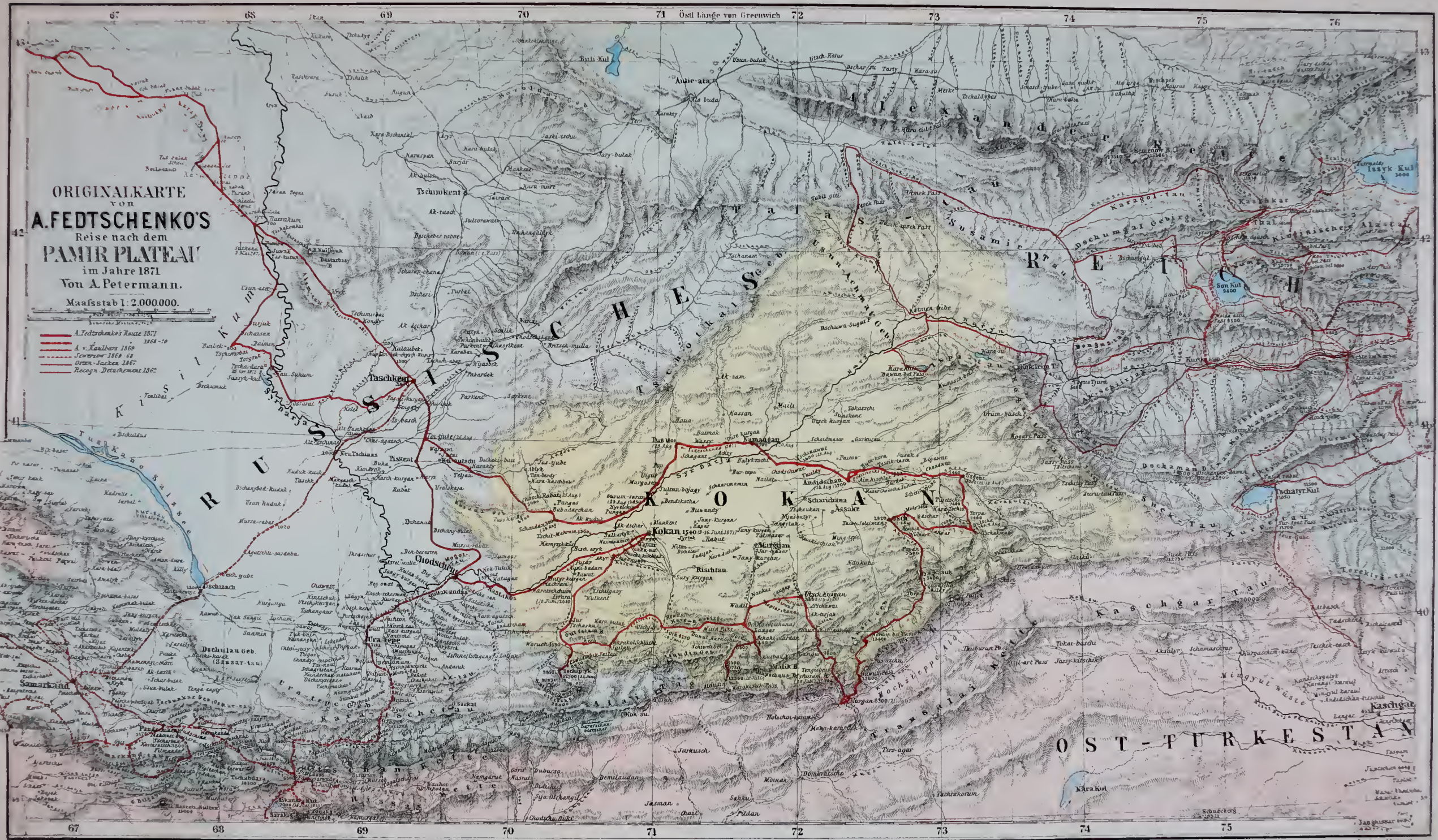
У токсабы въ курганѣ я видѣлъ много соколовъ, предназначенныхъ для охоты. Онъ сознавался, что скука жить въ четырехъ стѣнахъ навела его на мысль заняться выкормкой и обученіемъ птицъ для охоты; одни, добытые еще маленькими, сидѣли въ гнѣздахъ, и тамъ получали кормъ; другіе, побольше, привязанные на цѣпочку, приучались сидѣть на деревянной

болвашкѣ. Птицы были двухъ видовъ: лачинъ — какой-то видъ *Falco*, и турумтай — *Falco senchris*.

Для ночлега мы пристроились подъ навѣсомъ и, конечно, провели ночь безъ всякаго нападенія каратегинцевъ. Ночью я испыталъ, какъ охраняется коканскій пограничный курганъ. Я всталъ и ходилъ по кургану, никѣмъ незамѣчаемый изъ людей; какая-то собаченка проснулась однако и подняла отчаянный лай; долго лаяла она, какъ обыкновенно лаетъ собака, замѣтивъ посторонняго, гдѣ ему быть не слѣдуетъ и однако ни одна душа не проснулась.

Впрочемъ, кромѣ меня, проснулся еще кто-то и тоже никѣмъ не былъ замѣченъ: на завтра оказалось, что мои запасы ячменя, которые я тщательно берегу въ виду неизвѣстности предстоящей дороги, значительно уменьшились. Мы рассчитывали въ курганѣ подкрѣпить наши запасы: на это въ Учъ-курганѣ указывалось, какъ на несомнѣнное и потому взято было фуража очень немного. На дѣлѣ же оказалось, что въ курганѣ наши запасы даже уменьшились.

ORIGINALKARTE
VON
A. FEDTSCHENKO'S
Reise nach dem
PAMIR PLATEAU
im Jahre 1871
Von A. Petermann.

Maafstab 1:2.000.000.

- A. Fedtschenko's Reise 1871
- A. v. Kaibitz 1869
- J. von Sauer 1868-69
- Owen-Sacken 1867
- Recon. Detachment 1867

О П Е Ч А Т К И.

Въ списокъ рисунковъ пропущено:

Megaloperdix Nigelii . . . . . стр. 79.

Страница	5 строка	заглавная	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
»	13	» 21	снабженія	снаряженія
»	15	» 6	Кушакевичъ	Кушакевичъ
»	16	» 8	Кара-чухумъ	Карачшхумъ
»	35	» 14	»	»
»	105	» 20	другой	другой
»	109	» 10	переходящая	проходящая
»	122	» 2	Trigonocerphalus	Trigonocerphalus
»	145	» 6	хребты	хребты
»	—	» 9	поперечія	поперечныя
»	147	» 9	съ	въ
»	—	» 18	къ окрестныхъ	къ окрестныхъ
»	150	» 18	востоку	западу
»	—	» 4	меня	мы
»	153	» 11	было убито	была убита
»	—	» 11	удобнымъ	удобныя
»	—	» 8	Индія до	Индія: до
»	—	» 2	и въ Европѣ	въ Европѣ
»	154	» 7	Серикуль	Серикуль
»	156	» 1	пройти	пройти
»	160.	На картѣ, приложенной къ этой страницѣ, высота перевала Кавукъ (Kawuk Pass) ошибочно показана въ 13800'; слѣдуетъ 13300'.	Ruticilla	Ruticilla
»	60.	На маршрутѣ, приложенномъ къ этой страницѣ, высоты выставлены предварительныя, впоследствии, при болѣе точномъ вычисленіи, оказавшіяся почти на 200' выше дѣйствительныхъ; отсюда и развогласіе этой карты съ общей картою в съ текстомъ, въ которыхъ цифры вѣрны.		